

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 19. № 6

2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Язык и текст в историческом аспекте: современные подходы к исследованию»

“Contemporary Studies of Language and Text from a Historical Perspective”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 19. No. 6

2020

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020

Том 19. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020

Volume 19. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020. Vol. 19. No. 6

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

**Mainstream issue: “Contemporary Studies of Language
and Text from a Historical Perspective”**

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikhaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Macerata, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader: *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva*

Making up and technical editing: *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Dec. 22, 2020.

Date of publication Mar. 5, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 20.4. Published pages 21.9.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–44).

Order 20. «C» 40.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020. Т. 19. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

**Главная тема номера: «Язык и текст в историческом аспекте:
современные подходы к исследованию»**

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Мачерата, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов:
О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева
Верстка и техническое редактирование
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 22.12.2020 г.
Дата выхода в свет 05.03.2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,4.
Уч.-изд. л. 21,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–44).
Заказ 20. «С» 40.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Вернер И.В.* Вариативные средства грамматического параллелизма в церковнославянских переводах Псалтыри XI–XVI веков 5
- Ферро М.К.* Церковнославянские слова *имарменя, фатунь, фортуна* в произведениях Максима Грека ... 17
- Новак М.О.* Коммуникативные стратегии в Толстовском Сборнике XIII века 31
- Баранов В.А., Зуга О.В.* Опыт квантитативного исследования Пантелеймонова Евангелия конца XII – начала XIII в. (три статистических эксперимента) 43

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Леонтьева Т.В.* Архаичные именованья друзей: об адъективных атрибутивах *кровные, прямые, мирные* 58
- Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г.* Лингвистические коды волгоградских топонимов как отражение региональной топонимической политики 69
- Кириллова С.Е.* Специфика употребления катойконимов в текстах волгоградских районных газет 1985 года 81

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Томеллер В.С.* Из истории осетиноведения: переписка Георгия (Гаппо) Васильевича Баева и Георгия Ахвледиани 92
- Мартыненко И.А.* Испаноязычная топонимия Ямайки: диахронический аспект 123
- Почтарь Е.И.* Параметры оценки языковой корректности и коммуникативной успешности современного публичного дискурса 134

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Донскова Ю.В.* Речевые особенности процессуальных документов (на примере постановления) 148
- Щеглова Е.А.* Функции иронической тональности в русском травелогге 157
- Юдина Н.В., Селиверстова О.А.* Лингвистический образ России в средствах массовой информации США (на материале заголовочных комплексов) 169
- Яковлева В.В.* Взаимодействие вербального и невербального в образовательном комиксе 180

ДИСКУССИИ

- Фефилов А.И.* «Философия имени» С. Булгакова (когнитологическая интерпретация) 190
- Шкапенко Т.М., Ваулина С.С.* Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации 204

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Verner I.V.* Varying Means of Grammatical Parallelism in the Church Slavonic Translations of Psalms of the 11th–16th Centuries 5
- Ferro M.Ch.* Church Slavonic Words *имарменя, фатунь, фортуна* in Maximus the Greek's Works 17
- Novak M.O.* Communicative Strategies in the 13th-Century Tolstovskiy Sbornik 31
- Baranov V.A., Zuga O.V.* Quantitative Investigation of the Panteleymon Gospel Dating from the Late 12th to the Early 13th Centuries (Three Statistical Experiments) 43

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Leontyeva T.V.* On Adjectival Attributives *Blood, Direct, Peaceful* as Components of Archaic Nominations of Friends 58
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G.* Linguistic Codes of Volgograd Godonyms as a Reflection of Regional Toponymic Policy 69
- Kirillova S.E.* Katoikonyms in the Texts of Volgograd Regional Newspapers Issued in 1985: Peculiarities of Use 81

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Tomelleri V.S.* From the History of Ossetian Studies: The Correspondence Between Georgij (Gappo) V. Baev and Giorgi Akhvlediani 92
- Martynenko I.A.* Hispanic Place Names of Jamaica: Diachronic Aspect 123
- Pochtar E.I.* Evaluating Parameters of the Present-Day Public Discourse Linguistic Correctness and Communicative Efficiency 134

MATERIALS AND REPORTS

- Donskova Yu.V.* Speech Patterns in Litigation Documents (Exemplified by Decrees) 148
- Shcheglova E.A.* Functions of Ironical Mode in the Russian Travelogue 157
- Yudina N.V., Seliverstova O.A.* Linguistic Image of Russia in American Printed Media (Case-Study of Headline Complexes) 169
- Iakovleva V.V.* Interaction of Verbal and Non-Verbal Elements in Educational Comics 180

DISCUSSIONS

- Fefilov A.I.* "Philosophy of the Name" by S. Bulgakov (Cognitive Interpretation) 190
- Shkapenko T.M., Vaulina S.S.* Problems on Terminology and Theoretical Description of Language Derivation Levels 204

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.1>

UDC 81.161.1'04:81'36
LBC 81.416.1-03

Submitted: 17.08.2020
Accepted: 02.11.2020

VARYING MEANS OF GRAMMATICAL PARALLELISM IN THE CHURCH SLAVONIC TRANSLATIONS OF PSALMS OF THE 11th–16th CENTURIES

Inna V. Verner

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. As a metrically organized poetic text, the Psalter is built on the principle of substantive and formal parallelism of verses and stanzas in the Hebrew text as well as in Greek and Church Slavonic translations. In the article, based on the material of Slavic translations of different times (from the Sinai Psalter of the 11th century to the Psalter of 1552 by Maximus the Greek), cases of assimilation / dissimilation of grammatical forms in parallel text structures are considered. The variability which arises in the process of dissimilation has neither genetic (South Slavonic vs East Slavonic, archaic vs new, standard vs non-standard forms), nor functional (literary vs non-literary forms), but rhetorical nature of stylistic variation, conditioned by the structure of the text. The analysis revealed that in early Slavonic psalter redactions the choice and the number of variable grammatical forms are limited; the texts of the 16th century, namely the Psalms of 1552 translated by Maximus the Greek, are particularly characterized by stylistic grammatical variability, concerning the most different forms (from the substantive Gen. and Dat. cases to the aorist and perfect in the 3rd person). The examined cases of the dissimilated grammatical forms in parallel contexts of the Psalter are supported by some original Maximus the Greek's works, so that these forms should be considered as stylistic variants of the literary Church Slavonic language.

Key words: Church Slavonic language, Church Slavonic translations from Greek, Psalter, grammatical variability, grammatical parallelism, Maximus the Greek.

Citation. Verner I.V. Varying Means of Grammatical Parallelism in the Church Slavonic Translations of Psalms of the 11th–16th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.1>

УДК 81.161.1'04:81'36
ББК 81.416.1-03

Дата поступления статьи: 17.08.2020
Дата принятия статьи: 02.11.2020

ВАРИАТИВНЫЕ СРЕДСТВА ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПСАЛТЫРИ XI–XVI ВЕКОВ

Инна Вениаминовна Вернер

Институт славяноведения РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Псалтырь, будучи метрически организованным поэтическим текстом, строится по принципу содержательного и формального параллелизма стихов и строф как в еврейском тексте, так и в греческом и церковнославянском переводах. В статье на материале разновременных славянских переводов (от Синайской Псалтыри XI в. до Псалтыри Максима Грека 1552 г.) рассмотрены случаи уподобления / расподобления грамматических форм в параллельных структурах текста. Возникающая при расподоблении вариативность имеет не генетический (южнославянские vs восточнославянские, архаические vs новые,

стандартные vs нестандартные формы) и не функциональный характер (книжные vs некнижные формы), но риторический, обусловленный структурой текста характер стилистического варьирования. Проведенное исследование показало, что в ранних псалтырных редакциях репертуар и количество вариативных грамматических форм ограниченны; в наибольшей степени стилистическая грамматическая вариативность, касающаяся самых разных форм, присуща текстам XVI в., а именно Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека. Рассмотренные случаи расподобления грамматических форм в параллельных контекстах Псалтыри находят поддержку и в оригинальных сочинениях Максима Грека, что позволяет считать их стилистическими вариантами литературного церковнославянского языка.

Ключевые слова: церковнославянский язык, церковнославянские переводы с греческого, Псалтырь, грамматическая вариативность, грамматический параллелизм, Максим Грек.

Цитирование. Вернер И. В. Вариативные средства грамматического параллелизма в церковнославянских переводах Псалтыри XI–XVI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.1>

Введение

Параллелизм, как известно, является основным структурно-поэтическим приемом, использованным в древнееврейской Псалтыри и отраженным в ее греческом и славянском переводах. С тех пор как англиканский епископ Роберт Лоут в середине XVIII в. выделил в псалмах три основных типа параллелизма (синонимический, антитетический и синтетический) [Lowth, 1753], в современных исследованиях счет конкретных приемов, с помощью которых содержание псалма представляется в параллельных структурах одного или нескольких стихов, идет на десятки [Десницкий, 2007]. Проще говоря, речь идет о повторах различного типа с вариациями. Типичным и самым распространенным случаем является синтаксический параллелизм, когда строфы тождественны друг другу по своей конструкции частично или полностью, ср.¹:

55:11 **о бзѣѣ, похвалю глѣ** (ἐπὶ τῷ θεῷ αἰνέσω ῥῆμα),

о гдѣ, похвалю слово (ἐπὶ τῷ κυρίῳ αἰνέσω λόγον);

102:10 **не по беззаконіемъ нашии, сотвори́лъ ѣсть намъ.**

(οὐ κατὰ τὰς ἀνομίας ἡμῶν ἐποίησεν ἡμῖν)
ниже по грѣхоу нашии, воздѣ́лъ ѣсть намъ
(οὐδὲ κατὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν ἀνταπέδωκεν ἡμῖν) и т. п.

Действенным средством параллелизма на уровне лексики выступают синонимы, антонимы или члены лексико-семантической группы [Верещагин, 1975]. Лексический параллелизм в Псалтыри представляет собой самостоятельное явление, отдельное от неоднократно описанной двуязычной

лексической дублетности в кирилло-мефодиевских переводах [Чернышева, 1994а; 1994б] и этимологической дублетности в переводах Иоанна экзарха [Hansack, 1979; 1981]. Если разные типы дублетов в ранних славянских переводах с греческого преследуют цель как можно более адекватной передачи смысла и несут денотативную, энциклопедическую нагрузку, то лексическим синонимам (как правило, не дублетам) Псалтыри свойственна скорее чисто элокутивная функция: «псалмопевец постоянно воздвигает связи между элементами свойственного ему стиля» [Верещагин, 1975, с. 61], и эта стилистическая вариативность создается и «работает» в рамках единообразно устроенной строфы или группы строф. Таких лексических вариантов в тексте великое множество, ср.:

37:22 **не ѡста́ви мене́ гди.** (μὴ ἐγκαταλίπης με, κύριε)

бже́ мо́н, не ѡста́внн ѡ мене́ (ὁ θεός μου, μὴ ἀποστήσῃς ἀπ’ ἐμοῦ);

144:14 **поѣмлетъ гъ, всѣхъ ниꙗ́дающеи.**

(ὑποστηρίζει κύριος πάντας τοὺς καταλίπτοντας)

и́ испра́вляеть, всѣхъ низвѣрженыи

(καὶ ἀνορθοῖ πάντας τοὺς κατερραγμένους) и т. п.

(см. обширный список параллельных лексем в тексте Синайской Псалтыри: [Верещагин, 1975, с. 67]).

Что касается грамматических форм, то они, как правило, подчинены синтаксису, то есть функционируют в рамках параллельных синтаксических структур. Чаще всего при этом мы имеем дело с идентичными по своей грамматической характеристике формами – одного и того же падежа, например,

в одинаковых конструкциях синтаксической связи, ср. в славянском и греческом тексте в приведенных выше примерах. Уподобленные грамматические формы встречаются в параллельных структурах текста Псалтыри намного чаще, чем расподобленные: в отличие от лексической вариативности, допускающей выбор различных семантико-стилистических синонимов, расподобление грамматических форм парадигматически ограничено. Поэтому и количество таких вариативных грамматических форм в параллельных синтагмах текста невелико. Ср., например, следующие расподобления в греческом тексте, которые отражены и в славянском переводе, но в обоих случаях носят не собственно грамматический характер:

- 69:2 **Бже въ по́мощь мою̀** (εἰς τὴν βοήθειάν μου),
вънми́
гїи, въ ѣже по́мощи ми (εἰς τὸ βοήθησαι μοι)
потщїса́;
 113:4 **гóры ѣзыѓрашася** (ἔσκηρτησαν), **їакоже**
ѡвны́.
и хóлми їакоже агньцы ѡвчїи;
 113:6 **гóры ѣзыѓрастеса́** (ἔσκηρτήσατε), **їакоже**
ѡвны́.
їи хóлмы, їакоже агньцы ѡвчїи.

В первом случае это вариативность греческого имени существительного и его синтаксического синонима – субстантивированного инфинитива с артиклем, во втором – мена личных форм глагола 2-го и 3-го л. мн., обусловленная изменением коммуникативной направленности высказывания: в 113:6 адресат высказывания совпадает с субъектом речи (обращение к горам) и требует формы аориста 2-го л. мн.

Поскольку в обоих приведенных выше примерах в славянском тексте воспроизводится греческая вариативность, с точки зрения собственно грамматического параллелизма в церковнославянских текстах они не представляют интереса. Актуальными же для нас будут те случаи, в которых вариативные грамматические формы появляются в параллельных структурах текста независимо от греческого, то есть там, где в греческом эти структуры одинаковы синтаксически и уподоблены грамматически. Таких примеров в ранних текстах мало: как правило, греческие абсолютные повторы воспроизводятся по-славянски без каких-либо вариантов в большинстве случаев. Спектр синонимичных грамматических

вариантов (любого происхождения) в ранних редакциях церковнославянской Псалтыри² также существенно ограничен по сравнению с текстами XV–XVI веков. Однако некоторые исключения из этого правила, которые и будут предметом нашего внимания далее, обнаруживаются в старших редакциях Псалтыри.

Грамматический синонимический параллелизм в ранних редакциях славянской Псалтыри

Древнейшая Синайская Псалтырь содержит параллельные формы Дат. падежа с флексиями **-ѡ** / **-ю** в 46:7:

- Понте бѡу́** (τῷ θεῷ) **нашегоу понте:**
Понте цѡю́ (τῷ βασιλεῖ) **нашегоу понте:**³

Однако уже начиная с Чудовской Псалтыри этот фрагмент читается с вариативными флексиями Дат. **бѡѡ** и **цѡѡви**, и эта вариативность сохраняется во всех последующих редакциях Псалтыри. Между тем обе лексемы, несмотря на принадлежность к твердому и мягкому варианту одного типа склонения, одинаково отвечают условиям, при которых имена могли принимать флексию **-ови** / **-ѡви**: «в церковнославянском языке в твердой разновидности возникли формальные и семантические ограничения на употребление флексии **-ови** (одно-сложность и принадлежность к сакральной сфере), а в мягкой разновидности ни формальных, ни семантических ограничений не было» [Пичхадзе, 2015, с. 182]. Строение строфы и наличие параллельной грамматической формы следует признать дополнительным условием появления флексий **-ови** / **-ѡви**⁴.

Вариативность стандартных и нестандартных флексий Дат. ед. у имен со значением лица представлена и в других параллельных стихах Псалтыри, начиная с древнейших переводов. Ср. одинаково читающиеся во всех редакциях формы: 67:33 **пѡйте бѡѡ** (τῷ θεῷ), **въспѡйте гѡви** (τῷ κυρίῳ); 103:33 **въспѡю гѡви** (τῷ κυρίῳ), **въ животѣ моѡмъ. поѡ бѡѡ моѡ**^{ms} (τῷ θεῷ μου), **дѡндеже ѡсмь**. Лексемы **богъ** и **господь** в равной степени представлены с флексией **-ови** / **-ѡви** как в старославянских памятниках, так и в церковнославянских текстах [Пичхадзе, 2015, с. 172–173, 181–182] (изначальным колебанием лексемы **господь**

между *i- и *jo-склонением [Вайан, 1952, с. 123] в данном случае можно пренебречь). Очевидно, что вариативные флексии Дат. п. в обоих рассмотренных случаях несут структурно-функциональную нагрузку. Кроме того, в обоих стихах такая же нагрузка придана в славянском переводе вариативным глагольным формам **пѡйтѣ** – **въспѡйтѣ**, **въспѡю** – **пѡю**, переводящим разные греческие глаголы: ἴσατε – ψάλατε, ἄσω – ψαλῶ.

Представлена в старших текстах и контекстная вариативность притяжательного прилагательного и Род. приименного падежа. В 49:13 большинство разновременных переводов от Синайской Псалтыри до Псалтыри 1552 г. Максима Грека переводит греч. формы Род. мн. притяжательными прилагательными:

ἐδά ἰάμъ мѡса юнча (ταύρων), ἡλὶ κρόβυ κόζλιю (τράγων) пию.

Однако в Норовской Псалтыри читается **юнча ... кωзелъ**. Даже учитывая возможность уподобления последней формы греч. Род. мн., нельзя не обратить внимания на то, что изменению на синтаксический синоним⁵ подверглась лишь одна из парных адъективных форм.

Во всех без исключения славянских псалтырных переводах представлен еще один пример подобной параллельной вариативности в 96:5:

гѡры, ἰако* вѡскъ растѡша,
 Ѡ лицѡ гѡна (ἀπὸ προσώπου κυρίου).
 Ѡ лицѡ гѡда (ἀπὸ προσώπου κυρίου), всеῶ
 землῆ.

В Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека второй Род. падеж имеет при себе маргинальную глоссу **гѡна**. Данный пример, однако, иллюстрирует не вполне корректный случай грамматико-синтаксического параллелизма, поскольку в конструкции **Ѡ лицѡ гѡда** Род. падеж имеет при себе зависимые слова **всеῶ землῆ**. В церковнославянском синтаксисе это стандартный случай, требующий в приименной позиции только Род. посессивного, но не притяжательного прилагательного во избежание нарушения синтаксической связи [Успенский, 2002, с. 452]⁶, и в Грамматике М. Смотрицкого это требование будет позднее зафиксировано в виде правила [Смотрицкий, 1648, л. 248]. Тем не менее косвенно и этот

пример подтверждает сосуществование форм Род. приименного и притяжательного в параллельных сегментах текста как вариативных форм. Эта вариативность может быть квалифицирована как исключительно стилистическая.

Краткие именные и полные членные формы прилагательных и причастий также дают возможность грамматического расподобления в ранних переводах, ср. в Синайской Псалтыри:

28:7-8: глѡсъ гнѣ просѣкаѡшѡта пламень огня:
 (φωνὴ κυρίου διακόπτοντος)
 глѡсъ гнѣ сътрысаѡшѡтаго поустъгъж⁷
 (φωνὴ κυρίου συσσειόντος);
 77:9 снѡви ефраѡви нальцаѡшѡтеи і
 стрѣльѡшѡте лѡкы
 (υἱοὶ Εφραὶμ ἐντείνοντες καὶ βάλλοντες τόξοις).

Подобные варианты в славянских переводах, отличающихся буквализмом передачи греческих форм, могут быть связаны с наличием или отсутствием артикля в греческом (ср., например, в Норовской Псалтыри в 118:157: **мнози ѡзгонѡшѡти мѡ ѡ стѡжѡшѡти ми**⁸ (πολλοὶ οἱ ἐκδιώκοντές με καὶ θλίβοντές με). Однако в приведенных примерах из Синайской Псалтыри вариативность причастных форм невозможно связать с наличием неповторяющегося перед однородными причастиями артикля – он отсутствует в соответствующих чтениях греческого текста. Грамматическая и синтаксическая синонимия полных и кратких форм обусловлена здесь исключительно строением строф.

О некоторых других ранних параллельных чтениях Псалтыри с грамматической вариативностью речь пойдет ниже в связи с поздними примерами XVI века.

Расподобление грамматических форм в параллельных чтениях Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека

К XVI в. увеличивается как количество расподоблений форм в параллельных чтениях, так и арсенал средств такого рода варьирования. Самым ярким примером тому является Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека. Рассмотрим разные случаи расподобления параллельных грамматических форм в этом тексте.

В их число включены, например, полноударные и энклитические местоимения в Дат. и Вин. Так, в параллельных структурах внутри одного стиха после повторяющегося глагола **воздасть** в 17:21 употребление разных форм местоимений (**ми** и **мнѣ**) противостоит как старшим славянским псалтырным текстам, начиная от Синайской Псалтыри, так и греческому тексту (в обоих случаях представлены одинаковые формы, **ми** – **ми** и **ἀνταποδώσει μοι** соответственно):

17:21 **и** **воздасть** **мнѣ** **гь** **по правдѣ** **моѣй**.
(ἀνταποδώσει μοι)
и **по чистотѣ** **рѣкъ** **монѣ**, **въздасть** **ми**
(ἀνταποδώσει μοι).

Еще один пример подобного использования вариативных местоименных форм в Вин. п. содержится в 108:3-4:

и **словесы** **ненавидѣнными**, **обыдоша** **мѧ**.
(ἐκύκλωσάν με)
и **рачтоваша** **менѣ** (ἐπολέμησάν με) **тѣнѣ**.
вмѣсто **любити** **менѣ** (ἀγαπᾶν με), **оболгашѣ**
мѧ (ἐνδιέβαλλον με).

Максим Грек, с одной стороны, воспроизводит в своем переводе одинаковый падеж греческих местоимений (ни в одной из предшествующих редакций повтор греческого беспредложного аккузатива не был выдержан, ср. в Геннадиевской Псалтыри: **обыдоша мѧ**, **и браша сѣ мною тѣнѣ**, **вмѣсто любви ѡблгашѣ мѧ**), а с другой – чередует формы **мѧ** и **менѣ**.

Более сложный четырехчленный параллелизм с местоимениями **тѧ** и **тебѣ** обнаруживается в 120:3-6 – конструкции **хранѣи тебѣ**, **хранѣи инѧ** и **гдѣ сохранитъ тѧ** (дважды) соотносятся в каждой паре между собой и попарно:

120:3 **ниже** **воздрѣмлет** **хранѣи тебѣ**. (ὁ φυλάσσει σε)
120:4 **сѣ** **не** **воздрѣмлет** **ниже** **оуснетъ**, **хранѣи инѧ**.
(ὁ φυλάσσει τὸν Ἰσραὴλ)
120:5 **гдѣ** **сохранитъ** **тѧ**. **гдѣ** **покровъ** **твой**, **на**
рѣкъ **десню** **твою**.
(κύριος φυλάξει σε)
120:6 **в днь**, **слнце** **не** **ожжетъ** **тебѣ**. **ниже** **лѣна**,
нощю
гдѣ **сохранитъ** **тѧ**, **ѡ всѧкаго** **зла**. **сохранитъ**
дшю **твою** **гдѣ**
(κύριος φυλάξει σε).

При этом в славянском тексте пары различаются между собой не только глагольными формами, как и в греческом (**хранѣи** – **ὁ φυλάσσει** и **сохранитъ** – **φυλάξει**), но и формами местоимения **тебѣ** – **тѧ**. В греческом такого отличия нет (**σε** – **σε**), как нет его и во всех предшествующих Псалтыри 1552 г. редакциях, в которых читаются одинаковые формы **тѧ** – **тѧ**. Вопреки традиционному представлению о грекообусловленности исправлений Максима, вариативность местоименных форм не зависит ни от греческого текста, ни от старших славянских переводов, которые Максим Грек также принимал во внимание [Вернер, 2019, с. 25–37]. Напротив, роль синтаксической структуры текста в данном случае весьма красноречива.

Вариантами в параллельных стихах могут выступать и приименные Дат. и Род. падежи. Например, в псалме 45 реализуется удаленный параллелизм – полностью повторяются два дистантно расположенных стиха, 8-й и 12-й:

45:8 **гдѣ** **силамъ** (τῶν δυνάμεων), **с нами**.
застѣпникъ **нашъ** **бгѣ** **иѧковль**;
45:12 **гдѣ** **силъ** (τῶν δυνάμεων), **с нами**.
застѣпникъ **нашъ** **бгѣ** **иѧковль**.

Большая часть старших переводов единообразно передает греческий приименной генетив славянским генетивом (Синайская, Чудовская, Киевская, Геннадиевская Псалтыри) либо, как в болгарской Норовской Псалтыри, двойным дативом. Однако Киприановская Псалтырь (РГБ, ф. 173.I, № 142), редакция которой и была основным славянским источником Псалтыри 1552 г., содержит пару **гдѣ силамъ** – **гдѣ силъ**, которая сохраняется и у Максима Грека. Южнославянское «происхождение» Дат. приименного в данном случае нерелевантно, поскольку эта форма выполняет функцию стилистического варьирования в повторе⁹.

Рассмотренный выше пример, где Род. и Дат. выступают контекстными синонимами, не является единственным в Псалтыри 1552 года. В 31:1 таким же образом передается греч. Род. мн. относительного местоимения **ὅς**: **Блжѣни**, **иже** **ѡпѣстишасѧ** (ὃν ἀφέθησαν) **веза^{ко}ниѧ**, **и** **иже** **прикрышасѧ** (ὃν ἐλεκαλύ) **грѣси**. Во всех предшествующих псалтырных редакциях читаются одинаковые формы Дат. падежа.

Контекстно вариативными являются также краткие и полные формы прилагательных, что иллюстрируют повторяющиеся синтагмы **ВОЗДА́ТИ / ПОЛОЖИ́ТИ ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛ҃ГАА** в псалмах 34, 37, 108:

34:12 **ВОЗДА́ША МИ ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛ҃ГАА** (ἀνταπεδίδοσάν μοι πονηρά ἀντί ἀγαθῶν);

37:21 **ВОЗДАЮ́ЩЕЙ МИ** ^{мнѣ} **ЗЛА́А, ВОЗЪ БЛ҃ГАА** (ἀνταποδιδόντες μοι κακὰ ἀντί ἀγαθῶν);

108:5 **ПОЛОЖИ́ША НА МЯ́ ЗЛА́А, ВОЗЪ БЛ҃ГАА** (ἔθεντο κατ' ἐμοῦ κακὰ ἀντί ἀγαθῶν).

Эти чтения дают возможность проследить разные способы передачи субстантивированных форм греческих прилагательных мн. ч. ср. р. в разных славянских псалтырных редакциях. Уже в самой ранней Синайской Псалтыри представлены сразу три разных варианта: два уподобленных, с одинаковыми полными либо краткими формами (34:12 **ЗЛА́А ВЪЗЪ ДОБРА́А**, 108:5 **ЗЛО ВЪЗЪ ДОБРО**), и один расподобленный (37:21 **ЗЛА́А** ¹⁰ **ВЪЗЪ ДОБРА́А**).

С разными вариациями расподобленные формы представлены и в других ранних переводах Псалтыри, ср. в последовательности указанных псалмов в Киевской Псалтыри: **ЗЛА́А ВЪЗЪ ДОБРА́А – ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛ҃ГАА – ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛАГАА**; в Норовской Псалтыри: **ЛЖКАВА ВЪЗЪ БЛАГАА – ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛАГАА – ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛ҃ГЫ́Х**; в Киприановской и Геннадиевской Псалтырях: **ЛЖКАВА́А ВЪЗЪ БЛ҃ГАА – ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛАГАА – ЗЛА́А ВЪЗЪ БЛАГАА**. В масштабе трех псалмов и шести разновременных текстов мы имеем приблизительно равное соотношение совпадающих и несовпадающих форм, причем как внутри каждого отдельного псалма, так и трех псалмов в каждом из текстов. Псалтырь 1552 г. в этом смысле вполне вписывается в общий контекст, хотя у Максима Грека представлена своя комбинация вариантов.

В Псалтыри 1552 г. представлен также замечательный пример расподобления параллельных форм Вин. мн. субстантивированных прилагательных, одно из которых оформлено по неодушевленному варианту, а второе по одушевленному, то есть Вин. совпадает с Род.: 146:6 **ВОЗНОСА́А КРО́ТКЫА́ Г҃Ь**. (ἀναλαμβάνων πραεῖς ὁ κύριος)
СМИРА́А ЖЕ ГР҃ШНЫ́Х, ДУ ЗЕМЛ҃И (ταπεινῶν δὲ ἁμαρτωλοῦς ἕως γῆς).

В ранних редакциях Псалтыри на месте прилагательного ἁμαρτωλοῦς в Вин. п. читается

существительное **ГР҃ШНИ́КЫ**, поэтому сравнивать вариант Максима Грека в данном случае можно лишь с Норовской Псалтырью, в которой обнаруживается адъективно-субстантивная пара **КРОУТЪКЫ́ХЪ ... ГР҃ШНИ́КЫ**, также противопоставленная по одушевленности.

Наконец, параллельная вариативность в Псалтыри 1552 г. присуща и аористу с -лѣ-формой. Такие случаи представлены различными примерами параллельных форм как внутри одного стиха, так и в разных стихах одного псалма. Ср. пару **РЕЧЕ́** и **ПОВЕЛѢ́ЛЪ** на месте традиционного во всех ранних редакциях чтения **РЕЧЕ́ ... ПОВЕЛѢ́** в 32:9 и 148:5: **І́АКО ТРО́И РЕЧЕ́** (εἶπεν), **І́ БЫ́ША. ТРО́И ПОВЕЛѢ́ЛЪ** (ἐνετείλατο), **І́ СОЗДА́ШАСА**. Подобная пара встречается и в параллельных синтагмах в 43:26 **І́АКО СМІ́РИЛАСА́ ВЪ ПЕ́РЕСТЬ ДУ́ША НА́ША. ПРИПЕ́ ВЪ ЗЕМЛ҃И ОУ́ГРО́БА НА́ША**. В 33:7 и 33:18 содержатся удаленные параллельные конструкции, в одной из которых представлены -лѣ-форма и аорист (**ОУ́СЛЫ́ШАЛЪ** и **СП҃СЕ́**), а в другой – две -лѣ-формы (**ОУ́СЛЫ́ШАЛЪ** и **І́ЗБА́ВИЛЪ**):

33:7 **СЕ́И НИ́ЩІИ ВОЗВА́, І́ Г҃ДЬ ОУ́СЛЫ́ШАЛЪ ЕГО́. І́ Ѡ́ ВСѢ́ХЪ СКОРБЕ́И ЕГО́, СП҃СЕ́ ЕГО́;**

33:18 **ВОЗВА́ША ПРА́ВЕДНІ́И, І́ Г҃Ь ОУ́СЛЫ́ШАЛЪ І́ХЪ. І́ Ѡ́ ВСѢ́ХЪ ПЕЧАЛЕ́И І́ХЪ, І́ЗБА́ВИЛЪ І́ХЪ.**

Все домаксимовы редакции Псалтыри содержат в этих псалмах только аористные формы, ср. 32:9, 148:5 **РЕЧЕ́ ... ПОВЕЛѢ́**, 43:26 **СМ҃І́РИСА́ ... ПРИПЕ́**, 33:7 **ОУ́СЛЫ́ША** и **СП҃СЕ́**, 33:18 **ОУ́СЛЫ́ША** и **І́ЗБА́ВИ**.

Грамматическая вариативность в списках Псалтыри 1552 года

Зависимая от структуры текста грамматическая вариативность была проиллюстрирована выше исключительно теми чтениями, которые единообразно отражены во всех семи списках Псалтыри 1552 г. [Вернер, 2019, с. 12–24]. Однако перечень таких случаев можно значительно расширить: за счет вариативности, проявляющейся в двух наиболее близких к первоначальному переводу Максима соловецких списках Псалтыри 1552 г.¹¹, и за счет примеров из двух интерлинейрных списков Псалтыри 1552 г., переписанных троицкими книжниками в

начале XVII в., которые довольно регулярно фиксируют варианты грамматические формы, помещая варианты под или над строкой¹². Так, к рассмотренным выше вариантам «старого» и «нового» Вин. п. прилагательных интерлинейные списки добавляют такие же варианты для существительных и личных местоимений:

- 24:8 **наста́ви**т крѣткыа^{хъ} (πραεῖς) на сѣдѣ.
 24:9 **наоучи́тъ** крѣткыхъ^{хъ} (πραεῖς) пѣте^а свои^а
 (неинтерлинейные списки крѣткыхъ^{хъ} ... крѣткыхъ^{хъ});
 100:6 **о́чи мои**, на вѣрныа^{хъ} землѣи. ꙗ́ко съсѣдѣти
 ѿмѣ съ мною;
 100:8 **въ оутра́а** ѿзвивахъ^{хъ} всѣхъ грѣшныа^{хъ}
 землѣи. ꙗ́ко потреви́ти ѿ гра́да гдѣа^а, всѣхъ
 дѣлающиа^{хъ} беззако́нїе
 (неинтерлинейные списки вѣрныа^{хъ} ... грѣшныа^{хъ});
 135:17 **порази́вшемъ** царѣа^а вели́кыа^{хъ}, ꙗ́ко въ вѣкѣ
 ма́тъ ѿгò.
и оуби́вшемъ царѣи крѣпкыа^{хъ}, ꙗ́ко въ вѣкѣ
 ма́тъ ѿгò
 (неинтерлинейные списки царѣи ... царѣи);
 131:6 **се слы́шахо^а** ѿ^{ѿгò} въ ѳраѳѣ.
оверѣто́хо^а ѿгò, въ пола^{хъ} дѣбравныа^{хъ}
 (неинтерлинейные списки ѿгò ... ѿгò);
 88:22 **и во рѣка́ моа́**, застѣпнѣтъ ѿ.
и мы́шца моа́, оукрѣпнѣтъ ѿгò
 (неинтерлинейные списки (кроме соловецких)
 ѿгò ... ѿгò);
 64:10 **оупо́йлъ** еси́ ю́^{ѿа}.
оумно́жилъ еси́ добогати́ти ю́
 (неинтерлинейные списки ю́ ... ю́ / ѿа ... ѿа).

В 8:8-9 в интерлинейных, а также в ранних соловецких списках Псалтыри 1552 г. представлен пример расподобления параллельных форм относительных прилагательных:

- 8:7 **вѣа** покорѣилъ еси́ под нога́ма ѿгò.
 8:8 **ѡвцы**, и **волы** вѣа. е́ще же, и **скоты** польскѣа^а
 (τοῦ πεδίου).
 8:9 **пти́цы** нбныа^а (τοῦ οὐρανοῦ), и **рыбы** мо́раа.
 (τῆς θαλάσσης)
прехо́дѣщая стезѣи мо́рскѣа (θαλασσοῦν).

В этих стихах параллелизм двух последних форм (ἰχθύας τῆς θαλάσσης – τρίβους θαλασσοῦν) накладывается на ряд предшествующих прилагательных (τὰ κτήνη τοῦ πεδίου, τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ). Во всех домаксимовых редакциях Псалтыри в 8:8-9 читаются одинаковые формы прилагательного **мо́рскѣа** ... **мо́рскѣа**¹³, а Максим Грек расподобляет эти формы за счет приименного Род. В греческом

приименной Род. п. τῆς θαλάσσης употреблен в ед. ч. в отличие от Род. мн. θαλασσοῦν при втором имени, однако причина замены не в этом: в иных случаях Максим Грек не меняет славянскую форму притяжательного во мн. ч. на месте греч. имени в ед. ч., ср. в 68:3: **придо^а** **въ глѣбныи мо́рскѣа** (τῆς θαλάσσης). Причина может быть именно в разбиении таким способом однообразных повторов в двух стихах псалма.

К вариативным формам в интерлинейных списках относятся также формы вокатива и номинатива на месте вокатива: 43:5 **црѣю**, **мо́и**, и **бгѣ**, **мо́и** (неинтерлинейные списки **црѣ** ... **бгѣ**). При этом заслуживает внимания тот факт, что в строке и под строкой в пары поставлены уже две разные формы – **црѣю** и **бгѣ**, под строкой **црѣ** и **бжѣ**. Та же самая ситуация имеет место и в примерах выше с формами Вин. **крѣткыа** и **крѣткыхъ**, **вѣрныа** и **грѣшныхъ**, **царѣа** и **царѣи**: расподобленные варианты даны непосредственно в строке, а под строкой приведены совпадающие в параллельных стихах формы.

Наконец, есть также варианты формы дв. и мн. ч. парных существительных:

- 131:4 **ѡще** да́мъ со́нъ о́чима мо́йма, и вѣкома^а
мо́йма, дрема́нїе
 (неинтерлинейные списки о́чима ... вѣкома / вѣкомъ).

Интерлинейные списки отражают и синтаксическую вариативность Твор. беспредложного и Мест. с предлогом **въ** в обстоятельном значении. Для Максима Грека характерен перевод греч. аккузатива ἐν предложно-падежной конструкцией [Вернер, 2019, с. 74–78]. Однородным греческим конструкциям с сочинительным союзом, однако, соответствуют в интерлинейных списках разные варианты:

- 82:16 **та́ко** по^анеши **ѿхъ**, **вѣрею** твоѣю. (ἐν τῇ καταγίδι σου)
и въ гнѣве твоѣмъ. (ἐν τῇ ὀργῇ σου)
смѣтиши ѿхъ.

Это совмещение обязано своим появлением чтением разных списков Псалтыри 1552 г.: наиболее близкие к первоначальному переводу соловецкие списки содержат две предложных конструкции, тогда как в остальных интерлинейных списках читается два Твор. п. [Вернер, 2019, с. 553].

Трудно утверждать однозначно, в чем состояло намерение переписчиков XVII в.: подводили ли они эти варианты, используя разные списки Псалтыри 1552 г. с расподобленными формами, и таким образом закрепляли в тексте эту особенность перевода Максима Грека, или, напротив, стремились нивелировать ее, добавив и уподобленный вариант. На наш взгляд, более вероятно первое: книжникам была известна эта лингвостилистическая характеристика текстов Максима Грека; и в ряде случаев параллельная вариативность форм в интерлинейрных списках носит самостоятельный характер, то есть не обусловлена чтениями разных списков. Ср., например, чисто стилистическое варьирование в оформлении синонимичных возвратных глаголов в параллельных синтагмах в 26:1:

Г^дь просвѣщеніе моє и спаситель мѡи, когдѡ
оубоѡса (φοβηθήσομαι).

Г^дь защититель животѡ моему, когдѡ са
оустрашѡ (δειλιάσω).

Во всех предшествующих редакциях Псалтыри частица **са** располагается в препозиции к глаголу в обоих случаях¹⁴.

Стилистический характер грамматической вариативности в переводах Максима Грека

Хорошо известно, что эксперименты со стилем имели место в церковнославянских текстах Максима Грека. В частности, к их числу относятся два варианта перевода с греческого героического и элегического стиха текста под названием «Инока Максима Грека о том, како подобает входить во святыя божия храмы» [Максим Грек, 1897, с. 232–233]. Однако различие между этими вариантами состоит лишь в порядке слов и в синтаксисе при минимальных грамматических несовпадениях (впрочем, этот текст очень краток). Что же касается грамматической вариативности, то рассмотренные выше примеры из текста Псалтыри находят поддержку и в оригинальных сочинениях Максима. Ср., например, в написанном на сожжение тверского собора тексте под названием «Какыя рѣчи рекль бы убо к съдѣтелю всѣм епископѡ тферьскыи, съжжѡну бывшу събрѣному храму и всему двору его и всѣм имѣнием и самому

граду и множайшим иным и храмом и двором и людем погорѣвшим...»: *не призвати на пирѡ ни богатыа сусѣды, ни сродники своа, ниже друговѡ, но слѣпыхъ, сухыхъ, хромыхъ, убогихъ и нищѣтствующа вся* [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 234]. Эта цитата так же, как и стихи Псалтыри, представляет собой риторически организованный текст: два экспрессивных ряда адъективов и субстантивов противопоставлены друг другу, в каждом из рядов заключительная форма имеет иную флексию Вин., чем все предшествующие, а основной набор форм в каждом ряду содержит расподобленные флексии (в первом ряду – «старого» Вин. п., оформленного по неодоушевленному варианту, во втором – «нового» Вин. п., омонимичного Род. п.).

Разумеется, перенос на славянскую почву византийских и европейских представлений о литературно-языковых стилях и риторических приемах для Максима Грека был естественным, и это не раз отмечалось в работах, посвященных его оригинальным сочинениям [Буланин, 1993; Бушкович, 1993; Шевченко, 1998]. Рассмотренные случаи грамматической вариативности, обусловленной структурой текста, демонстрируют, что и стандартный церковнославянский текст Псалтыри оказывается включенным в сферу приложения этих установок.

Языковой механизм, в котором различные формы – новые и старые, южнославянские и восточнославянские по происхождению, грецизированные и исконные, стандартные и нестандартные – используются в стилистических целях (причем приблизительно так же, как мы сегодня это понимаем), в конечном счете «работает» на формирование так называемого гибридного церковнославянского языка [Живов, 2017, с. 231–249], однако не сниженного и упрощенного, а стилистически обработанного и разнообразного. Как показывают ранние тексты, отдельные случаи такой стилистической грамматической вариативности имели место в церковнославянских текстах гораздо раньше XVI в., однако в Псалтыри Максима Грека этот прием является действительно актуальным и последовательным.

Заключение

Псалтырь, как и иные гимнографические тексты, позволяет развернуть вопрос «тоталь-

ной вариативности» средневековой письменности, полемически сформулированный в свое время школой так называемой Новой филологии¹⁵, в плоскость особой риторической организации текста на всех языковых уровнях, от орфографии до синтаксиса. Грамматически синонимичные формы при этом могут и должны осмысляться не только в рамках традиционно используемых в диахронии противопоставлений, но и в стилистических категориях, актуальных для средневековых текстов. Одной из таких категорий, определяющих функционирование вариантов в качестве лингвостилистических средств в гимнографических текстах на литературном церковнославянском языке, выступает структурный текстовый параллелизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее для наглядности псалтырные стихи приводятся с разбивкой на ритмически параллельные строфы; если не оговорено иное, все примеры цитируются по тексту Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека [Вернер, 2019].

² В качестве репрезентантов пяти домаксимальных редакций славянской Псалтыри [MacRobert, 1998; Карачорова, 2003] в настоящей работе учитывались следующие тексты: Синайская Псалтырь XI в., Чудовская Псалтырь XI в., Симоновская Псалтырь XIII в., Киевская Псалтырь XIV в., Норовская Псалтырь XIV в., «Киприановская» Псалтырь XV в., Геннадиевская Псалтырь 1499 года.

³ Здесь цитируется по: (Синайская Псалтырь, 922, с. 60).

⁴ Для формы **црѣви** еще одним разрешающим условием выступает снятие парадигматической омонимии между Дат. и Зват. ед. **црѣю**.

⁵ В церковнославянской грамматической традиции, начиная с трактата «О восьми частях слова», притяжательное прилагательное осмысляется как эквивалент Род. приименного в именной парадигме [Успенский, 2002, с. 455].

⁶ Тем не менее это правило нарушается, например, в 28:5: во всех редакциях Псалтыри читается **гла̑ гд̑нь, сокрѣша̑юща̑ кѣдры кѣдры**. Причиной тому может быть уподобление конструкции **гла̑ гд̑нь** двум таким же конструкциям (без зависимых слов) в предшествующем стихе, ср. 28:4: **гла̑ гд̑нь въ крѣпости. гла̑ гд̑нь, ѿ велелѣпотѣ̑.**

⁷ Здесь цитируется по: (Синайская Псалтырь, 922, с. 340).

⁸ Здесь цитируется по: (Норовская Псалтырь, 922, с. 624).

⁹ В контексте варьирования можно также обратить внимание на орфографию в интерлинейрных списках Псалтыри 1552 г.: в повторяющихся стихах по-разному (через **ѣ** и **и**) написаны формы **ѣаковль** и **иѣаковль**.

¹⁰ На вопрос, является ли форма **зъла** Род. п. существительного или краткого прилагательного, позволяет ответить содержащаяся в Норовской Псалтыри в переводе такой же греческой конструкции в 34:12 неомонимичная форма краткого прилагательного **лжѣва възъ блага**. Исходя из этого, можно думать, что расподоблению подверглись именно адъективные формы.

¹¹ Список РНБ, Сол. 752/862 (начала XVII в.) и переписанная с него около 1665 г. соловецким книжником Сергием Шелониным рукопись РНБ, Сол. 741/851 [Вернер, 2019, с. 13–14, 21–24].

¹² Списки с подстрочным славяно-греческим текстом: РГБ, ф. 173.1 № 8 и 9 [Вернер, 2019, с. 14–35].

¹³ Три неинтерлинейрных списка Псалтыри 1552 г. также содержат одинаковые формы прилагательных в этом стихе.

¹⁴ Как отметила К.М. МакРоберт, во всех пяти редакциях славянской Псалтыри лишь пять стихов сохраняют старшие чтения с препозицией частицы **сѧ** [MacRobert, 2006, p. 376]. Среди этих стихов только в 26:1 представлены параллельные синтагмы, содержащие уподобленные относительно позиции **сѧ** глагольные формы.

¹⁵ Языковое варьирование стало одним из переосмысленных аспектов в европейской и американской филологической медиэвистике конца XX в. (см. вышедший на русском языке с большим опозданием обзор дискуссии в журнале «Speculum» [Лозинская, 2019]). Программным тезисом так называемой Новой филологии стало сформулированное Б. Серкилини утверждение: «l'écriture médiévale ne produit pas de variantes, elle est variance» («средневековая письменность не продуцирует варианты, она и есть варьирование») [Serquiglini, 1989, p. 111].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буланин Д. М., 1993. Максим Грек, «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (перевод Д.М. Буланина) // ТОДРЛ. Т. 47. СПб. : Наука. С. 229–240.
- Бушкович П., 1993. Максим Грек – поэт-«гипербореец» // ТОДРЛ. Т. 47. СПб. : Наука. С. 215–228.
- Вайан А., 1952. Руководство по старославянскому языку. М. : Изд-во иностр. лит. 446 с.

- Верещагин Е. М., 1975. Прием параллелизма в псалтыри и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян // Советское славяноведение. № 2. С. 60–72.
- Вернер И. В., 2019. Интерлинейарная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека / исслед. и подгот. текста к изд. И. В. Вернер. М. : Индрик. 928 с.
- Десницкий А. С., 2007. Поэтика библейского параллелизма. М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея. 554 с.
- Живов В. М., 2017. История языка русской письменности: В 2 т. Т. 1. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке. 816 с.
- Карачорова И., 2003. Псалтир // Кирило-Методиевска енциклопедия. В 4 т. Т. 3. София : Марин Дринов. С. 409–417.
- Лозинская Е. В., 2019. Новая (материальная) филология // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение. Реферативный журнал. № 4. С. 28–35.
- Максим Грек, 1897. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Часть третья. Издание второе. Казань : [б. и.]. 234 с.
- Пичхадзе А. А., 2015. Флексия Д. ед. -ови/-еви в древнерусском о-склонении // Русский язык в научном освещении. № 1 (29). С. 171–190.
- Преподобный Максим Грек, 2014. Сочинения. Т. 2. М. : Рукоп. памятники Древней Руси. 432 с.
- Смотрицкий М., 1648. Грамматика. М. : Печ. двор. 378 л., 4^о.
- Успенский Б. А., 2002. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) М. : Аспект Пресс. 558 с.
- Чернышева М. И., 1994а. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублиеты» // Вопросы языкознания. № 2. С. 97–107.
- Чернышева М. И., 1994б. Некоторые соображения по поводу группировки ранних славянских переводов с греческого языка по переводческим приемам // Византиноруссика. № 1. С. 62–75.
- Шевченко И. И., 1998. О греческой поэтической продукции Максима Грека // Славяноведение. № 3. С. 46–52.
- Cerquiglini B., 1989. Eloge de la variante. Histoire critique de la philology. P. : Seuil. 122 p.
- Hansack E., 1979. Zum Übersetzungsstil des Exarchen Joannes // Die Welt der Slaven. Bd. 24. S. 121–171.
- Hansack E., 1981. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstil des Exarchen Joannes // Die Welt der Slaven. Bd. 26. S. 15–36.
- Lowth R., 1753. De sacra poesi Hebraeorum: praelectiones academiae oxonii habitae a Roberto Lowth A. M. collegii novi nuper socio, et poeticae publico praelectore. Oxford : [s. n.]. 383 p.
- MacRobert C.M., 1998. The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century // Interpretation of the Bible. Proceedings of the International Symposium 18–20 September 1996. Ljubljana ; Sheffield : [s. n.]. P. 921–942.
- MacRobert C.M., 2006. The variable treatment of clitics in 14th-century South Slavonic psalter translations // Многократните преводи в южнославянското средновековие : доклади от международната конференция (София, 7–9 юли 2005 г.) / ред. Л. Тасева. София : GorexPress. С. 373–395.

ИСТОЧНИКИ

- Геннадиевская Псалтырь* – Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. В 10 т. Т. 4. Псалтирь. М. : Новоспасский монастырь, 1997. 343 с.
- Киевская Псалтырь* – Киевская Псалтирь 1397 г. из Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. М. : Искусство, 1978. 4 с., 229 л.
- Киприановская Псалтырь* – Киприановская Псалтырь // РГБ. Ф. 173.1. № 142. (Не позже первой трети XV века).
- Норовская Псалтырь* – Норовская Псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века в двух частях. Ч. 2 / изд. подгот. Е. В. Чешко [и др.]. София : Изд-во болг. Акад. наук, 1989. С. 211–742.
- Симоновская Псалтырь* – Архимандрит Амфилохий. Древле-славянская Псалтирь Симоновская до 1280 г., сличенная по церковно-славянским и русским переводам с греческим текстом и еврейским, с примечаниями. Т. 1–4. М. : Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881.
- Синайская Псалтырь* – Северьянов С. Н. Синайская Псалтырь. Глаголический памятник XI века. Петроград : Отд-ние рус. яз. и словесности Рос. акад. наук, 1922. VII, 392 с.
- Чудовская Псалтырь* – Погорелов В. Чудовская Псалтырь XI века. СПб. : Изд. Акад. Наук. 1910. V, 276 с. (Памятники старославянского языка ; т. 3, вып. 1).

REFERENCES

- Bulanin D.M., 1993. Maksim Grek, «Slovo o pokayanii» i «Slovo oblichitel'no na ellinskuyu prelest'» (perevod D.M. Bulanina) [Maximus the Greek, “Slovo o pokayanii” and “Slovo oblichitel'no na ellinskuyu prelest'” (translated by D.M. Bulanin)]. *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature], vol. 47. Saint-Petersburg, Nauka Publ., pp. 229-240.
- Bushkovich P., 1993. Maksim Grek – poet-«giperboreets» [Maximus the Greek as a poet Hyperborean]. *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature], vol. 47. Saint-Petersburg, Nauka Publ., pp. 215-228.
- Vayan A., 1952. *Rukovodstvo po staroslavianskomu yazyku* [Handbook of Old Church Slavonic]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury. 446 p.
- Vereshchagin E.M., 1975. Priem parallelizma v psaltyri i vyyavlenie smyslovykh svyazey mezhdru slovami pervogo literaturnogo yazyka slavyan [Method of parallelism in the Psalter and the identification of semantic connections between the words of the first literary language of the Slavs]. *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies], no. 2, pp. 60-72.
- Verner I.V., 2019. *Interlinearnaya slavyano-grecheskaya Psaltyr' 1552 g. v perevode Maksima Greka. Issledovanie i podgotovka teksta k izdaniyu I.V. Verner* [Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 by Maximus the Greek. Research and preparation of the text for publication by I.V. Verner]. Moscow, Indrik Publ. 928 p.
- Desnitskiy A.S., 2007. *Poetika bibleyskogo parallelizma* [Poetics of biblical parallelism]. Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute. 554 p.
- Zhivov V.M., 2017. *Istoriya yazyka russkoy pismennosti. V 2 t. Tom I* [History of the language of Russian writing. In 2 vol. Vol. I]. Moscow, Russian foundation for science and education. 816 p.
- Karachorova I., 2003. Psaltir [Psalter]. *Kirilo-Metodievskaya entsiklopediya*, vol. III. Sofiya, Marin Drinov, pp. 409-417.
- Lozinskaya E.V., 2019. Novaya (material'naya) filologiya [New (material) philology]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyy zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literature Studies], no. 4, pp. 28-35.
- Maksim Grek, 1897. *Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoj dukhovnoy akademii* [Works of reverend Maximus the Greek, published at the Kazan Theological Academy]. Part III. 2^d edition. Kazan. 234 p.
- Pichkhadze A.A., 2015. Fleksiya D. ed. -ovi/-evi v drevnerusskom o-sklonenii [The Dat. sing. desinence -ovi/-evi in the Old Russian o-Declension Type]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (29), pp. 171-190.
- Prepodobnyy Maksim Grek, 2014. *Sochineniya* [Compositions]. Vol. 2. Moscow, Manuscript monuments of Old Rus Publ. 432 p.
- Smotritskiy M., 1648. *Grammatika* [Grammar]. Moscow, Print Yard. 378 f., 40.
- Uspenskiy B.A., 2002. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI-XVII vv.)* [History of the Russian Literary Language (11th-17th centuries)]. Moscow, Aspekt Press Publ. 558 p.
- Chernysheva M.I., 1994a. K voprosu ob istokakh leksicheskoy variantnosti v rannikh slavyanskikh perevodakh s grecheskogo yazyka: perevodcheskiy priem «dvuyazychnye dublety» [Towards the origins of lexical variance in early Slavic translations from Greek: translation technique “bilingual doublets”]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 97-107.
- Chernysheva M.I., 1994b. Nekotorye soobrazheniya po povodu gruppировки rannikh slavyanskikh perevodov s grecheskogo yazyka po perevodcheskim priemam [Some considerations regarding the grouping of early Slavic translations from Greek according to translation techniques]. *Vizantinorussika*, no. 1, pp. 62-75.
- Shevchenko I.I., 1998. O grecheskoy poeticheskoy produktsii Maksima Greka [On the Greek Poetic Output of Maximus the Greek]. *Slavyanovedenie*, no. 3, pp. 46-52.
- Cerquiglioni B., 1989. *Eloge de la variante. Histoire critique de la philologie* [Praise of the variant. Critical history of philology]. Paris, Seuil. 122 p.
- Hansack E., 1979. Zum Übersetzungsstil des Exarchen Joannes [Translation style of Exarch Joannes]. *Die Welt der Slaven*, vol. XXIV, pp. 121-171.
- Hansack E., 1981. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstil des Ex-archen Joannes [The theoretical foundations of the translation style of ex-Archen Joannes]. *Die Welt der Slaven*, vol. XXVI, pp. 15-36.
- Lowth R., 1753. *De sacra poesi Hebraeorum: praelectiones academiae oxonii habitae a Roberto Lowth A. M. collegii novi nuper socio, et poeticae publico praelectore* [On the sacred

- poetry of the Hebrews: lectures of the academy of belfast habitae a Roberto Lowth A. M. the college of new recently with your partner, and poetic public praelec-tore]. Oxford. 383 p.
- MacRobert S.M., 1998. The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century. *Interpretation of the Bible. Proceedings of the International Symposium 18-20 September 1996*. Ljubljana-Sheffield, pp. 921-942.
- MacRobert C.M., 2006. The variable treatment of clitics in 14th-century South Slavonic psalter translations. *Mnogokratnite prevodi v yuzhnoslavyanskoto sredno-vekovie: dokladi ot mezhdunarodnata konferentsiya, Sofiya, 7-9 yuli 2005 g.* L. Taseva (ed.). Sofiya, GorexPress. pp. 373-395.

SOURCES

- Bibliya 1499 goda i Bibliya v sinodalnom perevode. T. 4. Psaltir* [The Bible of 1499 and the Bible in Synodal translation. Vol. 4. Psalter]. Moscow, Novospasskiy monastyr, 1997. 343 p.
- Kievskaya Psaltir 1397 g. iz Gosudarstvennoy Publichnoy biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina v Leningrade* [Kiev Psalter of 1397 from the State Public Library named after M.E. Saltykov-Shchedrin in Leningrad]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 4 p., 229 f.

- Kiprianovskaya Psaltyr* [The Cyprian Psalter]. RGB, f. 173.I № 142, not later than the first third of the 15th century.
- Norovskaya Psaltyr. *Srednebolgarskaya rukopis XIV veka v dvukh chastyakh. Ch. 2* [Norovskaya Psalter. Medium-bulgarian manuscript of the 14th century in two parts. Ch. 2]. E.V. Cheshko, I.K. Bunina, V.A. Dybo, O.A. Knyazevskaya, L.A. Naumenko (eds.). Sofiya, Izdatelstvo bolgarskoy Akademii nauk, 1989, pp. 211-742.
- Arkhimandrit Amfilokhiy. *Drevle-slavyanskaya Psaltir Simonovskaya do 1280 g., slichennaya po tserkovno-slavyanskim i russkim perevodam s grecheskim tekstom i evreyskim, s primechaniyami* [The Old Slavonic Simonovskaya Psalter before 1280, compared by Church Slavonic and Russian translations with the Greek text and Hebrew, with notes]. Vol. 1-4. Moscow, L.F. Snegirev's printing house, 1881.
- Severyanov S.N. *Sinayskaya Psaltyr. Glagolicheskiy pamyatnik XI veka* [The Sinai Psalter. Glagolitic manuscript of the 11th century]. Petrograd, Otdnie russkogo yaz. i slovesnosti Rossiyskoy akad. nauk, 1922. VII, 392 p.
- Pogorelov V. *Chudovskaya Psaltyr XI veka* (Pamyatniki staroslavyanskogo yazyka. T. III, vyp. 1) [Chudovskaya Psalter of the 11th century (Manuscripts of the Old Slavonic language, Vol. III, iss. 1)]. Saint-Petersburg, Izdanie Akademii Nauk, 1910. V, 276 p.

Information About the Author

Inna V. Verner, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 119991 Moscow, Russia, inna.verner@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8385-3599>

Информация об авторе

Инна Вениаминовна Вернер, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, просп. Ленинский, 32а, 119991 г. Москва, Россия, inna.verner@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8385-3599>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.2>

UDC 811.161.1'04:81'373
LBC 81.416.1-3

Submitted: 28.08.2020
Accepted: 09.11.2020

CHURCH SLAVONIC WORDS *ИМАРМЕНЯ, ФАТУНЬ, ФОРТУНА* IN MAXIMUS THE GREEK'S WORKS¹

Maria Chiara Ferro

University G. d'Annunzio, Chieti, Pescara, Italy

Abstract. Within the linguistic research on the works of Maximus the Greek, the article raises the question of the peculiarities of an individual intellectual dictionary in his creative work. The object of this study is the authors use of three terms conveying the concept of "fate", in particular the lexical borrowing from the Greek *εἰμαρμένη* and from the Latin words *fatum* and *fortuna*, rarely used in Church Slavonic literature up to the 16th cent. The use of significant terms is described through lexicographical analysis in the first two volumes of the modern edition of Maximus the Greeks works. Special attention is paid to the comparison of the meanings of individual words and their functioning with the data taken from the historical section of the National Corpus of the Russian language, and as well as from a selection of dictionaries of Old Church Slavonic and Church Slavonic languages, in order to identify the characteristic features of lexical preferences of Maximus the Greek. Thorough contextual analysis of the texts allows us to show how, conveying the concept of necessity caused by the stars or mysterious destiny, the author shows himself as an innovator, enriching Church Slavonic vocabulary with new borrowings. The article verifies the hypothesis about the reasons for lexical preferences of Maximus the Greek and makes assumptions about the interpretation of synonymy of the words denoting "fate" that appears in the studied texts. Linguistic goals, formulated on the basis of the results obtained, can be achieved only taking into consideration the general trends in the development of religious and philosophical thought in Europe in the Early Modern Era.

Key words: Maximus the Greek, Church Slavonic, lexicon, concept of "fate", *εἰμαρμένη*, *fatum*, *fortune*.

Citation. Ferro M.Ch. Church Slavonic Words *имарменя, фатунь, фортуна* in Maximus the Greek's Works. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 17-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.2>

УДК 811.161.1'04:81'373
ББК 81.416.1-3

Дата поступления статьи: 28.08.2020
Дата принятия статьи: 09.11.2020

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ СЛОВА *ИМАРМЕНЯ, ФАТУНЬ, ФОРТУНА* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАКСИМА ГРЕКА¹

Мария Кьяра Ферро

Университет им. Г. д'Аннунцио, г. Кьети, г. Пескара, Италия

Аннотация. В рамках лингвистических исследований сочинений Максима Грека в статье ставится вопрос об особенностях индивидуального интеллектуального словаря писателя. Объектом изучения стали заимствованные в церковнославянский из греческого и латинского языков слова *имарменя* (*имаръмения*), *фатунь* и *фортуна* (*фуртуна*), выражающие понятие «судьба». Особенности их функционирования в сочинениях Максима Грека, вошедших в первый и второй тома современного издания его произведений, установлены в результате семантического анализа и сопоставления значений отдельных слов и примеров их употребления с данными Национального корпуса русского языка (исторический подкорпус) и словарей старославянского и церковнославянского языков. Контекстный анализ сочинений Максима Грека показал, как, передавая понятие необходимости, обусловленной звездами, судьбой, писатель проявляет себя новатором, обогащая церковнославянскую лексическую систему новыми заимствованиями. В статье верифицирована гипотеза о причинах лексических предпочтений Максима Грека и высказаны предположения о направлении интерпретации синонимии слов *имарменя* и *фортуна*, возникающей в исследуемых

текстах. На основе полученных результатов сформулированы лингвистические задачи, решение которых возможно только с учетом общих тенденций развития религиозно-философской мысли в Европе раннего Нового времени.

Ключевые слова: Максим Грек, церковнославянский язык, лексика, понятие судьбы, *имарменя*, *фатунь*, *фортуна*.

Цитирование. Ферро М. К. Церковнославянские слова *имарменя*, *фатунь*, *фортуна* в произведениях Максима Грека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 17–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.2>

Введение и цель работы

Принимая во внимание лексематическую точность и переводческий талант Максима Грека², а также его вхождение в интеллектуальные круги Италии конца XV в.³, можно предположить, что написанные им произведения отличаются специфическим употреблением некоторых лексических единиц, введением новых или редких для восточнославянского контекста терминов под влиянием гуманистической культуры и религиозного обновления, которым он дышал в Италии.

Изучение случаев употребления церк.-сл. лемм *разумь* и *самовластие*, кроме обнаружения активного использования названных двух лексем в авторских фразировках с новыми комбинаторными характеристиками, показало сингулярность произведений автора против предсказательной астрологии (особенно двух посланий Ф.И. Карпову), которые представляются «экспериментальными» в лексическом плане⁴. В них Максим Грек вводит новые, созданные им выражения и употребляет слова, редко встречающиеся в церковнославянских текстах предшествующей эпохи. В целях изложения аргументов против астрологии писатель затрагивает серию вопросов, вытекающих из дебатов философско-теологического характера о связи между волей (как божественной, так и человеческой) и необходимостью – бинорма, сопряженного с такими понятиями, как «свобода воли», «судьба», «участь». В разработку терминов на церковнославянском языке, определяющих эти и другие философские понятия, Максим Грек внес значительный вклад. В частности, передавая понятие «необходимость», писатель проявляет себя новатором, обогащая церковнославянскую лексику новыми заимствованиями. Особенно интересны три

лексемы (одна из греческого и две из латинского): церк.-сл. слова *фортуна* (*фуртуна*), *фатунь* и *имарменя* (*имармения*). Наша задача состоит в изучении использования названных трех лексем и толкование их семантики в авторском дискурсе.

Методы исследования

Употребление лексических единиц описывается посредством семантического анализа в первых двух томах⁵ современного издания произведений Максима Грека (Преподобный, 2008; 2014), а также путем сравнения полученных результатов с употреблением отдельных терминов в сочинениях других авторов на основе анализа примеров из древнерусского (источники XII–XIII вв.), старорусского (источники XIV–XVIII вв.), церковнославянского (литургические источники) модулей Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и основных словарей старославянского и церковнославянского языков (см. список источников и словарей).

Результаты и обсуждение

1. Церк.-сл. *фортуна* (*фуртуна*)

1.1. Лемма в НКРЯ и в словарях

В НКРЯ в старорусском модуле находим примеры из произведений Максима Грека, из дневника Петра Андреевича Толстого (в значении «ветер»⁶) и из произведений Дмитрия Ростовского более позднего времени. В церковнославянском модуле слово встречается в поздних источниках (см., например, сочинение «Ифика иерополитика или философия нравоучительная» XVIII в.).

В лексиконах слово встречается редко: Ф. Миклошич фиксирует церк.-сл. *фортуна*,

но только в значении лат. *tempestas* (Miklosich); Г. Дьяченко приводит церк.-сл. *фортуна*, соответствующее лат. *fortuna*, толкуемое рус. «богиня судьбы и счастья у римлян, берется иногда в смысле счастья, удачи или судьбы» (Дьяченко), но не имеющее указаний ни на примеры, ни на источники.

1.2. Лемма в сочинениях Максима Грека

В первых двух томах нового издания сочинений Максима Грека церк.-сл. *фортуна* (*фуртуна*) встречается в четырех текстах:

– «Второе послание Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии» (Преподобный, 2008, 11);

– «Слово о том, яко промыслом Божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроятся» (Преподобный, 2014, 13);

– «Слово поучительно, вкупе же и обличительно прелести звездочетсти и учительно живущим в скръбех» (Преподобный, 2014, 36);

– «Послание к некоему иноку, бывшу в игуменех, о немецкой прелести, глаголаемой фортуне, и о колесе ея» (Преподобный, 2014, 37).

Во втором послании Ф.И. Карпову слово вводится Максимом для парафраза церк.-сл. *имарменя*. Эти примеры прокомментируем ниже.

В других произведениях лемма используется независимо от церк.-сл. *имарменя* в специфических и конкретных значениях в контекстах, где Максим вводит в свою аргументацию церк.-сл. понятие «колесо счастья». Словосочетание употреблено в названии произведения «Слово о том, яко промыслом Божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроятся» и далее там, где Максим Грек нападает на искусство предсказательных практик, цитируя Рим. 13: 1-2 и Гал. 4: 8-10:

Божиим убо мановениемъ и учинениемъ, а не колесомъ нѣкимъ и счастиемъ басненымъ възводятся нѣщии на высоту царскую, такожде и отпадаютъ еа, аще не добръѣ, и яко же Богу любезно есть, правяща еа явятся, якоже есть писано Святымъ Духомъ: «Господь поставляетъ царя и преставляетъ». Аще же Господь, то не колесо нѣкое и фортуна и звѣздна сложения, по прелести халдѣковъ и египтянь... (Преподобный, 2014, 13, с. 153).

Этот же элемент встречаем в части «Слово поучительно, вкупе же и обличитель-

но прелести звездочетсти и учительно живущим в скръбех», где употребляется церк.-сл. выражение *колесо фортуны*, в котором Максим Грек заменяет славянскую лемму заимствованием из латинского:

Мы бо самовластни изначала от Съдѣтеля създани бывше, властели есме своихъ дѣль и благыхъ и лукавыхъ, и никто же над нами властель естѣмъ развѣ Създавашаго нас, ни аггелъ, ни бѣсъ, ни звѣзда, ни зодии, ни планить, ни колесо фортуны, бѣсы избобрѣтеныя (Преподобный, 2014, 36, с. 300).

В данном тексте автор использует две леммы как абсолютные синонимы. Мы наблюдаем это в начале его речи, когда он упоминает образ фортуны (немолодой женщины, вращающей колесо судьбы) и использует сначала церк.-сл. *счастье* и почти вслед за этим церк.-сл. *фортуна*:

...А не изобразие счастья въ образъ старья жены, овѣхъ убо колесомъ възводящая на высоту славы земскыя, иныхъ же паки оттуду низводящая въ послѣднее безславіе. Святое же писание глаголетъ явѣ: «Господь убожит и богатит, смиряетъ и възвышаетъ, възставляетъ от земли нища и от гноища въздвизаетъ убога». Чесо ради? «Да посадить его, рече, съ силными людскими, и престоломъ славы наслѣдника сътворитъ его», а не фортуна и колесо латыномъ зловѣрнымъ и нѣмцомъ прегрѣдимъ (Преподобный, 2014, 36, с. 299).

Церк.-сл. словосочетание *колесо фортуны* появляется также в названии «Послания к некоему иноку, бывшу в игуменех, о немецкой прелести, глаголаемой фортуне, и о колесе ея» и далее в тексте наряду с новым лексическим сочетанием церк.-сл. *фортуна* с церк.-сл. *баснь*, соответствующим греч. *μῦθος* и лат. *fabula* (Miklosich), а также со словами от того же корня, чтобы подчеркнуть безосновательность фортуны:

Глаголю же о немъ же мудръствуеши самъ и иныхъ увѣщаваешь, колесомъ счастья, глаголемыя по латынскы фортуны, Христа Бога и Спаса нашего правити же и строити чловѣчскыя вещи, и овѣхъ убо тѣмъ на высоту властей възводити, овѣхъ же оттуду въ послѣднее низлагати безчестие и безславіе (Преподобный, 2014, 37, с. 303);

Сии же умыслиша, от земля и чрева своего вѣщающе, баснословное имя счастья или форту-

ны, ея же и слѣпу именуеть нѣкыи мудрецъ еллинскыи именем Кевисъ, и на камени сѣдѣящу оболом, и слѣпу убо наречеть ея по своихъ прелести, акы бесчинно и безсловесно и неравнѣ подающею человеком имѣнѣя же и саны властелныя, на оболом же камени сѣдѣящу ея являеть, за еже дарованиемъ ея не бывати твердымъ, но удобъ препадающим и къ инымъ преходящимъ. Таковыми убо еллини же и египтяне баснями играющеи, играми от бѣсов, и писаша и уставивша, акы непричастни бывше божественаго свѣта неблазненнаго богопреданаго разума пророческихъ богодухновенныхъ писаней, ими же, зря злоначалныи и злокозненныи диаволь просвѣщаемыхъ благовѣрныхъ, и сего ради не прилагающихся таковому его богомръзко//му учительству, но паче ненавидящихъ и отвращающихся его, и инымъ путемъ тѣшася всескверныи удобъ приятно сътворити то благочестивымъ, увѣщаль латынехъ и германъ, погруженныхъ ужъ въ то сущихъ, и всю душегубительную прелесть поглотившихъ, мало повыше мръзкаго подобия лъжеименнаго разума, глаголю же *басне-ныя фортуны*, пречистыи и поклоняемыи образ писати Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, чепию тонкою, от руки свѣта Его висящею, правяща ея и писаное пред нею коло, да тѣмъ образомъ благочестивии прелѣщаеми бывають богомръзкою прелестию звѣздочетскою, сматряюще *фортуны* правляему от Пречистыя руки Спасовы, попускаеть нечестивыи диаволь мало что показание благочестия приписать къ лукавому нечестия его умышлению, да сице тѣмъ въдрузит въ мыслехъ благочестивыхъ прелесть лъже словцовъ астрологъ. И ничто же дивно, идѣже многажды явися нечестивыи, не точию аггела свѣта и священника свѣтаа носящаго образ // подшедъ, да пустынника свѣта прелстит, но есть, егда и Самого Спаса страшнымъ образомъ дѣйствовавъ всескверныи. А яко убо еллиномъ есть умышление лукавое таковое мудрование, слыши внятно и разумѣи прилѣжнѣ, что глаголетъ о *фортуны басненыи* премудръ нѣкыи христіанскыи философъ: «Счастье у еллинѣхъ, рече, есть же и мнимо есть беспромысленное миру строение или движение от безвѣстныхъ на безвѣстное и собою бываемое; мы же благовѣрнии христіане Христа Бога исповѣдуемъ страающе и правяща вся» (Преподобный, 2014, 37, с. 304);

«Да посадит его, рече, съ силными людии и престоломъ славнымъ наслѣдника» сътворитъ его, не *фортуною басненою и вертѣниемъ колеснымъ*, но пророкомъ свѣтымъ, преже убо Саула, послѣ же блаженнаго Давида, помазавъ ихъ на царехъ, ового убо приемъ от паствы овецъ и доилиць, яко же есть писано, ового же ищуща погыбшыа ослѣта отца своего. <...> Чюже сие, чюже есть отнудъ и невѣдомо свѣтымъ писаниемъ учение // еже о *фортуны латынстѣи*, любезнѣиши ми брате (Преподобный, 2014, 37, с. 305).

На основе собранных данных можем заключить, что Максим Грек, используя в своей фразовке церк.-сл. лемму *фортуна* (*фуртуна*), вводит в литературный (культурный) контекст Московии наследие латинской традиции по теме, наметившейся в западноевропейском Средневековье: его тексты не содержат явных отсылок к древнему италийскому боже-ству, позднее отождествляемому с греческой богиней Τύχη, чей культ был распространен также и в Древнем Риме; Максим Грек не проявляет никакого интереса к доводам философского плана в пользу двойственного характера слова, которое могло означать как счастливую, так и несчастливую судьбу⁷. Напротив, в его сочинениях находит отражение воззрение на богиню судьбы, берущее начало от бл. Августина и подхватываемое другими христіанскими авторами, которое клеймило ее как слепую раздатчицу земного счастья, как неоднозначную и произвольную силу, то есть обладающую чертами, выраженными средневековой метафорой «колесо фортуны», ставшей характерной для словарного состава произведений Максима Грека.

2. Церк.-сл. *фатунь*

Лемма, не встречающаяся в НКРЯ и не зафиксированная в используемых нами словарях, у Максима Грека появляется только в двух местах второго послания Ф.И. Карпову, в которых лемма встречается в двух вариантах написания: церк.-сл. *фатунь* и церк.-сл. *футом*. Слово вводится автором в комментариях, имеющих цель сделать для читателя более понятным значение церк.-сл. *имарменѣи*. Максим Грек употребляет лемму исключительно во вспомогательных целях, не стремясь использовать ее активно и независимо от третьего интересующего нас термина, то есть церк.-сл. *имарменѣи* (*имарѣменѣи*), к которому мы сейчас обратимся.

3. Церк.-сл. *имарменѣи* (*имарѣменѣи*)

3.1. Лемма в НКРЯ и в словарях

Слово отсутствует в НКРЯ⁸. По-видимому, лексема была заимствована напрямую из греческого: греч. *εἰμαρμένῃ* является формой, производной от глагола *μεῖρομαι*, которому соответствует англ. “that which is allotted, destiny” в авторитетном словаре

(Liddell, Scott). В греческой философии и мифологии *εἰμαρμένη* – «исполнение неминуемой судьбы». Понятие становится центральным у Гераклита и, позднее, у стоиков. С тех пор идея противоречивой связи неисповедимой судьбы с промыслом Божиим пронизывала философскую и богословскую мысль и по-разному интерпретировалась представителями различных школ и течений.

В словарях старославянского языка лемма фиксируется только в (Miklosich) в форме *имарьмени* (из Изборника 1073 г.) и комментируется переводами греч. *εἰμαρμένη* и лат. *fatum*. (Дьяченко) истолковывает *имармения*, подтверждая греческий перевод и переводя на русский словом *судьба*, в то время как (Срезневский) фиксирует в славянских переводах с греческого в период между XII и XV вв. церк.-сл. *имармения* (*имарьмения*) как соответствующее греч. *εἰμαρμένη* и лат. *fortuna ac fatum*.

3.2. Лемма в сочинениях Максима Грека

В сочинениях Максима Грека церк.-сл. *имармения* периодически появляется в «Первом послании Ф.И. Карпову...» и два раза во втором послании тому же адресату:

Случилося мнѣ нѣкогда слышати нѣкогого от сущих во Италии еллиномудреныхъ родозрителное упражнение обличающаго, – ниже бо у всѣхъ ихъ такожде похваляемо есть, – яко нѣкыи от благородныхъ и богатыхъ сице совершенѣ побѣженъ бысть родозрителнымъ звѣздъ бѣсованиемъ, яко глаголати ниже хотящему мощи удръжавати себе от злобы украдения, но понужениемъ назирающаго себе планита к сему подвизатися, яко и крадения многажды творити сѣдящаго // посредѣ собрании мужъ, да токмо покажетъ *звѣздную нужу*, юже *имармению нарицають еллиньскы*, – что неистовства сего безумнѣишее или несмысленнѣишее – не срамляшеся благородныи онъ и богатый татя себе явъственѣ исповѣдуя родозрителными нуждами извлачима, и тшася силою показати *звѣздное понужение*, *сирѣчь имармению*, вящше себе посрамляше работающаго ей волею представляя, злаго злыа владычца раба себе проповѣдуя (Преподобный, 2008, 10, с. 262).

В первых двух случаях Максим Грек вводит это слово как синоним церк.-сл. *нужда* и *понуждение*, отмечая, что речь идет о слове, используемом греками.

Чуть ниже автор употребляет лексику в своей фразировке без каких-либо указаний на славянский перевод с целью подчеркнуть, как учит Пс. 26: 1, что христианин полагается на Бога, а не на звезды, не слушает *εἰμαρμένη*, но верит в Сотворившего его по Своему образу свободным и никому не подчиненным:

«Господь, – рече, – просвѣщение мое и Спась мои, от кого ся убою? Господь защититель жизни моя, от кого ся устрашу?». Иже сия глаголетъ с вѣрою, *не звѣзды поставляет и зодиа над челоувѣчьскыи роженни, не имармении внимають, не убоится днеи избытия, не назирають лѣта и времена и часы и мгновения, но надѣася на Создавшаго убо пръвѣе его по образу Божию и по подобю, еже самовластное знаменуеть и не владимое...* (Преподобный, 2008, 10, с. 262–263).

Максим Грек далее делает акцент на рассматриваемом понятии, цитируя Григория Назианзина, но не указывает при этом, из какого именно произведения заимствует цитату:

Почто ниже ни бываемъ высокы создани, якоже Богословъ рече Григории: «Образом Божиимъ почтени быхомъ, сирѣчь самовластиемъ; не соблюдохомъ еже по образу невредно безумиемъ нашим и злымъ совѣтомъ змиинымъ, // а не понужениемъ *имарменинымъ*», поработѣхомъ себе волею плотьскымъ страстемъ... (Преподобный, 2008, 10, с. 263).

Для следующей цитаты (на этот раз из Василия Великого) указывается источник. Это отрывок из шестой беседы на Шестоднев (см. рисунок); здесь в качестве еще одного синонима леммы Максим Грек приводит церк.-сл. *счастие* (*счастье*):

Суетнѣиши^г же паче всѣхъ и иже о художествѣхъ тружающеися. Но гобзуеть убо земли дѣлатель, ниже сѣмена метая, ниже серпъ изостривъ, пребогатѣет же купли дѣйствиа и аще хошеть, аще ни, *имармению*, *сирѣчь счастию*, собирающу имѣнниа ему. Велиа же намъ христианомъ упования исчезнуть, ниже правдѣ почитаемѣ, ниже грѣху осужаемъ, за еже ничто же по произволению от челоувѣкъ све рьшатися, и гдѣ же бо *нужа* и *имармени* *владѣеть*, ни едино мѣсто имать еже по достоинству воздаание, еже праваго суда изряднѣесть (Преподобный, 2008, 10, с. 276).

κλέπτου τὴ ἀδίκημα, οὐδὲ τοῦ φονέως· ὅ γὰρ οὐδὲ βουλομένῳ δυνατὸν ἦν κρατεῖν τῆς χειρὸς διὰ τὸ ἀναπόδραστον τῆς ἐπὶ τὰς πράξεις αὐτὸν κατεπειγούσης ἀνάγκης. Ματαιότατοι δὲ πάντων καὶ οἱ περὶ τὰς τέχνας πονοῦμενοι· ἀλλ' εὐθνήσει μὲν ὁ γεωργός, μήτε σπέρματα καταβάλλων, μήτε δρεπάνην ὀθξάμενος· ὑπερπλουτήσει δὲ ὁ ἔμπορος, κἂν βούληται, κἂν μὴ, τῆς εἰμαρμένης αὐτῷ συναθροισούσης τὰ χρήματα. Αἱ δὲ μεγάλαι τῶν Χριστιανῶν ἐλπίδες φροῦσαι (40) ἡμῖν οἰχθήσονται, οὔτε δικαιοσύνης τιμωμένης, οὔτε καταχρισμένης τῆς ἀμαρτίας, διὰ τὸ μηδὲν κατὰ προαίρεσιν ὑπὸ τῶν ἀνθρώπων ἐπιτελεῖσθαι. "Ὅπου γὰρ ἀνάγκη καὶ εἰμαρ-

ipsum ad agendum impellentem. Vanissimi autem omnium sunt qui artes excolunt : quippe frugibus abundabit agricola, tametsi neque semina in terram dejiciat, neque falcein exacuat. Mercator itidem, velit, nolit, supra modum ditescet, fato ei opes coacervante. Magnæ autem illæ Christianorum spes evanescentes excident nobis, cum neque justitia honoribus ullis afficiatur, neque puniatur peccatum, propterea quod nihil ab hominibus libero animi proposito agatur. Nam ubi necessitas et fatum dominatur, ibi dignitatis meritiq̄ue ratio nullum locum habet : id quod tamen præcipuum justii fundamentum est. Et quidem adversus

PG (Patrologia Graeca), XXIX, coll. 133–134

Оба раза в латинском тексте употреблено *fatum*, а в греческом – *εἰμαρμένη*.

Лемма сохраняется и в краткой версии первого письма Ф.И. Карпову (Преподобный, 2008, 10-б), опубликованной Н.В. Синецкой и восходящей к 1603 году. В этом случае существительное отсылает читателя к понятию, обозначенному в церковнославянском языке словом *нужда*, уже упоминавшемуся выше.

Во «Втором послании Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии» лемма встречается два раза, когда Максим Грек разъясняет значение слова, вводя эквиваленты из латинского – *фатунъ* и *фуртуна*:

Фаусту, отцу Климентову, наченшу Петра увѣщевати, – еллин бо еще Фаустъ бѣ и во астрологии искусень, – наченшу убо являти не быти божественному Промыслу, но рождениемъ и *имармению*, юже латинстии сынове *фатунъ* и *фуртуну нарицають*, всѣмъ управлятися, и бесчисленными словесы свое мудрование составляющу (Преподобный, 2008, 11, с. 330);

Роженя же обычеи нам, греком, нарицати, юже глаголют еллини убо // *имармению*, латыни же *футом* или *фуртуну*, роженя же наричем за еже, по глумлением астрологическимъ, звѣздамъ жребъствовати челоувѣческаа житиа (Преподобный 2008, 11, с. 331).

4. Причины заимствования иноязычных слов

В свете выявленных фактов возникают два вопроса: почему Максим Грек решает использовать греческую лемму, если он сам приводит славянские эквиваленты, и как можно интерпретировать использование Макси-

мом Греком слов *имарменья* и *фортуна* в качестве синонимов? На первый вопрос мы постараемся ответить, а второй пока остается открытым.

4.1. Причины использования греческой леммы

Почему Максим Грек решает использовать греческую лемму, когда он сам приводит славянские эквиваленты, а именно: *церк.-сл. нужда, понуждение* и *счастье (счастие)*?

Педагогические мотивы деятельности Максима Грека широко известны: прибыв в Москву в 1518 г., он быстро осознал, что клир и писцы плохо владеют греческим – сложным и каверзным языком. Предполагается, что именно с этой целью он написал «Толкование именам по алфавиту»⁹, глоссарий греческих имен собственных с комментариями, который стал подспорьем русскоязычным неوفитам в быстром запоминании греческих корней. По той же причине, как заметил М. Гардзанити, вместо перевода новых произведений, в том числе и святых отцов, Максим Грек предпочел пересказать на славянском некоторые части из Суды – византийского лексикона, содержащего множество полезной информации, начиная с этимологии (см.: [Garzaniti, 2010, p. 360]). Аналогичную причину можно усмотреть в создании списка наименований драгоценных камней, который Максим Грек составил, очевидно, по необходимости (Сочинения, т. 3, с. 284).

Тем не менее объяснять лексический выбор Максима Грека исключительно педагогическими мотивами представляется слиш-

ком простым решением. Лемма встречается в текстах периодически и появляется в особом контексте полемики против предсказательных практик, где Максим Грек неотвратимой необходимостью *εἰς αὐτὴν* противопоставляет «свободную волю» / *liberum arbitrium* (церк.-сл. *самовластие*), которая в глазах автора является основным аргументом против ложной веры в предопределенность судьбы и ее предсказуемость в астрологических практиках¹⁰. Следовательно, речь идет о текстах, имеющих определенное значение для экономичности авторского дискурса, и представляется убедительным, что Максим Грек хотел выразить как можно точнее и полнее собственную мысль и в то же время быть уверенным, что адресат (или адресаты) поймет ее однозначно. Это объясняет наличие авторских комментариев, в которых он приводит славянские эквиваленты. Кроме того, введение греческого слова, как нам представляется, указывает на то, что Максим Грек полагал, что ни один из славянских эквивалентов не передавал значение греческого слова надлежащим образом. Действительно, как покажем ниже, семантика церк.-сл. слов *нужда*, *понуждение* и *счастье* достаточно далека от греч. *εἰς αὐτὴν*.

Старосл. *нужда* (*нжжда*) соответствует греч. *ἀνάγκη*, лат. *necessitas*, но также и греч. *βία*, лат. *vis* и греч. *ἐπὴρεια*, лат. *iniura* (см.: Цейтлин; Miklosich)). В (Kurz, Hauptová) лемма имеет три значения: 1) греч. *βία*, *ἐπὴρεια*, *χεῖρ*, *ἀνάγκη*, лат. *vis*, *violentia*, *necessitas*, рус. *насилие*, *принуждение*; 2) греч. *ἀνάγκη*, *χρεία*, лат. *necessitas*, рус. *необходимость*, *нужда*; 3) греч. *ἀνάγκη*, *βάσανος*, *βία*, лат. *necessitas*, *importunitas*, *angustiae*, рус. *страдание*. В церковнославянском различаются два значения: 1) церк.-сл. *нужда*, соответствующее рус. *необходимость*, греч. *ἀνάγκη* и рус. *насилие*, *принуждение*, которое отсылает к греч. *βάσανος* и лат. *vis*; и 2) церк.-сл. *нуждь*, которое наследует самое неординарное значение рус. *сила*, *насилие*, греч. *βία*, а также рус. *нужда*, *бедствие* (Срезневский, т. 2, стб. 475). Только в (СРЯ) для многозначной церк.-сл. леммы *нужда* (*нуждя*) указывается рус. значение «необходимая связь причин и следствий, необходимость как философская категория», со-

ответствующее греч. *ἀνάγκη*; в единственном процитированном примере XII–XIII вв. встречается церк.-сл. *мармение* – вариант написания церк.-сл. *имарменя*, не зафиксированный, однако, в (СРЯ) отдельной статьей. В старорусском модуле НКРЯ, это слово зафиксировано, оно всегда встречается в контекстах, которые отсылают к понятию необходимости, а не к понятию судьбы.

О существительном *понуждение* заметим, что в (Miklosich) старосл. *понуждение* (*понжждение*) является переводом лат. *cogere*, в то время как церк.-сл. *нуждение* соответствует лат. *necessitas*. В статье (СРЯ) церк.-сл. выражение *звѣздное понужение* приводится с русским переводом: то, что определено расположением звезд, то есть судьба, зафиксированная у Максима Грека (в (СРЯ) содержится пример, прокомментированный выше и встречающийся в первом послании Ф.И. Карпову, с. 262).

Что касается церк.-сл. *счастье*, то в старославянский период лемма встречается редко: в (Цейтлин; Miklosich) о ней не упоминается, а в (Kurz, Hauptová) находим старославянское прилагательное *счѣстьнѣ* (со значением лат. *felix*) и старославянское наречие *счѣстьнѣ* (соответствующее лат. *feliciter*). В (Срезневский) лемма соответствует рус. *счастье*, *удача*. Употребление церк.-сл. *счастье* в значении рус. *судьба* находит подтверждение только в (СРЯ), где опять же приведен пример из сочинений Максима Грека, однако, без указания, где именно оно используется совместно с церк.-сл. *имарменя*.

Как видно, ни один из славянских терминов, к которым прибегает Максим Грек, не отсылает к интересующему нас греческому переводу. Из семантики церк.-сл. кальки *имармение* первые два значения – церк.-сл. *нужда* и церк.-сл. *понуждение* – имеют общее значение «необходимость», в то время как церк.-сл. *счастье* в значении рус. *судьба* начинает употребляться довольно поздно и, как явствует из (СРЯ), обязано своим появлением именно Максиму Греку. Кроме этого, вплоть до XVII в. рус. *судьба* наряду с юридическим значением сохраняет значение «решение, желаемое / принятое Богом» (см.: (СРЯ; Kurz, Hauptová)), соответствующее греч. *κρίμα* (Цейтлин) и греч. *κρίσις*, лат. *iudicium*

(Miklosich) и не полностью совпадающее с греч. *εἰμαρμένη*. Таким образом, гипотеза несостоятельности славянских лемм при передаче семантики греч. *εἰμαρμένη* представляется верифицированной.

При попытке парафразирования леммы, как уже было продемонстрировано, Максим Грек прибегает также к латинским вариантам *фатунь* (лат. *fatum*) и *фуртуна* (лат. *fortuna*), ни один из которых не является эквивалентом церк.-сл. *нужда*, *понуждение* и *счастье*. В этом случае также представляется правдоподобным, что Максим Грек использовал их в силу неудовлетворенности славянскими вариантами.

4.2. Синонимия между словами *имарменя* и *фортуна*. Гипотеза интерпретации

Второй вопрос, возникающий при контекстном анализе леммы, связан с двумя другими интересующими нас словами. В тексте Максима Грека *имарменя*, *фатунь* и *фортуна* являются практически синонимами. Если сходство значений первых двух слов не вызывает сомнения, то синонимия между словами *имарменя* и *фортуна* оказывается удивительной, так как в европейском Средневековье понятие греч. *ἀνάγκη* / лат. *fatum* противопоставляется понятию греч. *τύχη* / лат. *fortuna*. Итак, здесь необходимо изыскать иные доказательства. К настоящему моменту мы определили одно направление дальнейшего исследования в изучении эволюции понятия «судьба» в западноевропейской культуре в период с конца XV в. до 20-х гг. XVI века. В частности, как объясняет итальянский историк М. Санторо, после завоевания Италии Карлом VIII итальянские авторы начинают переосмысливать тему судьбы и связанные с ней образы и понятия [Santoro, 1978]. Учитывая роль итальянского культурного контекста в развитии мировоззрения Максима Грека, следует в дальнейшем сосредоточиться на этом вопросе и постараться обнаружить документы, которые, вероятно, послужили источниками для Максима.

Заключение и перспективы исследования

На основе вышесказанного лексикологический подход к литературному творчеству

Максима Грека представляется не только заслуживающим внимания, но и полезным в исследовательской деятельности.

Изложенный материал подтверждает гипотезу о специфических элементах в лексическом узусе писателя, в частности о новых заимствованиях из латинского и греческого языков.

Анализ текстов позволил выделить заимствования церк.-сл. *имарменя*, *фатунь* и *фортуна*, употребление которых было спорадическим в церковнославянской литературе предыдущего периода, как следует из обращения к историческим модулям НКРЯ и к основным словарям старославянского и церковнославянского языков.

Контекстный анализ сочинений Максима Грека показал, что автор, будучи неудовлетворенным славянским лексическим материалом (церк.-сл. *нужда*, *понуждение* и *счастье*), заимствовал специфическую недвусмысленную терминологию из греческого и латинского языков, обогатив таким образом лексический состав церковнославянского.

Представленное исследование является первым шагом на пути решения нашей задачи, так как употребление Максимом Греком трех выделенных слов ставит перед нами вопросы, которые следует изучать не с узколексической точки зрения, а в общей перспективе развития религиозно-философской мысли в Европе раннего Нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая работа является расширенным вариантом исследования, представленного на итальянском языке в: [Ferro, 2021 (in print)].

² В лингвистических исследованиях литературного творчества Максима Грека до сих пор рассматривались морфосинтаксические особенности произведений автора, что позволило уточнить некоторые характерные черты и признаки языковой личности писателя, стало полезным при атрибуции рукописей и показало роль первого нормализатора церковнославянского языка, которую ученые приписывают Максиму (см.: [Вернер, 2010а; 2010б; 2017; Ковтун, Синицына, Фонкич, 1973; Кравец, 1991; Ромодановская, 2000; MacRobert, 2008; 2018; Olmsted, 2002]). Кроме того, особое внимание уделяется авторским глоссам, демонстрирующим то тщание, с которым Максим

Грек относился при переводе к подбору славянских эквивалентов, наиболее точно передающих значение греческих лемм и выражений. Интерес к этой теме нашел отражение в процессе работы Международной научной конференции «Максим Грек и развитие грамматической традиции в России» (Москва, 18 декабря 2018 г.), в частности благодаря докладам И.В. Вернер, Т.В. Пентковской и Л.И. Щеголевой. Вызывает интерес также исследование авторских лексических решений при переводе цитат из Писания, где отмечается «семантическое расширение местного языкового материала на иноязычной основе», лишенное какого-либо влияния уже существующей славянской версии, что служит свидетельством филологического подхода к священным текстам [Romoli, 2021 (in print)].

³ В биографии Максима Грека (в миру Михаил Триволис, прибл. 1470, Арта–1556, Сергиев Посад) до сих пор существуют белые пятна и вызывающие сомнения ученых моменты, нуждающиеся в более точной реконструкции. Важнейшие этапы его жизненного пути освещены в фундаментальных исследованиях: [Синицына, 2008; Denissoff, 1943]. О связях Максима Грека с Западом см.: [Висковатый, 1939; Гудзий, 1911; Иванов, 1972; 1973а; 1973б; Кудрявцев, 2013; Ромоли, 2017; Синицына, 1972; 2008; Шевченко, 2009; Denissoff, 1943; Garzaniti, 2020; Garzaniti, Romoli, 2010; Haney, 1973; Romoli, 2010; Sinicyna, 2005; 2010].

⁴ При изучении слова *разумъ* преследовалась цель определить, ввел ли Максим Грек новый узус знаменательных терминов восточнославянского Средневековья, и, если да, то каким образом это произошло (о значении слова *разумъ* в НКРЯ см.: [Ferro, 2018]); выбор для исследования слова *самовластие* определялся его культурной значимостью в гуманитарной области [Ferro, 2019].

⁵ О проекте издания Полного собрания сочинений Максима Грека см.: [Буланин, 2019].

⁶ Выражаем нашу признательность Джованне Мораччи за полезное замечание. Значение восходит к лат. *fortuna*, которое могло замещать лат. *tempestas*, как указывается в использованных при работе словарях (см. список источников и словарей).

⁷ Литература на эту тему богата. Среди самых важных до сих пор исследований выделим работы Х.Р. Патча [Patch, 1922; 1967].

⁸ Я благодарна Т. Анисимовой за то, что она сообщила мне о фиксации слова в исключенных из НКРЯ источниках, в частности в Хронике Георгия Амартола, где слово употребляется несколько раз (см.: [Истрин, 1920, с. 74–76, 83–85]).

⁹ Произведение было издано в 1975 г. [Ковтун, 1975]. О его значении в русской лексикографии см.: [Низамединова, 2016].

¹⁰ См.: [Ромоли, 2015; Ferro, 2019].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- англ.* – английский (язык).
греч. – греческий (язык), греческое (слово).
лат. – латинский (язык), латинское (слово).
рус. – русский (язык), русское (слово).
старосл. – старославянский (язык), старославянское (слово).
церк.-сл. – церковнославянский (язык), церковнославянское (слово).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буланин Д. М., 2019. Полное собрание сочинений Максима Грека. Начало работы и план ее завершения // *Studi Slavistici*. Т. 16, вып. 2. Р. 119–137. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-7656.
- Вернер И. В., 2010а. Лингвистические особенности перевода «латинских» книг Геннадиевской библии 1499 г. // *Studi Slavistici*. Т. 7, вып. 1, С. 7–31. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-9195.
- Вернер И. В., 2010б. О языковой практике Максима Грека раннего периода «sub specie grammaticae» // *Славяноведение*. № 4. С. 29–38.
- Вернер И. В., 2017. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // *Славяноведение*. № 2. С. 40–54.
- Висковатый К., 1939. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Т. 17, № 1–2. Р. 128–133.
- Гудзий Н. К., 1911. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения // *Университетские известия*. № 7. С. 1–19.
- Иванов А. И., 1972. Максим Грек и итальянское Возрождение. I // *Византийский временник*. Т. 33 (58). С. 140–157.
- Иванов А. И., 1973а. Максим Грек и итальянское Возрождение. II // *Византийский временник*. Т. 34 (59). С. 112–121.
- Иванов А. И., 1973б. Максим Грек и итальянское Возрождение. III // *Византийский временник*. Т. 35 (60). С. 119–136.
- Истрин В. М., 1920. Книги временья и образныя Георгия мниха : Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. В 3 т. Т. 1. Текст. Петроград : Отд. рус. яз. и словесности Рос. акад. наук. XVIII, 612, III с.
- Ковтун Л. С., 1975. Лексикография в Московской Руси XV – начала XVII в. М. : Наука. 351 с.
- Ковтун Л. С., Синицына Н. В., Фонкич Б. Л., 1973. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой

- практике XVI в.) // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М. : Наука. С. 99–127.
- Кравец Е. В., 1991. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века // *Russian Linguistics*. Vol. 15, iss. 3. P. 247–279. DOI: 10.2307/40160316.
- Кудрявцев О. Ф., 2013. Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М. : РОССПЭН. 331 с.
- Низамедтинова Н. Ч., 2016. Русская лексикография в XVI в. // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. № 5. С. 89–96. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-89-96.
- Ромодановская В. А., 2000. «Седе одесную отца» или «сидел еси»? К вопросу о правке Максима Грека // *Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания* : сб. науч. тр. Новосибирск : Сиб. хронограф. С. 232–238.
- Ромоли Ф., 2015. «Trattato contra li astrologi» Джироламо Савонаролы и «Слово противу тшадщих звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» Максима Грека. Опыт сопоставительного анализа // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. № 3 (Neue Folge). S. 1–17.
- Ромоли Ф., 2017. «Антимагометанские» статьи в «Triumphus Crucis» Джироламо Савонаролы и в Первом собрании сочинений Максима Грека. Некоторые текстуальные совпадения // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 65. С. 84–100.
- Синицына Н. В., 1972. Максим Грек и Савонарола. О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. М. : Наука. С. 149–156.
- Синицына Н. В., 2008. Раннее творчество преподобного Максима Грека // *Максим Грек, преподобный*. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М. : Индрик. С. 15–83.
- Шевченко И., 2009. Четыре мира и две загадки Максима Грека // *Море и берега : К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников* / отв. ред. Р. М. Шукуров. М. : Индрик. С. 477–488.
- Denisoff E., 1943. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution a l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis, Paris ; Louvain : Bibliothèque de l'Université. XL, 460 p.
- Garzaniti M., 2010. Sacra Scrittura, auctoritates e arte traduttoria in Massimo il Greco // *Studi Slavistici*. Vol. 7. P. 349–363.
- Garzaniti M., 2020. Umanesimo, rinascimento e cultura russa tra il XV e il XVII secolo. Alcune riflessioni preliminari // *Towards an Atlas of Humanistic and Renaissance Literary Civilization and of the Diffusion of Classical Literatures in the Slavic World (15th–17th century)* / ed. by G. Siedina. Firenze. [S. l. : s. n.]. P. 17–35.
- Garzaniti M., Romoli, 2010. Forum «Massimo il Greco, Firenze e l'Umanesimo italiano» a cura di Marcello Garzaniti e Francesca Romoli // *Studi Slavistici*. T. 7. P. 239–243.
- Ferro M. C., 2018. Sl.eccl. разумъ. Studi per un lexicon plurilingue dei termini religiosi e filosofico-teologici // *Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti (Belgrado, 20–27 agosto 2018)* / ed by M. C. Ferro, L. Salmon, G. Ziffer. Firenze : Firenze University Press. P. 23–36.
- Ferro M. C., 2019. Per un'analisi lessicale delle opere di Massimo il Greco // *Studi Slavistici*. № 2. P. 139–156. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-7482.
- Ferro M. C., 2021. 'Destino' e dintorni. Innovazioni lessicali nelle opere in slavo di Massimo il Greco // *Cyrrillomethodianum*. XXII. (In print).
- Haney J. V., 1973. From Italy to Muscovy. The life and works of Maksim the Greek. München : Wilhelm Fink Verlag. 198 p.
- MacRobert C. M., 2008. Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic // *Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists*. Ohrid : [s. n.]. P. 45–63.
- MacRobert C. M., 2018. Maksim Greek in linguistic context // *Latinitas in the Slavic World (Specimina Philologiae Slavicae, 192)* / ed. by V. S. Tomelleri, I. V. Verner. Berlin : Peter Lang. P. 173–205.
- Olmsted H. M., 2002. Recognizing Maksim Grek: Features of his Language // *Paleoslavica*. T. X, № 2. P. 1–26.
- Patch H. R., 1922. The Tradition of the Goddess Fortuna in Medieval Philosophy and Literature. [S. l.]: Smith College. 235 p.
- Patch H. R., 1967. The Goddess Fortuna in Mediaeval Literature. N. Y. : Octagon Books. xii, 215 p.
- Romoli F., 2010. L'Epistola al gran principe di Mosca Vasilij III sulla traduzione del Salterio commentato di Massimo il Greco fra retorica classica e prassi umanistica // *Studi Slavistici*. № 7. P. 365–383.
- Romoli F., 2021. Traduzione e innovazione lessicale nell'opera di Massimo il Greco (sui materiali dello «Slovo protivu tščaščichsja zvezdozreniem predricati o buduščich i o samovlastii čelovekom» // *Mediazione linguistica e culturale. Voci e istanze dall'accademia* / ed. by M.C. Ferro. Milano. (In print).
- Santoro M., 1978. Fortuna, ragione e prudenza nella civiltà letteraria del Cinquecento. Napoli : Liguori. 614 p.
- Sinicyna N. V., 2005. Massimo il Greco, Firenze, Savonarola // *Giorgio La Pira e la Russia* / ed. by M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze : Taylor & Francis. P. 265–289.

Sinicyna N. V., 2010. Umanesimo e vocazione monastica nella biografia e nell'opera di Massimo il Greco // *Studi Slavistici*. № 7. P. 313–326.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Дьяченко – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. Репр. изд.: М., 1990. М.: Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. 1126 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Исторический корпус. URL: https://ruscorpora.ru/old/search-old_rus.html (дата обращения: 07.07.2020).

Сочинения – Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 1–3. Казань: [б. и.], 1859–1862.

Преподобный, 2008 – Преподобный Максим Грек. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. Н. В. Сеницыной. М.: Индрик. 568 с.

Преподобный, 2014 – Преподобный Максим Грек. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / под ред. Н. В. Сеницыной. М.: Рукоп. памятники Древ. Руси. 432 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 07.07.2020).

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Репр. изд. 1893–1912 гг. М.: Знак, 2003. 3 т.

Цейтлин – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

Kurz, Hauptová – Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae / ed. J. Kurz, Z. Hauptová. Репр. изд.: Praha: Nakl-vi Ceskosl. akad. ved, 1966–1997. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Liddell, Scott – Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. N. Y.: Harper & Brothers, 1883. XVI, 1776 p.

Miklosich – Lexicon Paleoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum / ed. Fr. Miklosich. Vindobonae: G. Braumueller, 1862–1865. XXII, 1171 S.

REFERENCES

Bulanin D.M., 2019. Polnoe sobranie sochineniy Maksima Greka. Nachalo raboty i plan ee zaversheniya [The Publication of the Complete Collected Works of Maximus the Greek: The Beginning of the Project and the Plan for its Final Realization]. *Studi Slavistici*, vol. 16, iss. 2, p. 119-137. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-7656.

Verner I.V., 2010a. Lingvisticheskie osobennosti perevoda “latinskikh” knig Gennadijevskoy biblii

1499 g. [The linguistic peculiarities of the translation of “Latin” books in the 1499 Gennadij Bible]. *Studi Slavistici*, vol. 7, iss. 1, p. 7-31. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-9195.

Verner I.V., 2010b. O yazykovoy praktike Maksima Greka rannego perioda «sub specie grammaticae» [About the language practice of Maxim Greek of the early period “sub specie grammaticae”]. *Slavyanovedenie*, no. 4, pp. 29-38.

Verner I.V., 2017. K istorii perevoda Psaltyri Maksimom Grekom 1522–1552 godakh: khronologiya, tekstologiya, metodologiya [On the history of Maximus the Greeks translation of Psalter in 1522–1552: chronology, textology and methodology]. *Slavyanovedenie*, no. 2, pp. 40-54.

Viskovatyy K., 1939. K voprosu o literaturnom vliyaniy Savonaroly na Maksima Greka [On the literary influence of Savonarola on Maximus the Greek]. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, vol. 17, no. 1-2, pp. 128-133.

Gudziy N.K., 1911. Maksim Grek i ego otnoshenie k epokhe italyanskogo Vozrozhdeniya [Maximus the Greek and his relation to the Italian Renaissance]. *Universitetskie izvestiya*, no. 7, pp. 1-19.

Ivanov A.I., 1972. Maksim Grek i italyanskoe Vozrozhdenie, I [Maximus the Greek and the Italian Renaissance, I]. *Vizantiiskii vremennik*, vol. 33 (58), pp. 140-157.

Ivanov A.I., 1973. Maksim Grek i italyanskoe Vozrozhdenie, II [Maximus the Greek and the Italian Renaissance, II]. *Vizantiiskii vremennik*, vol. 34 (59), pp. 112-121.

Ivanov A.I., Maksim Grek i italyanskoe Vozrozhdenie, III [Maximus the Greek and the Italian Renaissance, III]. *Vizantiiskii vremennik*, vol. 35 (60), pp. 119-136.

Istrin V.M., 1920. *Knigy vremennyya i obraznyya Georgiya mnikha: Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar. V 3 t. T. 1: Tekst.* [Books of the times and images of George mnich: the Chronicle of George Amartol in ancient Slavonic translation. Text, research, and dictionary. In 3 vols.], Petrograd, Otd. rus. yaz. i slovesnosti Ros. akad. nauk. XVIII, 612, III p.

Kovtun L.S., 1975. *Leksikografiya v Moskovskoy Rusi XV–nachala XVII v.* [Lexicography in Moscow Russia 15th-early 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ. 351 p.

Kovtun L.S., Sinitsyna N.V., Fonkich B.L., 1973. Maksim Grek i slavyanskaya Psaltyr (slozhenie norm literaturnogo yazyka v perevodcheskoy praktike XVI v.). [Maximus the Greek and the Slavic Psalter (addition of the norms of the literary language in the translation practice of the 16th century)]. *Vostochnoslavjanskije jazyki:*

- istochniki dlya ikh izucheniya* [East Slavic languages: sources for their study]. Moscow, Nauka Publ., pp. 99-127.
- Kravets E.V., 1991. Knizhnaya sprava i perevody Maksima Greka kak opyt normalizatsii tserkovnoslavjanskogo yazyka XVI veka [The Knizhnaya Sprava and Maksim the Greeks Translations as an Attempt at Normalizing the Church Slavonic Language of the 15th Century]. *Russian Linguistics*, vol. 15, iss. 3, pp. 247-279. DOI: 10.2307/40160316.
- Kudryavtsev O.F., 2013. *Evropeyskoe Vozrozhdenie i russkaya kultura XV – serediny XVII v.: kontakty i vzaimnoe vospriyatie* [European Renaissance and Russian culture of the 15th-mid-17th centuries: contacts and mutual perception]. Moscow, ROSSPEN Publ. 331 p.
- Nizamedtinova N.Ch., 2016. Russkaya leksikografiya v XVI v. [Russian lexicography in the 16th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], no. 5, pp. 89-96. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-89-96.
- Romodanovskaya V.A., 2000. «Седе одесную отца» ili «сидел еси»? K voprosu o pravke Maksima Greka [“Седе одесную отца” or “сидел еси”? On the issue of editing Maxim Grek]. *Problemy istorii, russkoy knizhnosti, kultury i obshchestvennogo soznaniya: sb. nauchn. tr.* [Problems of history, Russian bookishness, culture and public consciousness: collection of scientific works]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., pp. 232-238.
- Romoli F., 2015. «Trattato contra li astrologi» Dzhirrolamo Savonaroly i «Slovo protivu tshchashchikhysya zvezdozreniem predritsati o budushchikh i o samovlastii chelovekom» Maksima Greka. Opyt sopostavitelnogo analiza [“Trattato contra li astrologi” by Girolamo Savonarola and “Slovo protivu tshchashchikhysya zvezdozreniem predritsati o budushchikh i o samovlastii chelovekom” by Maxim Grek. Experience of comparative analysis]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, no. 3 (Neue Folge), pp. 1-17.
- Romoli F., 2017. «Antimagometanskies» statyi v «Triumphus Srucis» Dzhirrolamo Savonaroly i v Pervom sobranii sochineniy Maksima Greka. Nekotorye tekstualnye sovpadeniya [“Anti-Islamic” Articles in Girolamo Savonarolas Triumphus Crucis and Maxim the Greeks First Collection of Works: Some Textual Coincidences]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature], vol. 65, pp. 84-100.
- Sinitsyna N.V., 1972. Maksim Grek i Savonarola. O pervom rukopisnom sobranii sochineniy Maksima Greka [Maxim the Greek, Savonarola. About the first handwritten collection of works by Maximus the Greek]. *Feodalnaya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse* [Feudal Russia in the world-historical process]. Moscow, Nauka Publ., pp. 149-156.
- Sinitsyna N.V., 2008. Rannee tvorchestvo prepodobnogo Maksima Greka [The early work of St. Maximus the Greek]. *Maksim Grek, prepodobnyy. Sochineniya* [Reverend Maximus The Greek. Essays], vol. 1. Moscow, Indrik Publ., pp. 15-83.
- Shevchenko I., 2009. Chetyre mira i dve zagadki Maksima Greka [Four worlds and two riddles of Maxim the Greek]. *More i berega. K 60-letiyu Sergeya Pavlovicha Karpova ot kolleg i uchenikov* [The sea and the shore. To the 60th anniversary of Sergey Pavlovich Karpov from colleagues and students]. R.M. Shukurov (ed.). Moscow, Indrik Publ., pp. 477-488.
- Denissoff E., 1943. *Maxime le Grec et l'Occident. Contribution a l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis* [Maximus The Greek and the West. Contribution to the history of religious and philosophical thought by Michel Trivolis]. Paris, Louvain. Bibliothèque de l'Université. XL, 460 p.
- Garzaniti M., 2010. Sacra Scrittura, auctoritates e arte traduttoria in Massimo il Greco [Sacred Scripture, auctorities and translation art in Maximus Greek]. *Studi Slavistici*, vol. 7, pp. 349-363.
- Garzaniti M., Romoli, 2010. Forum «Massimo il Greco, Firenze e l'Umanesimo italiano» a cura di Marcello Garzaniti e Francesca Romoli [Forum “Massimo Il Greco, Florence and Italian Humanism” curated by Marcello Garzaniti and Francesca Romoli]. *Studi Slavistici*, vol. 7, 2010, p. 239-243.
- Garzaniti M., 2020. Umanesimo, rinascimento e cultura russa tra il XV e il XVII secolo. Alcune riflessioni preliminari [Humanism, Renaissance and Russian culture between the 15th and 17th centuries. Some preliminary thoughts]. *Towards an Atlas of Humanistic and Renaissance Literary Civilization and of the Diffusion of Classical Literatures in the Slavic World (15th-17th century)*. G. Siedina (ed.) Firenze, pp. 17-35.
- Ferro M.C., 2018. Sl.eccl. разумъ. Studi per un lexicon plurilingue dei termini religiosi e filosofico-teologici [Ch.sl. разумъ. Studies for a multilingual lexicon of religious and philosophical-theological terms]. *Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti* (Belgrad, 20-27 august 2018). M. C. Ferro, L. Salmon, G. Ziffer (eds.). Firenze, Firenze University Press, pp. 23-36.
- Ferro M.C., 2019. Per un'analisi lessicale delle opere di Massimo il Greco [For a lexical analysis of the

- works of Maximus The Greek]. *Studi Slavistici*, no. 2, pp. 139-156. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-7482.
- Ferro M.C., 2021. Destino e dintorni. Innovazioni lessicali nelle opere in slavo di Massimo il Greco [Destiny and surroundings. Lexical innovations in the works in Slavic by Maximus The Greek]. *Cyrrillomethodianum*, XXII. (In print).
- Haney J.V., 1973. *From Italy to Muscovy. The life and works of Maksim the Greek*. Munich, Wilhelm Fink Publ., 198 p.
- MacRobert C.M., 2018. Maksim Greek in linguistic context. *Latinitas in the Slavic World* (Specimina Philologiae Slavicae, 192). V.S. Tomelleri, I.V. Verner (eds.). Berlin, Peter Lang, pp. 173-205.
- MacRobert C.M., 2008. Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic. *Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists*. Ohrid, pp. 45-63.
- Olmsted H.M., 2002. Recognizing Maksim Grek: Features of his Language. *Paleoslavica*, vol. 10, no. 2, pp. 1-26.
- Patch H.R., 1922. *The Tradition of the Goddess Fortuna in Medieval Philosophy and Literature*. [S. 1.]: Smith College. 235 p.
- Patch H.R., 1967. *The Goddess Fortuna in Mediaeval Literature*. New York: Octagon Books. xii, 215 p.
- Romoli F., 2010. L'Epistola al gran principe di Mosca Vasilij III sulla traduzione del Salterio commentato di Massimo il Greco fra retorica classica e prassi umanistica [The Epistle to the Grand Prince of Moscow Vasily III on the translation of The commented psalter of Maximus The Greek between classical rhetoric and humanistic practice]. *Studi Slavistici*, no. 7, pp. 365-383.
- Romoli F., 2021. Traduzione e innovazione lessicale nell'opera di Massimo il Greco (sui materiali dello "Slovo protivu tščaščichsja zvezdozreniem predricati o buduščich i o samovlastii čelovekom") [Translation and lexical innovation in the work of Maksim the Greek (on the materials of the "Slovo protivu tščaščichsja zvezdozreniem predricati o buduščich i o samovlastii čelovekom"). *Mediazione linguistica e culturale. Voci e istanze dall'accademia* [Linguistic and cultural mediation. Voices and instances from the Academy]. M.C. Ferro (ed.). Milan. (In print).
- Santoro M., 1978. *Fortuna, ragione e prudenza nella civiltà letteraria del Cinquecento* [Fortune, reason and prudence in the literary civilization of the sixteenth century]. Napoli, Liguori Publ. 614 p.
- Sinicyna N.V., 2005. Massimo il Greco, Firenze, Savonarola [Maksim the Greek, Florence, Savonarola]. *Giorgio La Pira e la Russia*. M. Garzaniti, L. Tonini (eds.). Firenze, pp. 265-289.
- Sinicyna N.V., 2010. Umanesimo e vocazione monastica nella biografia e nell'opera di Massimo il Greco [Humanism and monastic vocation in the biography and work of Maximus The Greek]. *Studi Slavistici*, no. 7, pp. 313-326.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Dyachenko G. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar* [Unabridged Church Slavonic Dictionary. Reproduction Edition of 1900]. Moscow, Izdatelskiy otdel Moskovskogo Patriarkhata, 1993. 1126 p.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Istoricheskiy korpus [National Corpus of the Russian Language. The historical Corpus]. URL: https://ruscorpora.ru/old/search-old_rus.html (accessed 07 July 2020).
- Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoy dukhovnoy akademii*. Ch. 1–3 [Works of St. Maximus the Greek, published at the Kazan theological Academy. Part 1-3]. Kazan, 1859-1862.
- Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya*. T. 1 [Reverend Maximus The Greek. Essays. In 2 vol. Vol. 1]. N.V. Sinitsyna (ed.). Moscow, Indrik Publ., 2008. 568 p.
- Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya*. T. 2 [Reverend Maximus The Greek. Essays. In 2 vol. Vol. 2]. Ed. by N.V. Sinitsyna. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2014. 432 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII* [Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th c.]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (accessed 07.07.2020).
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam*: v 3 t. Repr. izd. 1893–1912 gg. [Materials for the Old Russian Language Dictionary According to Manuscripts. In 3 Vol. Reproduction Edition of 1893-1912]. Moscow, Znak Publ., 2003.
- Staroslavjanskiy slovar (po rukopisyam X–XI vv.)* [Old Slavonic dictionary (based on manuscripts of the 10th-11th centuries)]. R.M. Tseytlin, R. Večerka, E. Blagova (eds.). Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994. 842 p.
- Slovník jazyka staroslovinského = Lexicon linguae palaeoslovenicae* [Lexicon of the old Slavonic language. J. Kurz, Z. Hauptová (eds.). Reproduction Edition of 1966-1997]. In 4 vol. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006.
- Liddell H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. New York, Harper & Brothers, 1883. XVI, 1776 p.
- Lexicon Paleoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum*. Fr. Miklosich (ed.). Vindobonae, G. Braumueller, 1862-1865. XXII, 1171 p.

Information About the Author

Maria Chiara Ferro, PhD, Associate Professor, University G. d'Annunzio, Via dei Vestini, 31, 66100 Chieti, Italy; Viale Pindaro, 42, 45371 Pescara, Italy, maria.ferro@unich.it, <https://orcid.org/0000-0002-9949-6856>

Информация об авторе

Мария Кьяра Ферро, PhD, доцент, Университет им. Г. д'Аннунцио, Via dei Vestini, 31, 66100 г. Кьети, Италия; Viale Pindaro, 42, 45371 г. Пескара, Италия, maria.ferro@unich.it, <https://orcid.org/0000-0002-9949-6856>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.3>

UDC 811.161.1:81'42
LBC 81.411.2-03

Submitted: 30.08.2020
Accepted: 09.11.2020

COMMUNICATIVE STRATEGIES IN THE 13th-CENTURY TOLSTOVSKIY SBORNIK ¹

Maria O. Novak

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
FRC "Kazan Scientific Center of RAS", Kazan, Russia

Abstract. The article discusses communicative strategies in the Old Russian Tolstovskiy Sbornik dating back to the 13th century (National Library of Russia, F.p.I.39), a general type of Panegyric, which includes the texts of the triode and menaean cycles. The author considers how individual works and the collection as a whole interact with the addressee and finds out that the collection implements the strategies of explicit and implicit influence. The first is inherent in the homiletic and catechetical genre and implies a direct appeal to the reader or listener. The addressee can also be imaginary (this communicative situation is realized only in the Parable of Wisdom). The speech means characteristic of this strategy are imperative verb forms and personal pronouns. The second strategy involves the addressee indirectly, representing the dialogical interaction between the characters. It unites texts of different genres: the panegyric words of Cyril Turovsky, the hagiographic "memory" of Basil the Great, the apocryphal Tale of Aphroditian. Dialogues between the characters either provide a framework for the biblical story, or function as "engines" of the plot. The interaction of dialogical structures with each other and with the narrative can be quite complex: one dialogue can be inside another, the participants of dialogues can be storytellers, and the communication of characters can be both verbal and non-verbal. Both communicative strategies, in their unity, serve the tasks of informing and educating Christians (acquaintance with the biblical history and the formation of an ethical ideal).

Key words: Old Russian text, Tolstovskiy Sbornik, communicative strategy, communicative situation, dialogue.

Citation. Novak M.O. Communicative Strategies in the 13th-Century Tolstovskiy Sbornik. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 31-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.3>

УДК 811.161.1:81'42
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 30.08.2020
Дата принятия статьи: 09.11.2020

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ XIII ВЕКА ¹

Мария Олеговна Новак

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия;
Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН», г. Казань, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы коммуникативные стратегии в древнерусском Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.И.39) – торжественнике общего типа, включающего в свой состав тексты триодного и минейного циклов. Ставится вопрос о том, как отдельные произведения и сборник в целом взаимодействуют с адресатом. Установлено, что в сборнике реализуются стратегии открытого и скрытого воздействия. Первая присуща произведениям гомилетического и катехизического жанра и реализуется посредством прямого обращения к читателю или слушателю. При этом адресат может быть воображаемым (эта коммуникативная ситуация отмечена только в Притче о премудрости). Речевые средства, отличающие данную стратегию, – глагольные формы императива и личные местоимения. Вторая стратегия вовлекает адресата в текст опосредованно, реализуясь в описаниях диалогического взаимодействия между персонажами произведений. Она объединяет тексты разных жанров: панегирические слова Кирилла Туровского, житийную «память» Василия Великого, апокрифическое Сказание Афродитиана. Диалоги между персонажами задают

рамки для изложения библейской истории либо продвигают сюжет. Взаимодействие диалогических структур друг с другом и с нарративом может быть сложным: один диалог может находиться внутри другого, участники диалогов могут быть рассказчиками, общение персонажей может быть как вербальным, так и невербальным. Обе коммуникативные стратегии, в их единстве, служат задачам образования и воспитания христиан (знакомство с библейской историей, в том числе и в занимательной форме, формирование этического идеала).

Ключевые слова: древнерусский текст, Толстовский Сборник, коммуникативная стратегия, коммуникативная ситуация, диалог.

Цитирование. Новак М. О. Коммуникативные стратегии в Толстовском Сборнике XIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 31–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.3>

Постановка проблемы

С 2018 г. объединенный коллектив исследователей из Москвы, Казани и Ижевска ведет комплексное изучение Толстовского Сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39; далее – *Толст*), параллельно с подготовкой его электронной публикации на портале «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/>). За это время в работах участников проекта охарактеризованы графика и орфография памятника [Жолобов, 2018а], грамматика и лексика отдельных произведений в его составе [Пенькова, 2018а; 2018б; 2019а; 2019б; Žolobov, Novak, 2018], их текстология [Новак, Пенькова, 2020] интертекстуальные связи и атрибуция [Новак, 2018; 2019]. С применением лингвостатистических методов было определено типологическое отношение текстов Толстовского Сборника к текстам других жанров, опубликованным на портале «Манускрипт» [Баранов, Жолобов, 2020].

В статье предлагается описание текстов сборника в аспекте прагматики, а именно – их взаимодействия с читателем. Для обоснования такого подхода и задач, возникающих в его рамках, следует остановиться на характеристике состава памятника.

Как отмечает О.Ф. Жолобов, Толстовский Сборник «относится к особому виду книжной продукции в Древней Руси с нерегламентированным, оригинальным составом, который определялся, как правило, индивидуальными редакторскими стратегиями и предпочтениями» [Жолобов, 2018в, с. 73]. Заметим, что его состав трудно назвать нерегламентированным: сборник можно характеризовать как торжественник общего типа (то есть сборник уставных чтений, который содержит и тексты, посвященные подвижным праздни-

кам триодного цикла, и произведения, связанные с непереходящими праздниками) [Черторицкая, 1990]. Сборник совмещает в своем составе слова Кирилла Туровского, относящиеся к циклу Цветной Триоди: гомилии в неделю Фомина, о мироносицах, о расслабленном, о слепом, на Вознесение, на собор свв. отец (неделя перед Пятидесятницей), на Пятидесятницу (л. 1–48) – и тексты, связанные с «mineйными» праздниками годового круга: Слово на Рождество Христово (25 декабря / 7 января; проповедь-компиляция, атрибутируемая Иоанну Златоусту; л. 49 об.–56 об.), Сказание Афродитиана (апокриф о Рождестве Христовом; л. 56 об.–62), Слово о перенесении Нерукотворного образа в Царьград (16 / 29 августа; л. 62 об.–68 об.) и житийная «память» свт. Василия Великого (1 / 14 января; л. 68 об.–88 об.). Особое место занимает Слово (Притча) о премудрости (л. 48–49 об.), атрибуция которого Кириллу Туровскому недавно подверглась обоснованной критике [Жолобов, 2018б]. Эта гомилия не привязана к какому-либо событию в церковном календаре.

Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского (л. 89 об.–84 об.) представляют собой катехизические беседы, которые в древности проводились во время Великого поста, то есть в период использования в богослужении Постной Триоди [Гаврилюк, 2001]. Таким образом, можно утверждать, что и корпус текстов Кирилла определенным образом связан с церковным календарем, а в композиции Толстовского Сборника «mineйные» чтения заключены в кольцо «триодных».

О.Ф. Жолобов говорит о сборнике как о «мегатексте», не комментируя это словоупотребление [Жолобов, 2018в, с. 73]. На первый взгляд, термин больше соответствует литературоведческому дискурсу. Однако суще-

стует широкое определение мегатекста как совокупности текстов, «которые воспринимаются или исследуются как единое дискурсивное целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами» [Эпштейн, 2004]. Оно дает возможность рассматривать древнеславянские сборники, в том числе *Толст*, как мегатексты: их общие темы и лейтмотивы сопряжены со Священным Писанием, поскольку в них воспроизводятся сюжеты библейской истории и таким образом создается общее смысловое пространство.

В связи с общностью тем и мотивов и возникают вопросы о коммуникативных стратегиях отдельных произведений и сборника в целом. Как мегатекст и его элементы взаимодействуют с читателем? Как читатель вовлекается в диалог с текстом – скрыто или открыто? С помощью каких речевых средств диалоги вписываются в нарратив? Какие сходства и различия разножанровых произведений создают диалогические структуры и, шире, коммуникативные ситуации, в рамках которых автор обращается к читателю? На некоторые из этих вопросов были даны краткие ответы в предварительной публикации [Новак, 2020]; в рамках статьи есть возможность привлечь к анализу более широкий круг текстов.

Итак, в названном аспекте нас будут интересовать: а) приемы воздействия на читателя со стороны автора; б) диалогическое взаимодействие между персонажами произведений сборника; в) взаимодействие диалогических структур с нарративными. При этом будут рассмотрены не все без исключения тексты, но именно те, в которых потенциал коммуникативных ситуаций проявляется наиболее отчетливо.

Результаты и обсуждение

Конструирование диалога с воображаемым собеседником

Стратегия конструирования диалога реализована в Слове (Притче) о премудрости. Среди гомилий сборника это единственное произведение, где на небольшом текстовом пространстве этическое послание к адресату

разворачивается как «семейная» метафора, в которой кротость провозглашается матерью мудрости и иных добродетелей, приводящих человека, как своего брата, к отцу – Богу, а превозношение («величание»), ведущее за собой другие грехи, уподобляется мачехе. Для разъяснения этих образов выстраиваются диалоги между проповедником и его воображаемым адресатом: *аще бѹдемъ разгнѣвали ѡца искалавше ѡдежа крѣпнѣти. ты же ми рци кага искалахомъ. и азъ ти ѡвѣщаю. ѡгнахомъ ѡ себе мѣрь а мачеху приахомъ ниже има величанье* (л. 48); *ты же ми рци. како могу приати мѣрь. а ѡца разгнѣвнѣти. а портты хрѣпангыа искалавъ. азъ же тѣ брате наоучю портты искалангыа измыти. и тогда тѣ приметъ ѡць* (л. 48 об.). Структура «скажи мне (следует предполагать вопрос адресата) – и я тебе отвечу / тебя научу (следует разъяснение проповедника)» с участием глагольных форм императива и контрастом местоимений первого и второго лица предполагает формирование активной позиции слушателя / читателя.

Этот момент существенно отличает Притчу о премудрости от произведений гомилического жанра в целом (с их склонностью к риторическим вопросам, на которые автор может отвечать сам либо не отвечать вовсе) и от слов Кирилла Туровского в частности, где выстроены диалоги не между проповедником и его адресатами, а между персонажами гомилий.

Коммуникативная ситуация и библейская история

В целом ряде произведений Толстовского Сборника используются диалоги между персонажами для создания панорамы провиденциального плана спасения, воплощенного в цепи событий библейской истории, и приобщения читателя к описываемым событиям.

В связи с этой стратегией следует прежде всего упомянуть Слова Кирилла Туровского (хотя мы не ставим задачи рассмотреть все разнообразие коммуникативных стратегий в его гомилиях, поскольку они описаны достаточно детально – ср.: [Бегунов, 1974; Еремин, 1962; Трапезникова, 2011]). Панегирические проповеди Кирилла, предназначенные для

произнесения за праздничным богослужением, как нельзя лучше отвечали целям интериоризации – вовлечения участников церковной службы в празднуемое событие, создания эффекта присутствия внутри священной истории (подробнее см.: [Хондзинский, 2001]).

Еще в 1860-х гг. К.И. Невоструев, подбывая аргументы для атрибуции Кириллу Туровскому «Сказания о черноризском чине», отмечал, что для идиостиля «русского Златоуста» характерно развитие «полных картин», лица которых «говорят и действуют как на сцене» (цит. по: [Баранкова, 2018, с. 234]). Драматическое начало, обуславливающее наличие диалогов между действующими лицами, свойственно тем гомилиям Кирилла, которые основаны на евангельских сюжетах, насыщенных встречами и общением. Это касается Слов на послепасхальные недели – Фомину, о расслабленном и о слепом. Специфика первых двух состоит в амплифицирующем анафорическом построении, когда каждый участник диалога многожды обращается к собеседнику и каждая его реплика открывается гомеоарктеоном, то есть одной и той же речевой формулой. Приведем в качестве иллюстрации цитату из Слова на Фомину неделю:

Вѣроуи ми фомо и познан ма такоже аврамъ. к нему же подъ сѣнь съ двѣма англома придохъ. и тѣ познавъ ма гѣ ма нарече. и ѿ содомѣ молаше ми са да ко не погоубяю. аще и до десяти было в немь праведникъ. ꙗ не боуди невѣрнъ акы валамъ. иже дхмь стмь прорекъ моу за миръ оумьртвию и въскрьсению. и пакы мьзды ради прѣльстивъ са погыбе. Вѣруи ми фомо тако самъ азъ ксмь. кгоже видѣ иаковъ въ ноци на лѣствици оутвържающа са. Вѣруи ми фомо тако азъ ксмь. кгоже вбразъ видѣ исана на престолѣ въсоцѣ. вьбстони ма множествомь англъ. азъ ксмь гавивъи са кезекилю. посредѣ животныхъ вбразомь чловѣчьскомь <...> (л. 4–4 об.).

Анафорическая формула **Вѣруи ми фомо** с расширением **так** **азъ ксмь**, выделенная и графически, с помощью заглавных букв, задает рамку, внутри которой разворачивается цепь ветхозаветных свидетельств

теофании: о явлении трех божественных ангелов (в христианской экзегезе – прообраз Троицы) праотцу Аврааму (Быт., гл. 18), о пророчестве Валаама (Числ., гл. 22), о видении Иакова (Быт., гл. 28), о видении Исаии (Ис., гл. 6), о видении Иезекииля (Иез., гл. 1). При этом библейские тексты не цитируются в прямом смысле слова.

В ответе Фомы анафорическую структуру создают формы относительного местоимения **иже**, и в каждом отрезке-колонне также упоминаются библейские события, причем ветхозаветные (**ран насади. и члѣка созда. имаже блгослови патриархы. имаже помаза црѣ**) соседствуют с евангельскими (помазание ног Иисуса блудницей – Лк. 7: 37–47, воскрешение сына вдовицы – Лк. 7: 12–15, исцеление кровоточивой женщины – Мф. 9: 20–22, Мк. 5: 25–29, Лк. 8: 43–44):

отъвѣща фома глѣ. вѣроую гѣ тако самъ ты кси хсѣ бѣ мон. ѿ немже писаша пррѣци. дозраше дхмь. кгоже провбрази въ законѣ моиси. кгоже ѿвьргоша са съ жьрци фарисѣи. кмюже поругаша са завистию съ книжьникы жидове. кгоже всоуди съ каиафою на распатию пилатъ. кгоже бѣ ѿць из мьртвѣхъ въскрьси. Вижу ребра ѿ нихъже источи водоу и крѣвь. водоу да вчистиши всквьрнивъшюю са землю. и крѣвь же да встиши члвчскою кстѣство. Вижу роуцѣ твои имаже прѣже створи всю тварь. и ран насади. и члѣка созда. имаже блгослови патриархы. имаже помаза црѣ. имаже всти аплѣ. Вижу нозѣ твои кюже прикоснувъши са влоудница грѣховъ ѿпоустъ припатъ. на неюже припадъши пьрвоу вдовица. ѿ мьртвѣхъ свокоу сна съ дшею жива припатъ. надъ сима ногама крѣвоточиваа подълцѣ ризы прикоснувъши са исцѣлѣ ѿ недуга (л. 5–5 об.).

Похожим образом выглядит диалог в Слове о расслабленном (л. 19–20); его структурируют повторяющиеся формулы **Гѣ члвкане имамь, Тебе ради, и глѣши члвка не имамь** (две последние образуют рамку в репликах Иисуса). Как и в Слове на Фомину неделю, внутри данной структуры разворачи-

вается парафраз библейской истории, в котором также переплетаются отсылки к Ветхому и Новому Завету.

Слово о слепом отличается от предыдущих произведений отсутствием формульных повторов, однако диалоги в нем имеют аналогичное наполнение. Так, в дискуссии книжников и фарисеев одни с негодованием перечисляют «скандальные» поступки Назарянина (и таким образом адресат гомилии знакомится с евангельскими сюжетами), другие указывают на то, что только с помощью Бога человек может исцелить слепорожденного, и ссылаются на ветхозаветные пророчества (л. 27 об.–28 об.). Затем завязывается диалог фарисеев и исцеленного слепорожденного (л. 29 об.–30), в уста которого Кирилл Туровский вкладывает обличения, также отсылающие к событиям Ветхого Завета (лл. 28 об.–30). Это скорее монологи, чем обмен репликами, однако ситуация диалога маркируется автором гомилии: **къ собѣ сами прю съставльше глхоу. Что створимъ галилѣяниноу семоу нсоу** (л. 27 об.); **дрозни же глхоу ни братие не хоуимъ ба. ни творимъ соурово съвѣта** (л. 28–28 об.); **Нъ прозрѣвъи не швиноута са истинуоу имъ глтъ** (л. 28 об.).

Важно, что в конце каждой из рассмотренных проповедей Кирилл напрямую обращается к своим адресатам (**Тѣмъже братіе въроумъ хоу боу нашемоу** (л. 5 об.); **похвалимъ помилвананаго емъ человекъ** (л. 31 об.)), а в Слове о расслабленном такое обращение встроено в середину речи Иисуса (**и гла кмоу се цѣлѣ кси ктомуу не съгрѣшан да не горе ти что воудеть. нъ да не мнимъ тако томоу кдиномоу се гла хсѣ. нъ всѣмъ намъ** (л. 21 об.–22)). Это уже иная стратегия – переход с помощью глагольных форм императива от диалогов персонажей к прямой коммуникации с адресатами гомилии, актуализирующий и непосредственно празднуемое евангельское событие, и все предшествующие события библейской истории.

Подобные императивные обращения к адресатам пронизывают Оглашения Кирилла Иерусалимского, где также излагаются различные эпизоды Ветхого и Нового Завета как прецеденты, мотивирующие читателя / слушателя встать на путь подлинно христианской жизни. Например, в Оглашении втором, о покаянии:

прѣтрѣи пррка покапаниемъ спсе са. а ты покапанию не кмлеши вѣрты ∞ **Остані са і ты шѣтчани первѣхъ грѣхъ** (л. 96 об.); **что оубо навоходоносору таковаа створшю. ісповѣдавшю. дасть прощение і цртво** ∞ **і тебе ли каюцію не дасть прощения грѣховъ** (л. 97 об.).

Использование диалога в качестве рамки для изложения библейской истории как реализации провиденциального замысла мы видим и в житийном тексте сборника – «памяти» Василия Великого. В диалоге Василия и его учителя – язычника Еввула – звучат «вечные» вопросы о сути философии и мира. Автор жития отмечает, что беседа заняла много времени (и была, очевидно, настолько важна для собеседников, что они не вспоминали о пище): **и три дни безъ гадн пребѣста вкупѣ. себе въпрашающа** (л. 71). Однако в тексте приводятся всего два вопроса и два ответа. Первый вопрос и ответ лаконичны: **въпроси же и евоуль васильа. что оуставъ философъа. и сии рѣе первѣи оуставъ философъа. поучение ѡ смрти** (л. 71).

Ответ на второй вопрос (**и чюдивъ са пакты рече. что миръ**) разворачивается в пространное изложение библейской истории и христианского вероучения (л. 72–77), которое адресовано в равной мере и Еввулу, и читателям. Сначала Василий предлагает собеседнику хронологию от Адама до Константина Великого, упоминая Адама, Ноя, ветхозаветных патриархов Авраама, Исаака и Иакова, Моисея и Аарона, эпоху судей, царей Саула и Давида и, наконец, рождество Христа, а затем переходит к догматическим моментам, начиная от вочеловечения Бога-Слова.

Таким образом, житийный текст также скрыто, через диалог персонажей, обращается к адресату, но, в отличие от гомилетического текста, не «закрепляет» полученный прагматический эффект с помощью прямой коммуникации.

Коммуникативная ситуация как средство создания сюжета

В произведениях сборника с преобладанием нарративного начала диалоги между действующими лицами могут функционировать в качестве двигателя сюжета.

Так, в житии св. Василия, помимо богословской эротапокризы, диалоги задают рамку частному сюжету, который, однако, имеет важный итог. Цепь диалогов разворачивается следующим образом:

1. Василий спрашивает Филиксена – сына хозяина гостиницы, в которой они с Еввулом остановились на пути в Иерусалим, – о причине его печали; Филиксен, ученик софиста Ливания, озабоченный чрезвычайно трудным домашним заданием, сначала не хочет отвечать, но затем рассказывает обо всем:

егоже видѣвъ василин рече к нему. что дѣла драхлѣ еси во оуноше. и ѡнъ ѡвѣща. да кѣи ми оуспѣхъ аще повѣдѣ. прилежащю же кѡмоу ї глющю. тако оуспѣю ти. ї повѣда емю и софиста ї гранты. тако того дѣла тѣжю. ї снн вземъ гранты и начатъ глати тѣхъ преложение (л. 77 об.–78).

2. Юноша отправляется к Ливанию; учитель, пораженный искусством, с которым выполнено его задание, расспрашивает Филиксена о помощнике, однако тот может сказать только, что этот незнакомый путешественник – их постоялец:

и ѡтрокъ приа радоуа сѧ. и заоутра иде к ливанию. ї дастъ емоу гранты преложение. вземъ же ливанин почетъ въщюдивъ сѧ ї рѣе. та ми бѣа мѣсль. никтоже нѣинѣшнихъ хытрець что сицевъхъ протолковати можетъ. ѡкоуду снн снхъ поновитель. рече ѡтрокъ. чюжь нѣкто пришедъ в гостиньницю ми. оудобъ скоро протолкова ми. снн снхъ сказание (л. 78).

3. Заинтригованный Ливаний отправляется в гостиницу, находит там Василия и Еввула и приглашает их к себе; они погружаются в полемическую беседу, о которой упоминается кратко, в нарративе третьего лица. Затем Ливаний просит Василия побеседовать с его учениками, на что тот немедленно соглашается:

не лѣнивъ же сѧ ливанин текъ в гостиньницю. ї видѣ василиа съ еоуломъ. и познавъ възднви. <...> молаше га витати имъ в домю его <...> и абие ливанин нача сѧ стагати с нима. и простирати вѣтинскыа блади. снн же начаста вестѣдовати о вѣрѣ

слово. и ливанин почюдивъ сѧ в глѣмѣмъ и рече <...> во великомъ ми оуспѣвъ во василане вестѣдовати. еже оу мене оуни не презри нхъ. ѡнъ же тоу абие събравъ оуноша оучаше а дшю чѣоу не ѡсквернити. в телесе. хоженню кротъкоу <...> при старъихъ молчати. примудрѣшихъ послоушати <...> (л. 78–79).

Таким образом, развитие сюжета о помощи Василия Филиксену увенчивается духовно-нравственными наставлениями Василия, которые обращены как к персонажам жития, так и к его читателям.

Реплики собеседников встраиваются в нарратив разными способами. Прямая речь может вводиться непосредственно с помощью глаголов речи (ср. формы ѡвѣща, рече, глющю). Однако возможна непосредственная стыковка речи повествователя и персонажа, ср.: ї повѣда емю и софиста ї гранты. тако того дѣла тѣжю и ‘рассказал ему о софисте и стихах: из-за этого я печалюсь’.

Апокрифическое Сказание Афродитиана (л. 56 об.–62), повествующее о рождении Христа «глазами» языческого мира, неоднократно становилось предметом самого пристального внимания ученых (подробно о содержании и текстологии произведения см.: [Бобров, 1994; Трифонова, 2015; Veder, 2011]). Коммуникативные ситуации в Сказании также являются основным средством создания сюжета, а их отношения с нарративом сложнее, чем в житии св. Василия. Повествование начинается от первого лица – очевидно, Афродитиана (се глю, но да... продолжю слово (л. 56 об.–57)), однако очень быстро рассказчиками (или диегетическими повествователями [Падучева, 2010, с. 203]) становятся сами его персонажи, которые активно общаются между собой, а изнутри их рассказа возникает еще один диалог.

В Сказании можно выделить 10 коммуникативных ситуаций: 1) беседа царя и жреца; 2) беседа «образов» (изваяний в святилище), помещенная в рассказ жреца; 3) диалог жреца с изваяниями; 4) речь Диониса, адресованная как «образам», так и жрецу, и ответ последнего; 5) дискуссия между волхвами, идущими на поклонение младенцу Иисусу, и иудеями в Иерусалиме; 6) диалог волхвов и царя Ирода; 7) диалог волхвов и Девы Марии; 8) разговор Девы Марии с архангелом,

который она пересказывает волхвам; 9) обращение волхвов к младенцу Иисусу; 10) обращение к волхвам ангела, предупредившего их о преследовании Ирода.

Приведем в качестве иллюстрации текст, содержащий первые три диалога (Ира – богиня Гера, чье ожившее изваяние и чудесное зачатие прообразует Деву Марию):

влѣзъшю во црю въ кумирницу
разрѣшение сномъ приати. рече жрецъ прѣпъ
порадою сѧ с товою вѣко. ира зачала есть въ
оутробѣ. црѣ же wskлабнѣвъ сѧ рече кмѣ.
оумершнѧ ли въ оутробѣ имать. онъ же рече
ки оумершнѧ wжила есть. црѣ же рече что се
ксть скажи ми. жрецъ рече истинною вѣко годъ
приспѣлъ есть сдѣ всю во ноцѣ пребѣша wбрази
ликѣствоюще. моужескѣ wбразѣ и женескѣ.
глюще сами к собѣ. ходите да сѧ радоуимъ съ
ирою тако възлюблена бѣи. азъ же рекохъ кто
имать възлюбити не соуцною wни же глаху
wжила есть. и потомъ не наречетъ сѧ ира но
оураниа. великое бо слнце възлюбило ю есть.
женѣстни к мѣжескѣмъ глаху. тако похваляюще
дѣяние (л. 57–57 об.).

Налицо своего рода «матрешка»: жрец рассказывает царю (рече жрецъ прѣпъ – црѣ же рече – жрецъ рече) о разговоре «образов» (глюще сами к собѣ. ходите да сѧ радоуимъ), в который встроена его собственный диалог с изваяниями (азъ же рекохъ – wни же глаху).

Как и в случае с житием свт. Василия, возникает вопрос о языковых средствах, функционирующих в этом сложном единстве. Заслуживают внимания следующие моменты.

Не все упомянутые коммуникативные ситуации содержат прямую речь: так, диалог волхвов с Иродом передан в нарративе первого лица (от лица волхвов ведется значительная часть повествования): црю же жидовскѣ приведъшю нѣи к себе и главъшю к намъ и въпрашавшю. Ѡвѣщахомъ к немѣ. w немже и възмѣти сѧ wтинудѣ. и Ѡидохомъ Ѡ него не послѣшавъше кго аки радника (л. 60 об.–61). В этом косвенном описании использованы формы не только глаголов речи (главъшю, въпрашавъшю, Ѡвѣщахомъ), но и глаголов эмоциональной сферы (възмѣти сѧ).

В диалоге волхвов и Марии, а именно при вводе реплик волхвов, наблюдается эллипсис

глагольных форм, который придает эпизоду дополнительную экспрессию: і рекохомъ к матери како сѧ прозѣиваеши преславнаг мѣти. wна же рече мѣриа. и мѣи Ѡкѣдѣ чадѣ. wна же рече Ѡ вифлеумскѣи вси. мѣи же имѣ ли мѣжа. wна же Ѡвѣща точѣю wвѣщана бѣхъ (л. 61). Следует отметить, что в пространных версиях Сказания, опубликованных не так давно И. Трифоновой (по южнославянским спискам XVI–XVII вв., хранящимся в софийской НБКМ и Национальной библиотеке в Варшаве), эллипсиса нет и повторяются формы рѣхомъ, рекохомъ и глаху^м [Трифорова, 2014, с. 143; 2015, с. 85].

В диалоге Марии с архангелом прямая речь вводится менее частотными глаголами: приде архнгѣлъ блговѣстѣти мнѣ преславно роженне нѣкое. и възпихъ ника^{ко} же да не бѣдетъ мнѣ гѣи. мѣжа во не имамъ. и извѣща ми тако изволениемъ внемъ. сего роженне имѣти (л. 61). Форма възпихъ подчеркивает эмоциональное состояние Марии, извѣща – важность благовестия.

Наконец, чрезвычайно интересна коммуникативная ситуация «волхвы – младенец Иисус», в которой соседствуют вербальные и невербальные элементы:

и вѣа wтроча кождѣ насъ и подержа на рѣкѣ. и поклоншесѧ емѣ и цѣловавшѣ дахомъ емѣ злато и ливанъ и змюрнѣ. рекѣще емѣ тебѣ творимъ любезнѣи и чтемъ тѧ нѣи^инѣи. инако не бѣша оустроена бѣла неоустроенаг. аще бѣи тѣи не пришелъ <...> wтроча же смѣшашѣ сѧ и плескаше хваление имѣи словесъ нашихъ (л. 61 об.–62).

Речь волхвов, обращенная к Богомладенцу, обрамлена невербальными знаками, среди которых и ответное одобрение маленького Иисуса, еще не умеющего говорить (смѣшашѣ сѧ и плескаше ‘смеялся и хлопал в ладоши’).

Выводы

Описанные разнообразные коммуникативные ситуации можно свести к двум стратегиям. Первая демонстрирует открытое обращение к адресату, при этом в роли последнего может быть как реальный читатель / слушатель текста, так и воображаемый собеседник (Притча о премудрости). Маркерами

апелляции к адресату выступают глагольные формы императива и личные местоимения. Данная стратегия характерна для гомилетических и катехизических произведений сборника.

Вторая стратегия – скрытое воздействие на адресата – выстраивает коммуникативные ситуации с вовлечением в них персонажей. Это позволяет, с одной стороны, задать рамки для развертывания панорамы библейской истории, с другой – обеспечить движение сюжета. Данная стратегия объединяет гомилетические и катехизические произведения с агиографическим и повествовательным жанрами. Именно в ходе реализации второй стратегии складываются сложные отношения диалогических структур и нарратива: диалоги могут встраиваться друг в друга; участники диалогов могут становиться рассказчиками; наряду с вербальными составляющими в коммуникативной ситуации могут появляться и невербальные.

Обе стратегии создают цельное смысловое пространство сборника, служа христианскому образованию (знакомство адресата с библейской историей, в том числе и в форме занимательного апокрифического повествования) и воспитанию (интериоризация библейских событий, формирование у адресата этического идеала жизни по евангельским заповедям) в их тесном единстве.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00428 «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского Сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39)».

The reported study was funded by RFBR, project no. 18-012-00428 “Electronic Publication and Complex Linguistic Study of Tolstovskii Sbornik from the 13th Century (Russian National Library, F.n.I.39).”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранкова Г. С., 2018. К вопросу об авторстве сочинений, приписываемых святителю Кириллу Туровскому (на материале «Поучения о подвизе иноческого жития») // Палеоросия. Древ-

няя Русь: во времени, в личностях, в идеях = Παλαορωσσία: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. № 1 (9). С. 233–248. DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10014.

Баранов В. А., Жолобов О. Ф., 2020. Лингвостатистическое исследование частотных слов в Словах Кирилла Туровского (по рукописи РНБ, Ф.п.1.39) // Slověne. Vol. 9, № 1. С. 29–80. DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.2.

Бегунов Ю. К., 1974. К стилистике торжественного красноречия: Кирилл Туровский и Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа. Международен симпозиум (Велико Търново, 11–14 октомври 1971). София : Изд-во БАН. С. 39–52.

Бобров А. Г., 1994. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. Исследование и тексты. СПб. : Наука. 167 с.

Гаврилюк П. Л., 2001. История катехизации в древней церкви. М. : Изд-во Свято-Филаретовского ин-та. 320 с.

Еремин И. П., 1962. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Я. С. Лурье. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. Т. 18. С. 50–58.

Жолобов О. Ф., 2018а. О контрастирующих орфографических системах в рукописи XIII в. (к интернет-изданию Толстовского сборника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (73). С. 77–89.

Жолобов О. Ф., 2018б. Слово-притча о премудрости в списках XII–XVI вв. // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. В 2 т. Т. 1 : тр. и материалы Международ. конф. (г. Казань, 14–17 окт. 2018 г.) / под общ. ред. Е. А. Горобец, О. Ф. Жолобова, М. О. Новак. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 85–90.

Жолобов О. Ф., 2018в. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. В 2 т. Т. 2 : тр. и материалы Международ. конф. (г. Казань, 1–4 окт. 2018 г.) / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 73–77.

Новак М. О., 2018. Библейские цитаты в Толстовском Сборнике XIII века // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. В 2 т. Т. 2 : тр. и материалы Международ. конф. (г. Казань, 1–4 окт. 2018 г.). Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 140–143.

- Новак М. О., 2019. Слово на Рождество Христово в Толстовском Сборнике XIII в.: лингвотекстологическая характеристика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 4. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.1>.
- Новак М. О., 2020. Диалог с читателем: вопросы и ответы в Толстовском Сборнике XIII века // X Римские Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы конф. (Рим – Пиза, 3–9 февр. 2020 г.). М.: Индрик. С. 106–110.
- Новак М. О., Пенькова Я. А., 2020. Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского в Толстовском Сборнике XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (81). С. 108–118. DOI: <https://doi.org/10.25986/IRI.2020.16.19.009>.
- Падучева Е. В., 2010. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Яз. слав. культуры. 480 с.
- Пенькова Я. А., 2018а. Об употреблении претеритов в первом славянском переводе с греческого Сказания Афродитиана // Славянский мир: язык, литература, культура: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 нояб. 2018 г.) / [редкол.: М. Л. Ремнева [и др.]]. М.: МАКС Пресс. С. 244–248.
- Пенькова Я. А., 2018б. Сказание Афродитиана в Толстовском Сборнике XIII в.: лексическое своеобразие и проблема локализации перевода // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 160, кн. 5. С. 1059–1068.
- Пенькова Я. А., 2019а. О некоторых архаичных конструкциях в Легенде об Авгаре по Толстовскому списку XIII в. и Сказании о Борисе и Глебе по Успенскому списку XII–XIII вв. // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Международная конференция: VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 окт. 2019 г.). В 2 т. Т. 1.: тр. и материалы. Казань: Изд-во Казан. ун-та. С. 181–186.
- Пенькова Я. А., 2019б. Редкая лексика легенды об Авгаре в Толстовском Сборнике XIII в. // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития: сб. ст. Междунар. науч. конф. Ереван: Изд-во ЕГУ. С. 204–209.
- Трапезникова О. А., 2011. Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 3 (105). С. 27–33.
- Трифонова И., 2014. Narratio Aphroditiani или Сказание на Афродитиан за чудото, което стана в персийската земя (Издание на текста по НБКМ № 432 от XVI век) // Годишник на Асоциация за антропология, етнология и фолклористика «Онгъл». № 13: Име и святост. София: ROD. С. 130–148.
- Трифонова И., 2015. Сказанието на Афродитиан – нови данни за ръкописната традиция на текста (преписът в Сборник Aks.2743 от Народната библиотека във Варшава) // Palaeobulgarica. Т. XXXIX, № 3. С. 71–96.
- Хондзинский П., 2001. О богословии гимнографических форм // Журнал Московской Патриархии. № 12. С. 66–82.
- Черторицкая Т. В., 1990. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. С. 329–381.
- Эпштейн М., 2004. Философия языка (2). Проективный словарь философии. Новые понятия и термины // Топос. Литературно-философский журнал. URL: <https://www.topos.ru/article/3031> (дата обращения: 29.08.2020).
- Veder W., 2011. The Slavonic Tale of Aphroditian: Limitations of Manuscript-Centred Textology // Търновска книжовна школа. Т. 9. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий». С. 344–358.
- Žolobov O., Novak M., 2018. Verb Forms Functioning in Cyril Turovskij's Homilies (In Comparison to the Tale of Igor's Campaign) // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 63, № 1. P. 74–89. DOI: <https://doi.org/10.1515/slav-2018-0004>.

ИСТОЧНИК

Толст – Толстовский Сборник, XIII в. // РНБ. Ф.п.1.39.

REFERENCES

- Barankova G.S., 2018. K voprosu ob avtorstve sochineniy, pripisyvaemykh svyatitelu Kirillu Turovskomu (na materiale «Poucheniya o podvize inocheskogo zhitiya») [To the question of authorship of essays attributed to Cyril of Turov (on the material “Instruction on the life of a monastic life”)]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnost'akh, v ideyakh. Palaiorosia: en chrono, en prosopo, en eidei*, no. 1 (9), pp. 233-248. DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10014.
- Baranov V.A., Zholobov O.F., 2020. Lingvostatisticheskoe issledovanie chastotnykh slov v Slovakh Kirilla Turovskogo (po rukopisi RNB, F.p.1.39)

- [Quantitative Linguistic Study of Frequency Words in Kirill of Turov's *Words* (Based on the NLR Manuscript F.n.I.39)]. *Slověne*, vol. 9, no. 1, pp. 29-80. DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.2.
- Begunov Yu.K., 1974. K stilistike torzhestvennogo krasnorechiya: Kirill Turovskiy i Grigoriy Tsamblak [On Homiletic Style: Kirill of Turov and Gregory Tsamblak]. *Tarnovska knizhovna shkola. Mezhdunaroden simpozium. Veliko Tarnovo 11–14 oktombri 1971* [Literary School of Tarnovo. The International Symposium. Veliko Tarnovo, October 11-14, 1971]. Sofiya, Academy of Sciences Publ., pp. 39-52.
- Bobrov A.G., 1994. *Apokrificheskoe «Skazanie Afroditiyana» v literature i knizhnosti Drevney Rusi. Issledovanie i teksty* [“The Tale of Aphroditian” Apocrypha in Old Russian Literature]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 167 p.
- Gavriiliyuk P.L., 2001. *Istoriya katekhizatsii v drevney tserkvi* [History of Catechesis in Ancient Church]. Moscow, St. Philarets Institute Publ., 320 p.
- Yeryomin I.P., 1962. Oratorskoye iskusstvo Kirilla Turovskogo [Cyrils of Turov Rhetoric Skills]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings Of the Department of ancient Russian literature]*. Ya.S. Lurye (ed.). Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, vol. 18, pp. 50-58.
- Zholobov O.F., 2018a. O kontrastiruyushchikh orfograficheskikh sistemakh v rukopisi XIII v. (k internet-izdaniyu Tolstovskogo sbornika) [On Contrasting Orthographical Systems in A Thirteen-Century Manuscript]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], no. 3 (73), pp. 77-89.
- Zholobov O.F., 2018b. Slovo-pritcha o premudrosti v spiskakh XII–XVI vv. [Parable of Wisdom in 12th-16th-Centuries Copies]. *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: tr. i mater. mezhdunar. konf. (g. Kazan, 14–17 okt. 2018 g.)* Galiullin K.R., Gorobets E.A., Islamova J.I.A. (eds.) [Scholarly Heritage of V.A. Bogoroditskiy and Modern Vectors of Kazan Linguistic School Research: Proceedings of the International Conference]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, vol. 1, pp. 85-90.
- Zholobov O.F., 2018v. Tolstovskiy sbornik XIII v. kak megatekst [Tolstovskiy Collection from the 13th Century as a Megatext]. *Lingvokulturologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh poliëtnicheskoy sredy: opyt i perspektivy: v 2 t.: tr. i materialy mezhdunar. konf. (g. Kazan, 1–4 okt. 2018 g.)*. Gorobets E.A., Zholobov O.F., Novak M.O. (eds.) [Linguocultural Studies of the Development of the Russian Language in the Conditions of Multiethnic Environment: Experience and Prospects. In 2 Vols. Proceedings of the International Conference (Kazan, October 1-4, 2018)]. Kazan, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, vol. 2, pp. 73-77.
- Novak M.O., 2018. Bibleyskie tsitaty v Tolstovskom Sbornike XIII veka [Bible Quotes in 13th Century Tolstovskiy Sbornik]. *Lingvokulturologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh poliëtnicheskoy sredy: opyt i perspektivy: v 2 t.: tr. i materialy mezhdunar. konf. (g. Kazan, 1–4 okt. 2018 g.)* Gorobets E.A., Zholobov O.F., Novak M.O. (eds.) [Linguocultural Studies of the Development of the Russian Language in the Conditions of Multiethnic Environment: Experience and Prospects. In 2 Vols. Proceedings of the International Conference (Kazan, October 1-4, 2018)]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, vol. 2, pp. 140-143.
- Novak M.O., 2019. Slovo na Rozhdestvo Christovo v Tolstovskom Sbornike XIII v.: lingvotekstologicheskaya kharakteristika [A Nativity Sermon in the 13th Century Tolstovskiy Sbornik: Textology and Language Features]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.1>.
- Novak M.O., 2020. Dialog s chitatelem: voprosy i otvety v Tolstovskom Sbornike XIII veka [A Dialogue with A Reader: Questions and Answers in the 13th Century Tolstovskiy Sbornik]. *Desyatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniya: materialy konf. (Rim – Pisa, 4–9 fevr. 2019 g.)* [10th Roman Cyril and Methodius Readings. Proceedings of the Conference (Rome-Salerno, February 3-9, 2020)]. Moscow, Indrik Publ., pp. 106-110.
- Novak M.O., Penkova Ya.A., 2020. Oglasitelnye poucheniya Kirilla Ierusalimskogo v Tolstovskom Sbornike XIII v. [Cyril of Jerusalem Catechetical Lectures in Tolstovskii Sbornik from the 13th Century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], no. 3 (81), pp. 108-118. DOI 10.25986/IRI.2020.16.19.009.
- Paducheva E.V., 2010. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic Studies: Semantics of Tense and Aspect in Russian; Semantics of Narrative]. 2nd ed. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 480 p.
- Penkova Ya.A., 2018a. Ob upotreblenii preteritov v pervom slavyanskom perevode s grecheskogo Skazaniya Afroditiyana [On Preterites Use in the

- First Slavonic “Tale of Aphroditian” Translation from Greek]. *Slavyanskiy mir: yazyk, literatura, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 28–29 noyabrya 2018 goda, Moskva* M.L. Remneva (ed.). [Slavic world: language, literature, culture : Abstracts of the International conference in memory of professor A.G. Shirokova and in connection with 75th anniversary of the Slavic department in Lomonosov Moscow state university]. Moscow, MAKS Press Publ., pp. 244-248.
- Penkova Ya.A., 2018b. Skazanie Afroditiiana v Tolstovskom Sbornike XIII v.: leksicheskoe svoebrazie i problema lokalizatsii perevoda [The Tale of Aphroditian in Tolstovskii Sbornik of the 13th Century: Lexical Originality and Localization Translation]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanity Series], vol. 160, iss. 5, pp. 1059-1068.
- Penkova Ya.A., 2019a. O nekotorykh arkhaychnykh konstruktsiyakh v Legende ob Avgare po Tolstovskomu spisku XIII v. i Skazanii o Borise i Glebe po Uspenskomu spisku XII–XIII vv. [On Some Archaic Structures in Abgar Legend in Tolstovskii Sbornik from the 13th Century and Lives of Boris and Gleb in Uspenskiy Copy from the 12–13th Century]. *I.A. Boduën de Kurtené i mirovaya lingvistika: mezhdunar.konf.: VII Boduënovskie chteniya (Kazan. feder. un-t, 28–31 okt. 2019 g.): tr. i mater.: v 2 t.* [J. Baudouin de Courtenay and World Linguistics: Proceedings of the International Conference “7th Baudouin Readings” (Kazan, October 28-31, 2019)] Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, vol. 1, pp. 181-186.
- Penkova Ya.A., 2019b. Redkaya leksika legendy ob Avgare v Tolstovskom Sbornike XIII v. [Rare Lexemes in Abgar Legend in Tolstovskii Sbornik from the 13th Century]. *Rusistika v XXI veke: tendentsii i napravleniya razvitiya. Mezhdunarodnaia nauchnaya konferentsiya. Sbornik statey* [Russian Studies in 21st Century: Tendencies and Routes of Development. International Scholarly Conference. Proceedings Volume]. Erevan, University Publ., pp. 204-209.
- Trapeznikova O. A., 2011. Tsitata kak aktualizator avtorskoj intentsii v drevnerusskom tekste (na materiale torzhestvennykh slov Kirilla Turovskogo) [Citation as Actualisator of the Authors Intention in Old Russian Text (Data of Kirill Turov's Speech)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 3 (105), pp. 27-33.
- Trifonova I., 2014. Narratio Aphroditiani ili Skazanie na Afroditian za chudoto, koeto stana v persiyskata zemya (Izdanie na teksta po NBKM № 432 ot XVI vek) [Narratio Aphroditiani or the legend of the aphrodites about a miracle that happened in the persian land (edition of the text in the nbcm no. 432 of the 16th century)]. *Godishnik na Asotsiatsiya za antropologiya, etnologiya i folkloristika “Ong”l”, № 13: Ime i svyatost* [Yearbook Of the Association of anthropology, Ethnology and folklore studies “Ongl”, no. 13: The name and Holiness]. Sofiya, ROD Publ., pp. 130-148.
- Trifonova I., 2015. Skazanieto na Afroditian – novi dannii za rakopisnata traditsiya na teksta (prepisat v Sbornik Aks.2743 ot Narodnata biblioteka vav Varshava) [The Legend of Aphrodite-new data on the manuscript tradition of the text (transcript in the collection AKC. 2743 from the People’s Library of Warsaw)]. *Palaeobulgarica*, vol. XXXIX, no. 3, pp. 71-96.
- Khondzinskiy P., 2001. O bogoslovii gimnograficheskikh form [On the Theology of Hymnographic Forms]. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii* [Moscow Patriarchia Journal], no. 12, pp. 66-82.
- Chertoritskaya T. V., 1990. Torzhestvennik i Zlatoust v russkoy pismennosti XIV–XVII vv. [Torzhestvennik and Zlatoust in Russian Written Sources from 14th-16th Centuries]. *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisnykh knig*, iss. 3, part. 2. Moscow, Academy of Sciences Publ., pp. 329-381.
- Epstein M., 2004. Filosofiya yazyka (2) [Philosophy of Language (2)]. *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal. Ontologicheskie progulki. Proektivnyi slovar filosofii. Novye ponyatiya i terminy* [Topos. Literary and Philosophic Journal. Projective Philosophic Dictionary. New Concepts and Terms]. URL: <https://www.topos.ru/article/3031> (accessed 29 August 2020).
- Veder W. 2011. The Slavonic Tale of Aphroditian: Limitations of Manuscript-Centred Textology. *Tarnovska knizhovna shkola*, vol. 9. Veliko Tarnovo, Universitetsko izdatelstvo “Sv. sv. Kiril i Metodiy”, pp. 344-358.
- Žolobov O., Novak M., 2018. Verb Forms Functioning in Cyril Turovskij’s Homilies (In Comparison to the Tale of Igor’s Campaign). *Zeitschrift für Slawistik*, vol. 63, iss. 1, pp. 74-89. DOI: <https://doi.org/10.1515/slav-2018-0004>.

SOURCE

Tolstovskiy Sbornik, XIII v. [Tolstovskiy Collection, 13th Century]. *RNB* [National Library of Russia], F.p.I.39.

Information About the Author

Maria O. Novak, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Department of Linguistic Source Studies and the History of Literary Russian Language, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia; Leading Researcher, Research Laboratory of Multiple Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, FRC “Kazan Scientific Center of RAS”, Lobachevskogo St, 2/31, 420111 Kazan, Russia, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

Информация об авторе

Мария Олеговна Новак, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН», ул. Лобачевского, 2/31, 420111 г. Казань, Россия, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.4>

UDC 811.161.1'04:27-247

LBC 81.411.2-03

Submitted: 30.06.2019

Accepted: 12.10.2020

**QUANTITATIVE INVESTIGATION OF THE PANTELEYMON GOSPEL DATING
FROM THE LATE 12th TO THE EARLY 13th CENTURIES
(THREE STATISTICAL EXPERIMENTS)**

Victor A. Baranov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

Oksana V. Zuga

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Abstract. The work presents the results of the quantitative and statistical comparative analysis of the most frequent word forms and combinations of the Old Russian of the Panteleymon Gospel (RNB, Sof. 1). The work aims to reveal the degree of closeness of the Panteleymon Gospel to the other gospels and the medieval Slavonic texts of other genres, represented in sub-corpora of historical corpus “Manuscript: Slavic Written Heritage”. The work was carried out with the help of the special modules of statistics and *n*-grams. The comparison of the lists of single-, two- and three-component linguistic units, automatically extracted from the manuscripts, with the respective lists of several sub-corpora points to the presence of the quantitative-statistical characteristics of the linguistic components of the manuscripts which can be recognized as important. The data of the three experiments are summarized. The first experiment showed that the smallest differences of the frequency lists exist between the Panteleymon Gospel and the sub-corpus of complete aprakoses and the greatest differences between the manuscript being analyzed and the sub-corpus of short aprakoses. This makes possible to recognize that the composition of the lists, the order and the relative frequency of the forms in them are the important characteristics of the manuscript or the sub-corpus. The application of the Weirdness measure helped to extract from the Panteleymon Gospel the word forms which are supposed to be significant – those, having the highest weight within the sub-corpora of different genres (*вамь, имь, азъ, емоу, рече, аще*). It has been established that the volume and composition of contrasted sub-corpora do not influence the result, and the use of the collections of complete and short aprakoses as contrast sub-corpora helped to specify the list of such forms (*яко, къ, бо, о(т), имь, есть, аще*). The investigation of two- and three-component combinations, extracted with the help of the statistical measure T-score, gave the following results: a list of fixed combinations – invariable composition formulas (*ев[ан](г)[елие] ш(т) ма[т](о)[ея]* etc.), inherent to all gospels, was made; entire grammatical structures (*аже даль юси* etc.) were listed, as well as stable semantic complexes and their parts (*[да] любите другъ друга* etc.). Statistically important sequences having in the Panteleymon Gospel a statistical weight, which is considerably higher than in the contrast sub-corpora – *нѣсте ли чьли, имать животъ вѣчьныи* etc. have been revealed.

Key words: Old Russian manuscripts, Panteleymon Gospel, statistical methods, key words, *n*-grams.

Citation. Baranov V.A., Zuga O.V. Quantitative Investigation of the Panteleymon Gospel Dating from the Late 12th to the Early 13th Centuries (Three Statistical Experiments). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 43-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.4>

УДК 811.161.1'04:27-247

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 30.06.2019

Дата принятия статьи: 12.10.2020

**ОПЫТ КВАНТИТАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАНТЕЛЕЙМОНОВА ЕВАНГЕЛИЯ КОНЦА XII – НАЧАЛА XIII В.
(ТРИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТА)¹**

Виктор Аркадьевич Баранов

Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, г. Ижевск, Россия

Оксана Владимировна Зуга

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

Аннотация. Цель работы – выявление степени близости Пантелеймонова Евангелия (РНБ, Соф. 1) другим Евангелиям и средневековым славянским текстам других жанров, представленным в подкорпусах исторического корпуса «Манускрипт: славянское письменное наследие». Работа выполнена с помощью специализированных модулей статистики и *n*-грамм. Сопоставление перечней автоматически извлеченных их рукописи одно-, двух- и трехкомпонентных лингвистических единиц с соответствующими перечнями нескольких подкорпусов позволяет определить такие количественно-статистические характеристики лингвистических компонентов рукописей, которые могут быть признаны существенными. Обобщены данные трех экспериментов. Первый эксперимент показал, что наименьшие отличия частотных списков существуют между Пантелеймоновым Евангелием и полными апракосами, а наибольшие – между анализируемой рукописью и краткими апракосами. Это позволяет признать, что состав перечней, порядок следования и относительная частота форм в них являются существенными характеристиками рукописи или подкорпуса. В ходе второго эксперимента, проведенного с применением статистической меры Weirndness, из Пантелеймонова Евангелия извлечены словоформы, претендующие на роль значимых – имеющие максимально высокий вес на фоне разножанровых подкорпусов. Установлено, что объем и состав контрастного подкорпуса не влияют на результат; применение в качестве контрастных подкорпусов коллекций полных и кратких апракосов позволило уточнить список таких форм. В ходе третьего эксперимента (анализ двух- и трехкомпонентных сочетаний, извлеченных с помощью статистической меры T-score) был установлен перечень устойчивых сочетаний (неизменяемых композиционных формул, цельных грамматических структур, устойчивых семантических комплексов и их частей), свойственных всем Евангелиям, и выявлены статистически значимые последовательности, имеющие в Пантелеймоновом Евангелии статистический вес значительно выше, чем в контрастных подкорпусах.

Ключевые слова: древнерусские рукописи, Пантелеймоново Евангелие, статистические методы, ключевые слова, *n*-граммы.

Цитирование. Баранов В. А., Зуга О. В. Опыт квантитативного исследования Пантелеймонова Евангелия конца XII – начала XIII в. (три статистических эксперимента) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 43–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.4>

Средневековые славянские тексты как объект и предмет исследования

Статистический анализ давно и продуктивно используется для решения различных задач в области русской филологии и лингвистики². В настоящее время необходимый материал для этого предоставляют большие текстовые коллекции и корпуса. Создание машиночитаемых копий средневековых славянских текстов, их разметка и размещение в специализированных системах хранения и обработки данных дает возможность начать статистические эксперименты и на таком материале.

Одним из интернет-ресурсов, содержащих размеченные транскрипции средневековых славянских рукописей, является текстовый корпус «Манускрипт: славянское письменное наследие», в котором размещено более 130 рукописей и отрывков X–XV вв. объемом более 3,5 млн текстовых прецедентов и который

снабжен специализированными инструментами для обработки, поиска и демонстрации лингвистических данных³.

Самой большой коллекцией корпуса является собрание Евангелий XI–XIV вв., включающее и один из ранних русских списков полного апракоса – новгородское Пантелеймоново Евангелие, не часто привлекавшее внимание лингвистов.

Общая характеристика рукописи и ее электронное издание

Пантелеймоново Евангелие (далее – ЕП) было создано в конце XII – начале XIII (?) в. [Сводный каталог..., 1984, с. 167] (другая датировка – XII в. [Марков, 2001]) и названо по имени св. Пантелеймона, изображенного на л. 224. По содержанию и композиции представляет собой полный апракос, в котором имеются евангельские чтения на субботние, воскресные и будние дни недели. Памятник

хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), в Софийском собрании (Соф.), под № 1. Рукопись содержит 224 листа; не издавалась. Вследствие ветхости памятник недоступен широкому кругу читателей.

Интерес к ЕП не случаен: в ряду древнейших церковнославянских письменных памятников русского извода у него особое место как у одной из рукописей, в которой отразились значимые для истории русского языка особенности фонетики и грамматики [Зуга, 2009; Марков, 2001]. Сравнение текстов Остромирова и Пантелеймонова Евангелий дало возможность В.М. Маркову обнаружить яркие различия, свидетельствующие о происходивших в русском языке XII в. изменениях. Одним из достижений работы ученого стала демонстрация эффективности и результативности сопоставления рукописей, содержащих одни и те же тексты: «...даже прямолинейное сопоставление текстов приводит, как кажется, к достаточно значимым результатам, коль скоро дело касается источников, разнесенных во времени и, вместе с тем, представляющих однородный языковой материал» [Марков, 2001, с. 33].

Сказанное позволяет продолжить сопоставление ЕП и других евангельских списков с помощью иных методов, например корпусных и количественно-статистических. Дает ли их применение возможность обнаружить значимые характеристики текстов, можно понять, только проведя соответствующие эксперименты. В статье представлены результаты автоматического извлечения одно-, двух- и трехкомпонентных текстовых единиц из ЕП, сопоставление их с данными других евангельских текстов, объединенных в три подкорпуса, с целью выявления степени близости ЕП последним.

Возможность выполнить эксперименты предоставляют пользовательские сервисы корпуса «Манускрипт: славянское письменное наследие», в который включена интернет-версия электронного издания рукописи⁴. Оно позволяет познакомиться с археографической, текстологической, лингвистической, библиографической информацией о рукописи и тексте, получить сведения об их структуре и составе, просмотреть

полный текст рукописи (машиночитаемую транскрипцию, содержащую лингвистическую и аналитическую разметку) и текст дипломатического издания (преобразованный текст), построить прямые, обратные, количественные, сравнительные указатели слов и словоформ, конкордансы.

Эти данные послужили материалом нескольких статистических экспериментов для нахождения таких количественных характеристик Пантелеймонова Евангелия, которые отличают его от других рукописей корпуса. Объектом анализа стали автоматически извлеченные одно-, двух- и трехкомпонентные сочетания текстовых форм, статистическая значимость которых устанавливается с помощью сопоставления с коллекциями полных и кратких апракосов, а также коллекциями текстов других жанров⁵.

Количественный и статистический анализ Пантелеймонова Евангелия

Общие сведения об объеме данных

Объем рукописи ЕП – 68 734 текстовые формы. Базовый подкорпус русских списков Евангелий XI–XIV вв.⁶: количество рукописей – 9, отрывков – 2; объем – 522 793 текстовые формы, а также два старославянских списка – Ассеманиево Евангелие и Саввина книга; объем – 76 644 формы.

Эксперимент 1. Наиболее частотные словоформы

В работе [Баранов, 2019в] показаны существенные различия между составом и порядком следования первых десяти наиболее частотных слов в подкорпусе русских списков Евангелий и в подкорпусах рукописей других жанров, а также между их статистическими оценками.

Единство текстов Евангелий с точки зрения количественных характеристик подтверждается составом, порядком следования и относительным количеством наиболее частотных словоформ ЕП и трех подкорпусов Евангелий – русских списков полного апракоса, русских списков краткого апракоса и старославянских списков (см. таблицу 1⁷).

Таблица 1. Наиболее частотные словоформы в ЕП и подкорпусах Евангелий

Table 1. The most frequent word forms in the EP and subcorps of the Gospels

R	ЕП			Евангелия (АП)			Евангелия (АК)			Евангелия (ст.-слав.)		
	w	F	f	w	F	f	w	F	f	w	F	f
1	н	5516	0,080	н	17281	0,079	н	12711	0,077	н	5871	0,077
2	же	2344	0,034	же	9093	0,041	же	6851	0,041	же	3099	0,040
3	вз	2186	0,032	вз	6924	0,031	вз	5118	0,031	вз	1740	0,023
4	не	1498	0,022	не	4557	0,021	са	3321	0,020	са	1579	0,021
5	са	1462	0,021	са	4475	0,020	не	3319	0,020	не	1479	0,019
6	ѡ	1170	0,017	ѡ	3555	0,016	ѡ	2799	0,017	ѡко	988	0,013
7	ѡко	1031	0,015	ѡко	2959	0,013	на	1854	0,011	на	908	0,012
8	на	785	0,011	на	2462	0,011	реѹе	1743	0,010	емоуѹ	755	0,010
9	реѹе ⁸	734	0,011	реѹе	2266	0,010	емоуѹ	1618	0,010	реѹе	746	0,010
10	емоуѹ	626	0,009	емоуѹ	1941	0,009	ѡко	1605	0,010	отъ	719	0,009
11	естъ	585	0,009	его	1816	0,008	его	1408	0,008	да	586	0,008
12	да	530	0,008	естъ	1795	0,008	да	1240	0,007	его	579	0,008
13	къ	523	0,008	да	1674	0,008	естъ	1228	0,007	се	578	0,008
14	его	493	0,007	се	1437	0,007	се	1074	0,006	естъ	538	0,007
15	се	450	0,007	аше	1372	0,006	къ	1028	0,006	къ	506	0,007
16	нмъ	434	0,006	нмъ	1376	0,006	бам	934	0,006	нмъ	387	0,005
17	бамъ	428	0,006	бам	1299	0,006	съ	912	0,005	аше	385	0,005
18	аше	414	0,006	къ	1253	0,006	аше	870	0,005	бо	363	0,005
19	бо	396	0,006	съ	1195	0,005	нмъ	870	0,005	бам	372	0,005
20	съ	363	0,005	бо	1185	0,005	азъ	836	0,005	о	367	0,005
21	азъ	292	0,004	азъ	911	0,004	бо	775	0,005	азъ	348	0,005

Примечание. Евангелия (АП) – списки полного апракоса, без ЕП (объем – 220 023); Евангелия (АК) – списки краткого апракоса (объем – 166 153); Евангелия (ст.-слав.) – два старославянских списка (объем – 76 644). R – ранг словоформы; w – словоформа; F – абсолютная частота; f – относительная частота ⁹. В случае вариативности текстовых прецедентов в качестве маски использовались регулярные выражения, например: (н|г), с(а|ѡ|ѡ), (ѡ|а|ѡ)к(о|о|ѡ), (н|е|е)с(н|г), ([о о ѡ] т. | ѡ), (н|е|е)м(оу|ѡ|ѡ|ѡ|ѡ) и под. Различно переданные в транскрипциях корпуса са и же в постпозиции и не в препозиции, а также формы местоимения н в косвенных падежах (емоуѹ/емоуѹ же, его/его же) в таблице приведены суммарно.

Сопоставление первых 10 наиболее частотных форм позволяет увидеть: а) полную идентичность состава ЕП и других полных апракосов и порядка следования форм в них; б) различия полных и кратких апракосов в порядке следования форм; в) отличия в порядке следования форм в старославянских списках по сравнению с русскими списками; г) заметно различную относительную частоту союза ѡко в русских списках полных и кратких апракосов (0,015–0,013 vs 0,010) и предлога ѡ/отъ в русских и старославянских списках (0,016–0,017 vs 0,009).

Перечни форм, имеющих ранги с 11-го по 21-й: а) в ЕП и полных апракосах идентичны по составу, близки по порядку следования и по

относительному количеству (относительные значения 7 форм равны, 3 формы различаются на 0,001, 1 форма – на 0,002); б) в ЕП и в кратких апракосах также совпадают по составу, различаются порядком следования и относительной частотностью (относительные значения 2 форм равны, 7 форм различаются на 0,001, 2 форм – на 0,002); в) в кратких русских и старославянских апракосах различаются по составу (рус. съ, ст.-слав. о), близки по порядку следования и относительному количеству (относительные значения 6 форм не различаются, 3 форм отличаются на 0,001, 1 формы – на 0,002). Наименьшие различия находим в парах «ЕП – полные апракосы» и «краткие апракосы – старославянские списки», наи-

большие – в «ЕП – краткие апракосы», что понятно: ЕП является полным апракосом.

Обнаруженные схожесть и контрастность между наиболее часто встречающимися формами, имеющими ранги с 1-го по 21-й, в ЕП, подкорпусах русских списков кратких и полных Евангелий и в старославянских рукописях позволяют сделать вывод о неслучайности существующих между подкорпусами совпадений и различий и признать, что состав, порядок следования и относительная частота форм в совокупности являются существенными характеристиками документа или подкорпуса.

Эксперимент 2. Значения наиболее частотных форм в соответствии с мерой Weiridness

Таблица 2. Вес наиболее частотных словоформ в ЕП в соответствии с мерой Weiridness

Table 2. Weight of the most frequent word forms in the EP according to the Weiridness measure

R	w	F	f	R ₁	Weiridness ₁	R ₂	Weiridness ₂	R ₃	Weiridness ₃	R ₄	Weiridness ₄
1	н	5516	0,080	14	1,722	15	1,216	12	1,022	10	1,049
2	же	2344	0,034	12	1,934	14	1,269	21	0,825	21	0,827
3	въ	2186	0,032	13	1,750	13	1,356	15	1,011	12	1,032
4	не	1498	0,022	19	1,233	17	1,061	6	1,052	8	1,091
5	са	1462	0,021	21	0,636	21	0,649	7	1,046	9	1,064
6	ѡ	1170	0,017	11	2,061	8	1,834	5	1,054	16	1,010
7	ѡко	1031	0,015	16	1,368	10	1,510	2	1,115	1	1,553
8	на	785	0,011	18	1,252	18	0,956	13	1,021	14	1,024
9	реуе	734	0,011	2	29,911	2	7,487	8	1,044	13	1,025
10	кмоу	626	0,009	6	14,702	5	3,188	10	1,032	18	0,935
11	ксть	585	0,009	8	4,888	9	1,814	9	1,043	5	1,152
12	да	530	0,008	9	3,618	11	1,507	14	1,013	11	1,033
13	къ	523	0,008	15	1,582	16	1,077	1	1,336	3	1,230
14	кго	493	0,007	10	2,161	12	1,382	20	0,869	19	0,846
15	се	450	0,007	7	5,945	6	2,120	17	1,002	15	1,013
16	нмъ	434	0,006	4	22,517	3	4,581	16	1,010	4	1,206
17	бамъ	428	0,006	1	174,472	1	8,409	4	1,055	7	1,108
18	аше	414	0,006	3	27,797	7	2,073	19	0,966	6	1,150
19	бо	396	0,006	17	1,359	19	0,779	3	1,070	2	1,235
20	съ	363	0,005	20	0,877	20	0,664	18	0,972	17	0,962
21	азъ	292	0,004	5	17,542	4	3,371	11	1,026	20	0,844

Примечание. R, R₁, R₂ – ранги словоформ; w – словоформа; F – абсолютная частота; f – относительная частота; Weiridness₁ – вес словоформы в ЕП при сравнении ее частотности в трех подкорпусах (списков майских служебных миней, миней на другие месяцы года и стихирарей); Weiridness₂ – вес словоформы в ЕП при сравнении ее частотности в семи подкорпусах (списков майских служебных миней, миней на другие месяцы года, стихирарей, Апостолов, Паренесисов, Псалтырей и летописей¹¹); Weiridness₃ – вес словоформы в ЕП при сравнении ее частотности в подкорпусе полных апракосов; Weiridness₄ – вес словоформы в ЕП при сравнении ее частотности в подкорпусе кратких апракосов.

Weirdness, полученный при сравнении абсолютной частоты употребления формы в ЕП с ее количеством в различных подкорпусах, а также ранги словоформы – номер по порядку в каждом из сопоставлений.

Представим эти данные в виде диаграмм (рис. 1–4). На рисунках 1 и 2 показаны значения в соответствии с $Weirdness_1$ и $Weirdness_2$, на рисунках 3 и 4 – в соответствии с $Weirdness_3$ и $Weirdness_4$.

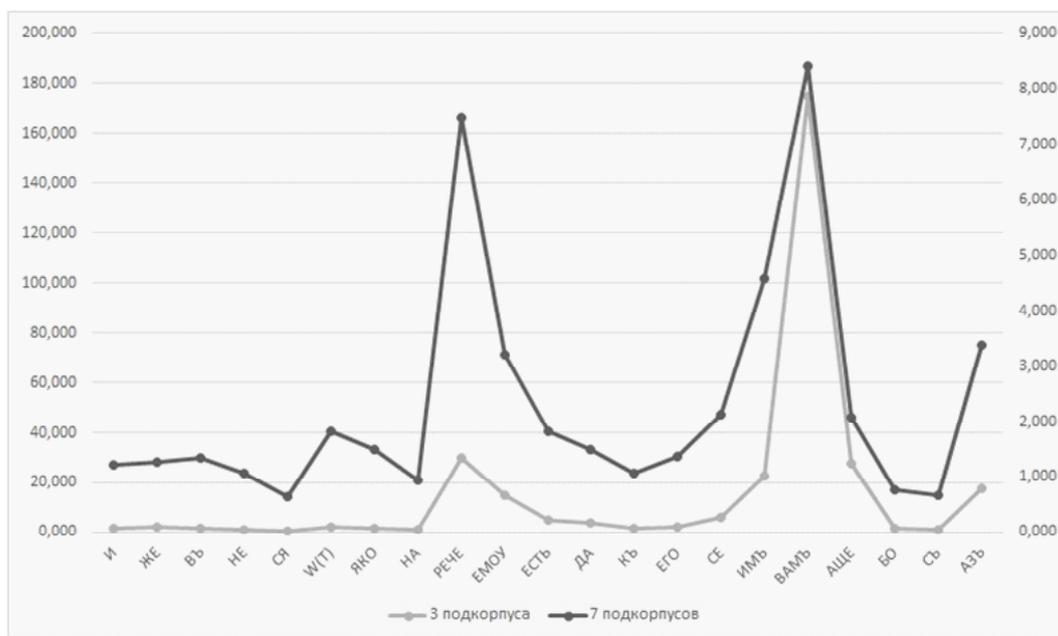

Рис. 1. Значения наиболее частотных словоформ ЕП в соответствии с мерой Weirdness при сравнении с тремя и семью разножанровыми корпусами

Fig. 1. Values of the most frequent EP word forms in accordance with the Weirdness measure when compared with three and seven different-genre corpora

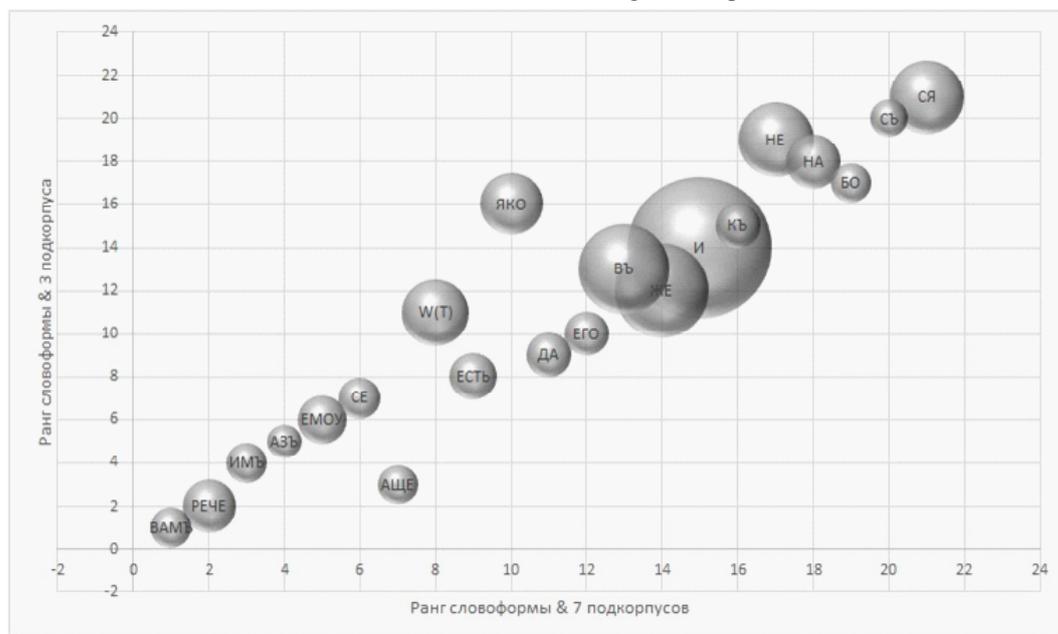

Рис. 2. Ранги наиболее частотных словоформ ЕП в соответствии с мерой Weirdness при сравнении с тремя и семью разножанровыми корпусами

Fig. 2. Ranks of the most frequent EP word forms according to the Weirdness measure when compared with three and seven different-genre corpora

На диаграммах хорошо видно, что изменение объема альтернативных подкорпусов и различия в их жанрах не приводят к принципиальному изменению значимости (веса, ранга) словоформ ЕП. Несмотря на то что величина меры Weirddness для некоторых форм может значительно отличаться при ее вычислении на основе различных альтернативных подкорпусов, степень значимости («странности») форм практически идентична (см. рис. 1: местоимения **В А М Ъ**, **А З Ъ**, союз **А Щ Е**, глагол **Р Е Ч Е** и некоторые другие). Это демонстрируется также соответствием рангов одной и той же формы друг другу (см. рис. 2: местоимение **В А М Ъ** имеет ранги 1-1, глагол **Р Е Ч Е** – 2-2 и т. д.).

Таким образом, данные диаграммы позволяют увидеть формы, характеризующие ЕП на фоне подкорпусов других жанров. В пределах 10 первых рангов находятся формы местоимений **В А М Ъ**, **Н М Ъ**, **А З Ъ**, **К М О У**, глагол **Р Е Ч Е**, союз **А Щ Е**, местоимение (союз-частица) **С Е**.

Сравнение частотности словоформ в ЕП с их частотностью в полных и кратких апракосах демонстрирует как идентичную, так и существенно различающуюся оценку некоторых форм с помощью меры Weirddness.

Некоторая часть значений лежит в области значения 1,0 (см. рис. 3; на рис. 4 эти формы находятся на линии 0-0 – 24-24 и близко к ней), что свидетельствует об отсутствии значимых расхождений в частотности этих форм в ЕП и в двух альтернативных подкорпусах.

В то же время значения некоторых форм несколько или значительно превышают 1,0, что говорит об их большей относительной частотности в ЕП по сравнению с тем или иным подкорпусом: союз **К А К О**, предлог **К Ъ**, частица **Б О** и имеют максимально высокий ранг (на рисунке 4 эти формы находятся в начале осей рангов). С большой долей вероятности можно считать, что частотность этих форм является особенностью именно ЕП на фоне других списков.

Одновременно видно, что оценка некоторых форм с помощью двух альтернативных подкорпусов (кратких и полных апракосов) существенно различна и даже противоположна. Так, предлог **Ѡ** имеет низкое значение (ранг 16) на фоне кратких апракосов и высокое (ранг 5) при сравнении с полными, и наоборот: словоформа **Н М Ъ**, глагольная форма **К С Т Ъ**, союз **А Щ Е** высоко оцениваются при сравнении ЕП с краткими апракосами, но значительно ниже на фоне подкорпуса полных (см. рис. 4).

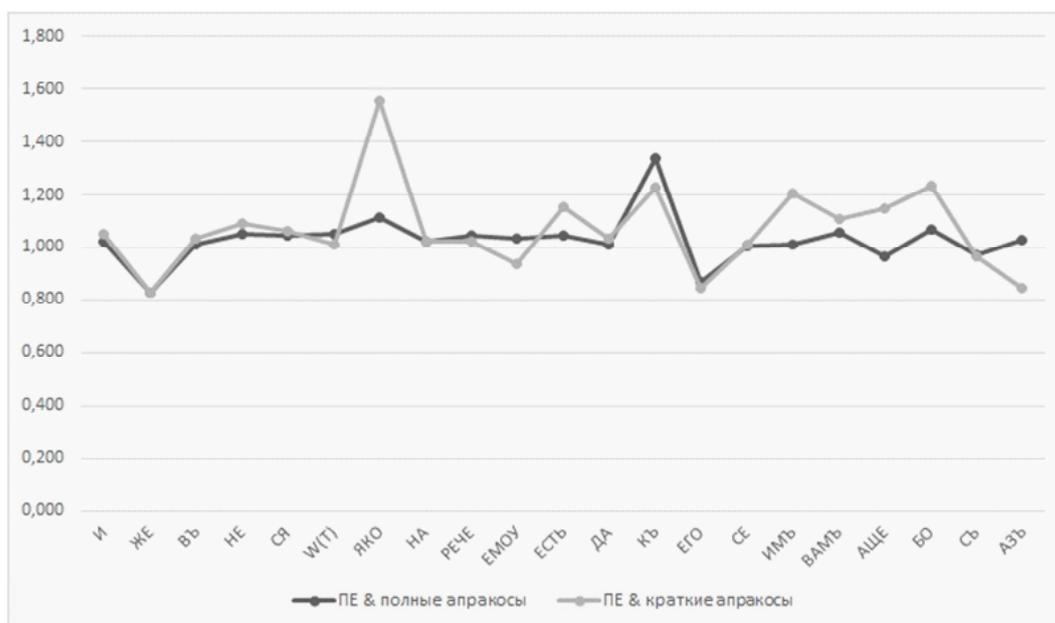

Рис. 3. Значения наиболее частотных словоформ ЕП в соответствии с мерой Weirddness при сравнении с подкорпусом полных и кратких апракосов

Fig. 3. Values of the most frequent EP word forms in accordance with the Weirddness measure when compared with the subcorpus of full and short aprakos

Таким образом, можно заключить, что союз **яко**, предлог **къ**, частица **бо**, а также предлог **ѿ** (на фоне других рукописей полного апракоса), местоимение **нмъ**, глагольная форма **ѣсть**, союз **аще** (при сравнении с краткими апракосами) являются особенностью списка ЕП.

Подобные соотношения, демонстрирующие расхождения частотности служебных слов и некоторых форм местоимений и глагола **быти** в ЕП и подкорпусах разного состава, позволяют говорить о значимых количественно-статистических тенденциях, реализующихся в превышении средней частотности форм ЕП над средней частотностью аналогичных форм в контрастных подкорпусах.

Эксперимент 3. Извлечение статистически значимых сочетаний

Как известно, мера T-score дает возможность выявить в документе сочетания, частотность совместного использования компонентов которых выше статистически ожидаемой средней величины, иначе – найти такие сочетания, компоненты которых используются друг с другом чаще, чем с другими формами в тексте. Значение меры зависит от количества

сочетаний компонентов и от количества каждого из компонентов в документе ¹².

Приведем первые 20 биграмм ЕП, русских и старославянских списков (см. табл. 3 ¹³).

Перечни близки по составу: 9 из 20 сочетаний трех выборок идентичны (**въ оно**, **глаголю вамъ**, **рече нмъ**, **рече гъ**, **онъ же**, **рече кмоу**, **глаголю кмоу**, **онн же**, **дане**), другие совпадают в двух группах (ЕП – др.-рус.: **же рече**, **съ нмъ**, **оученици кго**; ЕП – ст.-слав.: **къ немюу**, **ѿ матъѹ**, **глаголю нмъ**, **н рече**; др.-рус. – ст.-слав.: **рече же**, **же въ**).

Сама по себе подобная близость показательна и иллюстрирует жанровое единство сопоставляемых документов и подкорпусов.

Иная картина в начале перечней триграмм. Приведем первые 20 в ЕП, древнерусских и старославянских рукописях (см. табл. 4).

Состав статистически наиболее значимых триграмм так же, как и биграмм, безусловно, определен жанром и включает евангельские структурные, грамматические, семантические единства. Так, мерой высоко оценены композиционные формулы (**ѣвѣ ѿ ма**, **пама прѣбна оца**, **повелнцѣ**

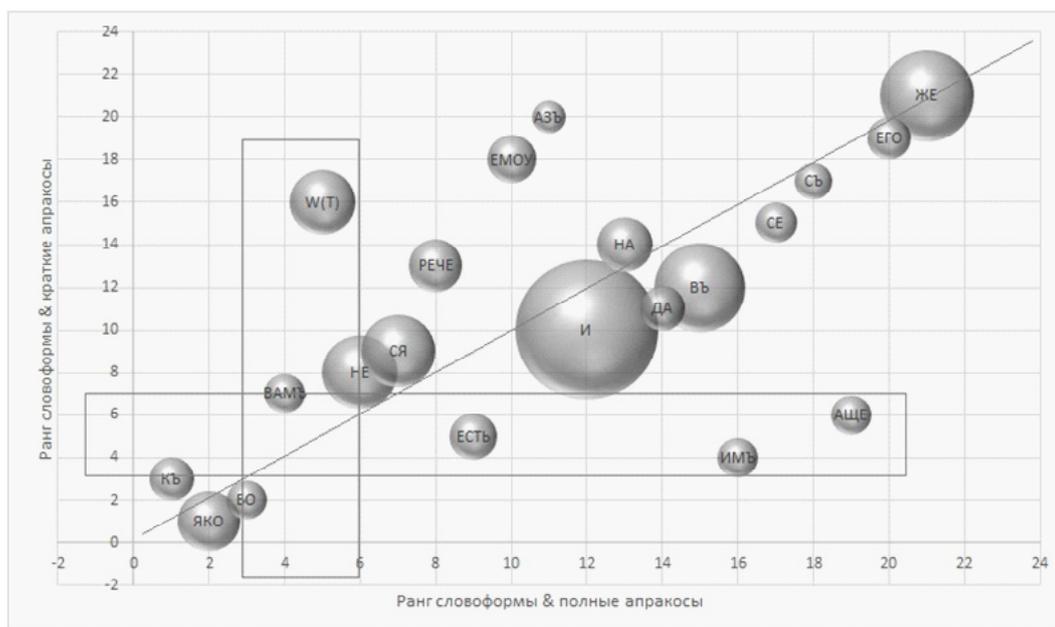

Рис. 4. Ранги наиболее частотных словоформ ЕП в соответствии с мерой Weirdness при сравнении с подкорпусом полных и кратких апракосов

Fig. 4. Ranks of the most frequent EP word forms according to the Weirdness measure when compared with the subcorpus of full and short aprakos

дне, [реуе] г̃ прнтзую сню и под.), грамматически единые структуры (нѣсте лн ѹьлн – Мф. 12: 3, Мф. 22: 31, Мф. 19: 4, Мк. 12: 2 ЕП; аже далъ еси – Ин. 17: 12 и др.), устойчивые семантические комплексы или их части (нмѣан оушн слышатн [да слышнтъ] – Мф. 11: 15, Мф. 13: 9, Мк. 4: 9, Лк. 8: 8 и др.; [да] люенте дроугъ дроуга – Ин15:17 и нек. др.).

Некоторые триграммы являются составной частью сочетаний, включающих большее количество грамматических или семантических компонентов: об онъ полъ – онъ полъ мора – Ин. 6: 22, 25 и др., донъдеже положю врагы – положю врагы твоа – твоа подъножнн ногама – подъножнн ногама твома, Мф. 22: 44, Мк. 12: 36, Лк. 20: 43, къ овьцамъ погыбъшнмъ – овьцамъ погыбъшнмъ домоу [нздранлева] – Мф. 10: 06, Мф. 15: 24,

[реуе] г̃ прнтзую сню – Мф. 21: 33, Мф. 22: 1, Лк. 16: 1 и др.

Перечни ЕП и русского подкорпусов частично пересекаются. Так, в список 20 наиболее частотных форм входят нмѣан оушн слышатн [да слышнтъ], [да] люенте дроугъ дроуга, триграммы фраз донъдеже положю врагы твоа подъножнн ногама твома, об онъ полъ мора / нордана и др.

Увеличение количества анализируемых триграмм, получивших высокое значение меры T-score, до 50 позволяет выявить и другие семантически цельные сочетания. Например, в ЕП и русских списках – [не трѣбують] съдравнн враѹа нъ болащнн – Лк. 5: 31; вндѣрнзѹиѹднннн [лежаща] – Лк. 24: 12; ѹмоу же нѣсмь достоннн [отрѣшнтн ремень сапогоу его] – Ин. 1: 27; в русских и старославянских списках – азъ ѹсмь лоза нстннннаѹа – Ин. 15: 1.

Таблица 3. Перечень первых 20 статистически значимых биграмм (мера T-score)

Table 3. List of the first 20 statistically significant bigrams (T-score measure)

№ п/п	ЕП			Древнерусские списки			Старославянские списки		
	Биграмма	F	T-score	n-грамма	F	T-score	Биграмма	F	T-score
1	вз оно	194	13.467	онъ же	597	23.640	ѹѹа ѹ	157	12.497
2	г̃лю вамъ	129	11.247	реуе же	621	22.021	реуе же	175	11.976
3	реуе нмъ	130	11.001	г̃лю вамъ	469	21.469	реуе г̃	122	10.724
4	реуе г̃	125	10.997	вз оно	501	21.456	онъ же	106	9.982
5	онъ же	123	10.724	оно врема	418	20.405	реуе емоу	105	9.629
6	къ немоу	112	10.502	реуе нмъ	431	20.007	реуе нмъ	91	9.168
7	реуе емоу	93	9.062	же р̃е	466	19.311	г̃л̃ж вамъ	83	8.835
8	г̃ла емоу	77	8.557	оуѹеннцн ѹго	329	17.895	къ немоу	102	8.357
9	ѹ ма ть ѹ	74	8.501	р̃е нмъ	319	17.265	же ѹс	74	7.887
10	же реуе	105	8.358	свонмъ оуѹеннкомъ	292	17.062	же бѣ	76	7.875
11	г̃ла нмъ	64	7.805	онн же	306	17.025	вз оно	63	7.758
12	ѹ лоу кзы	62	7.782	же бѣ	367	16.846	ѹ ма	59	7.662
13	н реуе	149	7.384	азъ ѹсмь	287	16.813	н реуе	155	7.537
14	онн же	57	7.344	да не	384	16.465	г̃ла емоу	56	7.272
15	съ ннмь	54	7.303	вз оно	280	16.216	л̃оу г̃ла	50	7.040
16	оуѹеннцн ѹго	53	7.191	реуе емоу	299	16.180	онн же	52	7.036
17	къ ннмъ	48	6.866	р̃е г̃	266	16.155	да не	67	6.927
18	да не	66	6.824	г̃ла емоу	272	16.088	г̃ла емоу	49	6.836
19	амннъ г̃лю	45	6.672	съ ннмь	261	16.019	же нс̃	56	6.740
20	вз домъ	48	6.621	ннкто же	270	16.007	г̃ла нмъ	37	5.937

Таблица 4. Перечень первых 20 статистически значимых триграмм (мера T-score)¹⁴

Table 4. List of the first 20 statistically significant trigrams (T-score measure)

№ п/п	ЕП			Древнерусские списки			Старославянские списки		
	n-грамма	F	T-score	n-грамма	F	T-score	n-грамма	F	T-score
1	нѣстѣ лн ѹьлн	7	2.402	прпѣнаа оцѣ наше	52	6.780	ѣба ѿ ма	53	3.626
2	нмать жнвотъ бѣуьнъин	8	2.327	памъ прпѣнаа оцѣ	57	6.700	гѣ прнтъѹж снѣж	12	3.324
3	нмѣян оушн слъшатн	5	2.206	стра стго мунѣка	56	6.551	по вѣлнцѣ дне	10	2.922
4	онъ полъ мора	5	2.140	нмѣян оушн слъшатн	22	4.405	амн амн глѣж	14	2.745
5	об онъ полъ	5	2.124	люентѣ дроугъ дроуга	22	4.303	об онъ полъ	8	2.698
6	гѣ прнтъѹю сню	10	2.014	стра стго сцѣномунѣка	23	4.248	но лѣ ѣ	8	2.674
7	подъножнѣ ногама твонма	4	1.999	стра стхъ мунѣкъ	18	4.148	гѣ своимъ оуѹеннкомъ	10	2.633
8	вѣсею дшѣю своею	4	1.995	прнше дъшнмъ к нѣмоу	21	3.835	снмоне нонннъ люеншн	5	2.233
9	овѣцамъ погъбѣшнмъ домоу	4	1.994	ѹа нщн сѣптѣмѣ	52	3.757	всѣ нмѣнне свое	5	2.153
10	твоѣ подъножнѣ ногама	4	1.988	положю врагъи твоѣ	15	3.675	ажѣ далъ сн	6	2.149
11	донъдѣжѣ положю врагъи	4	1.980	мъзда баша многа	15	3.579	нонннъ люеншн лн	5	2.146
12	положю врагъи твоѣ	4	1.979	снмоне нонннъ люеншн	12	3.436	гѣ прнтъѹж снѣж	5	2.114
13	люентѣ дроугъ дроуга	4	1.968	к нѣмоу нюдѣомъ	20	3.428	ѣба ѿ лоуѣ	13	2.107
14	вѣставъ запрѣтн вѣтроу	4	1.966	а дроугоѣ паде	24	3.316	ѣба ѿ ма	7	1.982
15	вѣра твоѣ спсе	4	1.960	об онъ полъ	20	3.270	прнтъѹж снѣж подобно	4	1.974
16	кмоу же нѣсмь достоннъ	4	1.940	коупнша нмь село	11	3.259	хѣалж тебѣ въздаѣж	4	1.957
17	къ овѣцамъ погъбѣшнмъ	4	1.939	нлн нного ѹанмъ	13	3.236	вѣлнцѣ дне мѣ	4	1.934
18	домъ вашъ поустъ	4	1.924	правъи творнтѣ стъза	10	3.132	ѿ лоуѣ гѣ	5	1.922
19	къ немѣ нюдѣомъ	6	1.903	стра стдо мунѣкоу	10	3.132	онъ полъ нордана	4	1.918
20	възвѣдъ оун свон	4	1.900	нмена баша напнсана	10	3.127	азъ смь лоза	5	1.916

Несмотря на ожидаемое достаточно большое количество пересечений трех выборок, состав триграмм в ЕП и в русском и старославянском подкорпусах Евангелий несколько различен. Так, среди триграмм, имеющих наибольшее статистическое значение в соответствии с мерой T-score, девять не повторяются в сопоставляемых подкорпусах: **НѢСТѢ ЛН УЪЛН, НМАТЬ ЖНВОТЪ ВЪУЪНЪИН, ГЪ ПРНТЪУЮ СНЮ, ВЪСЮ ДШЮ СВОЮ, ВЪСТАВЪ ЗАПРЪТН ВЪТРОУ, ВЪРА ТВОА СПСЕ, КЪ ОВЪЦАМЪ ПОГЪБЪШНМЪ, ДОМЪ ВАШЪ ПОУСТЪ, КЪ НЕМЪ НЮДЪОМЪ, ВЪЗВЕДЪ ОУН СВОИ**. Этот факт позволяет говорить и о специфике триграмм ЕП на фоне подкорпуса древнерусских и старославянских списков.

Заключение

Результаты трех экспериментов по сопоставлению одно-, двух- и трехкомпонентных сочетаний ЕП и других евангельских списков исторического корпуса «Манускрипт» свидетельствуют о таких количественно-статистических характеристиках лингвистических компонентов каждой из рукописей, которые могут быть признаны существенными.

Результаты первого эксперимента демонстрируют идентичность или близость порядка следования и относительного количества наиболее частотных форм ЕП и других полных апракосов при одновременных диагностируемых отличиях перечней ЕП от перечней кратких апракосов и старославянских списков: наименьшие различия обнаружены в парах «ЕП – полные апракосы» и «краткие апракосы – старославянские списки», а наибольшие – в «ЕП – краткие апракосы». Это убеждает в том, что состав перечней, порядок следования и относительная частота форм в них в совокупности являются существенными характеристиками рукописи или подкорпуса.

Второй эксперимент с использованием статистической меры Weiridness позволил установить, что состав статистически значимых форм ЕП (формы местоимений **ВАМЪ, НМЪ, АЗЪ, КМОУ**, глагол **РЕУЕ**, союз **АЩЕ**, местоимение (союз-частица) **СЕ**), выявляемых при сопоставлении с перечнями словоформ разножанровых подкорпусов, не зависит от

объема контрастного подкорпуса; а сопоставление с подкорпусами кратких и полных апракосов дало возможность выявить формы, отличающие ЕП от других списков: союз **ЯКО**, предлог **КЪ**, частицу **БО**, а также предлог **Ѡ** (на фоне других рукописей полного апракоса), местоимение **НМЪ**, глагольная форма **КСТЪ**, союз **АЩЕ** (при сравнении с краткими апракосами).

Текстовое единство Евангелий и одновременно специфику текста ЕП демонстрирует третий эксперимент, в котором, с одной стороны, из 20 биграмм, извлеченных с помощью меры T-score, половина идентична в ЕП и подкорпусах разных изводов, а триграммы с максимальным статистическим значением – это неизменяемые композиционные формулы (**ѸВЪ Ѡ МА** и др.), цельные грамматические структуры (**АЖЕ ДАДЪ ЕСИ** и др.), устойчивые семантические комплексы и их части (**[ДА] ЛЮБНТЕ ДРОУГЪ ДРОУГА** и др.), с другой стороны, практически половина биграмм и триграмм ЕП отсутствует в перечне значимых сочетаний сопоставляемых подкорпусов (**НѢСТѢ ЛН УЪЛН, НМАТЬ ЖНВОТЪ ВЪУЪНЪИН** и др.).

Полученные результаты носят как общий, так и частный характер, позволяют говорить о результативности применения статистических методов к лингвистическому материалу славянских средневековых письменных памятников, о возможности обнаружения их неизвестных количественных характеристик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта «Лингвостатистический анализ однокомпонентных и многокомпонентных лексических единиц исторического корпуса «Манускрипт»» (проект № 18-012-00463).

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the projects “A linguistic statistical analysis of one-component and multicomponent lexical units of the historical corpus ‘Manuscript’” (project No. 18-012-00463).

² См., например: [Копотев, 2014; Литвинова, 2016; Мартыненко, 2014; 2015; Марусенко, 1990; Морозов, 1915; Прикладная..., 2016; и др.].

³ О корпусе см., например: [Баранов, 2019а; Baranov, 2018].

⁴ URL: http://www.manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=21&p_lid=1.

⁵ Для извлечения данных и сопоставления их с данными других подкорпусов использованы специализированные модули корпуса – модуль статистики и модуль *n*-грамм (см. список источников) [Баранов, 2019б; Baranov, Gnutikov, 2019].

⁶ URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=30>.

⁷ Количество форм подобрано таким образом, чтобы перечни ЕП, подкорпусов полных и кратких Евангелий максимально пересекались; большие по размеру списки дают меньшее количество совпадающих форм.

⁸ Наличие в списке, кроме служебных слов, местоимений и формы *mV|V* связано со структурно-жанровыми особенностями текстов и списков Евангелий.

⁹ Относительная частота словоформы: $f = F / N$, где *F* – абсолютное количество употреблений словоформы в документе(ах); *N* – общее количество словоформ в документе(ах) (объем).

¹⁰ $Weirdness_w = \frac{W_s/T_s}{W_g/T_g}$, где «*W_s* – частотность слова в коллекции предметной области; *T_s* – совокупная частотность слов в коллекции предметной области; *W_g* – частотность слова в контрастной коллекции; *T_g* – совокупная частотность слов в контрастной коллекции» [Клышинский, Кочеткова, 2014, с. 368].

¹¹ Состав подкорпусов см.: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=1&p_lid=1.

¹² $T\text{-score} = \frac{F(w_1, w_2) - \frac{F(w_1) \times F(w_2)}{N}}{\sqrt{F(w_1, w_2)}}$, где *w₁* – первый компонент; *w₂* – второй компонент; *F(w₁)*, *F(w₂)* – абсолютные (независимые) частоты *w₁* и *w₂*; *F(w₁, w₂)* – абсолютная частота *n*-граммы в подкорпусе; *N* – общее число словоформ в корпусе [Evert, 2004]. См. также: [Кочеткова, 2013; Пивоварова, Ягунова, 2014; Хохлова, 2008; Ягунова, Пивоварова, 2010].

¹³ В выборке представлены биграммы, между компонентами которых отсутствуют символы-разделители.

¹⁴ В выборке представлены только триграммы, между компонентами которых отсутствуют символы-разделители.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов В. А., 2019а. Создание и использование исторических корпусов славянских письменных памятников // *Scripta & e-Scripta*. Vol. 19. С. 33–57.

Баранов В. А., 2019б. Модуль статистики исторического корпуса «Манускрипт»: функции и демонстрация данных. 2 // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. В 2 т. Т. 1 : Междунар. конф.: VII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 окт. 2019 г.) : тр. и материалы : Казань : Изд-во казан. ун-та. С. 24–30.

Баранов В. А., 2019в. Опыт применения количественных и статистических методов для поиска значимых слов в историческом корпусе (на материале средневековых славянских гимнографических и евангельских кодексов) // *Studia Hymnographica*. Band II / hrsg. von H. Rothe, C. Schnell. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Verlag Ferdinand Schöningh. P. 149–201. (*Patristica Slavica* ; Band 24).

Зуга О. В., 2009. Из наблюдений над характером языковых различий в славянских списках Евангелия XII–XIII вв. (на материале «Притчи о блудном сыне») // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. № 3 (2). С. 40–46.

Клышинский Э. С., Кочеткова Н. А., 2014. Метод извлечения технических терминов с использованием меры странности // *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*. № 17. С. 365–370.

Копотев М. В., 2014. Введение в корпусную лингвистику. Прага : Animedia Company. 230 с.

Кочеткова Н. А., 2013. Статистические языковые методы. Коллокации и коллигации // *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*. № 16. С. 301–305. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-yazykovye-metody-kollokatsii-i-kolligatsii> (дата обращения: 31.05.2020).

Литвинова Т. А., 2016. Судебная автороведческая экспертиза текста с целью установления пола его автора: проблемы и перспективы // *Современное право*. № 7. С. 111–115.

Марков В. М., 2001. Из наблюдений над языком Пантелеймонова Евангелия (XII век) // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань : ДАС. С. 31–56.

Мартыненко Г. Я., 2014. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия // *Структурная и прикладная лингвистика*. № 10. С. 3–23.

Мартыненко Г. Я., 2015. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия. Ч. 2. Первая половина XX века: расширение междисциплинарных контактов стилеметрии // *Структурная и прикладная лингвистика*. № 11. С. 9–28.

- Марусенко М. А., 1990. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 164 с.
- Морозов Н. А., 1915. Лингвистические спектры : Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора : Стилометрический этюд // Изв. Отд. рус. языка и словесности Имп. АН. СПб. Т. XX, кн. 4. С. 93–134.
- Пивоварова Л. М., Ягунова Е. В., 2014. От коллокаций к конструкциям // Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб. С. 568–617. (Acta Linguistica petropolitana ; т. 10, № 2). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23195921> (дата обращения: 31.05.2020).
- Прикладная и компьютерная лингвистика, 2016 / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. М. : ЛАНАНД. 320 с.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв., 1984. М. : Наука. 406 с.
- Хохлова М. В., 2008. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // Slavica Helsingiensia 34. Инструментарий русистики : Корпусные подходы. Хельсинки. С. 343–357. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26581613> (дата обращения: 31.05.2020).
- Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М., 2010. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ. Серия 2. № 6. С. 30–40.
- Ahmad K., Gillam L., Tostevin L., 1999. University of Surrey participation in Trec8: Weirdness indexing for logical documents extrapolation and retrieval // Proc. of Eighth Text Retrieval Conference (Trec-8). Gaithersburg : [s. n.]. P. 717–724.
- Baranov V., 2018. A Text Corpus of Medieval Manuscripts as a Goal and a Tool for Linguistic Research // Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions / ed. by L. Sels, J. Fuchsbaauer, V. Tomelleri, I. de Vos. P. ; Bristol : Peeters Leuven. P. 283–308.
- Baranov V.A., Gnutikov R.M., 2019. The statistics and n-gram modules of the historical corpus “Manuscript” // Digital and Analytical Approaches to the Written Heritage : Proceedings of the 7th international conference El’Manuscript “Textual Heritage and Information Technologies” / comp. and ed. by A. Miltenova, V. Baranov, H. Miklas, K. Hawkins, J. Fuchsbaauer. Sofia : Gutenberg Publishing House. P. 9–28.
- Evert S., 2004. Association Measures // Computational Approaches to Collocations. URL: <http://collocations.de/AM/index.html> (date of access: 31.05.2020).

ИСТОЧНИКИ

- ЕП–Евангелие апракос полный («Пантелеймоново Евангелие») // РНБ. Соф. 1, кон. XII – нач. XIII (?) в. 224 л.
- Коллекция славянских Евангелий корпуса «Манускрипт». URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=30> (дата обращения: 31.05.2020).
- Корпус «Манускрипт: славянское письменное наследие». URL: <http://manuscripts.ru/> (дата обращения: 31.05.2020).
- Модуль статистики корпуса «Манускрипт». URL: <http://manuscripts.ru/mns/!cred2.stat> (дата обращения: 31.05.2020).
- Модуль n-грамм корпуса «Манускрипт». URL: http://manuscripts.ru/mns/cred_ngr.stat (дата обращения: 31.05.2020).
- Электронное издание Пантелеймонова Евангелия. URL: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=21&p_lid=1 (дата обращения: 31.05.2020).

REFERENCES

- Baranov V.A., 2019a. Sozдание i ispolzovanie istoricheskikh korpusov slavyanskikh pismennykh pamyatnikov [Creation and using of historical corpora of slavonic manuscripts]. *Scripta & e-Scripta*, vol. 19, pp. 33-57.
- Baranov V.A., 2019b. Modul statistiki istoricheskogo korpusa «Manuskript»: funktsii i demonstratsiya dannykh. 2 [Statistics module of the historical corpus “Manuscript”: functions and data demonstration. 2]. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunar. konf.: VII Boduenovskie chteniya (Kazan. feder. un-t, 28-31 okt. 2019 g.): tr. i mater.: v 2 t.* [I.A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics: International Conference: VII Baudouin Readings (Kazan Federal University, October 28-31, 2019): Proc. and materials: in 2 vol.]. Vol. 1, Kazan, pp. 24-30.
- Baranov V. A., 2019v. Opyt primeneniya kolichestvennykh i statisticheskikh metodov dlya poiska znachimykh slov v istoricheskom korpuse (na materiale srednevekovykh slavyanskikh gimnograficheskikh i evangelskikh kodeksov) [The experience of applying quantitative and statistical methods to search for meaningful words in the historical corpus (based on

- medieval Slavonic hymnographic and gospel manuscripts)]. *Studia Hymnographica*, vol. II, Hans Rothe and Claudia Schnell (eds.), Paderborn, Munich, Vienna, Zurich, 2019, pp. 149-201 (Patristica Slavica, vol. 24, eds. Hans Rothe, vol. 131).
- Zuga O.V., 2009. Iz nablyudeniy nad kharakterom yazykovykh raznochteniy v slavyanskikh spiskakh Evangeliiya XII–XIII vv. (na materiale «Pritchi o bludnom syne») [Observing the character of alternative version in the 12th - 13th centuries Slavic Gospels (on the material of the Parable of the Prodigal Son)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], no. 3 (2), pp. 40-46.
- Klyshinskiy Ye.S., Kochetkova N.A., 2014. Metod izvlecheniya tekhnicheskikh terminov s ispolzovaniem mery strannosti [Method for extracting technical terms using a strangeness measure]. *Novye informacionnye tehnologii v avtomatizirovannykh sistemah* [New information technologies in automated systems], no. 17, pp. 365-370.
- Kopotev M.V., 2014. *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to Corpus Linguistics]. Prague, Animedia Company Publ. 230 p.
- Kochetkova N.A., 2013. Statisticheskie yazykovye metody. Kollokatsii i kolligatsii [Statistical language methods. Collocations and Colligations]. *Novye informacionnye tehnologii v avtomatizirovannykh sistemah* [New information technologies in automated systems], no. 16, pp. 301-305. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-yazykovye-metody-kollokatsii-i-kolligatsii> (accessed 31 May 2020).
- Litvinova T.A., 2016. Sudebnaya avtorovedcheskaya ekspertiza teksta s tselyu ustanovleniya pola ego avtora: problemy i perspektivy [Forensic authorship examination towards gender attribution: challenges and prospects]. *Sovremennoe pravo*, no. 7, pp. 111-115.
- Markov V.M., 2001. Iz nablyudeniy nad yazykom Panteleymonova Evangeliiya (XII vek) [From observations of the language of the Panteleimon Gospel (12th century)]. Markov V.M. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language], Kazan, Publishing House “DAS”, pp. 31-56.
- Martynenko G.Ya., 2014. Stilemetriya: vzniknovenie i stanovlenie v kontekste mezhdistsiplinarnogo vzaimodeystviya [Stylemetry: emergence and evolution in context of interdisciplinary interaction]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics], no. 10, pp. 3-23.
- Martynenko G.Ya., 2015. Stilemetriya: vzniknovenie i stanovlenie v kontekste mezhdistsiplinarnogo vzaimodeystviya. Chast 2. Pervaya polovina XX veka: rasshirenie mezhdistsiplinarnykh kontaktov stilemetrii [Stylemetry: emergence and formation in the context of interdisciplinary interaction. Part 2. The First Half of the 20th century: the Expansion of interdisciplinary Contacts]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics], no. 11, pp. 9-28.
- Marusenko M.A., 1990. *Atributsiya anonimnykh i psevdonimnykh literaturnykh proizvedeniy metodami raspoznavaniya obrazov* [Attribution of anonymous and pseudonymous literary works by pattern recognition methods]. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 164 p.
- Morozov N.A., 1915. Lingvisticheskie spektry: Sredstvo dlya otlichiya plagiatov ot istinnykh proizvedeniy togo ili drugogo izvestnogo avtora: Stilemetricheskii etyud [Linguistic spectra: A tool for distinguishing plagiarism from the true works of one or another well-known author: Stylemetric sketch]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Proc. of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], St. Petersburg, vol. XX, no. 4, pp. 93-134.
- Pivovarova L.M., Yagunova E.V., 2014. Ot kollokatsiy k konstruktsiyam [From collocations to syntax constructs]. *Russkiy yazyk: grammatika konstruktsiy i leksiko-semanticheskie podkhody* [Russian language: grammar of constructions and lexical-semantic approaches], St. Petersburg, pp. 568-617. (Acta Linguistica petropolitana, vol. 10, no. 2). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23195921> (accessed 31 May 2020).
- Prikladnaya i kompyuternaya lingvistika*, 2016. [Applied and Computational Linguistics] Nikolaeva I.S., Mitreninoy O.V., Lando T.M. (eds.). Moscow, LANAND. 320 p.
- Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR: XI–XIII vv.* [The consolidated catalog of Slavic-Russian manuscript books stored in the USSR: 11th-13th centuries], 1984. Moscow, Nauka Publ. 406 p.
- Hohlova M.V., 2008. Eksperimentalnaya proverka metodov vydeleniya kollokatsiy [Experimental verification of collocation allocation methods]. *Slavica Helsingiensia 34. Instrumentariy rusistiki: Korpusnye podhody* [Instrumentation of Russian Studies: Corpus Approaches],

- Helsinki, pp. 343-357. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26581613> (accessed 31 May 2020).
- Yagunova E.V., Pivovarova L.M., 2010. Priroda kollokatsiy v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The nature of collocations in Russian. The experience of automatic extraction and classification on the material of news texts]. *Sbornik nauchno-tekhnicheskoy informacii* [Collection of scientific and technical information], ser. 2, no. 6, Moscow, pp. 30-40.
- Ahmad K., Gillam L., Tostevin L., 1999. University of Surrey participation in Trec8: Weirdness indexing for logical documents extrapolation and retrieval. *Proc. of Eighth Text Retrieval Conference (Trec-8)*, Gaithersburg, pp. 717-724.
- Baranov V., 2018. A Text Corpus of Medieval Manuscripts as a Goal and a Tool for Linguistic Research. Lara Sels, Jürgen Fuchsbaauer, Vittorio Tomelleri and Ilse de Vos (eds.). *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions*. Paris, Bristol, Ct, Peeters Leuven, pp. 283-308.
- Baranov V.A., Gnutikov R.M., 2019. The statistics and n-gram modules of the historical corpus "Manuscript". A. Miltenova, V. Baranov, H. Miklas, K. Hawkins, J. Fuchsbaauer (eds.). *Digital and Analytical Approaches to the Written Heritage*, proc. of the 7th international conference El'Manuscript "Textual Heritage and Information Technologies", Sofia, pp. 9-28.
- Evert S., 2004. Association Measures. *Computational Approaches to Collocations*. URL: <http://collocations.de/AM/index.html> (accessed 31 May 2020).

SOURCES

- Evangelie aprakos polnyy («Panteleymonovo Evangelie») [The Gospel of Aprakos complete ("Panteleymonovo Evangelie")]. *RNB*, Sof. 1, end. 12th - beg. 13th century(?), 224 f.
- Kollektsiya slavyanskikh Evangeliy korpusa «Manuskript»* [Collection of Slavic Gospels of the corpus "Manuscript"]. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=30> (accessed 31.05.2020).
- Korpus «Manuskript: slavyanskoe pismennoe nasledie»* [Corpus "Manuscript: Slavonic written heritage"]. URL: <http://manuscripts.ru/> (accessed 31.05.2020).
- Modul statistiki korpusa «Manuskript»* [Statistics module of the corpus "Manuscript"]. URL: <http://manuscripts.ru/mns/!cred2.stat> (accessed 31.05.2020).
- Modul n-gramm korpusa «Manuskript»* [N-gramm module of the corpus "Manuscript"]. URL: http://manuscripts.ru/mns/cred_ngr.stat (accessed 31.05.2020).
- Elektronnoe izdanie Panteleymonova Evangeliya* [Electronic edition of Panteleimon's Gospel]. URL: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=21&p_lid=1 (accessed 31.05.2020).

Information About the Authors

Victor A. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Studencheskaya St, 7, 426069 Izhevsk, Russia, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

Oksana V. Zuga, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Universitetskaya St, 1, 426034 Izhevsk, Russia, ozuga@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-4818>

Информация об авторах

Виктор Аркадьевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики, Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, ул. Студенческая, 7, 426069 г. Ижевск, Россия, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

Оксана Владимировна Зуга, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, 1, 426034 г. Ижевск, Россия, ozuga@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-4818>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>

UDC 81'373.44
LBC 81.006.35

Submitted: 02.07.2020
Accepted: 12.10.2020

ON ADJECTIVAL ATTRIBUTIVES *BLOOD, DIRECT, PEACEFUL* AS COMPONENTS OF ARCHAIC NOMINATIONS OF FRIENDS¹

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article discusses the changes in collocability of the word *friend* over time. It notes that the works by A.S. Pushkin contain the forms, unexpected for the perception of the native speakers of the modern Russian language: *blood friends, direct friend, peaceful friends*. The analysis of the specified attributive combinations is carried out applying definitional, contextual, linguocultural analysis methods. The text material from the National Corpus of the Russian language is used. It is proved that the expression “*blood friends*” could denote “people connected by strong friendship” and “people of the same class”. Physical kinship criterion has been proved to serve as a basis for cognitive understanding of spiritual intimacy and social class identification. However, the connection between primary and secondary semantics is not so direct here; it is mediated by the cultural layer – the custom of twinning, a form of artificial relationship noted among many peoples. Most examples of the usage of the phrase “*direct friend*” mean ‘express your opinion to someone honestly, directly’. The expression “*peaceful friends*” is interpreted as based on a doubling of the meaning ‘in a relationship of agreement’. The research results can be used in compiling dictionaries of the Russian language, and also in teaching linguistic disciplines.

Key words: ethnolinguistics, semantics, phraseology, archaism, diachrony, lexicography, friend, Pushkin.

Citation. Leontyeva T.V. On Adjectival Attributives *Blood, Direct, Peaceful* as Components of Archaic Nominations of Friends. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 58-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>

УДК 81'373.44
ББК 81.006.35

Дата поступления статьи: 02.07.2020
Дата принятия статьи: 12.10.2020

АРХАИЧНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ДРУЗЕЙ: ОБ АДЪЕКТИВНЫХ АТТРИБУТИВАХ *КРОВНЫЕ, ПРЯМЫЕ, МИРНЫЕ*¹

Татьяна Валерьевна Леонтьева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об изменении сочетаемости слова *друг* в истории русского языка. В качестве объекта исследования избраны словосочетания *кровный друг, прямой друг, мирный друг*, зафиксированные в поэтических произведениях А.С. Пушкина и отсутствующие в узусе носителей современного русского языка. Изучение указанных атрибутивных сочетаний проведено с использованием методов

дефиниционного, контекстного, лингвокультурологического анализа. Привлечен текстовый материал, представленный в Национальном корпусе русского языка. Установлено, что выражением *кровные друзья* могли обозначаться 'люди, связанные крепкой дружбой' и 'люди одного класса'. Показано, что признак физического родства послужил основой для когнитивного осмысления духовной близости и социально-классовой идентификации, что связь между прямым и переносным значениями культурно опосредована обычаем побратимства – формы искусственного родства, отмечаемой у многих народов. В большинстве примеров употребления речевого оборота *прямой друг* актуализируется семантический компонент 'честно, прямо высказывать свое мнение кому-либо'. Выражение *мирный друг* предложено толковать как основанное на удвоении смысла 'находящийся в отношениях согласия'. Результаты исследования могут быть учтены при составлении словарей русского языка, а также использованы в преподавании языковедческих дисциплин.

Ключевые слова: этнолингвистика, семантика, семантические изменения, фразеология, архаизм, диакрония, лексикография, друг, Пушкин.

Цитирование. Леонтьева Т. В. Архаичные именованья друзей: об адъективных атрибутивах *кровные, прямые, мирные* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 58–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>

Введение

Наблюдение над художественными текстами разных эпох в сравнении с современной речевой практикой дает материал для осмысления языковых изменений. Так, анализируя стихотворения А.С. Пушкина, мы обратили внимание на различия в сочетаемости слова *друг* в его текстах и в узусе носителя современного русского языка. Наряду с традиционными сочетаниями *любезный друг, бесценный друг, юные друзья, настоящий друг* и другими поэтические произведения А.С. Пушкина содержат неожиданные для восприятия носителей современного русского языка обороты: *кровные друзья, друг прямой, мирные друзья*. Они свидетельствуют о том, что сочетаемость слова *друг* с прилагательными меняется в процессе функционирования языка в разные эпохи.

В статье рассмотрим три названных сочетания, которые на сегодняшний день вышли из употребления, но зафиксированы в более ранних, не только в пушкинских, текстах.

Материал и методы исследования

Каждое из анализируемых сочетаний представляет собой атрибутивную конструкцию, построенную по модели «адъектив + субстатив», или, по терминологии Д.А. Синкевича, «атрибутивно-именное словосочетание» [Синкевич, 2010, с. 240], а по терминологии Н.В. Юдиной – «простое двучленное сочетание слов, в котором функцию стержневого компонента выполняет имя существительное, на-

ходящееся в постпозиции по отношению к контактно расположенному зависимому имени прилагательному и соединенное с ним связью согласования» [Юдина, 2006, с. 3]. Последнее определение можно принять в качестве рабочего с учетом возможной инверсии, особенно частотной в поэтических текстах. При изучении конструкций «адъектив + субстатив» в отечественной и зарубежной лингвистике ведущее место занимают вопросы о сочетаемостных ограничениях, совместимости или несовместимости языковых единиц. Мы подошли к анализу словосочетаний *кровные друзья, друг прямой, мирные друзья* в этом же ключе, делая акцент на истолковании прилагательных, входящих в состав этих оборотов, с позиций их семантической оправданности на фоне известной избирательности лексем в «типовых» контекстах.

Обращение к сочетаемости слова *друг* именно в текстах А.С. Пушкина объясняется тем, что тема дружбы декларируется в качестве одной из центральных в его творчестве, ключевых для понимания мироощущения поэта, по крайней мере в отдельные периоды жизни: «вино, любовь, дружба – непререкаемые ценности эстетического кодекса юного Пушкина, важные слагаемые эпикурейства» [Никишов, 2003, с. 99–100]; «дружба, бывшая в ранних стихах поэта традиционным синонимом пиров, лености, теперь уже окончательно обретает статус ценности высшего порядка, над которой не властны время и сама смерть» [Ян Ен Лан, 2006, с. 19]. Таким образом, литературный контекст изначально накладывает отпечаток на избранный материал

исследования, однако в ходе разысканий мы установили, что выражения *кровные друзья*, *друг прямой*, *мирные друзья* нельзя отнести к числу индивидуально-авторских, окказиональных единиц, так как они представлены в прозаических текстах других авторов и эпох.

К рассмотрению атрибутивных словосочетаний со словами *друг*, *дружба* в сопоставлении с подобными сочетаниями английского языка на материале текстовых онлайн-корпусов обращались Э.А. Дудуева и З.Э. Борлакова. Они сконцентрировались на статистических данных. В частности, установили, что количественное преимущество имеют конструкции данного типа в английском языке, англоязычный материал оценен также как отличающийся разнообразием, русский же материал, к сожалению, не приводится [Дудуева, Борлакова, 2018, с. 128]. Другие работы, авторы которых посвятили бы внимание целенаправленно именно определениям слова *друг*, нам неизвестны.

В работе используются методы дефиниционного, контекстного, лингвокультурологического анализа. Привлекается текстовой материал, извлеченный из Национального корпуса русского языка.

Результаты и обсуждение

Кровные друзья: образно воплощенная семантика принадлежности к социальному кругу

В одном из ранних поэтических опытов А.С. Пушкина встречаем сочетание *кровные друзья*. В стихотворении «Монах» (1813) описывается ситуация, когда бес по имени Момлок соблазняет монаха Панкратия богатством: *Богатства все полют к тебе рекою... я в знать тебя пушу... Всех кланяться заставлю богачу* (Пушкин, с. 21). Он так характеризует будущие, обещаемые отношения монаха со знатными и могущественными людьми:

(1) Потом всю знать (с министрами, с князьями / Ведь будешь жить, как с **кровными друзьями**) / Ты позовешь на пышный свой обед (Пушкин, с. 21).

Бес сулит монаху все прелести жизни в роскоши, материальный достаток, а главное –

возможность войти в другой круг, иной социальный класс, и вербальным маркером это обещания выступает оборот *кровные друзья*, посредством которого очень точно «схвачена» суть посула: слово *друзья* эксплицирует сему ‘отношения близости’. Образный компонент ‘кровь’ закрепляет акцент на семе ‘родство, принадлежность к одному роду’ и становится средством характеристики принадлежности к социальному классу: физическое родство – метафорический аналог социальной идентификации.

Это выражение незнакомо, но интуитивно понятно носителю современного русского языка, поскольку невозможно ошибиться в его сходстве с узуально закрепленными сочетаниями *кровные братья / сестры / дети / родственники, кровные узы, кровная связь*, из которых два последних способны называть не только отношения кровного родства, но и тесные, близкие отношения. Способность слова *кровный* характеризовать отношения людей, не состоящих в генетическом родстве, подтверждается составом его значений в словарях. Согласно лексикографическим источникам, оно многозначно, имеет переносное значение, в формулировке которого акцентируются дифференциальные признаки ‘близость’ и ‘духовный’: «основанный на духовной близости, связанный дружескими отношениями; сердечный. *Уж вы, братцы мои, други кровные, Поцалуемтесь да обнимемтесь На последнее расставание.* Лерм. Песня про... купца Калашн.» (ССРЛЯ, стб. 1680); «прочный, неразрывный благодаря общим интересам, духовной близости. *За всю свою многотрудную жизнь он [И. А. Каблуков] не терял кровной связи с народом.* А.Н. Толстой, Большой ученый; *Поднимем же песню за доблесть и славу, За **кровное братство бойцов.*** Сурков, Застольная песня» (СлРЯ, с. 132).

В одном из недавно изданных словарей, а значит точнее отражающих современную языковую практику, в спектр значений семантемы *кровный* значение ‘дружески близкий’ не включено: «**КРОВНЫЙ**, -ая, -ое. **1.** Основанный на общем происхождении от одних родителей. *Кровное родство. К. брат.* **2. перен.** Очень близкий, непосредственно касающийся кого-н. *Кровная связь писателя с на-*

родом. *Кровно* (нареч.) *заинтересован в чём-н.* 3. О животных: то же, что породистый. *К. рысак.* 4. **кровные**, -ых. Свои собственные деньги (прост.). *Жалко отдавать свои кровные*» (Шведова, с. 381).

Словари современного русского языка не фиксируют и выражение *кровный друг*, бывшее в поэтическом арсенале А.С. Пушкина, однако лексикографы неизменно принимают во внимание идиому *кровный враг* как обозначение непримиримого, злейшего врага (Шведова, с. 381). С учетом того что в настоящее время также употребительны обороты *кровная обида* 'глубоко затрагивающая, тяжелая обида' (Шведова, с. 381; СлРЯ, с. 132), *кровная вражда* 'злейшая, непримиримая вражда' (СлРЯ, с. 132) и даже *кровные деньги, кровный заработок, кровное добро* 'добытый, нажитый тяжелым трудом' (СлРЯ, с. 132), можно утверждать, что семантическая деривация этого прилагательного идет по пути расширения негативно-семантического поля значений на основе соотношения этого слова с культурным феноменом кровной мести и с представлениями о напряженном труде (*до кровавого пота*). А.С. Пушкин же использовал слово *кровный* как маркер наивысшей формы близости (родства). Подчеркнем, что в поэтическом примере из его стихотворения не охарактеризована степень проявления признака дружеской близости, поскольку речь в нем идет не о дружбе в ее «высокодуховном» понимании, а о классовой идентификации: бес обещал наделить монаха богатством и ввести его в круг знатных, богатых людей, сделать так, словно он всегда принадлежал ему (будто они с ним *кровные друзья*).

В литературных произведениях XIX–XX вв. обнаруживаются немногочисленные примеры, когда этим выражением обозначаются близкие отношения, духовная связь:

(2) Все – точно родные, **друзья дорогие, кровные...** (Г.И. Успенский. Власть земли. 1882. НКРЯ);

(3) Удивляется Груша, что Василиса Федосеевых под защиту берет. – Будто **друзья твои кровные**. Сама же мне их хаяла... (А.М. Коллонтай. Василиса Малыгина. 1927. НКРЯ);

(4) И еще мы смотрим на тех, с кем рядом прошли когда-то выданный судьбой путь, на **кровных друзей** и совсем незнакомых ребят (К.Я. Ван-

шенкин. Рассказ о потерянном фотоальбоме. 1973. НКРЯ).

Социальную, а не личностную отнесенность имеет выражение *кровный друг* при обозначении отношений между предводителем народного восстания и народом:

(5) Не враг я народу, а **кровный друг!** – Пугачёв перевел дух и спросил: – Ну, как думаешь, полковник?... (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1934–1945. НКРЯ).

Социальные роли «народ» и «вождь» значимы здесь с точки зрения идеи классовой идентификации: Пугачев близок народу по своему социальному происхождению.

Примером выражения социальных коннотаций словосочетанием *кровные друзья* может служить отрывок текста середины XIX в., описывающий введение новых лиц в число приближенных титулованной особы – графа:

(6) Съ ея именемъ поминутно связывали имена людей...: чуть приезжалъ въ Петербургъ какой нибудь особенно красивый иностранецъ (хорошей фамилии), чуть между молодежью появлялся юноша, поблистательнее конечно, ихъ производили въ чичисбеи графини и **кровные друзья** Павла Антоновича (А.В. Дружинин. Обрученные. 1857. НКРЯ).

Именно эта идея социальной идентификации нашла воплощение в пушкинском тексте, где посредством оборота *как кровные друзья* акцентировано вхождение персонажа стихотворения (монаха) в сословие знати (*князья, министры*), приобретение им нового социального положения. Таким образом, выражением *кровные друзья* могли обозначаться 'люди, связанные крепкой дружбой' и 'люди одного класса'. Физическое родство послужило прообразом для когнитивного осмысления духовной близости и социально-классовой идентификации.

Однако связь между первичной и вторичной семантикой здесь не столь прямая, она культурно опосредована существованием обычной побратимства – формы искусственного родства, отмечаемого у многих народов, в разных культурах, состоящего в клятвенном обещании дружбы и взаимопомощи, фактически

в заключении договора, первоначально скрепляемого кровью как символом родства и одновременно готовности умереть (отдать кровь) за друга. У этого явления много названий: *побратимство*, *куначество*, *кумление*, *посестримство* и др.

Указание на ритуал клятвоприношения находим, например, в тексте начала XX в., где используется выражение *кровная дружба*; цитируемое художественное произведение передает национальный колорит жизни на Кавказе, в грузинском селении:

(7) Ахмет не хотел оскорбить тебя. Вы – кунаки, клялись друг другу в **кровной дружбе**... Напоминаю тебе об этом (Л.А. Чарская. Вторая Нина. 1909. НКРЯ).

Итак, воплощенная в выражении *кровные друзья* идея дружбы (духовной близости) как приобретенного родства способна преобразовываться в идею вхождения в какой-либо социальный класс, слой, группу, однако анализируемый речевой оборот к настоящему времени утрачен или выходит из узуса, устаревает. При этом лингвокультурного багажа обычного носителя русского языка достаточно для объяснения того, почему А.С. Пушкин использовал такое сравнение, хотя существует вариант трактовки выражения *кровные друзья*, связанный с влиянием европейской культуры на российское общество пушкинского времени.

В книге представителя французской историко-антропологической школы Марка Блока «Феодалное общество» (1939) есть параграф, который в переводной версии труда так и называется – «Кровные друзья» (Блок, с. 125–127). Излагая свое видение социальной жизни средневекового общества (IX–XIII вв.), по большей части во Франции, Германии, Англии, автор книги утверждает, что наряду с новыми – вассальными – отношениями, характерными для этого исторического периода, еще весьма значимыми оставались родственные отношения, и *друзьями крови* (или *кровными друзьями*) назывались собственно родственники (дается пример из документа XI в., бытовавшего в Иль-де-Франс: «...его друзья, а именно, мать, братья, сестры и другие близкие по крови или супружеству») (Блок, с. 126). Другой пример, приведенный в книге, – это описание судебных традиций в Ис-

пании: для подтверждения иска в суд могли по обычаю явиться «кровные друзья», в соответствии с этим обычаем иск женщины, заявившей о насилии над собой, был клятвенно подтвержден четырьмя ее родственниками (Блок, с. 126). При этом почти во всех случаях, при характеристике которых используется переводное выражение *кровные друзья*, речь идет о поручительстве, нередко – о круговой поручке, покровительстве и кумовстве в социальных учреждениях, социально-политической среде. Хотя социальный контекст здесь более значим, чем при побратимстве, сближать пушкинские строки, содержащие сравнение *как с кровными друзьями*, и средневековое понимание *друзей крови* было бы, на наш взгляд, ошибкой. Во-первых, вряд ли 13-летний поэт был знаком со средневековой антропологией; во-вторых, в сочинении А.С. Пушкина актуализирована не идея действительного родства, а идея родства «искусственного» – приобретенного, не данного по рождению; в-третьих, любое сравнение предполагает дистанцирование между объектом и эталоном сравнения. Так, у А.С. Пушкина находим следующее: *министры и князья* не прямо именуются *кровными друзьями* монаха, они лишь *как кровные друзья*. По-видимому, стихотворение сохранило для нас устаревшее ныне (да и тогда, видимо, уже устаревшее) выражение, корни которого лежат в древних обычаях заключения договора дружбы. Думается, идея кровной дружбы влечет юношеское сознание поэта своей осязаемостью, «формой», визуализацией посредством договора – не негласного, а словесного, вербализованного и притом ритуально закрепленного. Это близко и понятно детскому сознанию в той же степени, что и мифологическому мышлению (этот мотив в будущем проявится в творчестве поэта в мотивах клятвы и нарушения клятвы, обещания дружбы, обязанностей дружбы). Однако отметим, что процесс европеизации России, начавшийся в конце XVII в., привел к проникновению элементов европейской культуры, знаний о ней в российскую культуру и нашел отражение в русском языке, в частности, возможно, в возникновении сугубо социальных (с акцентом на сословных отношениях) коннотаций у выражения *кровные друзья*.

**Друг прямой: сема откровенности
в понятии дружбы**

В стихотворении «Пирующие студенты» (1814) А.С. Пушкин адресует обращение *друг прямой* одному из своих лицейских друзей, предположительно Ивану Пущину:

(8) Товарищ милый, **друг прямой**, / Тряхнем рукою руку (Пушкин, с. 54).

Этот оборот отсутствует в узусе носителя современного русского языка.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у прилагательного *прямой* фиксируется 8 значений: «1. Прямой, не имеющий изгибов, кривизны. <...> 2. Истинный; настоящий, не поддельный. <...> Тотъ Дмитрей былъ не прямой государь, воръ, рострига. Рим. имп. д. Пб 1371. 1621). <...> 3. Правильный, справедливый; правый. <...> А ты, государь... дай намъ... судъ прямъ. Чел. Авр., 33, 1670. 4. По праву принадлежащий (кому-л.), собственный. <...> Говорят про нас, что мы чюжие земли держим, с кривою от людей взявши, а не свои прямые. Пов. о Скандерберге, 44, XVII в. <...> 5. Честный, прямой, правдивый. <...> Ино лихорадство ты почаль делати, что мимо лживых людей да на прямых падаешь. Ив. Гр. Посл., 151. 1573 г. <...> 6. Верный (кому-, чему-л.). <...> Я государю прямъ. Астрах. а. № 2277. Лист Казаналпа, сост. 2. 1651 г. 7. Направленный вперед, по пути следования, благопритствующий движению (о ветре) <...> 8. Сделанный на прямую, т. е. симметричную колодку (об обуви)» (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 29). Там же находим устойчивые сочетания *прямой вес* ‘равный’, *прямое дело* ‘об открытом бое с главными силами противника’, *прямое слово* ‘честное слово’ (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 29–30). Во многих своих семантических вариациях адъектив *прямой* может сочетаться со словом *друг*: и ‘настоящий’, и ‘верный’, и ‘честный’, и ‘равный’, и ‘открытый’. Эти значения взаимосвязаны и составляют по сути синкретичное единство: открытый показывает себя настоящего, честность заключается в открытых высказываниях и отсутствии лжи и т. д.

Пушкин уточняет содержание обращения *друг прямой* тем, что в пояснение или в продолжение его лирический герой в той же

строфе лаконично сообщает о размолвках и примирениях между ним и адресатом восклицания: *Нередко и бранимся, / Но чащу дружества нальем – / И тотчас помиримся* (Пушкин, с. 54). Иван Иванович Пущин в своих воспоминаниях о чтении Пушкиным в лазарете его «пиесы» «Пирующие студенты», присоединяясь к разъяснениям, которые уже есть в строках Пушкина, тоже делает акцент на дружескую прямоту в отношениях: «Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях розно смотрели на людей и вещи; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы все-таки умели их сгармонировать и оставались в постоянном согласии» (Пущин, с. 78). ‘Правдивость’ как компонент значения сочетания *прямой друг* выражен и в пушкинском стихотворении «Послание к Галичу» (1815), хотя анализируемое сочетание изменено за счет несубъектной привязки и характеризует не отношения между людьми, а свойство личности – мудрость человека:

(9) Нет, добрый Галич мой! / Поклону ты не сроден. / **Друг** мудрости **прямой** / Правдив и благороден (Пушкин, с. 119).

Идея прямоты (открытого выражения своего мнения) эксплицируется трижды: *поклону не сроден, друг прямой, правдив* (можно усмотреть ее и в семантике прилагательного *благороден*).

Носитель современного русского языка, очевидно не использующий сочетание *друг прямой* ни в живом повседневном общении, ни в текстах высокого стиля (торжественных, поздравительных, поэтических), читая пушкинские строки, вспомнит типовые контексты *прямо говорить что-либо другу*, а также этические аксиомы «другу можно довериться» и «другу можно возражать, прямо говорить неприятные вещи, честно высказывать свое мнение, не кривить душой» (то и другое есть прямота как открытость).

Анализируемое выражение – это не изобретение Пушкина, оно встречается в текстах XVIII и XIX вв., однако пушкинской инверсии не наблюдается:

(10) Ежели онъ имеетъ великое богатство; то, можетъ быть какой нибудь бедной человекъ, для бездельныя своея корысти, пристанетъ къ нему, но **прямыхъ друзей** никогда онъ себе не найдетъ, и

самым искусством познать, что честные люди всегда от своей дружбы отгоняют его будутъ (В.К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского]. 1745. НКРЯ);

(11) Того ради, весьма должно съ такимъ токмо человекомъ вступать въ дружбу, которой бы имель все потребныя достоинства, чтобъ могъ быть **прямымъ другомъ** (В.К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского]. 1745. НКРЯ);

(12) Сверхъ несправедливыхъ сихъ друзей, находятя еще своенравные, которые думаютъ, что надобно всегда съ ихъ мнѣніемъ соглашаться; и по сему ложному основанію сердятся, буде кто противится ихъ своенравію. Толь не справедливые люди, не могутъ быть **прямыми друзьями** (В.К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского]. 1745. НКРЯ);

(13) Мило было видѣть ему подданныхъ своихъ, упражняющихся в наукахъ и художествахъ, и такие-то были **прямые друзья** его, с которыми он просто и милостиво обходился (А.А. Нартов. Рассказы о Петре Великом. 1785–1786. НКРЯ);

(14) Для меня сие воспитание было совсемъ новое: говорили мне, что не все надо говорить, что думаешь; не верить слишкомъ тем, которые ласкаютъ много; не слушать техъ мужчинъ, которые будутъ хвалить, и ни с какимъ мужчиной не быть в тесной дружбе; не выбирать знакомства по своему вкусу; любить больше техъ, которые будутъ открывать твои пороки, и благодарить. «И эти-то **прямые твои друзья**...» (А.Е. Лабзина. Воспоминания. 1810. НКРЯ);

(15) Не говоримъ уже об отзывахъ **прямыхъ друзей** нашего поэта – Флобера, Додэ, Зола, Мопассана и Ренана: они знакомы русской публике (П.В. Анненков. Литературные воспоминания. 1882. НКРЯ).

В большинстве контекстов употребления сочетания *прямой друг* актуализируется значение ‘честно, прямо высказывать свое мнение кому-либо’. А.С. Пушкину оно было, по видимому, хорошо известно, так что, желая указать на частоту горячихъ обсуждений и споровъ какъ признакъ крепкой дружбы, он подобралъ наиболее точное поэтическое обращение для И. Пущина.

Мирные друзья: гиперэкспликативная языковая структура

Средствомъ атрибуции друга в стихотворении А.С. Пушкина «Товарищамъ» (1817) является прилагательное *мирный*:

(16) Промчались годы заточенья; / Недолго, **мирные друзья**, / Намъ видѣть кровъ уединенья / И царскосельскіе поля. / Разлука ждетъ насъ у порогу, / Зоветъ насъ дальній свѣта шумъ (Пушкин, с. 228).

Сочетание *мирные друзья* нечастотно, мы нашли всего три примера его использования в текстахъ XIX–XX вв., а после середины XX столетія выражение не фиксируется.

Более всего сходства с пушкинскимъ текстомъ имеетъ примеръ из произведения Л. Гроссмана, посвященного пушкинской темѣ, поскольку героемъ книги является французскій дипломат, бывшій секундантомъ на роковой дуэли 27 января 1837 г.:

(17) И действительно, нежные звуки любовной каватины из Ченерентолы воздушно слетали с высокихъ хоровъ галереи, какъ бы осеняя своей мелодической волной этотъ кругъ **мирныхъ друзей**, беседующихъ среди цветочныхъ купъ и полныхъ чашъ о странствіяхъ принцевъ, празднествахъ банкировъ и ристалищахъ европейской аристократіи (Л.П. Гроссман. Записки Д’Аршиака. 1931. НКРЯ).

В этихъ строкахъ нарисована идиллическая картина дружеской беседы, и слово *мирный* передаетъ атмосферу общаго согласія и приятнаго общенія.

В другомъ примере использования оборота *мирные друзья* в тексте середины XX в. описывается зимній кулачный бой в селе, где между сторонами, выступающими на бой, нетъ истинной вражды и ненависти, для всехъ это лишь игра, проба молодецкой удали, потому что все приходится другъ другу родственниками или соседями, хорошими знакомыми, друзьями:

(18) Неподалеку... толпятся и на той и на другой сторонѣ взрослые и ребятишки. Сейчас и мы и они – тоже соперники. К санкамъ Измайлова подходятъ любопытные и с того берега. Санки стоятъ на середине реки... Здесь люди и той и другой стороны – обычные **мирные друзья** и сродники (Ф.В. Гладков. Повесть о детствѣ. 1948. НКРЯ).

Слово *мирные* можно даже считать общимъ определениемъ для существительныхъ *друзья* и *сродники*, выражающимъ смыслъ ‘живущіе в согласіи’.

Несколько иначе следуетъ трактовать примеръ употребления анализируемаго оборота в концѣ XIX в., поскольку в немъ слово *друг* выступаетъ в иномъ значеніи – ‘сторонникъ, при-

верженец; защитник, покровитель' (*друг свободы и равенства*):

(19) На что только не жалуются у нас люди!.. Но скажите этим «мирным» друзьям свободы и равенства, что все эти явления, возмущающие их «легальные» и европейские сердца, суть не что иное, как плоды того «общечеловеческого эмансипационного» прогресса, который они чтут столь ребячески и слепо, – они засмеются над вами или вознегодуют на вас (К.Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года. 1880. НКРЯ).

Здесь прилагательное *мирный* подчеркивает невоинственный характер оппозиционных выступлений.

Реализованные в этих текстовых фрагментах лексико-семантические варианты прилагательного обнаруживаются и в современных, и в исторических словарях русского языка. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у слова *мирный*² фиксируется как оттенок основного значения 'спокойный, тихий' значение 'живущий в мире, согласии, без раздоров' (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 169). В «Словаре русского языка XVIII в.» в качестве основного приведено значение 'несклонный к вражде, любящий мир, согласие; миролюбивый' (СРЯ XVIII, с. 205), которое иллюстрируется примером *мирные души*. Заметим, что сочетания прилагательного *мирный* с обозначениями людей приводятся только для иллюстрации оттенка значения 'приведенный в состояние мира, не нарушающий договора о мире': *коряки не очень мирны, мирные соседи, нетокмо мирные были подданные* (СРЯ XVIII, с. 205), но все же сема 'согласие' актуализирована и в этом случае.

Таким образом, сочетание слов *мирные* и *друзья* (существующее только во множественном числе) можно трактовать как прием удвоения смысла: два знака используются для передачи одной и той же идеи согласия. Оппозиции «мир и война», «мир и вражда», «дружба и вражда» образуют парадигму, в которой первый член означает согласие, близость, а второй – конфликт, противостояние. Первые элементы оппозиций представляют одну сторону шкалы, вторые элементы – другую сторону. Часто слова с корнем *-мир-* и слова с корнем *-друг-* толкуются друг через

друга: *мирно* 'тихо, дружелюбно, спокойно, согласно' (САР, с. 146) и мн. др. Поэтому слова *мирные* и *друзья* как элементы соответствующих семантических гнезд с вершинами *мир* и *друг*, парадигматически соотносимые друг с другом и имеющие общую референцию к идее согласия, при их сближении в рамках синтагмы (установлении синтагматической связи между ними) образуют плеонастический комплекс, дублирующиеся компоненты которого поддерживают и усиливают друг друга на семантическом уровне.

Сочетание *мирные друзья* не может быть определено как поэтизм, поскольку все примеры употребления оборота, кроме строк А.С. Пушкина, зафиксированы в прозе. По-видимому, предпосылки к построению гиперэксplikативной языковой структуры нужно искать в языковой среде. Так, Е.В. Генералова выделяет в качестве особенностей начального периода формирования литературного языка избыточность лексико-семантической системы, которая проявлялась при использовании синонимов в тавтологических и плеонастических конструкциях, формулах этикета и делового языка [Генералова, 2017, с. 19]. К тавтологическим сочетаниям с избыточным зависимым словом она относит такие единицы, как *капустные щи, водяной ключ, земляной вал, законный брак* [Генералова, 2017, с. 19].

Т.С. Остапенко, составляя типологию тавтологий, выделяет «интенциональную тавтологию» по критерию намеренности продуцирования избыточного высказывания, характеризует ее как «функционально оправданную» и указывает на функцию интенсификации как характерную для атрибутивных сочетаний: «Например, большинство адъективно-субстантивных тавтологий (*красивая красавица, истинная правда, real reality, idiotic fool*) выполняют функцию интенсификации качества как наличествующего в высокой степени» [Остапенко, 2011, с. 17].

Таким образом, введение в речь сочетаний плеонастической природы имеет объективные предпосылки, связанные с развитием языковой системы, но пушкинское *мирные друзья* – это все же еще и языковой факт, включенный в литературный и биографический контекст.

Стихотворение написано в год прощания А. Пушкина с лицеем, бывшим в восприятии его воспитанников обителью спокойствия на пороге большой жизни с ее бурями. Устойчивый топик «мирный + локус, помещение» (мирная обитель, мирные чертоги и др.) фиксируется словарями: *мирный*² – «спокойный, тихий. Не въвожу рати въ чьртогъ мирныи» (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 169); *мирный*¹ – «тихий, спокойный, чуждый тревог, волнений». <...> *Мирное жилище, мирный кров, мирная обитель* (СРЯ XVIII, вып. 12, с. 206) – и реализуется в контекстах, например:

(20) Коперник умер спокойно в своем **мирном жилище** (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1793. НКРЯ);

(21) **Мирные жилища** в беспорядке рассыпаны по хребтам (Г.П. Каменев. Софья. 1796. НКРЯ);

(23) За год до сего стояли тут **мирные кровы** наших родственников и сограждан (И.М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород. 1813–1815. НКРЯ).

Эти обозначения передают смысл ‘чуждый волнений и вражды’. Круг таких коллокаций вполне может быть фактором, оказавшим влияние на выбор А.С. Пушкиным слова *мирный* в качестве атрибутива к существительному *друзья* с явной референцией к лицейским товарищам, к мирной жизни в мирном пристанище Императорского Царскосельского лицея, которая подошла к своему завершению. Поэт прозревает будущее стоящих на пороге новой жизни вчерашних лицеистов, ведь за стенами лицея выпускников ожидают неизвестность, неприветливый, чужой, незнакомый мир.

Выводы

Материал, извлеченный из текстов прошлых веков (художественных, эпистолярных, документальных и др.), уникален, однако эти языковые единицы иногда оказываются за пределами лексикографических описаний. В статье реализована попытка восстановить пробел в научном представлении выражений *кровный друг, прямой друг, мирный друг*, которые со временем претерпели изменения в условиях ослабления их позиции в узусе и к сегодняшнему дню почти вышли из речевой

практики. Современный носитель языка, опираясь на стержневое в их структуре слово *друг*, способен понять приблизительное содержание этих речевых оборотов на фоне известных ему базовых ментальных установок, поддерживаемых сохранным языковым фондом, поскольку в основу фразеологических выражений, исчезающих ныне из обихода, были положены представления о друге и дружбе, составляющие ядро понятия. Сочетания *прямой друг, кровный друг, мирный друг* имеют в качестве значимых семантических компонентов своей структуры дифференциальные признаки ‘откровенный, основанный на абсолютном доверии’, ‘близкий по духу или социальному происхождению (аналогично биологическому родству)’, ‘живущий в согласии, в мире, без вражды’. В большинстве своем эти смыслы согласуются с традиционным для русской лингвокультуры содержанием понятия «дружба».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

The study is financially supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “Semantics of unity and enmity in Russian vocabulary and phraseology: system-linguistic data and discourse”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генералова Е. В., 2017. Избыточность как характерная черта лексико-семантической системы языка Московской Руси // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы : К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 21–23 сент. 2017 г.). Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. С. 19–26.
- Дудуева Э. А., Борлакова З. Э., 2018. Сопоставительный анализ атрибутивных словосочетаний с лексемами «друг» и «дружба» в русском и английском языках // Наука и образование : сб. науч. ст. М. : Перо. С. 128–129.

- Никишов Ю. М., 2003. Дум высокое стремление: очерки духовной биографии Пушкина. В 4 т. Т. 1. 1813–1822. Тверь : Золотая буква. 565 с.
- Остапенко Т. С., 2011. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 56 (2). С. 15–18.
- Синкевич Д. А., 2010. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки. № 12. С. 239–248.
- Юдина Н. В., 2006. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное»): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 40 с.
- Ян Ен Лан, 2006. Эволюция системы нравственных ценностей в лирике А.С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 23 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Блок – Блок М. Феодальное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2002. 504 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 02.07.2020).
- Пушкин – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. Стихотворения / примеч. проф. Б. В. Томашевского. 4-е изд. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 399 с.
- Пушкин – Пущин И. И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. 3-е изд., доп. СПб. : Акад. проект, 1998. С. 60–100.
- САР – Словарь Академии Российской. В 6 ч. Ч. 4. М–Р. СПб. : При Императ. акад. наук, 1793. 1272 стб.
- СлРЯ – Словарь русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2: К–О. Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М). М. : Наука, 1982. 357 с. ; Вып. 21 (Прочный – Раскидати). М. : Наука, 1995. 280 с.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 12. Лъстец – Молвотворство / сост. А. А. Алексеев. СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-ние, 2001. 252 с.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. : Наука ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 5 : И–К. 1956. VII с., 1918 стб.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.

REFERENCES

- Generalova E. V., 2017. Izbytochnost kak kharakternaya cherta leksiko-semanticheskoy sistemy yazyka Moskovskoy Rusi [Redundancy as a characteristic feature of the lexical-semantic system of the language of Muscovite Rus]. *I. I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie : opyt i perspektivy : k 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Sreznevskogo : sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ryazan, 21–23 sentyabrya 2017 g.)*. [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects: to the 205th anniversary of I. I. Sreznevsky's birth]. Ryazan, Ryazanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 19–26.
- Dudueva E. A., Borlakova Z. E., 2018. Sopostavitelnyy analiz atributivnykh slovosochetaniy s leksemami «drug» i «druzhba» v russkom i angliyskom yazykakh [Comparative analysis of attributive word combinations with lexemes “friend” and “friendship” in Russian and English]. *Nauka i obrazovanie* [Science and education]. Moscow, Pero Publ., pp. 128–129.
- Nikishov Yu. M., 2003. *Dum vysokoe stremlenie : ocherki dukhovnoy biografii Pushkina* [High aspiration of thoughts: essays on the spiritual biography of Pushkin]. In 4 vol. Vol 1. Tver, Zolotaya bukva Publ. 565 p.
- Ostapenko T. S., 2011. Prichiny vzniknoveniya tautologicheskikh vyrazheniy v rechi govoryashchego [The reasons for the appearance of tautological expressions in the speech of the speaker]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], vol. 56, no. 2, pp. 15–18.
- Sinkevich D. A., 2010. Atributivnye konstruksii v sovremennoy lingvistike: problemy opredeleniya i analiza [Attributive constructions in modern linguistics: problems of definition and analysis]. *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki* [Actual problems of modern science], no. 12, pp. 239–248.
- Yudina N. V., 2006. *Leksicheskaya sochetaemost v kognitivnom aspekte (na materiale konstruksii «prilagatelnoe + sushchestvitelnoe») : avtoref. diss ... doktora filol. nauk*. [Lexical compatibility in the cognitive aspect (based on the construction of “adjective + noun”). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 40 p.
- Yang Yen Lan, 2006. *Evolyutsiya sistemy npravstvennykh tsennostey v lirike A. S. Pushkina : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Evolution of the system of moral values in the lyrics of A. S. Pushkin. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 23p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Blok M. *Feodalnoe obshestvo* [Feudal society]. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovyh, 2002, 504 p.
- Natsionalnyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (Accessed 02 July 2020).
- Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Complete Works: in 10 volumes]. Vol. 1. Poems. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 339 p.
- Pushchin I.I. *Zapiski o Pushkine* [Notes about Pushkin]. *Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov* [Pushkin in the memoirs of contemporaries]. Vol 1. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 1998, pp. 60-100.
- Slovar Akademii Rossiyskoy*. V 6 t. Ch. 4: M–R [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Volumes. Part 4: M–R. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii nauk, 1793. 1272 columns.
- Slovar russkogo yazyka*. V 4 tomakh [Dictionary of the Russian language. In 4 Volumes]. A.P. Evgenyeva (ed.). Vol. 2: K–O. Moscow, Russkiy yazyk; Poligrafresursy Publ., 1999. 736 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries]. Iss. 9 (M), Moscow, Nauka Publ., 1982. 357 p; iss. 21 (Prochnyy-Raskidati). Moscow, Nauka Publ., 1995. 280 p.
- Slovar russkogo yazyka XVIII vv.* Vyp. 12 (Lstets-Molvotvorstvo) [Dictionary of the Russian language of the 18th centuries. Iss. 12 (Lstets-Molvotvorstvo)]. Leningrad, Nauka Publ., 2001. 252 p.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. V 17 tomakh [Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 Volumes]. Vol. 5: I–K. Moscow, Nauka Publ., 1956. VII p., 1918 columns.
- Tolkovye slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.

Information About the Author

Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russia, leotany@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Информация об авторе

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языков массовой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия, leotany@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>

UDC 81'373.21
LBC 81.053.16

Submitted: 06.09.2020
Accepted: 09.11.2020

LINGUISTIC CODES OF VOLGOGRAD GODONYMS AS A REFLECTION OF REGIONAL TOPONYMIC POLICY¹

Dmitriy Yu. Ilyin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena G. Sidorova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article analyzes the year-name space of the city of Volgograd (godonyms), interpreted as a set of names of linear geographic objects officially recorded on the territory of a settlement. The linguistic codes most in demand in the regional toponymic policy have been identified and characterized, the most important features of these codes are consistency, structure, repletion with relevant to users information, and in some cases conventionality, symbolism consigning positive semantics. It is argued that the extremely frequent codes for nominating the intracity linear topo objects of Volgograd are memorial, local, anthropogenic and conditionally symbolic ones. It has been established that memoratives can be subdivided into personal, group, and associated with some significant events. Personal memoratives are distributed over the three strata: godonyms commemorating world-famous people, godonyms naming places after iconic personalities in the national community, godonyms based on the names of people recognized in the region. Godonyms, designed to preserve the memory of military exploits committed during the defense of the city in different historical epochs, prevail among group and event memoratives. The most urgent tasks in the field of municipal toponymic policy are outlined as being associated with increase in degrees of name uniqueness within the city, reduction of onyms that contain numerals and abbreviations, and raising requirement to linguistic consistency and accurate spelling of godonyms.

Key words: toponymy, godonym, godonymic space, linguistic code, toponymic policy, name uniqueness, degree of name uniqueness.

Citation. Ilyin D. Yu., Sidorova E. G. Linguistic Codes of Volgograd Godonyms as a Reflection of Regional Toponymic Policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 69-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>

УДК 81'373.21
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 06.09.2020
Дата принятия статьи: 09.11.2020

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОДЫ ВОЛГОГРАДСКИХ ГОДОНИМОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье анализируется годонимическое пространство г. Волгограда, трактуемое как совокупность названий линейных географических объектов, официально зафиксированных на территории населенного пункта. Определены и охарактеризованы наиболее востребованные в региональной топонимической политике лингвистические коды, важнейшими признаками которых являются системность, структур-

ность, наполненность определенной информацией, релевантной для пользователей, и в некоторых случаях условность, символизм, передающий позитивную семантику. Утверждается, что к частотным кодам при номинировании внутригородских линейных топообъектов Волгограда относятся меморативный, локативный, антропогенный и условно-символический. Меморативы делятся на личностные, групповые и событийные. Установлено, что личностные меморативы распределены по трем стратам: годонимы в честь, во-первых, известных в мировом сообществе людей, во-вторых, знаковых в национальном сообществе личностей, в-третьих, известных в данном регионе людей. Среди групповых и событийных меморативов большинство составляют годонимы, призванные сохранить память о воинских подвигах, совершенных при защите города в разные исторические эпохи. Обозначены наиболее актуальные задачи в сфере муниципальной топонимической политики, связанные с повышением степени уникальности названия в пределах города, сокращением нумеративных и аббревиатурных онимов, повышением внимания к соблюдению языковой системности и орфографической правильности годонимов.

Ключевые слова: топонимика, годоним, годонимическое пространство, лингвистический код, топонимическая политика, уникальность названия, степень уникальности названия.

Цитирование. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Лингвистические коды волгоградских годонимов как отражение региональной топонимической политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 69–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>

Постановка проблемы

В последнее время внимание в ономастических исследованиях акцентируется на изучении структурирования представлений о ландшафтном пространстве территории, которое непосредственным образом влияет на топонимическую политику. Подверженные изменению запросы социума и действия властных структур в части топонимической номинации требуют отклика лингвистов в целях успешного позиционирования городского пространства. В свете сказанного важная систематизирующая роль отводится топонимам, являющимся своеобразными маркерами локуса (см. подробно: [Ильин, Сидорова, 2019; Климкова, 2018; Юдина, Кузнецова, 2018]).

Особое внимание при этом уделяется изучению годонимов, которые интерпретируются как «название линейного объекта в городе, в т.ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1988, с. 52]. Значимость указанного разряда проприативной лексики детерминирована отражением в наименованиях линейных топообъектов культурных представлений жителей той или иной местности, их устоев, обычаев и верований, трансформацией ценностных стереотипов и приоритетов социума, информацией о его исторических, идеологических и эстетических вкусах и пристрастиях. Наконец, внимание исследователей к годонимам определяется и тем, что в них находит отражение эволюция современных номинативных техно-

логий (см. об этом: [Голомидова, 2019; Ильин, Сидорова, 2014]).

Объектом нашего исследования являются годонимы Волгограда, зафиксированные в «Общегородском перечне наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» (далее – Перечень), размещенном на официальном сайте администрации г. Волгограда. По состоянию на 10.03.2020 г. (дата последнего внесения изменения в Перечень) в годонимическом пространстве Волгограда, понимаемом нами как совокупность зарегистрированных названий линейных топообъектов, находящихся на территории населенного пункта, насчитывается 2 002 улицы, 257 переулков, 22 проезда, 13 площадей, 8 проспектов, 5 набережных, 2 бульвара, 2 шоссе, 2 тупика и 1 разъезд.

Предметом исследования выступают лингвистические коды объектов искусственной номинации – элементов улично-дорожной сети Волгограда.

К настоящему времени *код*, несмотря на частотное использование в языковедческих работах, получает неясное определение, поскольку в лингвистических словарях и справочниках отсутствует дефиниция этого понятия.

В «Большом академическом словаре русского языка» лексическая единица *код* определяется как «совокупность условных обозначений (знаков, символов, сигналов и т. п.) и система определенных правил, применяемых для передачи (обработки, хранения) со-

общений по каналам связи и информации (данных) по каналам телемеханики» (БАС, т. 8, с. 185). Инкорпорируя в предложенное толкование лингвистический смысл, полагаем, что применительно к ономастическим исследованиям *лингвистический код* можно интерпретировать следующим образом: способы и средства создания лексических единиц с целью номинации объекта внеязыковой действительности в соответствии с системой определенных правил, присущих языку. Важнейшими характеристиками лингвистического кода, на наш взгляд, являются системность, структурность, наполненность определенной информацией, релевантной для пользователей, и в некоторых случаях символизм, условность.

Лингвистические коды названий линейных топообъектов Волгограда

Годонимическое пространство Волгограда многогранно и разнопланово, поскольку городская структура под воздействием социальных и экономических приоритетов имеет тенденцию к изменению, в том числе с точки зрения количества и качества корпуса именуемых внутригородских объектов. В связи с этим системное описание топонимов даст возможность сформировать целостное представление об особенностях структурно-семантической организации волгоградской топонимии, определить параметры, по которым проходит лингвистическое кодирование линейных городских объектов, выявить характерные тенденции в развитии топонимической политики, показать ее сильные и слабые стороны.

Один из востребованных лингвистических кодов в волгоградской топонимии – меморативный. Характеризуя лингвокультурное пространство областной столицы, можно стратифицировать три разновидности меморативов: личностные, групповые и событийные.

Наиболее широко представлены личностные меморативы; в основе таких номинаций лежит увековечивание памяти:

– участников революционного движения XIX–XX вв., причем улицы носят имена не только известных российских революционеров: *улицы Софьи Перовской, Баумана, Володарского, Желябова*, но и региональных деятелей: *улица им. Вершинина*

названа в честь Григория Авдеевича Вершинина, являвшегося руководителем большевиков Краснооктябрьского района г. Царицына, а также представителей международного революционного движения: *улица им. Грамши* названа в честь основателя коммунистической партии Италии Антонио Грамши;

– участников Гражданской войны: *улицы им. Чапаева, им. Котовского, им. Сергея Лазо*, в том числе участников обороны Царицына: *улицы им. Воронкова, им. Дундича, им. Булаткина, им. Жлобы* – и местных уроженцев: *улица им. Бахтурова* названа в честь героя Гражданской войны, родившегося в станице Качалинской;

– участников Великой Отечественной войны: *улицы им. Гастелло, им. Черняховского, им. Покрышкина, им. Марины Расковой*, в том числе Сталинградской битвы: *улицы им. Александра Баскакова, им. Денисенко, им. Глазкова, им. Маршала Толбухина, им. Маршала Чуйкова, им. Сержанта Воронова*, и местных уроженцев, отличившихся во время войны: *улицы им. Ивана Антонова, им. Саши Филиппова, им. Доценко*;

– значимых исторических личностей как в масштабах страны и мира: *улицы им. Колумба, им. Клары Цеткин, Кутузовская, им. Степана Разина, им. Гагарина, им. Лейтенанта Шмидта, бульвар им. Энгельса, переулок им. Марата*, так и в региональном масштабе: *улица им. Григория Засекина* в честь основателя г. Царицына, *улица им. Михайлова* в честь первого директора Сталинградского тракторного завода, *улица им. Солнечникова* в честь Героя России, ценой своей жизни спасшего солдат во время учений в 2012 году.

Репрезентативным и в годонимическом пространстве Волгограда представляются меморативы, связанные с увековечиванием памяти личностей по профессиональной принадлежности:

ученых: *улицы им. Попова, им. Академика Королева, им. Галилея, им. Лобачевского, им. Академика Богомольца, им. Дарвина, проспект им. Столетова*;

– писателей, получивших известность в стране и мире: *улицы им. Аксакова, им. Булгакова, им. Лермонтова, им. Пушкина, им. Чехова, им. Шекспира, им. Анри Барбюса*,

им. Гейне, а также местных уроженцев: *улица им. Маргариты Агашиной* в честь известной поэтессы, почетного гражданина города-героя Волгограда;

– художников: *улицы им. Айвазовского, им. Брюллова, им. Грекова*;

– композиторов и музыкантов: *улицы им. Антонина Дворжака, им. Композитора Алябьева, им. Римского-Корсакова*;

– спортсменов: *улицы им. Поддубного, им. Алехина, им. Чигорина* (названа в честь основателя русской шахматной школы);

– скульпторов и архитекторов: *переулок им. Алабяна, улица им. Баженова*, в том числе значимых для Волгоградской области: *улица им. Вучетича*;

– актеров и режиссеров: *улицы им. Довженко, им. Волкова*, в том числе работавших в местных театрах: *улица им. Ивана Лапикова*.

Анализ языкового материала дает основания утверждать, что личностные меморативы, как правило, распределены по трем стратам: годонимы в честь известных в мировом сообществе людей; знаковых в национальном сообществе личностей; известных в регионе людей.

Групповые меморативы также неоднородны. Во-первых, это годонимы, указывающие на воинские подразделения и иные группы, принимавшие участие в военных событиях: *ул. 10-й Дивизии НКВД, ул. 13-й Гвардейской, ул. 62-й Армии, ул. 26 Бакинских Комиссаров, ул. 33-х Героев*. Как правило, все наименования линейных топообъектов в данном случае связаны со Сталинградской битвой, стремлением увековечить в памяти наиболее значимое для региона в XX в. историческое событие. Следует отметить, что при наличии улицы 26 Бакинских Комиссаров, получившей название в честь группы героев, расстрелянных интервентами в 1918 г., в Волгограде имеются и улицы, названные в отдельности в честь каждого комиссара: *улицы им. Азизбекова, им. Басина, им. Богданова, им. Габышева, им. Джапаридзе* и др.

Во-вторых, это годонимы, которые получили свое наименование в честь людей в составе группы по профессиональной направленности с целью обратить внимание на созидательный труд в мирное время: *шоссе Авиаторов, улицы Водников, Домостроителей*.

В годонимическом пространстве Волгограда зафиксированы и событийные меморативы. Как правило, это номинации – посвящения различным памятным датам и векам отечественной истории: *улицы 25-летия Октября, 50-летия ВЛКСМ, Оборона Ленинграда, Оборона Одессы, Оборона Севастополя*. Большая часть подобных меморативов обращена к событиям Великой Отечественной войны, причем процесс увековечивания исторических событий продолжается и в настоящее время, когда новые топообъекты получают свое наименование: *площадь Сталинградской Победы, улица 70-летия Победы*.

Анализ массива фактов позволяет утверждать, что особое место в годонимическом пространстве Волгограда принадлежит лингвистическому коду, который можно интерпретировать как названия с локативной семантикой:

– номинации улиц, образованные от названий государств: *улицы Китайская, Венгерская, Словацкая*;

– столиц бывших республик СССР, причем, как правило, названия линейных топообъектов охватывают практически все столицы, что было достаточно значимым в советское время для большого города: *улицы Ашхабадская, Бакинская, Ереванская*;

– субъектов Российской Федерации: *улицы Адыгейская, Башкирская, Бурятская*; населенных пунктов других государств: *улицы Льежа, Варшавская, Венская, переулки Варненский, Ченстоховский*, в том числе носящих имена городов-побратимов Волгограда: *улицы Островская, Порт-Саида, Хиросимы, Ковентри*;

– населенных пунктов бывшего СССР и современной России: *улицы Великолукская, Псковская, Петербургская, Вешенская*.

Отличительной чертой годонимического пространства Волгограда является наличие улиц, названных по наименованиям населенных пунктов Волгоградской области: *улицы Абганеровская* (рабочий поселок Абганерово), *Алексеевская* (станция Алексеевская), *Бударинская* (станция Бударино).

В совокупности годонимических наименований обнаружены номинации городских улиц, получивших название от гидрообъектов: *улицы Абаканская, Азовская, Байкальская*, в том числе и водных объектов, находящихся

на территории Волгоградской области: *улицы Добринская, Карповская, Сарпинская*; оторонимические наименования: *переулок Альпийский, улицы Араратская, Эльбрусская*; названия от сторон света: *улицы Южная, Восточная, переулок Северный*.

В языковом массиве обнаружены топонимы, лингвистическим кодом которых служит наименование по антропогенному топонимическому объекту, то есть созданному человеком в целях обустройства жизни, быта: *улицы Автомагистральная, Аэродромная, переулки Банный, Больничный, проезд Аптечный*, а также номинации, данные в зависимости от особенностей географического положения и ландшафта отдельного линейного топонимического объекта, его размера и конфигурации: *улицы Береговая, Крутоовражная, Малая, Окружная, Пригородная, Кольцевая, Короткая, Крайняя, проезд Крутой, переулки Замкнутый, Долгий*.

Следующий лингвистический код, положенный в основу названий волгоградских топонимов, является нумеративным. Таковых наименований насчитывается небольшое количество: *проезды 1-й, 2-й, улицы Первая, Пятая*.

В топонимическом пространстве Волгограда обнаруживаются наименования, лингвистическим кодом которых следует считать условно-символический, поскольку такие названия вызывают определенные мелиоративные ассоциации: *улицы Романтиков, Нежная, Спокойная, Живописная, Дружбы*.

Исследование топонимов Волгограда не исчерпывается названными наименованиями, однако в первую очередь возникает вопрос о том, насколько целесообразны названия волгоградских линейных объектов, соответствуют ли они современной топонимической политике.

Проблемы региональной топонимической политики

Усиление внимания к топонимической политике, рассматриваемой нами в качестве составной части общей языковой политики государства, вполне оправданно. С.Н. Басик, разрабатывая такое научное направление, как критическая топонимика, видит его цель в «кри-

тическом осмыслении социально-политической и символической роли топонимов, политики номинации и ее результатов» [Басик, 2018, с. 56].

М.В. Голомидова, подробно анализируя понятие «топонимическая политика», приходит к необходимости трактовки его в статическом и динамическом аспектах: «Рассматриваемая в статическом аспекте, топонимическая политика представляет собой совокупность правовых, организационных, научных, методических, информационно-коммуникационных компонентов, которые обеспечивают регламент присвоения топонимов, а также нормы их употребления в сфере деловой коммуникации. В динамическом аспекте топонимическая политика есть сама практика присвоения официальных топонимов пространственным объектам, которая осуществляется уполномоченными субъектами права» [Голомидова, 2018, с. 36]. Такая трактовка топонимической политики, по мнению ученого, «позволяет на начальном этапе вывести ее из смыслового поля других “политик” и сосредоточиться на объяснении, которое связано прежде всего с главной функцией топонимов – функцией “адресной”, или, точнее, “координатной”» [Голомидова, 2018, с. 44].

Юридической основой для осуществления системы мероприятий, необходимых при проведении топонимической политики, является Федеральный закон № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (в ред. 30.12.2015 г.), который «устанавливает правовые основы деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также нормализации, употребления, регистрации, учета и сохранения наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации» (Федеральный закон № 152-ФЗ).

Вопросы топонимической политики в рамках того или иного субъекта РФ призваны координировать региональные топонимические комиссии, комитеты по делам территориальных образований и т. п. Перед этими юридически уполномоченными структурами стоит целый ряд непростых задач по упорядочиванию, регистрации и нормализации топонимического

пространства региона. Безусловно, выполнение указанных задач невозможно без комплексного анализа всего массива географических объектов искусственной номинации, находящихся на территории города. Рассмотрим наиболее важные, по нашему мнению, задачи в сфере топонимической политики Волгограда.

1. Повышение степени уникальности названий в пределах города. Это возможно прежде всего за счет отказа от полностью тождественных наименований линейных топообъектов, что предписывается статьей 7 Федерального закона № 152-ФЗ: «Присвоение одного и того же наименования нескольким однородным географическим объектам в пределах административно-территориального образования (административно-территориальной единицы) не допускается» (Федеральный закон № 152-ФЗ). С одной стороны, существование множества объектов с одним и тем же названием, обусловленное ментальной и культурно-исторической общностью народа, проживающего на определенной территории, составляет, по А.В. Суперанской, ономастическую универсалию [Суперанская, 2007]. К.В. Демьянов и В.Г. Рыженко, анализируя топонимику советского периода, приходят к выводу о том, что «одинаковые названия во всех уголках страны позволяли советскому гражданину ощущать себя частью единой общности» [Демьянов, Рыженко, 2017, с. 159]. Однако, с другой стороны, совпадение наименований двух или более географических объектов в пределах одной административно-территориальной единицы «затрудняет осуществление хозяйственной или иной деятельности» (Федеральный закон № 152-ФЗ), в связи с чем закон предусматривает переименование топообъектов, имеющих идентичное название.

Дублирующиеся наименования чрезвычайно частотны в годонимическом пространстве Волгограда: 459 элементов улично-дорожной сети (19,8 % от общего числа линейных топообъектов) не обладают признаком уникальности на территории города. Наиболее распространены ситуации, когда тождественное название имеют соположенные улицы и переулки, например: *улица им. Аверченко* и *переулок им. Аверченко*, *улица Знаменская* и *переулок Знаменский*, *улица им. Ло-*

моносова и *переулок им. Ломоносова*, *улица Мелитопольская* и *переулок Мелитопольский*, *улица Спокойная* и *переулок Спокойный* и др. Если подобное расположение линейных объектов в целом не препятствует выполнению годонимами адресной функции, то в других случаях это затрудняет ее осуществление: *переулок Полевой* соединяет *улицы Олимпийскую* и *Гагаринскую*, несмотря на наличие в этом же районе города *улицы Полевой*; *улица им. Войкова* расположена в Кировском районе Волгограда, а *переулок* с аналогичным названием – в Тракторозаводском, *улица Агатова* находится в Красноармейском районе, а *переулок Агатый* – в Тракторозаводском, *улицы Рубиновая* и *Удмуртская* – в Красноармейском районе, а *переулки Рубиновый* и *Удмуртский* – в Советском, *улицы Днепровская* и *Московская* в Дзержинском районе, а *переулки* с аналогичными названиями – в Кировском. Идентичные названия имеют не только улицы и переулки, но и другие элементы улично-дорожной сети, например: *площадь им. Дзержинского* и *улица им. Дзержинского* в Тракторозаводском районе, *площадь им. Куйбышева* в Советском районе и *улица им. Куйбышева* в Красноармейском, *проспект Университетский* в Советском районе и *улица Университетская* в Дзержинском, *набережная 62-й Армии* в Центральном районе и *улица 62-й Армии* в Тракторозаводском, *площадь им. Белинского* в Краснооктябрьском районе и *улица им. Белинского* в Кировском.

В отдельных случаях одинаковые наименования закрепляются за тремя линейными объектами, например: *проспект*, *площадь* и *улица им. В.И. Ленина*, *улица*, *переулок* и *проспект Волжский* в разных районах города.

Еще больше затруднений для людей при ориентации в годонимическом пространстве города создают полностью идентичные элементы улично-дорожной сети и их собственные наименования. Так, в Дзержинском районе Волгограда зарегистрированы соположенные *улица Луговая* и *переулок Луговой*, однако *улица Луговая* имеется также и на территории Красноармейского района, а *переулок Луговой* – в Краснооктябрьском районе. *Улица Радужная* зафиксирована в Советском и

Тракторозаводском районах, улица *Зенитчиков* – в Дзержинском и Тракторозаводском, улица *Крайняя* – в Дзержинском и Советском, три улицы в разных районах города имеют наименование *Железнодорожная*, по четыре улицы носят название *Восточная* и *Садовая*.

По-видимому, как дополнительный дифференциальный признак для разграничения одноименных годонимов используются цифровые показатели, например: улицы *1-я Спортивная* и *2-я Спортивная*, им. *Лескова 1-я* и им. *Лескова 2-я*, переулки *1-й Еланский* и *2-й Еланский*, улицы *Капустная балка 1*, *Капустная балка 2*, *Капустная балка 3*, переулки *1-й Летный*, *2-й Летный*, *3-й Летный* и *4-й Летный*. Абсолютным лидером среди подобных номинаций являются восемь улиц, различающихся только порядковым номером проезда (им. *Покровского 1-й проезд*, им. *Покровского 2-й проезд*, им. *Покровского 3-й проезд*, им. *Покровского 4-й проезд*, им. *Покровского 5-й проезд*, им. *Покровского 6-й проезд*, им. *Покровского 7-й проезд*, им. *Покровского 8-й проезд*), при наличии связывающей их улицы им. *Покровского*. Однотипные, достаточно громоздкие наименования вряд ли соответствуют коммуникативным потребностям жителей и способствуют выполнению годонимом адресной функции. Наряду с этим зафиксированы наименования с цифровым компонентом, не отражающим реальной топонимической картины. Так, в Красноармейском районе города существует улица *2-я Динамовская*, притом что ни *Динамовской*, ни *1-й Динамовской* нет, в Краснооктябрьском районе есть улица *4-я Заводская*, хотя других улиц с аналогичным наименованием в городе нет, переулки *1-й Былинный* и *3-й Былинный* при отсутствии *2-го Былинного*, а в Советском районе имеются улицы *Ельшанская* и *3-я Ельшанская* при отсутствии *2-й Ельшанской*.

2. Сокращение нумеративных и аббревиатурных онимов. Статья 7 Федерального закона № 152-ФЗ предусматривает возможность переименования годонима в случаях, когда «географический объект обозначен аббревиатурой, номером или словосочетанием, выполняющими функции наименований географических объектов, но в действительности ими не явля-

ющимися» (Федеральный закон № 152-ФЗ). Так, на территории Волгограда официально зарегистрированы следующие нумеративные элементы улично-дорожной сети: *проезд 1-й*, *проезд 2-й*, улицы *Первая*, *Пятая*, *Восьмая*, *Девятая*, переулок *Восьмой*, улица *1050-й км*. Кроме того, две улицы города имеют в качестве названия аббревиатуры, не вполне осознаваемые жителями: улица *КИМ* (Коммунистический интернационал молодежи, существовавший в 1919–1943 гг.) и улица *ЛЗС* (Лесозащитная станция). Подобные онимы, по нашему мнению, нарушают критерии экологичности (подробнее об этом см.: [Сидорова, 2015; 2019]) и нуждаются в переименовании.

3. Системность онима. Многовековая история образования топонимов позволяет выделять их сложившиеся структурно-семантические типы, в связи с чем требование Федерального закона о том, что название топообъекта должно «естественно вписываться в уже существующую систему наименований географических объектов» (Федеральный закон № 152-ФЗ), представляется вполне справедливым. Поскольку годонимы относятся к объектам искусственной номинации, все они являются производными, причем их производящая база, как правило, без труда осознается носителями языка, например: название улицы *Медведицкая* соотносится с проприативом *Медведица*, используемым для номинации реки, протекающей на территории Волгоградской области, *Рижская* – с проприативом *Рига*, номинирующим город в Латвии, *Транспортная* – с апеллативом *транспорт*, *Штурманская* – с апеллативом *штурман* и т. п. Итогда производящая база для жителей региона бывает не очевидна: например, название улиц *Вельботная* от *вельбот* – «быстроходная весельная или парусная шлюпка с острым носом и кормой» (БАС, т. 2, с. 401), *Мопровская* от *МОПР* – Международная организация помощи борцам революции, *Ойротская* от *Ойрот-Тура* – прежнего названия г. Горно-Алтайска, использовавшегося в 1932–1948 гг., а в отдельных случаях ее и вовсе невозможно установить: улицы *Каральская*, *Нарезенская*.

Системность годонимов как класса топонимической лексики должна проявляться и в соблюдении в них грамматических норм.

Если наименование переулка *Портовый*, соотносимое с существительным *порт*, не вызывает сомнений в выборе словообразовательных средств, то наименование улицы *Новопортная* с этой точки зрения представляется не вполне корректным (ср.: топонимы *Нововокзальная*, *Новоремесленная*, *Новошахтинская*).

Значительную часть топонимического пространства Волгограда составляют личные меморативы в форме родительного падежа (им. *Атласова*, им. *Милиционера Буханцева*, им. *Расула Гамзатова* и т. п.), а значит, в некоторых случаях возникают проблемы, связанные со склоняемостью / несклоняемостью конкретной фамилии, закрепленной в названии топонима. Совершенно очевидно, что требования грамматических норм одинаково применимы ко всем пластам лексики, в том числе и к антропонимам и топонимам. Так, в соответствии с действующими правилами «иностранные фамилии, оканчивающиеся на гласный звук (кроме неударяемых *-а*, *-я*), не склоняются, например: *романы Золя*, *стихотворения Гюго*, *оперы Бизе*, *музыка Пуччини*, *пьесы Шоу*» [Розенталь, 1996, с. 205], поэтому подобные фамилии в составе топонимов Волгограда также не склоняются: *улицы им. Абрамшивили*, им. *Гастелло*, им. *Гейне*, им. *Сакко и Ванцетти*, им. *Семашко*. Иное правило касается русских и иноязычных фамилий, оканчивающихся на согласный: они «склоняются, если относятся к мужчинам, и не склоняются, если относятся к женщинам» [Розенталь, 1996, с. 205]. В подавляющем большинстве случаев данная рекомендация последовательно реализуется, ср.: *улицы им. Стрельца* (Стрелец Николай Григорьевич), им. *Бабича* (Бабич Олег Иванович), им. *Полковника Батюка* (Батюк Николай Филиппович), им. *Академика Богомольца* (Богомолец Александр Александрович), им. *Вучетича* (Вучетич Евгений Викторович), им. *Гоголя* (Гоголь Николай Васильевич), им. *Дарвина* (Дарвин Чарлз Роберт), им. *Антонина Дворжжака* (Дворжак Антонин), им. *Тулака* (Тулак Иван Васильевич), им. *Дундича* (Дундич Томо). Но: *переулок им. Розы Люксембург*, *улицы им. Ольги Форш*, им. *Клары Цеткин*. Между тем нами зафиксирован единственный случай нарушения грамматического

норматива – *улица им. Командира Рудь* (Рудь Дмитрий Филиппович), который требует корректировки в части соответствия грамматической норме.

Еще одной «зыбкой зоной» в топонимическом пространстве Волгограда можно считать наименования, включающие в свой состав географические термины, применимые к другим группам топонимов, например: *улица Река Пионерка*, *улица Поселок Стройдеталь*, а также смешение родо-видовых отношений при употреблении географических терминов (две улицы *Набережная*, переулки *Набережный* и *1-й Набережный*, пять набережных – *62-й Армии*, *Волжской Флотилии*, им. *Владимира Высоцкого*, *Ельшанская*, *Севастопольская*). Таким образом создается ситуация, при которой в процессе коммуникации может возникать проблема, связанная с осознанием того, в каком значении употребляется лексема *набережная* – как географический термин, обозначающий «береговую полосу или ее часть (вдоль реки, водоема), укрепленную бетоном, камнем, идущую вдоль населенного места» (РСС, с. 19), либо как собственное наименование улицы или переулка.

4. Оптимальное количество компонентов в составе онима. В соответствии с анализируемым законом наименование географического объекта должно «состоять не более чем из трех слов» (Федеральный закон № 152-ФЗ). В топонимическом пространстве Волгограда имеется единственный случай, когда название включает в свой состав большее количество компонентов, – *проспект им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова*. Неудобство в практическом использовании такого развернутого наименования, в том числе при заполнении адресной строки в различных документах, очевидно. На наш взгляд, более оптимальной будет являться двукомпонентная модель, закрепленная, например, за следующими элементами улично-дорожной сети: *улица им. Композитора Алябьева*, *переулок им. Генерала Апанасенко*, *улица им. Лейтенанта Лукина*, *улица им. Адмирала Макарова* и др. По-видимому, стремлением сократить количество компонентов в структуре топонима объясняется существование таких улиц, как *7-й Гвардейской*, *13-й Гвардейской*, *35-й Гвар-*

дейской, 36-й Гвардейской, 39-й Гвардейской, 51-й Гвардейской, 95-й Гвардейской. Они получили свои названия в честь конкретных воинских подразделений (7-я гвардейская мотострелковая бригада, 13-я, 35-я, 36-я, 39-я, 51-я, 95-я гвардейские стрелковые дивизии), защищавших Сталинград в 1942–1943 гг., однако при этом произошло выпадение грамматически стержневого компонента из словосочетания, именующего то или иное подразделение. Полагаем, что более корректными были бы названия *7-й Гвардейской Бригады, 13-й Гвардейской Дивизии* и т. п., тем более что топонимы такого типа, указывающие на вид воинского подразделения, на территории Волгограда имеются: *улицы 64-й Армии, 8-й Воздушной Армии, 10-й Дивизии НКВД*.

5. Одним из наиболее очевидных направлений работы уполномоченных органов в сфере топонимической политики является нормирование наименований географических объектов с точки зрения действующих правил орфографии (см., например: [Арутюнова, Бешенкова, Иванова, 2020; Судаков, 2019]). Законом предусматривается внесение изменений в номинацию топонима, если «существующее написание наименования географического объекта на государственном языке Российской Федерации или на других языках народов Российской Федерации не соответствует правилам русской орфографии или орфографии других языков народов Российской Федерации и традициям употребления наименований географических объектов на указанных языках» (Федеральный закон № 152-ФЗ). Анализ массива географических наименований объектов искусственной номинации показывает имеющиеся противоречия в орфографическом оформлении топонимов, особенно в части слитно-дефисных написаний и употребления прописных букв в составе неоднородных имен собственных, например: *Горно-Алтайская – Горнополянская, Северо-Крымская – Северокавказская, Южно-Сибирская – Южноуральская, 33-х Героев – 4-х связистов, Павших Борцов – Первой конной армии, Малая Садовая – Малая кольцевая*. Иногда имеет место орфографически непоследовательное обозначение гласного после шипящих, например: *Алычевая, Пе-*

черская (в Дзержинском районе) – *Печорская* (в Советском районе).

6. Номинация вновь образуемых географических объектов с учетом топонимического пространства города и перспектив его дальнейшего развития. Разделяем точку зрения Т.А. Прудниковой по поводу того, что «преобразования, включающие в себя введение новой топонимики, можно считать частью культурной политики государства, направленной на формирование у жителей целостного образа новой... среды, встроенной в контекст определенных ценностей» [Прудникова, 2012, с. 139], что будет способствовать сохранению национально-культурной идентичности жителей.

Заключение

Изучение и систематизация топонимического пространства Волгограда позволили представить структурно-семантическую характеристику названий линейных топообъектов города, охарактеризовать частотные лингвистические коды, используемые при обозначении объектов искусственной номинации: меморативный, локативный, антропогенный, нумеративный, условно-символический. Выделены наиболее актуальные задачи в сфере топонимической политики столицы региона: повышение степени уникальности названия в пределах города, сокращение нумеративных и аббревиатурных топонимов, внимание к соблюдению языковой системности проприатива, нормирование наименований географических объектов с точки зрения действующих правил орфографии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00217 «Лингвистические коды объектов искусственной номинации в топонимической политике региона: проблемы, противоречия и векторы развития».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-012-00217 “Linguistic codes of objects of artificial nomination in the toponymic policy of the region: problems, contradictions and vectors of development”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., 2020. Прописные и строчные буквы в географических административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. Т. 17, № 2. С. 256–277. DOI: http://10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027.
- Басик С. Н., 2018. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник = Geographical bulletin. № 1 (44). С. 56–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63>.
- Голомидова М. В., 2018. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. Т. 15, № 3. С. 36–57. DOI: http://dx.doi.org/10.15826/vopr_onom/2018/15/3/028.
- Голомидова М. В., 2019. Использование технологий нейминга при создании официальных городских топонимов: анализ возможностей // Вопросы ономастики. Т. 16, № 3. С. 162–178. DOI: [10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037).
- Демьянов К. В., Рыженко В. Г., 2017. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 4 (16). С. 153–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2014. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (22). С. 7–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.1>.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2019. Населенные пункты Волгоградской области: словарь-справочник регионального топонимикона. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 411 с.
- Климкова Л. А., 2018. Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики // Ученые записки УО «ВГУ им. П. Н. Машерова». Т. 25. С. 108–115.
- Подольская Н. В., 1988. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. 192 с.
- Прудникова Т. А., 2012. Топонимическая политика Советского государства в контексте культуры сталинского времени (на примере переименования Московского проспекта в Ленинграде в 1950-е годы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. Вып. 3. С. 139–143.
- Розенталь Д. Э., 1996. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Рольф. 368 с.
- Сидорова Е. Г., 2015. Лингвоэкологические проблемы топонимического пространства региона // Экология языка и коммуникативная практика. № 2 (5). С. 157–166.
- Сидорова Е. Г., 2019. Проблема степени уникальности названия поселения в лингвоэкологическом аспекте // Экология языка и коммуникативная практика. № 2 (17). С. 35–42. DOI: <http://dx.doi.org/10.17516/2311-3499-056>.
- Судаков Г. В., 2019. Проблемы употребления названий населенных пунктов (на примере ойконимии Вологодской области) // Вопросы ономастики. Т. 16, № 3. С. 193–204. DOI: [10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039).
- Суперанская А. В., 2007. Общая теория имени собственного. М.: Изд-во ЛКИ. 368 с.
- Юдина Н. В., Кузнецова Е. А., 2018. Топонимический портрет Владимирского края. Владимир: Транзит-ИКС. 160 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БАС* – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: СПб.: Наука, 2004– . Т. 2. 2005. 662 с.; Т. 8. 2007. 840 с.
- РСС* – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998– . Т. 2. 1998. XXIII, 800 с.
- Федеральный закон № 152-ФЗ* – Федеральный закон от 18.12.1997 № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О наименованиях географических объектов». URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15205113/> (дата обращения: 28.06.2020).

REFERENCES

- Arutyunova E.V., Beshenkova E.V., Ivanova O.E., 2020. Propisnye i strochnye bukvy v geograficheskikh administrativno-territorialnykh nazvaniyakh: akademicheskie pravila russkoy orfografii [Uppercase and Lowercase Letters in Geographical and Administrative Territorial Names: Academic Rules of Russian Spelling]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 17, no. 2, pp. 256-277. DOI: http://10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027.
- Basik S.N., 2018. Kriticheskaya toponimika kak napravlenie geograficheskikh issledovaniy: problemy i perspektivy [Critical Toponymics as a

- Direction of Geographic Research: Problems and Perspectives]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical bulletin], no. 1 (44), pp. 56-63. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63>.
- Golomidova M.V., 2018. Toponimicheskaya politika v sfere nominatsii vnutrigorodskikh ob"ektov: teoreticheskie i prikladnye problemy [Toponymic Policy in Naming City Facilities: Theoretical and Applied Issues]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 15, no. 3, pp. 36-57. DOI: http://dx.doi.org/10.15826/vopr_onom/2018/15/3/028.
- Golomidova M.V., 2019. Ispolzovanie tekhnologii neyminga pri sozdanii ofitsialnykh gorodskikh toponimov: analiz vozmozhnostey [Use of Product-Naming Techniques for Creating Official City Toponyms: Analysis of Perspectives]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 16, no. 3, pp. 162-178. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037.
- Demyanov K.V., Ryzhenko V.G., 2017. Ideologiya, toponimika, politika pamyati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR [Ideology, Toponymy, Policy of Memory: about City's Renaming in the USSR]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series Historical Studies], no. 4 (16), pp. 153-160. DOI: <http://dx.doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2014. Teoreticheskie osnovy postroeniya slovarya-spravochnika regionalnoy toponimiki [Theoretical Foundations of Composing a Reference Book of Regional Toponyms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (22), pp. 7-16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.1>.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2019. *Naseleennyye punkty Volgogradskoy oblasti: slovar-spravochnik regionalnogo toponimikona* [Settlements of the Volgograd Region: Dictionary Directory of Regional Toponymy]. Volgograd, Izdatelstvo VolGU. 411 p.
- Klimkova L.A., 2018. Rossiyskaya toponimika i ee ob"ekt v aspekte dinamiki [Russian Toponymy and its Object in the Aspect of Dynamics]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. N. Masherova*, vol. 25, pp. 108-115.
- Podolskaya N.V., 1988. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd edition. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Prudnikova T.A., 2012. Toponimicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva v kontekste kultury stalinskogo vremeni (na primere pereimenovaniya Moskovskogo prospekta v Leningrade v 1950-e gody) [The toponymic policy of the Soviet state as an urbanistic factor (based on an example of renaming Moskovsky avenue in Leningrad in the 1950 s)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*. [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy. Cultural studies. Political science. Law. International Relations], vol. 3, pp. 139-143.
- Rozental D.E., 1996. *Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoy pravke* [Spelling and literary proofreading reference]. Moscow, Rolf Publ. 368 p.
- Sidorova E.G., 2015. Lingvoekologicheskie problemy toponimicheskogo prostranstva regiona [Lingvaecological Problems of Toponymic Spase of a Region]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2 (5), pp. 157-166.
- Sidorova E.G., 2019. Problema stepeni unikalnosti nazvaniya poseleniya v lingvoekologicheskom aspekte [The Problem of the Degree of Uniqueness of the Name of the Settlement in the Lingvaecological Aspect]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2 (17), pp. 35-42. DOI: <http://dx.doi.org/10.17516/2311-3499-056>.
- Sudakov G.V., 2019. Problemy upotrebleniya nazvaniy naseleennykh punktov (na primere oykonimii Vologodskoy oblasti) [Settlement Names: Problems of Conventional Usage (with Reference to Oikononyms of the Vologda Region)]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 16, no. 3, pp. 193-204. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039
- Superanskaya A.V., 2007. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow, Izdatelstvo LKI. 368 p.
- Yudina N.V., Kuznetsova E.A., 2018. *Toponimicheskii portret Vladimirskogo kraya* [Toponymic portrait of the Vladimir region]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ. 160 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* [The Comprehensive Academic Dictionary of the Russian Language]. K.S. Gorbachevich (ed.). Vol. 2. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005. 662 p.; Vol. 8. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 840 p.
- Russkiy semanticheskii slovar. Tolkovyy slovar, sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy

[Russian semantic dictionary]. N.Yu. Shvedova (ed.).
Vol. II. Moscow, Azbukovnik, 1998. XXIII, 800 p.
Federalnyy zakon № 152-FZ «O naimenovaniyakh
geograficheskikh ob'ektov» (v red. 30.12.2015)

[Federal Law No. 152-FZ “On Names of
Geographical Objects” (as amended on
30.12.2015)]. URL: [https://www.zakonrf.info/
doc-15205113](https://www.zakonrf.info/doc-15205113) (accessed 28 June 2020).

Information About the Authors

Dmitriy Yu. Ilyin, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Elena G. Sidorova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

Информация об авторах

Дмитрий Юрьевич Ильин, доктор филологических наук, доцент, проректор по учебной работе, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Елена Геннадьевна Сидорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.7>

UDC 81'38:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 31.01.2020
Accepted: 14.09.2020

KATOIKONYMS IN THE TEXTS OF VOLGOGRAD REGIONAL NEWSPAPERS ISSUED IN 1985: PECULIARITIES OF USE

Svetlana Ye. Kirillova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the issues of structural, sematic and functional organization of regional katoikonymicon. Varieties of residents nominations are studied in the texts of local newspapers dated by the beginning of perestroika in the USSR. Having studied word-formation and local katoikonymic paradigms in local media of Bykovsky and Kalachevsky districts of Volgograd region, the author identifies the suffixes that dominate in formation of local dwellers names, distinguishes derivational variability of katoikonyms. The article describes some regularities in composing residents nominations grammar forms, which are implemented in the regional katoikonymicon and are naturally typical of the Russian language. Some occasional instances of katoikonyms coming into the general language use are stated and interpreted. By means of contextual analysis some meanings of the studied nominations are identified and formulated. The comparison of empirical data and materials of the lexicographic sources, published in the near chronological periods, is carried out. The list of meanings assigned to the nominations of Kalachevsky and Bykovsky districts dwellers of Volgograd region is katoikonymy is specified and systematized as belonging to the Russian katoikonymicon. The paper contains quantitative data, which reflect similarities and differences in the use of katoikonyms in each of the considered media. The identified peculiarities belong to different levels of the language.

Key words: katoikonym, word formation, semantics, language of newspapers, regional language.

Citation. Kirillova S.Ye. Katoikonyms in the Texts of Volgograd Regional Newspapers Issued in 1985: Peculiarities of Use. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 81-91 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.7>

УДК 81'38:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 31.01.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ КАТОЙКОНИМОВ В ТЕКСТАХ ВОЛГОГРАДСКИХ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ 1985 ГОДА

Светлана Евгеньевна Кириллова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы структурной, семантической и функциональной организации регионального катойнимикона. Специфика употребления наименований жителей выявляется на материале публикаций волгоградских районных газет начала периода перестройки в СССР. В словообразовательном аспекте исследованы частные катойконимические парадигмы. Определены доминирующие суффиксы, участвующие в образовании названия жителей в СМИ Быковского и Калачевского районов Волгоградской области. Приведены отдельные случаи проявления характерной для ряда волгоградских катойконимов деривационной вариативности. Описаны реализованные в региональном катойнимиконе некоторые общие для русского языка закономерности функционирования наименований жителей в разных грамматических формах. Зафиксированы и интерпретированы единичные случаи становления узуса местной катойконимии. В результате контекстуального анализа установлены и сформулированы некоторые значения изучаемых номинаций. На основе сопоставления эмпирических данных и материала лексикографических источников, хронологически близких исследуемому периоду, систематизирован и уточнен существующий в

отечественной катойконимике перечень значений названий жителей Калачевского и Быковского районов Волгоградской области. Представлены количественные данные, которые отражают обнаруженные на разных языковых уровнях сходства и отличия в использовании катойконимов в каждом из региональных средств массовой информации.

Ключевые слова: катойконим, словообразование, семантика, язык газеты, язык региона.

Цитирование. Кириллова С. Е. Специфика употребления катойконимов в текстах волгоградских районных газет 1985 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 81–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.7>

Введение

Единицы языка реагируют на изменения, происходящие во внеязыковой среде, и особенно ярко это проявляется в переломные исторические периоды. Одним из таких периодов в истории России и жизни носителей русского языка стала перестройка, представляющая собой «политические и социально-экономические реформы, произошедшие в стране в 1985–1991 годы» [Сидоренко, Шувалов, 2016, с. 64]. Изучение функционирующих в текстах региональных СМИ этого периода наименований жителей – катойконимов – позволит получить более полное представление о тенденциях становления и развития волгоградской катойконимии.

Выбор хронологических рамок позволяет последовательно описать реакцию единиц языка на действие экстралингвистических факторов. Кроме того, в этом случае представляется возможным получить ответы на ряд вопросов, например о состоянии группы слов названий жителей в годы перестройки, о наличии внешних факторов, влияющих на использование катойконимов в региональных газетных текстах, и о степени такого влияния. Отправной точкой настоящего исследования стал 1985 г., ознаменовавший начало множества социально значимых изменений.

Материал и методы

Источником языкового материала послужили районные газеты «Коммунар» Быковского района и «Борьба» Калачевского района. Выбор обусловлен тем, что качественные и количественные изменения в употреблении региональной лексики максимально полно отражаются именно в местных СМИ, а в областных изданиях в силу их специфики эти трансформации, происходящие на микроуров-

не – в рамках названий жителей одного района, практически не фиксируются. В то же время «локально употребляемые» наименования, представляющие собой основной пласт катойконимической лексики, наиболее интересны для исследования.

Извлеченные в результате сплошной выборки катойконимы анализируются с применением методов деривационного, семантического и контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Деривационные характеристики катойконимов

Описание деривационных свойств катойконимов начнем с анализа количественных данных. Нами обнаружены существенные количественные различия дериватов в рассматриваемых изданиях, причем это касается и словоупотреблений, и степени освоенности региональной микрокатойконимии.

В публикациях калачевской «Борьбы» за год отмечено 122 случая использования названий жителей. Нами зафиксированы дериваты всего для 8 населенных пунктов (и соответствующих административно-территориальных образований, при наличии таковых).

При составлении списка населенных пунктов мы опирались на сведения электронной версии справочника «История административно-территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области», используя список сельских советов и населенных пунктов за 1989 год. На 41 топоним приходится 8 оттопонимических парадигм, то есть названия жителей образуются от 19,5 % топонимов. Это означает, что в активном словопроизводстве задействована только 1/5 часть всех географических названий.

В основном катойконимы обозначают жителей административных центров и упот-

реблены в форме мн. ч.: *калачевцы* (Калачна-Дону), *береславцы* (Береславка), *ильевцы* (Ильевка), *крепинцы* (Крепинский), *логовчане* (Логовский), *ляпичевцы* (Ляпичев). Только в двух случаях встречаются формы ед. ч. м. р.: *калачевец*, *логовчанин*. В связи с этим представляется необходимым дать краткий комментарий о специфике топонимикона Калачевского района по состоянию на 80-е гг. XX столетия.

Из 41 географического наименования только 2 (4,9 %) не могут послужить основой для производства наименований жителей. Это *Отделение №2 совхоза Волго-Дон* и *Дом отдыха*. Эти топонимы-«советизмы» и семантически, и структурно не позволяют образовывать соответствующие катойконимы. В то же время от большинства оставшихся наименований названия жителей образуются легко. Так, в газетных текстах вполне могли бы появиться **голубинцы* (Голубинский), **пятиморцы* (Пятиморский). Полагаем, что в данном случае нужно учитывать два фактора.

Во-первых, одним из ключевых экстралингвистических параметров, влияющих на создание и частотность функционирования деривата, является размер населенного пункта, то есть численность населения (см., например: [Моисеева, 2011]). Не имея сведений об этом, нельзя полностью описать комплекс причин, объясняющих наличие / отсутствие катойконима и частотность его употребления. Во-вторых, сплошная выборка примеров охватила материалы газеты только за 1985 г., следовательно, говорить об абсолютной неупотребительности подобных наименований в период 1985–1991 гг. мы не можем.

Учитывая сказанное, следует предположить, что подобные номинации не входили в число необходимых и употребительных в первый год перестройки. Вероятные причины могут быть языковыми и внеязыковыми. К первым относится, в частности, нежелательная омонимия. В газетах советского периода, видимо, неприемлемым было использование слова *комсомольцы* в значении «жители поселка Комсомольский». Ко вторым можно отнести, например, административный статус населенного пункта (см. об этом: [Моисеева, 2010]). Дериваты, производные от топонимов, не обозначающих важные админи-

стративные центры, употребляются реже, чем названия жителей района, либо не образуются вовсе. Так, в Ильевском совете Калачевского района зафиксировано наименование *ильевцы*, но отсутствует катойконим от топонима *Пятиморский*. При этом нет никаких лингвистических препятствий для образования такого слова: **пятиморцы* или **пятиморчане*. Некоторые факторы появления названий жителей в «Борьбе» также описаны в: [Кириллова, 2019].

Таким образом, можно предположить, что по состоянию на 1985 г. в лексиконе жителей Калачевского района сформировалось ядро из наиболее употребительных дериватов, обозначающих жителей нескольких административно и социально значимых населенных пунктов. Кроме того, использование оттопонимических производных в основном в форме множественного числа свидетельствует о существовании большинства этих катойконимов в пассивном словарном запасе калачевцев.

Противоположная ситуация отражена в публикациях быковского «Коммунара», в которых катойконимическая лексика употребляется весьма активно. Так, на 27 географических названий здесь приходится 12 словообразовательных парадигм, то есть 44 % топонимов являются производящей основой для названий жителей¹.

В основном дериваты в «Коммунаре» также обозначают жителей административных центров, например *быковчане* и *верхнебалыклейцы*. Однако развитость парадигм и вариативность номинаций явно свидетельствует о большей освоенности катойконимии. Под освоенностью мы понимаем употребительность оттопонимических производных в речи жителей района, что находит соответствующее отражение в газетных текстах.

Для двух топонимов – *Быково* и *Кислово* – зафиксировано наличие всех форм названий жителей (ед. и мн. ч. м. р., ед. и мн. ч. ж. р.): *быковчанин*, *быковчане*, *быковчанка*, *быковчанки*; *кисловчанин*, *кисловчане*, *кисловчанка*, *кисловчанки*. На наш взгляд, это предопределено условиями, способствующими взаимодействию экстра- и интралингвистических факторов (подробно об основных факторах см.: [Ильин, Сидорова, 2015]).

С лингвистической точки зрения оба географических названия не имеют ограничений для присоединения катойконимообразующих суффиксов: эти топонимы не являются многосложными и не имеют финали, усложняющей присоединение форманта. Производные от них катойконимы фонетически благозвучны, не омонимичны другим онима́м / апеллятивам.

Среди экстралингвистических факторов важны следующие. Производящий топоним обозначает населенный пункт, имеющий административную и социокультурную значимость (Быково – районный центр, Кислово – центр сельского совета). Кроме того, активное участие жителей Быково и Кислово в общественной жизни дает авторам публикаций повод употреблять соответствующие катойконимы. Например:

(1) **Быковчане** в свободное от работы время или в выходной могут придти сюда, чтобы почтитать свежие газеты ² (Коммунар, 08.01.1985);

(2) Запомнился юным **кисловчанам** праздник, встреча с увлеченными и мужественными гайдаровскими героями (Коммунар, 12.02.1985).

В целом можно отметить следующие количественные соотношения катойконимов в исследуемых изданиях. В обеих газетах преобладает форма мн. ч.: 95,1 % от всех словоупотреблений в «Борьбе» и 93,6 % в «Коммунаре». Однако если в калачевском издании оставшиеся 4,9 % приходятся на дериваты ед. ч. м. р., то в быковском СМИ оставшиеся 6,4 % перераспределены между катойконимами ед. ч. м. р. (3,2 %), ед. ч. ж. р. (2,1 %) и мн. ч. ж. р. (1,1 %). Такое распределение не противоречит основным тенденциям употребления форм названий жителей в современном русском языке.

Необходимо отметить, что даже при незначительном количестве контекстов (что, на наш взгляд, свидетельствует о неосвоенности местной катойконимии) в материалах «Борьбы» зафиксирован случай вариативного употребления названий жителей. Поселенцев хутора Вербовский Ляпичевского сельсовета в газетных публикациях именуют и *вербовчанами*, и *вербовцами*:

(3) И здесь надо отдать должное молодому фельдшеру Людмиле Махиной, ее... решимости

взять на себя дополнительную нагрузку – медицинское обслуживание **вербовчан** (Борьба, 03.08.1985);

(4) Сейчас **вербовцами** на корм скоту заложено более 1000 тонн силоса (Борьба, 17.08.1985).

Единичные примеры не позволяют сформулировать вывод о нормативности одного из этих дериватов, однако можно сделать два предположения: во-первых, вполне допустимо нередкое для катойконимии в целом совместное существование двух равноправных либо равноупотребительных вариантов (см. об этом, например: [Маршева, 2004]), в подобных случаях принято говорить об отсутствии строгой нормы для названий жителей конкретного населенного пункта; во-вторых, названия жителей встречаются не только в собственно журналистских текстах, но и в прямой речи, в высказываниях читателей. Поэтому причиной появления вариантов могут быть особенности лексикона отдельных языковых личностей.

Более ярко катойконимическая дублетность выражена в материалах быковского издания. В публикациях «Коммунара» встречаются варианты *балыклейцы* / *верхнебалыклейцы* для топонима Верхний Балыклей, *пролейцы* / *лугопролейцы* для Луговой Пролейки и *приморцы* / *приморчане* для Приморска. Употребление этих вариантов в «Коммунаре» подчиняется в большей степени закону речевой экономии, чем важной для идентификации топонима тенденции к сохранению в производном слове полного географического названия. Для катойконимов от топонима *Приморский* количество употреблений с суффиксом *-ец* позволяет говорить о доминировании этого варианта в сознании носителей языка:

(5) Овладевать иностранными языками юным **приморцам** помогает теперь современная техника (Коммунар, 24.01.1985);

(6) Очень понравилось юным **приморцам** очередное заседание клуба «Кем быть?» (Коммунар, 02.02.1985);

(7) В эту победу внесли весомый вклад и мои земляки, **приморцы** (Коммунар, 14.02.1985).

Один из наиболее активно обсуждаемых аспектов при изучении названий жителей – использование и доминирование суффиксов, образующих оттопонимические существительные. Исследуемые издания обнаруживают различия в активности катойконимических

суффиксов, ср., например: в «Борьбе» производных во мн. ч. с *-ец-* 94,8 %, с *-чанин-* – 5,2 %; в «Коммунаре» – 47,2 % и 52,8 % соответственно. Общеизвестен следующий факт: в русском языке существует ряд специальных катойконимических суффиксов; среди них наиболее частотными являются *-ец-* и *-чанин-*, причем первый явно количественно преобладает над вторым. Приведенные данные показывают несколько отличающееся от стандартного соотношение названных формантов в текстах местных СМИ. Других аффиксов в волгоградских районных газетах 1985 г. нами не зафиксировано. Как представляется, это может являться одной из характерных черт катойконимии исследуемого периода, поскольку в современных СМИ действуют несколько иные закономерности (см., об этом: [Кириллова, 2016]).

Реализация названной тенденции зависит от сочетания двух факторов: деривационной специфики производящих топонимов и влияния причин экстралингвистического характера на активность отдельных дериватов. В материалах «Борьбы» количественно преобладает суффикс *-ец-*. Этому способствует ряд причин. Во-первых, в силу особенностей редакционной политики наиболее активно употребляются дериваты от топонима Калач-на-Дону:

(8) В прошлом году **калачевцы** внесли в Советский фонд мира 47808 рублей (Борьба, 03.01.1985).

Во-вторых, большинство топонимов района состоит из трех и более слогов, и в таком случае в соответствии с законом речевой экономии и для удобства произношения / написания при образовании деривата предпочтительно использовать формант *-ец-*, что мы и наблюдаем в текстах газеты:

(9) В частности, мы надеемся, что они [жители Калача-на-Дону] поддержат известную инициативу михайловцев и **ляпичевцев** по благоустройству и озеленению населенных пунктов (Борьба, 03.04.1985);

(10) На следующий день **ильевцы** продали еще 156 центнеров хлеба (Борьба, 09.10.1985).

В «Коммунаре» распределение суффиксов имеет иной характер. В 60-е гг. XX в. в

прессе и научных публикациях обсуждалась активизация суффикса *-чанин-* (см. обзор в: [Ахметова, 2013]). В случае с катойконимией Быковского района «сильная» позиция этого форманта обусловлена двумя основными причинами. Во-первых, указанный аффикс используется для образования названий жителей районного центра и района, что автоматически увеличивает количество созданных с его помощью дериватов в текстах «Коммунара»:

(11) В минувшем году **быковчане** перечислили в фонд мира 35 тысяч рублей (Коммунар, 15.01.1985).

Во-вторых, в силу действия названных ранее экстралингвистических факторов в публикациях издания часто встречаются наименования жителей Кислово. Эти дериваты также образуются с помощью суффикса *-чанин-*:

(12) Очень понравилось юным **кисловчанам** такое необычное мероприятие, оно проходило в школе впервые (Коммунар, 23.02.1985).

Тем не менее в текстах «Коммунара» зафиксированы дериваты с суффиксом *-ец-*:

(13) **Красносельцы** начали его [поиск материалов об участниках ВОВ] с нуля (Коммунар, 03.01.1985);

(14) Так, совхоз-техникум недополучил 1000 кв. метров сухой штукатурки, **катричевцы** – 500 (Коммунар, 12.01.1985);

(15) Активно откликнулись юные **балыклейцы** на призыв газеты «Пионерская правда» включиться в операцию «Амиго» (Коммунар, 17.01.1985).

На наш взгляд, отмеченный факт свидетельствует о том, что катойконимическая лексика входит в активный словарный запас быковчан. Подтверждает эту гипотезу и наличие вариантов типа *приморцы* / *приморчане*, которые используются носителями языка практически в равной мере.

Среди катойконимических словарей наиболее близкий по времени издания – «Словарь названий жителей СССР», опубликованный в 1975 году. Мы сопоставили данные справочника с полученными в ходе исследования результатами. Для жителей Калача-на-Дону и Калачевского района авторы издания привели дериваты *калачевцы* и *калачевец* (СНЖ, с. 56). Следовательно, можно говорить о

корреляции словарных данных и реального употребления.

В статье «Быково» для жителей районного центра и района отмечены катойконимы *быковчане* и *быковчанин* (СНЖ, с. 54). Поскольку в региональных газетах встречаются также и иные формы – *быковчанка* и *быковчанки* – можно утверждать, что «живое» использование дериватов местными жителями в данном случае более широкое и активное, чем представленное в словаре. В связи с тем, что в справочнике даны материалы только по наиболее значимым населенным пунктам, провести сравнение по другим топонимам и их производным не представляется возможным.

Семантические характеристики названий жителей

В научной литературе по катойконимии названия жителей в семантическом аспекте рассматриваются исследователями фрагментарно. В современных публикациях лингвисты, например М.В. Ахметова, говорят о необходимости разграничения значений «житель населенного пункта» и «житель региона», а также дифференциации многозначных слов, когда катойконим совпадает с именем нарицательным [Ахметова, 2017]. Р.Е. Тельпов на примере архангельской катойконимии делает вывод о том, что для дифференциации семантики возможно использование разных дериватов, и отмечает, что названия жителей могут реализовать переносные значения и именовать соответствующие спортивные команды [Тельпов, 2017].

Специфическое для советского периода явление отмечено В.П. Фроловой, которая указывает, что жителей нередко называли по расположенному в их месте обитания колхозу или совхозу (см.: [Фролова, 1999, с. 68]), и в этом случае такие именованья воспринимались одновременно как указание на место жительства и работы.

Классификацию названий жителей приводит Е.А. Левашов. По мнению лингвиста, дериват может обозначать место рождения человека, место его постоянного жительства или длительного пребывания. Кроме того, топонимические существительные использу-

ются в тех случаях, когда лицо, например воин или торговец, представляет какую-то территорию [Левашов, 1968]. Последнее утверждение согласуется с обозначенными выше выводами, полученными современным исследователем Р.Е. Тельповым о наличии у катойконима устойчивых переносных значений.

Анализ регионального материала позволил уточнить и дополнить имеющиеся в науке сведения о катойконимии периода 1980-х годов. Нами было установлено, что дериват в форме мн. ч. может обозначать как жителей конкретного населенного пункта, так и подчиненных ему территорий:

(16) Участники уехали, увозя с собой гостеприимство и теплоту **калачевцев** (Борьба, 23.02.1985).

В этом примере речь идет о жителях города, поскольку более широкий контекст указывает, что описываемые события происходили в районном центре. В иных случаях контекст предложения или более объемного фрагмента публикации позволяет понять, что речь идет о жителях всего района:

(17) 9147 **калачевцев** ушли на фронт на защиту социалистической Родины (Борьба, 04.12.1985).

В приведенном примере маркером становится число 9147: читателю ясно, что такое количество солдат далеко не всегда можно было призвать только из одного населенного пункта. Аналогичные примеры обозначений жителей населенного пункта и района встречаем и в быковской газете:

(18) Охотно посещают пневматический тир районного комитета ДОСААФ молодые **быковчане** и гости Быково (Коммунар, 26.02.1985);

(19) Тысячи **быковчан**-земляков ушли с оружием в руках (Коммунар, 17.01.1985).

В публикациях на спортивную тематику и в калачевской, и в быковской газете можно обнаружить дериваты со значением «представители населенного пункта (района)»:

(20) В соревнованиях «Победа», проводившихся в день открытия, вновь успех сопутствовал **калачевцам** (Борьба, 16.05.1985);

(21) **Быковчане** – неизменные их [соревнований по картингу] участники и лидеры (Коммунар, 04.06.1985).

Специфическое употребление катойконимов фиксируется в материалах «Коммунара». С помощью названия жителей обозначают не только локацию обитателей того или иного населенного пункта, но и их принадлежность к хозяйственному объединению:

(22) В РПО «Полив» их простаивает 26, у **балыклейцев** – 6, у **быковчан** – 28 (Коммунар, 25.05.1985).

В данном случае катойконим именуется работников объединений, расположенных в Верхнем Балыклее и Быково. Кроме того, в районных СМИ встречаются упомянутые в классификации Е.А. Левашова значения «уроженец населенного пункта» или «не коренной житель населенного пункта», например:

(23) Недавно бывший **кисловчанин** прислал в подарок своим юным односельчанам фотографии, снятые в 1903 году (Коммунар, 28.12.1985).

В данном случае на реализацию значения «уроженец населенного пункта» указывает контекстуальный уточнитель *бывший*, который раскрывает смысл «уроженец населенного пункта, ныне не проживающий в нем».

Особенности семантики обнаруживаются и при анализе форм единственного числа. Например, в «Борьбе» редко используются номинации ед. ч. м. р. С одной стороны, таким образом маркируется отсутствие необходимости подобных названий. С другой стороны, материалы газеты демонстрируют потенциал употребления соответствующих катойконимов: в большинстве случаев в текстах «Борьбы» они используются для реализации абстрактной семантики, то есть обозначают не конкретного человека, а любого жителя соответствующей территории, ср.:

(24) Автор этих стихов – Виктор Григорьевич ИВАНОВ... Коренной **калачевец** (Борьба, 21.09.1985);

(25) В этом учебном году предстоит донести до каждого **калачевца** политический смысл предсезонных документов (Борьба, 20.11.1985).

Если в «Борьбе» употребление формы ед. ч. применительно к деривату *калачевец* имеет в большей степени абстрактный характер, то в «Коммунаре» каждый *быковчанин* – строго «на своем месте», то есть слово ис-

пользуется для обозначения территориальной принадлежности человека:

(26) Александр Тихонович коренной **быковчанин**, это потом, через много лет он останется жить и работать в Кислово (Коммунар, 19.01.1985).

Сказанное справедливо и для других дериватов – как форм одной парадигмы, так и вообще производных от разных быковских топонимов:

(27) Именами народных мстителей **быковчанина** Николая Сиротина, **кисловчанки** Марии Краснощекковой, **приморца** Михаила Пекшева названы улицы, школы, пионерские отряды и дружины (Коммунар, 09.05.1985).

Приведенные факты позволяют предположить, что в Калачевском районе названия жителей не устоялись в качестве идентифицирующих языковых маркеров, «закрепляющих» связь человека с местом жительства. Это предположение подтверждается также частотным использованием формы мн. ч. – не только и не столько для обозначения людей по месту жительства, сколько для указания на массовость и всеобщность какого-либо события:

(28) Нет сомнения в том, что встав на трудовую вахту в честь 115-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина и 40-летия Победы, **калачевцы** добьются новых успехов во всех отраслях народного хозяйства (Борьба, 17.01.1985);

(29) **Калачевцы** преисполнены решимости выполнить стоящие перед ними задачи... достойно встретить XXVII съезд ленинской партии (Борьба, 19.06.1985);

(30) Необходимо пояснить, что экономия, рациональное использование всех видов ресурсов... является обязанностью, рабочим долгом всех **калачевцев** (Борьба, 14.09.1985).

В этих и подобных высказываниях названия жителей используются для создания эффектов «все как один» или «все без исключения», что, на наш взгляд, делает катойконим идеологически окрашенной единицей. Это является одной из причин количественного преобладания производных от названия районного центра, поскольку с помощью такого деривата можно обозначать сразу всех жителей района.

Иная ситуация представлена в публикациях «Коммунара»: свойство формы мн. ч.

создавать эффект массовости уравновешивается содержанием катойконима, которое отражает связь человека с местностью:

(31) Попробую создать такой [ансамбль] в школе, приобщить ребят к прекрасной и задушевной народной песне, знакомить с ней **быковчан** (Коммунар, 01.01.1985).

В приведенном примере говорящий делает акцент на компоненте значения деривата «жители», а не «количество». Аналогично можно интерпретировать и следующее высказывание:

(32) Именно такими знают **катричевцы** своих связистов и бесконечно благодарны им (Коммунар, 01.01.1985).

Катойконим употребляется в форме мн. ч., но контекстуальное окружение дает читателю понять, что количественный компонент в этом случае не актуален. Сказанное подтверждается и отсутствием характерных для калачевской газеты сочетаний деривата с уточнителями типа *каждый, все*.

В таких случаях катойконимы нередко соседствуют с именами конкретных людей и становятся своеобразным «языковым памятником», закрепляющим связь человека с конкретной местностью:

(33) А **новониколец** генерал-майор Павел Иванович Шурухин удостоен этого звания дважды (Коммунар, 09.05.1985).

Уточнение места позволяет авторам публикаций не только связать судьбу человека с местом его рождения, но и напомнить землякам о поводе для гордости. Важно, что такие случаи не единичны. Разнообразие этих дериватов и востребованность разных катойконимов (*быковчанин, быковчанка, кисловчанин, кисловчанка, новониколец, приморец*) говорит о значимости отдельных людей и их поступков, что при необходимости получает словесное выражение независимо от места проживания человека.

Таким образом, в материалах «Коммунара» практически любой герой публикации, например давший комментарий или чем-то отличившийся, при отсутствии препятствий лингвистического характера может быть назван по месту жительства или рождения. Цель

этих употреблений можно сформулировать следующим образом: автору важно подчеркнуть связь героя материала с конкретной местностью, особенно если человек значим для ее истории. Отметим, что использование катойконимов как средств (само)идентификации жителей характерно и для современных публикаций «Коммунара» (см. об этом: [Кириллова, 2016]).

Такие примеры условно можно считать несколько идеологически окрашенными, хотя и в меньшей степени, чем в калачевском издании. Однако если в «Борьбе» акцентируется количественный компонент значения, что делает катойконим элементом языка эпохи, строящего и/или отражающего «советскую реальность», то в «Коммунаре» внимание обращено на территориальную составляющую катойконимической семантики. Другими словами, *калачевцев, логовчан и тихоновцев*, функционирующих в публикациях «Борьбы», объединяет семантика «нас много», а *быковчан, катричевцев и кисловчан* из «Коммунара» – осознание факта «мы все из Быково (Катричева, Кислово...)».

На наш взгляд, это является одной из причин более активного и разнообразного употребления названий жителей в быковской газете. Если речь идет в первую очередь не о количестве или масштабе, то появляется возможность и целесообразность использовать названия жителей небольших поселений или отмечать с помощью катойконима территориальную принадлежность отдельных людей. Сказанное подтверждается и тем, что при необходимости авторы публикаций используют и достаточно редкую для катойконимии в целом форму мн. ч. ж. р.:

(34) Проводили **кисловчанки** отцов, мужей, братьев на страшный бой (Коммунар, 19.02.1985).

Названия жителей, функционирующие в советской прессе отдельных местностей, определяются исследователями в том числе как «социальные термины» [Ахметова, 2019, с. 414]. Анализ материалов волгоградских изданий подтверждает, что в советский период региональные катойконимы могли использоваться в качестве средства выражения социальной оценочности и/или идентичности.

Выводы

Исследование катойконимов, функционирующих в районных газетах 1985 г., позволило выявить ряд характерных для волгоградской катойконимии черт. Было установлено, что «Борьба» и «Коммунар» различаются по степени освоенности слов-названий жителей и принципам их включения в текст.

В результате словообразовательного анализа установлено, что в материалах «Коммунара» представлено большее разнообразие форм дериватов, включая достаточно редкие для катойконимии в целом названия жительниц в формах ед. и мн. числа.

Благодаря применению семантического анализа выявлено, что в текстах районных газет представлен широкий спектр значений катойконимов, в том числе специфических для отдельной газеты: в материалах «Коммунара» оттопонимические существительные употребляются при обозначении жителей, работающих в местных хозяйственных объединениях.

Контекстуальный анализ катойконимов позволил обнаружить различия в их использовании. В материалах «Борьбы» исследуемые номинации нередко идеологически окрашены, а в статьях «Коммунара» они часто представлены как средства указания на территориальную общность людей. Функционирование региональных катойконимов в основном соответствует общим для русского языка тенденциям, например использованию продуктивных катойконимических суффиксов *-ец-* и *-чанин-*. Отклонение от общих тенденций заключается в активном функционировании редких форм – ед. ч. и мн. ч. ж. р. – в одном из рассматриваемых изданий.

Характеризуя в целом состояние региональной катойконимии в районных газетах 1985 г., можно отметить ряд черт, свойственных и современным наименованиям жителей: активность одних и тех же суффиксов и частично схожий спектр значений. В то же время некоторые черты отличают исследуемый период, например использование катойконимов для обозначения жителей как работников хозяйственного объединения, а также отсутствие производных от большей части топонимов, функционирующих на территориях Быковского и Калачевского районов. Выявленные характе-

ристики требуют сопоставления с данными областной газеты и материалами других временных периодов. Это обуславливает актуальность дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поясним, что список населенных пунктов Быковского района составлен по указанному ранее источнику. Данные справочника взяты по состоянию на 1 ноября 1988 года. В официальном списке по неустановленным причинам не упомянут поселок Приморск, включенный нами в сводный перечень топонимов на основании сведений в газетных публикациях.

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника, если не указано иное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметова М. В., 2013. Еще раз о суффиксе *-чане* (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). С. 65–90.
- Ахметова М. В., 2017. «Эффекты вариативности» в употреблении названий жителей населенных пунктов // *Experto crede Alberto* : сб. ст. к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. С. 26–45.
- Ахметова М. В., 2019. Катойконимы в советской газетной риторике 1918–1960-х годов // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сент. 2019 г.) / сост., ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печ. двор. С. 413–417.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2015. Деривационные возможности топонимической системы: образование и функционирование катойконимов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 14, № 3. С. 7–14. DOI: org/10.15688/jvolsu2.2015.3.1.
- Кириллова С. Е., 2016. Функционирование катойконимов в текстах региональных СМИ // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». № 2 (6). С. 11–14. URL: <http://www.strizh-vspu.ru/files/publics/1455702459.pdf> (дата обращения: 09.01.2020).
- Кириллова С. Е., 2019. Факторы включения катойконимов в тексты советской районной газеты // Молодые исследователи – регионам. В 3 т. Т. 3 : материалы Междунар. науч. конф. (Вологда, 23–24 апр. 2019 г.). Вологда : ВоГУ. С. 18–183.

- Левашов Е. А., 1968. Москвичи и иных мест люди. Л. : Наука. 103 с.
- Маршева Л. И., 2004. Оправданная вариативность наименований лиц по месту жительства // *Русский язык в школе*. № 6. С. 78–81.
- Моисеева Е. С., 2010. Соотношение ойконимической и патронимической субстантивной лексики (на материале Пензенской области) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского*. № 15 (19). С. 31–35.
- Моисеева Е. С., 2011. Патронимической потенциал ойконимов (на материале Пензенской области) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Беллинского*. № 23. С. 199–203.
- Сидоренко Н. С., Шувалов Н. В., 2016. Вузовские комитеты ВЛКСМ Челябинской области в период «перестройки» (1985–1991 гг.) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Социально-гуманитарные науки. Т. 16, № 4. С. 64–68.
- Тельпов Р. Е., 2017. Названия жителей Архангельска и Архангельской области на страницах центральных и региональных СМИ // *Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 дек. 2017 г.)*. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс». С. 42–48. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/467060/discussion_platform (дата обращения: 09.01.2020).
- Фролова В. П., 1999. Типология русских катойконимов на фоне германских языков : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 194 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Борьба* – *Борьба* : [газ. Калачев. р-на Волгогр. обл.]. 1985. № 1 (8476) – 131 (8606).
- История административно-территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области. 1936–2007 гг. В 3 т. : справочник. Волгоград : Перемена, 2009. 3 т. URL: <https://gavo.volgograd.ru/documents/spravochniki/atd.php> (дата обращения: 09.01.2020).
- Коммунар* – *Коммунар* : [газ. Быков. р-на Волгогр. обл.]. 1985. № 1 (6565) – 156 (6720).
- СНЖ* – *Словарь названий жителей СССР* : Около 10 000 назв. / под ред. [и с предисл.] А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. М. : Рус. яз., 1975. 616 с.

REFERENCES

- Akhmetova M.V., 2013. Eshche raz o suffikse -chane (istoriya odnoy polemiki) [The problem of the Russian suffix -chane revisited (survey of the dispute)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (26), pp. 65-90.
- Akhmetova M.V., 2017. «Effekty variativnosti» v upotreblenii nazvaniy zhiteley naseleennykh punktov [“Effects of variability” in the use of names of residents of localities]. *Experto crede Alberto : sb. st. k 70-letiyu Alberta Kashfullovicha Bayburina* [Experto crede Alberto : collection of articles on the 70th anniversary of Albert Kashfullovich Baiburin], Saint Petersburg, Izdatelstvo Evrop. universiteta v S.-Peterburge, pp. 26-45.
- Akhmetova M.V., 2019. Katoikonimy v sovetskoj gazetnoy ritorike 1918–1960-kh godov [Demonyms in the Soviet newspaper rhetoric 1918-1960 years]. *Onomastika Povolzhya: Materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf. (Velikiy Novgorod, 17–20 sentyabrya 2019 goda)* [Onomastics of the Volga Region: Materials of the 17th International Scientific Conference. (Veliky Novgorod, September 17-20, 2019)]. V.L. Vasilev (ed.). Velikiy Novgorod, TPK «Pechatnyy dvor», pp. 413-417.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2015. Derivatsionnye vozmozhnosti toponimicheskoy sistemy: obrazovanie i funktsionirovanie katoikonimov [Derivational Potential of Toponymical System: Formation and Functioning of Katoikonyms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (27), pp. 7-14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.1>.
- Kirillova S.E., 2016. Funktsionirovanie katoikonimov v tekstakh regionalnykh SMI [The Functioning of katoikonyms in the texts of the regional media]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal «StRIZh»*, no. 2 (6), pp. 11-14. URL: <http://www.strizh-vspu.ru/files/publics/1455702459.pdf> (accessed 09 January 2020).
- Kirillova S.E., 2019. Faktory vklucheniya katoikonimov v teksty sovetskoj rayonnoy gazety [Factors of inclusion of katoikonyms in the texts of the Soviet district newspaper]. *Molodye issledovateli – regionam : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Vologda, 23–24 aprelya 2019 g.)*. V 3 t. [Young researchers to regions: materials of the International Scientific Conference (Vologda, April 23-24, 2019)]. In 3 vol.]. Vologda, Vologodskiy gosudarstvennyy universitet, vol. 3, pp. 18-183.
- Levashov E. A., 1968. *Moskvichi i inykh mest lyudi* [Muscovites and people from other places], Leningrad, Nauka Publ. 103 p.

- Marshveva L.I., 2004. Opravdannaya variativnost naimenovaniy lits po mestu zhitelstva [Justifiable variability of names of persons by place of residence]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 6, pp. 78-81.
- Moiseeva E.S., 2010. Sootnoshenie oykonimicheskoy i patronimicheskoy substantivnoy leksiki (na materiale Penzenskoy oblasti) [Correlation of oiconymical and pathronymical substantive vocabulary]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, no. 15 (19), pp. 31-35.
- Moiseeva E.S., 2011. Patronimicheskoy potentsial oykonimov (na materiale Penzenskoy oblasti) [Correlation of oiconymical and pathronymical substantive vocabulary (on the lexis of the Penza region)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, no. 23, pp. 199-202.
- Sidorenko N.S., Shuvalov N.V., 2016. Vuzovskie komitety VLKSM Chelyabinskoy oblasti v period «perestroyki» (1985–1991 gg.) [University Komsomol committee of the Chelyabinsk region in the period of “perestroika” (1985-1991)]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], vol. 16, no. 4, pp. 64-68.
- Telpov R.E., 2017. Nazvaniya zhiteley Arkhangel'ska i Arkhangel'skoy oblasti na stranitsakh tsentralnykh i regionalnykh SMI [Names of residents of Arkhangel'sk and the Arkhangel'sk region in the central and regional media]. *Aktualnye napravleniya nauchnykh issledovaniy: perspektivy razvitiya : materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 10 dek. 2017 g.)* [Current directions of scientific research: prospects for development: materials of the IV International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, 10 Dec. 2017)], Cheboksary, TsNS «Interaktiv plus». pp. 42-48. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/467060/discussion_platform (accessed 09 January 2020).
- Frolova V.P., 1999. *Tipologiya russkikh katoikonimov na fone germanskikh yazykov : diss. ... kand. filol. n.* [Typology of Russian Katoikonyms against the background of Germanic languages. Cand. philol. sci. abs.diss.], Voronezh. 194 p.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Bor'ba. gazeta Kalachevskogo rayona Volgogradskoy oblasti* [Bor'ba. Newspaper of the Kalachevsky district of the Volgograd region], no. 1 (8476) – 131 (8606).
- Istoriya administrativno-territorialnogo deleniya Volgogradskoy (Stalingradskoy) oblasti. 1936–2007 gg. Spravochnik. V 3 t.* [History of the administrative-territorial division of the Volgograd (Stalingrad) region. 1936-2007 years. Guide. In 3 vol.]. Volgograd, Peremena, 2009. URL: <https://gavo.volgograd.ru/documents/spravochniki/atd.php>. (accessed 09 January 2020).
- Kommunar. Gazeta Bykovskogo rayona Volgogradskoy oblasti* [Kommunar. Newspaper of the Bykovsky district of the Volgograd region], no. 1 (6565) – 156 (6720).
- Slovar nazvaniy zhiteley SSSR: Okolo 10 000 nazv.* [Dictionary of names of inhabitants of the USSR: About 10,000 names]. A.M. Babkin, E.A. Levashov (eds.). Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1975. 616 p.

Information About the Author

Svetlana Ye. Kirillova, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskyy, 100, 400062 Volgograd, Russia, se_kirillova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5400-5972>

Информация об авторе

Светлана Евгеньевна Кириллова, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, se_kirillova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5400-5972>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.8>

UDC 811.221.18:81'0
LBC 81.521.323-03

Submitted: 20.04.2020
Accepted: 14.09.2020

FROM THE HISTORY OF OSSETIAN STUDIES: THE CORRESPONDENCE BETWEEN GEORGIJ (GAPPO) V. BAEV AND GIORGI AKHVLEDIANI¹

Vittorio Springfield Tomelleri

Macerata State University, Macerata, Italy

Abstract. After his emigration to the West, Georgij (Gappo) Baev (1865–1939), an outstanding cultural figure in Prerevolutionary Ossetia, spent many years in Germany, where he was involved in the translation of biblical texts into Ossetic and also taught his mother tongue as a lecturer at the Berlin Oriental Seminary (1922–1939). In the manuscript department of the Berlin State Library his personal archive is kept, containing a lot of interesting material, a real treasure of information not only about his personal life, but also and above all on Ossetic culture and history. The present paper features his correspondence with the Georgian linguist Giorgi Akhvlediani (1887–1973), whose personal archive is housed at the Tbilisi State University. The so far unpublished letters and postcards cover a relatively short time frame, namely from the 8th of September 1927 to the 16th of October 1928. Besides showing the deep respect and sincere appreciation of the two former colleagues for each other, the texts, all written in Russian, provide interesting facts which shed more light upon their biography and scientific activity. All in all, the professional and at the same time friendly correspondence, being a significant contribution to Ossetic studies, provides an insight into the nostalgic mood of the emigrant, on the one hand, and the interested tone of his counterpart, on the other.

Key words: Gappo Baev, Giorgi Akhvlediani, correspondence, Ossetic language, history of linguistics.

Citation. Tomelleri V.S. From the History of Ossetian Studies: The Correspondence Between Georgij (Gappo) V. Baev and Giorgi Akhvlediani. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 92-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.8>

УДК 811.221.18:81'0
ББК 81.521.323-03

Дата поступления статьи: 20.04.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

ИЗ ИСТОРИИ ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ: ПЕРЕПИСКА ГЕОРГИЯ (ГАППО) ВАСИЛЬЕВИЧА БАЕВА И ГЕОРГИЯ АХВЛЕДИАНИ¹

Витторио Спрингфилд Томеллери

Мачератский государственный университет, г. Мачерата, Италия

Аннотация. После эмиграции на Запад Георгий (Гаппо) Баев (1865–1939), выдающийся культурный деятель дореволюционной Осетии, провел много лет в Германии, где занимался переводом библейских текстов на осетинский, а также преподавал свой родной язык в Берлинском семинаре восточных языков (1922–1939). В рукописном отделе Берлинской государственной библиотеки хранится его личный архив, который содержит много интересных и ценных сведений не только о его личной жизни, но и прежде всего об осетинской истории и культуре. В настоящей статье представлена его переписка с грузинским языковедом Георгием Саридановичем Ахвледяни (1887–1973), личный архив которого находится в Тбилисском государ-

ственном университете. Ранее не публиковавшиеся письма и открытки охватывают относительно короткий временной промежуток – с 8 сентября 1927 г. по 16 октября 1928 года. Наряду с чувством глубокого уважения и искренней оценки двух бывших коллег друг к другу, они предоставляют интересные факты, которые проливают больше света на их биографию и научную деятельность. В целом, профессиональная и в то же время дружеская переписка, являясь немаловажным вкладом в осетиноведение, позволяет проследить ностальгическое настроение эмигранта, с одной стороны, и заинтересованный тон его коллеги, с другой.

Ключевые слова: Гаппо Баев, Георгий Сариданович Ахвледиани, переписка, осетинский язык, история языкознания.

Цитирование. Томеллери В. С. Из истории осетиноведения: переписка Георгия (Гаппо) Васильевича Баева и Георгия Ахвледиани // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 92–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.8>

“Was wir schreiben und denken, ist nichts, allein unsere Taten für Erhaltung und Mehrung des gemeinen Wohls leben” [Lentz, 1938, p. 180].

«То, что мы пишем и думаем, – ничто, живут только наши действия за сохранение и умножение общего блага» [Ленц, 1991, с. 178]².

Введение

Вопреки словам, приведенным в эпиграфе, считаем, что для восстановления, хотя бы отрывочно, картины деятельности наших славных и иногда незаслуженно полузабытых предшественников, важное значение имеет именно то, что они писали и думали, что от них осталось в доступной нам форме; в этом отношении личные письма и воспоминания существенно обогащают наши знания о них и восполняют неизбежные пробелы в их биографии. Как справедливо замечает К.Р. Дзалаева, «история Осетии богата прославленными именами ее выдающихся сыновей и дочерей, трудившихся на ниве просвещения, беззаветно служивших интересам родины. <...> Помнить и чтить эти достойные истинного восхищения и уважения имена – высокая задача и благородная миссия потомков» [Дзалаева, 2012].

В качестве скромного вклада в решение этой «высокой задачи» предлагаем вниманию читателей прокомментированное издание переписки видного представителя осетинской интеллигенции Георгия (Гаппо) Васильевича Баева с известным грузинским ученым Георгием Саридановичем Ахвледиани. Публикуемые здесь материалы были обнаружены нами в архиве Г.В. Баева (Nachlass Garro Baiew), хранящемся в Берлинской государственной библиотеке (Staatsbibliothek zu Berlin, Германия) и в архиве Г.С. Ахвледиани, находящемся в Тбилисском государственном

университете им. И.А. Джавахишвили (ოვანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი, Грузия).

Материал

Интересующий нас архив Г.В. Баева состоит из восьми больших папок, содержащих учебный материал по языку, культуре и литературе осетин, сведения по германско-кавказским отношениям, личную корреспонденцию первой половины XX столетия, отражающую его отношения с видными учеными (кавказоведами и осетиноведами), знакомыми и друзьями, автобиографические заметки и пр. [Ziesche, 2002, S. 9]. Среди многочисленных писем, адресованных ему разными деятелями культуры, имеются три письма и четыре почтовые карточки, принадлежащие перу грузинского лингвиста Г.С. Ахвледиани. Кроме этого, там хранятся еще два черновика писем тому же адресату³. Первый из них – машинописный полный и связный текст: судя по содержанию и датировке, именно с него началась переписка. Второй черновик, написанный Г.В. Баевым собственноручно на официальной рабочей бумаге⁴ без указания времени, носит явно пробный характер: отдельные слова или предложения вычеркнуты и/или заменены другими; к тому же во многих местах почерк автора неразборчив.

В архиве Г.С. Ахвледиани мы обнаружили лишь два письма Г.В. Баева, к которым можно добавить упомянутый выше первый черновик.

Нельзя не согласиться с С.Р. Чеджемовым в том, что эпистолярное наследие Г.В. Баева представляет собой «настоящий кладезь гуманитарной мысли человечества» [Чеджемов, 2014б, с. 19]: имеющиеся там сведения отражают

личную судьбу человека, потерявшего все, кроме чувства достоинства и любви к родине, показывая в то же время живой и искренний интерес в деле развития осетиноведения.

Личности

Георгий (Гаппо) Васильевич Баев (1869–1939), на осетинском языке – Байаты Гаппо, является представителем дореволюционной осетинской интеллигенции и многогранной яркой личностью в истории зарождавшейся тогда осетинской литературы: адвокат, публицист, политик, экономист, администратор, литературный критик, писатель, фольклорист, педагог, переводчик и видный общественный деятель, принимал активное участие в просветительской работе и в организации книгоиздания на родном языке⁵. В кратком автобиографическом очерке, написанном между весной 1930 г. и зимой 1934 г., Г.В. Баев так пишет о себе:

Georg-Gappo, Universität Odessa, Rechtsanwalt, Ober-Bürgermeister der Stadt Wladikawkas, Schriftsteller, Volksmann, gegenwärtig Dozent am Orientalischen Seminar Berlin. – Mitglied des russischen Akademischen Vereins [Дарчиева, Дарчиев, 2019, с. 178]⁶.

Георгий / Гаппо, Одесский университет, адвокат, градоначальник Владикавказа, писатель, представитель народных интересов, в настоящее время преподаватель Восточного семинара в Берлине. Член русского академического союза [Дарчиева, Дарчиев, 2019, с. 176].

Неусыпно заботясь о языке и письменности, которые он считал «основой духовного богатства, связующей нитью времен, гарантией национальной идентичности» [Дарчиева, 2015, с. 54], «важнейшим орудием для укрепления национальной культуры» [Тедеева, 2019, с. 37]⁷, он неутомимо издавал народные сказания, пословицы, фольклорные тексты и стихотворения и старался таким образом «распространить к ним интерес среди своих соплеменников» [Миллер, 1902, с. III]. Среди первых произведений молодой осетинской литературы сам автор упоминает следующие:

An der Spitze standen A. Kubaloffs Poema⁸ „Afxardy Chasan“, Kosta Chetaguroffs „IRON⁹

FANDYR“ (Ossetische Pandura) und meine Werke – „Iron arhauhte“ (Oss. Märchen), – „Iron ambisandta“ – (Osset. Sprichwörter), Almanach „Farn“ (Friede – Volkslegenden und Lieder) [,] „Tamako na Dymut“¹⁰ (Rauchet nicht den Tabak), „Nost marg u“ – (Die alkohol Getränke [так, ВСТ] sind Gift), und einige andere (Aus meinem Leben. Eine kurze Skizze [Из моей жизни. Краткий очерк]. Архив Г.В. Баева, папка VII, 1, л. 6 об.).

Прежде всего это поэма «Æфхæрдты Хасанæ» А. Кубалова¹¹, «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») Коста Хетагурова¹² и мои труды: «Ирон аргъæуттæ» («Осетинские сказки») ¹³, «Ирон æмбисæндтæ» («Осетинские пословицы и поговорки») ¹⁴ // альманах «Фарн» (мир народных легенд и песен) ¹⁵, «Тамако ма дымут» («Не курите табак»), «Ност марг у» («Алкогольные напитки – это яд») и некоторые другие (русский перевод цит. по: [Дарчиева, Дарчиев, 2019, с. 172–173], см. также: [Дарчиева, 2015, с. 54; Тедеева, 2019, с. 39])¹⁶.

Г.В. Баев вошел в историю культуры и образования своего народа и как первый издатель сборника осетинских стихотворений Коста Левановича Хетагурова «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»). При этом текст вышел орфографически и лексически искаженным [Бигулаева, 2015, с. 223–227; Корзун, 1957, с. 119–121; Салагаева, 1959, с. 6, 124–125], что вызвало раздражение и «грозную» реакцию автора, не получившего последнюю корректуру своего произведения, на непростительные вмешательства издателя (письмо Г.В. Баеву от 19 июля 1899 г. [Коста, 2001, с. 190–192] и письмо Е.А. Цаликовой от 21 июля 1899 г. [Коста, 2001, с. 194–195]). Уже в Берлине Г.В. Баев выпустил также четвертое издание «Ирон фæндыр», снабженное биографией поэта, им же написанной: *Хетæгкаты Коста је цард æмæ је гудтæгтæ* [Коста, 1922, с. 7–18]. Г.В. Баев был одним из основателей осетинского издательского общества «Ир», возникшего в 1906 г. [Дарчиева, 2015, с. 54].

Будучи человеком либеральных взглядов [Дарчиева, 2014, с. 200–201]¹⁷, Г.В. Баев занимал важные административные посты. В рамках политики привлечения местного населения в управляющий аппарат он в 1912 г. был избран градоначальником Владикавказа¹⁸, став таким образом первым осетином, занявшим должность главы главного административного центра Терской области [Чеджемов, 2014б, с. 22; Дзалаева, 2016, с. 154]; спустя год

возглавил осетинскую делегацию, отправляющуюся в столицу на празднование 300-летия дома Романовых [Чеджемов, 2014а, с. 116]¹⁹.

Г.В. Баев спокойно встретил Февральскую революцию, будучи сторонником развития «самоуправления в рамках единой конституционной России» [Бзаров, 1991, с. 5]. Однако Октябрьский переворот он не принял и во время Гражданской войны проявлял симпатию к белой интеллигенции [Чеджемов, 2014а, с. 118–119; 2014б, с. 23; Дзалаева, 2016, с. 157; Тедеева, 2019, с. 39]. Таким образом, вследствие окончательной победы большевиков он оказался в вынужденной эмиграции: в начале 1920 г., после захвата Владикавказа большевиками, он перебрался в Тифлис, затем с марта следующего года, когда Красная армия вошла в Грузию, бежал в Константинополь²⁰ и оттуда в 1922 г. в Германию. Его трагическая судьба беженца и тяжелая жизнь эмигранта до некоторой степени компенсировались чрезвычайно важной ролью культурного посредника, которую он выполнял в столице межвоенной Германии как яркий представитель своего народа; он умело использовал кавказоведение как средство адаптации к новым условиям

европейской жизни и способ материального существования [Бабич, 2018, с. 17]²¹. Устроиться в Германии ему помог Миссионерский союз «Свет на Востоке», основанный в Вернигероде (Wernigerode, Германия) 6 февраля 1920 г. с целью проповедовать христианскую веру среди военнопленных в лагерях [Цорн, 2010, с. 17 = Zorn, 2010, S. 17], затем миссия Госснера в Берлине, в здании которой на улице Handjery, д. 19–20 Г.В. Баев и жил. С 1 мая 1926 г. до самой своей смерти, случившейся 24 апреля 1938 года накануне Второй мировой войны, он работал преподавателем осетинского языка в Семинаре восточных языков при Берлинском университете (Seminar für Orientalische Sprachen)²²; его усилия, несомненно, способствовали подъему германорусских отношений в 20-е и 30-е гг. прошлого столетия [Lorenz, 2003, p. 153 = 2011, с. 83]²³. Наряду с преподавательской деятельностью Г.В. Баев тесно сотрудничал с издательством соотечественника Евгения Гутнова (Гутнаты Елбыздыхъ)²⁴, выпустившего в течение многих лет значительное количество книг на русском и осетинском языках [Бутаева, 1991]²⁵. Биографические данные о Г.В. Баеве, который

Г.В. Баев во время посещения Владикавказа царем Николаем II в декабре 1914 г. [Lentz, 1938, S. 179]

G.V. Baev during a visit to Vladikavkaz by Tsar Nicholas II in December 1914 [Lentz, 1938, S. 179]

в советское время подвергался острой критике на родине [Шнирельман, 2006, с. 78–79]²⁶, можно почерпнуть в некрологе, составленном его коллегой В. Ленцем [Lentz, 1938] и теперь доступном также в русском переводе [Ленц, 1991]²⁷. При содействии Миссионерского союза «Свет на Востоке» Г.В. Баев занимался переводом Священного Писания на осетинский язык, как явствует из публикуемой ниже переписки. В одном письме, хранящемся в архиве миссии, он так описывает свою переводческую деятельность:

Seit 1923 schicke ich regelmäßig einzelne Exemplare der Evangelien (in ossetischer Sprache) in mein Heimatland...Die Missionsgesellschaft ‚Licht dem Osten‘ hat diesem heiligen Werk der Übersetzung einen Dienst erwiesen, der nie in Vergessenheit geraten sollte. Seit Januar gewährt mir die Leitung freie Unterkunft und Verpflegung in ihrer Bibelschule ‚Gottesgabe‘ in Wernigerode. Außerdem hatte ich freien Zugang zu einer großen Bibliothek mit ausgewählter Literatur und konnte die Hilfe und den Rat eines Philologen in Anspruch nehmen. <...> Und so erschien in Mai 1923 in Berlin die erste volkstümliche Ausgabe der ‚Vier Evangelien‘ in 5000 Exemplaren, welche nach schwerem Kampf im Anfang 1927 auf das Lager des Allrussischen Evangeliums-Verbandes gekommen und sich planmäßig in meiner Heimat verbreitet wur|den. Auf alle kleinen Völkerschaften Rußlands hat die Herausgabe der ‚vier Evangelien‘ in ossetischer Sprache in diesen grausamen Zeiten einen großen Eindruck gemacht und die Sehnsucht erweckt, ein solches Buch in ihrer Muttersprache zu haben. Nach dieser Arbeit widmete ich alle meine Kräfte, ganz unabhängig von Menschen und Gesellschaften, nur unter der Leitung des Herrn der schweren Übersetzungsarbeit einigen Büchern des Neuen und des Alten Testaments, und es gelang mir, in diesen Weihnachtstagen mit Gottes Hilfe, das Buch Daniel zu veröffentlichen. Viele Schwierigkeiten sind noch zu überwinden, um dem Buche Bahn nach Rußland zu brechen, aber der Herr ist mächtig. Wie wunderbar war und ist die Leitung des Herrn in dieser heiligen Sache, können Sie aus meiner beigefügten Rapport-Copie ersehen. Als ich das in meinem Kabinett in meinem Rathaus schrieb, da ahnte ich nicht, daß der Herr mich nach Europa vor ‚unserem roten Wahnsinn‘ retten würde, – wo ich zuvor niemals war, um mich hier in seinem Weinberge als Arbeiter auszunutzen. Halleluja, kann ich jetzt sagen von ganzem Herzen (предполагаемый немецкий оригинал цит. по: [Zorn, 2010, S. 79–80]).

Начиная с 1923 года я регулярно посылаю отдельные экземпляры Евангелия (на осетинском

языке) на мою родину... Невозможно переоценить тот вклад, который вносит Миссионерский союз «Свет на Востоке» в святое дело перевода Священного Писания. Начиная с января 1924 года правление обеспечило меня всем необходимым, дав свободный кров и обеспечение в библейской школе миссии, в здании «Дар Божий» в Вернигороде [так, ВСТ]. У меня есть доступ к их большой библиотеке с избранными книгами и помощь специалистов по филологии.<...> В начале 1927 года 5000 Евангелий на осетинском языке прибыли на склад Всероссийского союза евангельских христиан в Ленинград и распространены на моей Родине. На все малые народы моей Родины выход в свет Евангелий на осетинском языке произвел огромное впечатление и пробудил сердечное желание иметь Слово Божие и на их языках. После этой работы я посвятил все свои силы и время, независимо от людей и организаций, тяжелому труду: переводу некоторых книг Нового и Ветхого Заветов. И к Рождеству мне удалось, с Божьей помощью, издать Книгу пророка Даниила. Предстоит преодолеть еще много трудностей, прежде чем эта книга окажется в руках моих соотечественников, но Господь всемогущ. Насколько чудесно водительство Божье в этом святом деле, вы можете узнать из моего письма-отчета, которое прилагаю. Когда я его составлял в моем кабинете во Владикавказе, я еще не догадывался, что Господь спасет меня от «нашего красного безумия» и приведет в Европу, где я никогда ранее не бывал, чтобы использовать меня здесь в труде в Его винограднике. «Аллилуйя!» – могу я только воскликнуть сейчас от всего сердца. Ваш преданный в Господе...» (цит. по: [Цорн, 2010, с. 79–80]).

Георгий Сариданович Ахвледiani (1887–1973) (გორგი ახვლედიანი) – крупный грузинский лингвист и член-корреспондент грузинской Академии наук²⁸, заведующий кафедрой общего языкознания Тбилисского государственного университета, с основанием которого тесно связана его научная и преподавательская деятельность. Он интенсивно изучал осетинскую историческую диалектологию, обращая особое внимание на лингвистическое значение переводных сочинений Ивана Георгиевича Ялгузидзе – Габараты (1775–1830), выполненных в первой четверти XIX века. Его многочисленные статьи, посвященные осетинскому языку и первоначально написанные на грузинском [Ахвледiani 1923а; 1923б; 1923–1924; 1924; 1925; 1927] и немецком [Achhwlediani, 1926]²⁹ языках, были затем переведены на русский и

собраны в издании 1960 г. [Ахвледиани, 1960]. Он был также главным редактором большой двухтомной грамматики осетинского языка [Ахвледиани, 1963; 1969].

Переписка

Как письма, так и почтовые карточки, охватывающие короткий отрезок времени (чуть больше одного года), датированы и могут быть хронологически распределены следующим образом:

№ п/п	Характеристика текста	Дата
1	Черновик письма Г.В. Баева	08.09.1927
2	Письмо Г.С. Ахвледиани	25.10.1927
3	Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани	10.02.1928
4	Письмо Г.В. Баева	08.03.1928
5	Письмо Г.С. Ахвледиани	22.03.1928
6	Письмо Г.В. Баева	01.05.1928
7	Письмо Г.С. Ахвледиани	12.06.1928
8	Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани	18.06.1928
9	Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани	25.09.1928
10	Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани	16.10.1928

Все текстовые единицы переписки, снабженные арабскими цифрами, расположены в восстановленном нами хронологическом порядке. В письмах бывшие тбилисские коллеги обмениваются интересной информацией библиографического и биографического характера. В письме от 8 сентября 1927 г. (текст № 1) Г.В. Баев выражает радостное удивление по поводу того, что Г.С. Ахвледиани продолжает плодотворно работать над изучением осетинского языка, и просит его вернуть одолженный осетинско-русский словарь епископа Иосифа; кроме этого, он приветствует выход в свет первого тома трехязычного словаря покойного Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913).

Г.С. Ахвледиани отвечает 25 октября того же года (текст № 2), возвращая вручную дополненный дефектный экземпляр словаря и указывая на то, что поддерживает хорошие

научные связи с Г.А. Дзагуровым, тогда как его контакты с представителями Южной Осетии не очень развиты. Что касается научной работы, он «лихорадочно» занимается изучением древних осетинских памятников с целью восстановления древнейшего вида языка.

В почтовой карточке от 10 февраля 1928 г. (текст № 3) Г.С. Ахвледиани взволнованно спрашивает коллегу, получил ли он пересланный им несколько месяцев назад осетинско-русский словарь.

8 марта 1928 г. (текст № 4) Г.В. Баев отправляет своему коллеге только что вышедшую работу венгерского лингвиста Берната Мункачи «Blüten der ossetischen Volksdichtung» и высказывает несколько критических замечаний по поводу имеющихся там многочисленных ошибок, объясняя это обстоятельство тем, что автор книги не принял помощь, бесплатно предложенную ему Г.В. Баевым в качестве информанта. Кроме этого, Г.В. Баев обращается к Г.С. Ахвледиани с просьбой снабдить его юбилейным сборником по случаю 50-летия Общества Восточной Православной Церкви на Кавказе и сообщает ему о завершении грузино-немецкого словаря немецким коллегой Р. Мекелейном.

22 марта 1928 г. Г.С. Ахвледиани утешает своего адресата, заверяя его в том, что все на родине положительно относятся к нему и к его просветительской деятельности на культурном поприще (текст № 5). Упомянув свои работы, посвященные рукописным и печатным текстам Иване Ялгузидзе, он извещает о своем намерении принять участие в предстоящем XVII Международном конгрессе ориенталистов, который должен состояться в Оксфорде.

Восторженно и благодарно начинает Г.В. Баев свой ответ от 1 мая 1928 г. (текст № 6). После хвалебных слов в адрес Г.С. Ахвледиани, который взялся за изучение переводов Иване Ялгузидзе, Г.В. Баев приводит газетную информацию о планируемой экспедиции норвежского профессора А. Соммерфелта на Кавказ. Наряду с еще не полученным юбилейным сборником, о котором шла речь в предыдущем письме, он просит своего адресата отыскать в Тифлисе Нину Петровну Жукаеву, дочь Петра Жукаева, у которого академик А.М. Шегрен учился осетинскому языку.

В письме от 12 июня 1928 г. (текст № 7) Г.С. Ахвледиани сообщает Г.В. Баеву о том, что ему не удалось найти Нину Петровну, благодарит Г.В. Баева за присланные три научные книжки и передает ему юбилейный сборник, извиняясь за задержку при выполнении поручения коллеги.

В почтовой карточке от 18 июня 1928 г. (текст № 8) Г.С. Ахвледиани благодарно сообщает о получении «Святого Евангелия» на осетинском языке в ранее неизвестном ему издании 1923 г. и оповещает коллегу о том, что он собирается вместе с коллегой Акаки Шанидзе поехать в экспедицию, организуемую норвежским профессором А. Соммерфелтом.

В двух последних почтовых карточках, высланных из Берлина, Г.С. Ахвледиани рассказывает о том, что он, возвращаясь домой из Оксфорда, остановился в Берлине у немецкого коллеги на месяц и хотел бы встретиться с Г.В. Баевым (текст № 9). Спустя три недели он выражает свое сожаление о том, что не может и дальше оставаться в Берлине, так как получил от советского правительства требование срочно вернуться на родину (текст № 10).

Вся переписка, которая, судя по имеющимся в ней сведениям, не полностью сохранилась, велась на русском языке. Тексты воспроизводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала; при этом библиографические ссылки, принадлежащие публикатору,

даются в примечаниях в сокращенном виде, с указанием фамилии, года и при необходимости страниц. Издательские замечания или исправления помещены в квадратные скобки и выделены полужирным шрифтом.

Огромный материал, который Г.В. Баев собирал в течение почти двух десятилетий честной и воодушевленной работы на славу своей новой родины (zum Ruhme meiner neuen Heimat Deutschland)³⁰, еще ждет своего исследователя и издателя. Мы заканчиваем введение к переписке полными горечи словами самого Г.В. Баева, свидетельствующими о важности архива и его подробного изучения:

Das hiesige Archiv mit reichstem Briefwechsel ist der beste Zeuge dieser geistigen Arbeit. Wie in meiner Heimat, so bin ich hier auch eine Zentralstelle für Ossetologie und Kaukasuskunde geworden. Leider erlaubt meine große Armut nicht, diese schöne und für den Kaukasus so nützliche Arbeit zu entwickeln (*Aus meinem Leben. Eine kurze Skizze* [Из моей жизни. Краткий очерк]. Архив Г.В. Баева, папка VII, 1, л. 9 об.).

Здесьшний архив с богатейшей перепиской является лучшим свидетельством этого интеллектуального труда. Как у себя на родине, так и здесь я являюсь главным ориентиром для осетиноведения и кавказоведения. К сожалению, моя сильная материальная нужда не позволяет мне развивать эту прекрасную и столь полезную для Кавказа деятельность (адаптированный из русского перевода, см.: [Дарчиева, Дарчиев, 2019, с. 175–176]).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст № 1: Машинописный черновик письма Г.В. Баева Г.С. Ахвледиани (с. 12–13)

[12] Берлин, 8-го сентября 1927 г.

Профессору Грузинского Университета Г.С. Ахвледиани. Тифлис

Многоуважаемый Георгий Сариданович,

Из немецкого справочника «Минерва», посвященного всем высшим учебным заведениям и научным учреждениям всего мира, я вычитал, что Вы состоите профессором моего родного осетинского языка при грузинском университете³¹. Это глубоко меня обрадовало, так как в 1920 году, живя в Тифлисе, я несколько раз навещал вас и видя ваш интерес к нашему языку снабдил Вас капитальным «Русско-Осетинским словарем Епископа Иосифа»³².

Я работаю в Берлине с января 1922 года. Вам, например, земляки уже сообщили, что нами здесь сделано по изданию осетинских книг и наверное снабдили Вас ими. По моей просьбе Министерство Народного Просвещения учредило при восточном отделении³³ университета осетинскую доцентуру. С ноября текущего года я открываю 4-й семестр. Мне крайне нужны все вообще издания на осетинском языке, в особенности вышеуказанный словарь и я был бы Вам весьма благодарен за возвращение мне такового. Мои земляки могут Вас снабдить этою книгою, они обязаны это сделать и они могут получить из моей личной библиотеки такую, я оставил там 2 экземпляра. Сделайте пожалуйста это. Великодушно простите за эту просьбу.

Из библиографического очерка при новой грамматике Алборова³⁴ я вижу, что Вы серьезно отделились делу научной разработке **[так!]** нашего языка. Приветствую Ваши труды. Прошу Вас передать мой сердечный привет моему старому другу маститому историографу Грузии и Осетии профессору Моисею Джанашвили³⁵.

Словарь моего друга проф. В.Ф. Миллера³⁶ глубоко меня порадовал. Много лет я над ним работал³⁷. К сожалению Миллер тогда не дал подробной инструкции как и в каком направлении перерабатывать и обогащать его сырой **[13]** материал, а то бы труд этот вышел гораздо полнее. Жду с нетерпением выхода второго тома. Немецкий ученый мир встретил восторженно выход этого труда, в особенности иранисты, так как этот словарь есть первый опыт подобного рода среди живых иранских языков.

Текст № 2: Письмо Г.С. Ахвледиани Г.В. Баеву (с. 1а–3б)

[1а] Конверт

Германия – через Москву

An Herrn Georg Bajew

Dozent am Oriental. Seminar Universität Berlin

Dorotheenstrasse 7 **[карандашом добавлено]** Freidenau Handjerystr. 19/20 Berlin

(Грузинская почтовая печать с датировкой 2.10.1927)

[1б] Конверт

Abs.: Profess. Achwlediani Georgien – Tiflis Staatsuniversität (Немецкая почтовая печать с датировкой 7.11.1927 Berlin-Friedenau)

[2а] 25.X.27.

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

Несмотря на то, что Ваше письмо³⁸ лишает меня «словаря»³⁹, все-таки оно меня очень обрадовало: во-первых, – что Вы живы и здоровы, а во-вторых, – что Вы продолжаете работать так плодотворно; особенно обрадовала меня осетинская доцентура при ун-те. Об изданиях осетинских книг в Берлине тоже имею представление и некоторые из них даже имею, хотя мало кто думает здесь о снабжении \меня/ ими, а также **[2б]** чем либо другим, необходимым для научных работ по осетинскому языку. Вы не подумайте, пожалуйста, что я жалуясь Вам на Ваших земляков: с Северной Осетией я поддерживаю связь и имею **[зачеркнутое слово]** \общение/ с тамошними учеными благодаря Г.А. Дзагурову⁴⁰ – он мой товарищ по унив-ту; что же касается Южной Осетии, то здесь у меня связь слабовата...

Овладел я осетинским достаточно хорошо; напечатал несколько исследований: главное мое внимание направлено на историю **[3а]** языка, т. е. стараюсь восстановить древнейший вид осет. языка, насколько это позволяют памятники языка... К сожалению, пока что **[зачеркнутая буква]** мне не удастся всецело от-

этой работе: университетские курсы и общественная работа отнимают слишком много времени... Переписываюсь и встречаюсь с проф. Фрейманом⁴¹.

С глубокой благодарностью присылаю Вам «словарь». Надеюсь, что Вы не забыли: он был дефективный, т. е. не имел предисловия и [3б] заканчивался он на 568-ой странице. Я позволил себе списать с другого экземпляра предисловие (в сокращ. виде) и последние страницы. Боюсь, что Вам будет трудно [зачеркнутые буквы в конце строки] разобрать мой отвратительный почерк. Извиняюсь также за простой переплет. Некоторое опоздание не моя вина: требуется особое разрешение на посылку таких редких книг за пределы Союза.

С искренним уважением Г. Ахвледиани

Текст № 3: Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани Г.В. Баеву (с. 9а–9б)

[9а] Германия – через Москву

Georg Bajew Dozent am Orient. Seminar Universität Berlin Dorotheenstrasse 7

Abs.: G. Achwlediani, Tiflis (Georgien), Staatsuniversität (печать с нечитаемой датировкой)

[9б] 10.II.1928

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

Несколько месяцев тому назад я переслал Вам Словарь осет. яз.⁴², но до сих пор не имею от Вас никаких сведений о получении его Вами. Не потерялся – ли он где нибудь в дороге? Если Вам не трудно, я просил бы Вас уведомить меня об этом[.]

Глубоко Вас уважающий Г. Ахвледиани

Текст № 4: Письмо Г.В. Баева Г.С. Ахвледиани (с. 1а–2б)

თსუთ 9976/1
რ-1458/1

[1а] Georg Baiew

Dozent am Orient. Seminar

Universität Berlin.

8.III.1928.

Глубокоуважаемый Георгий Сариданович!

Считаю своим долгом послать Вам, как доценту осетинского языка, труд моего старого знакомого венгерца Dr Bernhard Munkácsi⁴³ («Blüten der ossetischen Volksdichtung»)⁴⁴. Ошибок можно много найти в труде, – в особенности слаб русский перевод в примечаниях, есть неточности и в немецком переводе, но очень интересна его новая научная транскрипция на латинской основе. По-истине адский труд, по моему глубокому мнению мало достигающей [1б] цели выразить все звуки нашего языка и в особенности неуловимое наше ударение. В августе 1922 года я около двух недель пробыл в баварских горах у нашего друга, немецкого писателя барона Уксуля⁴⁵, посетил тогда старика Мерцбахера⁴⁶ и Адольфа Дирра⁴⁷, а также в Рейхенгале и старика Мункачи, который показал мне целую грудку своих записей от пленных осетин. Я ему тогда же заявил, что с удовольствием приму участие совершенно бесплатно [так!] в разработке этого старого материала. Посылал ему все время наши берлинские издания; к сожалению, он ни разу не откликнулся, только теперь, внезапно, после выхода первых своих записей прислал мне свою работу с просьбой [2а] высказаться о ней. Я ему ответил, что в дальнейшем он бы обязательно использовал бы [так!] мои скромные знания родного языка и любовь к его изучению, тем более, что осетинская доцентура ввела меня глубоко во все отделы нашего языковедения. Но все-таки я его глубоко поблагодарил за этот труд.

Обращаюсь снова к Вам с покорнейшей просьбой. В 1910 году в Тифлисе состоялся юбилей Общ. Вост. Прав. Христ. на Кавказе⁴⁸. Мною был составлен адрес от лица Осетии⁴⁹. Лично я принял участие в этом торжестве во дворце. Общество издало тогда особую книжку, посвященную этому юбилею и своей деятельности.

Был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы в бывш. канцелярии [2б] Экзарха Грузии, ныне Патриарха Грузии раздобыли пару экземпляров этого сборника и выслали бы мне. Там был у меня хороший знакомый секретарь О-ва г.-н Давыдов. Он мог бы помочь Вам в этом деле.

Могу Вас порадовать, что мой коллега по сем. **[частично вычеркнуто]** вост. Dr. Meckelein⁵⁰ закончил уже свой капитальный труд: «Грузино-немецкий словарь»⁵¹. Остается только обработка предисловия.

Земляки мои могут Вам передать мои личные осетинские книжки и изданные в Тифлисе в 1920 году, пьесу «Кувд»⁵² и др. Прошу их выслать, чем премного обяжете. Привет маститому историографу Мосе Джанашвили!

С искренним уважением Георгий Баев.
(Гаппо)

Текст № 5: Письмо Г.С. Ахвледиани Г.В. Баеву (с. 4а–6б)

[4а] Конверт

Einschreiben

Германия – через Москву

Georg-Gappo Baiew

Dozent am Seminar für Orienta-

lische Sprachen an der Berliner Universität

Dorotheenstrasse 7

Berlin **[вычеркнуто, внизу рукой добавлено карандашом неразборчивым почерком, возможно]** Bln.-Friedenau Handjerystr. 19/20

(Грузинская почтовая печать с нечитаемой датировкой)

[4б] Конверт

Abs.: G. Achwlediani

Georgien, Tiflis,

Universität

(Немецкая почтовая печать с датировкой 2.4.28. 5-6N., Berlin-Friedenau)

[5а] 22.III.28.

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

Получил Ваше трогательное и, вообще, очень интересное письмо. С наслаждением разделяю Ваше радостное настроение по поводу того, что Вы наконец то вернулись к научным занятиям по родному языку. Но не могу с Вами согласиться в том, что будто здесь ценили Вас мало: я не знаю ни одного грамотного осетина, кот. не вспоминал бы Вашего имени с глубоким благоговением. Вы же, насколько мне известно, первый и единственный во многих (если не **[5б]** всех) культурных начинаний **[так!]** родного Вам народа! Если прибавить к тому самые лучшие мнения о Вашей деятельности русских ученых, то мало останется у Вас оснований предаваться таким пессимистическим настроениям. Вы меня простите, Г.В., но в Ваших жалобах я склонен усмотреть самого лучшего качества тоску по родному народу...

Позвольте Вас благодарить за присылку книги Christensen'a⁵³, но она уже есть у меня. Имеется у меня также Sköld'a⁵⁴ «Die ossetische[n] Lehnwörter im Ungar». 1925⁵⁵. Я был бы Вам очень признателен, **[6а]** если бы Вы прислали мне труд Мункаччи **[так!]**⁵⁶, о кот. я не знал ничего. Но, чтобы не вводить Вас в лишние расходы, можете сделать это через берлинский «Buchhandlung» Otto Euslin'a (Karlstrasse 38), который является моим постоянным поставщиком.

В XI т. «Indogermanisches Jahrbuch» 1927 г.⁵⁷ напечатаны краткие резюме моих нескольких работ по осет. яз.⁵⁸; в следующем томе тоже, вероятно, будут резюме трех статей⁵⁹ (по ошибке напечатано Achwedliani).

Думаю поехать на XVII конгресс ориенталистов в Оксфорд; тему доклада («Неизвест//ные **[6б]** и неиспользованные рукописные и печатные памятники осет. яз. начала XIX стол.»)⁶⁰ уже по\с\лал⁶¹. Имею в виду открытые **[вычеркнутое слово]** здесь: 1) Рукопись 1802 г. (= A) – напечат. на груз. яз., 2) рукопись 40-ых годов (= B); 3) рукопись C (отче наш и символ веры); 4) евангелие (рукопись Ялгузидзе – памятник исключительной важности) и 5) печатные переводы Ялгузидзе, которые Миллер, к сожалению, ценил **[вычеркнутое слово]** мало⁶².

С сердечным приветом
Г. Ахвледиани

P.S. Мосе Джанашвили благодарит Вас за привет и просил меня передать Вам горячий ответный привет. Он состоит ассистентом проф. Кекелидзе⁶³ по хранилищу древних рукописей.

Г. Ахвледиани

Текст № 6: Письмо Г.В. Баева Г.С. Ахвледиани (с. 1а–2б)

თსუბ 9976/2
 რ-1458/2

[1а] печать
 Georg Baiew
 Dozent am Orient. Seminar
 Universität Berlin

1 мая 1928. Берлин.

Глубокоуважаемый Георгий Сариданович!

Честь и слава Грузинской науке, которая в Вашем лице разыскала великий труд Ивана Ялгузидзе – перевод четырех Евангелий! В здешних газетах появилась следующая важная заметка⁶⁴:

[машинопись] «– Professor Sommerfeld **[так!]**⁶⁵ von dem Oslo-Institut für vergleichende Kulturstudien ist gegenwärtig in Moskau, um mit den russischen Autoritäten die Einzelheiten zu vereinbaren, für eine Zusammenarbeit der Norwegisch-russischen Expedition nach dem Kaukasus, für den Studienzweck der zahlreichen Sprachen und Dialekte in dieser Gegend. In Daghestan alleine, sind, wie man sagt, zwanzig Sprachen, welche bis heutigen Tages noch nicht erforscht sind.

Die Expedition, welche ihre Arbeit 1930 beginnen wird, und für 5 Jahre fortsetzen, hofft viele interessante Entdeckungen philologischer Art zu machen, weil in den Gebirgsschluchten des Kaukasus die Hirtenvölker ihre Ur-Sprache schützen vor dem Eindringen fremder Elemente. In dem westlichen Kaukasus, ein Typ von Cherkesse-Abhazian-Sprache hat man entdeckt, streng verglichen mit der Sprache der Amerikanischen Indianer».

Наверное Грузинский Университет примет деятельное участие в этом большом лингвистическом начинании. Мункачи **[так!]** записи осет. сказок я Вам выслал. Навестили в. поставщика «Buchhandlung Otto Euslin'a». Заказал ему перерывать все крупные старые герм. фирмы и разыскать мне Sjögren'a «Ossetische Sprachlehre»⁶⁶. Солидную критику труда Sköld'a дал проф. Schmidt (Galsingsfors)⁶⁷ в журн. Finnisch-Ugrische Forschungen Bnd XVIII, Heft 1-3 – «Zur Frage der Ossetisch-Ungarischen Lehnwörter»⁶⁸. Когда[-]то (1902 г) я послал венгерскому лингвисту Bernaty Munkácsi осет.-книжки. **[1б]**. Так возникла эта интересная отрасль «Осетологии». Венгерский Инстит. помещается рядом с нашим Восточным. Я там был встречен со дня приезда (1922) весьма радушно б. покойным директором Грагером⁶⁹. Он меня иначе и не называл как «наш большой Алан». Посылаю В. его биографию⁷⁰. Человек сгорел на моих глазах на большой национальной работе. Ну, и работают же здесь ученые!..

Рад был услышать от Вас, что Вы едете на конгресс ориенталистов в Оксфорд – в Шотландию и представите безмерт[н]ые труды нашего Ваню Алгузиева. С Шотландией нас горцев и Осетин связывает работа Шотландских Миссионеров, основавших в 1804 г. около горы Бештау колонию Кафас. Они привезли Типографию и перевели на Ногайский яз. части Св. Писания. В делах Осет. Миссии Вы найдете подробности. Вы наверное нашли рукопись Еван. Ялгузидзе в делах тоже этой миссии. – Приятно было узнать, что земляки мои добром вспоминают мою работу. К великому сожалению они не присылают – мне нужные мои книги, собст. труды. Жду от Вас присылки разных моих изданий, о кт. я уже просил, – Юбил. сборник Общ. Христ.⁷¹ и др. Сегодня, – 1 мая 1928, – Гаппо открывает 5 Semestr – Осетинского языка при Берлинском Университете – сообщите это землякам, – авось, раздобудут мои книги!

Крепко жму В. руку Георгий В. Баев

[2а] Р. С. В Тифлисе в 1920 г. жила еще Нина Петровна Жукаева, – по мужу Чавчавадзе, – жена члена Суда. Она дочь Капитана Петра Тасо Жукаева, сотрудника академика Шегрена по составлению «Осетинской грамматики» 1844 г. – У ней наверное имеется портрет отца, – скончавшегося, кажется, в 1870 г.

Было бы очень желательно записать от нея все об этом замечательном народном деятеле и раздобыть карточку Петра-Тасо Жукаева. Сын его юрист Иван-Бибо Жукаев служил секретарем у дяди моего покойного Генерального Штаба Генерал-Лейтена[н]та Михаила Георг. Баева⁷² в Тифлисе с 1881 – по 1886 г. и я много часто слышал хорошее об этом деятеле. – Нина Петровна всегда бы помогла в этом деле. **[2б]** Я хотел бы украсить свою монографию о Шегрене⁷³ сведениями и портретом его главного учителя Тасо Жукаева.

В предисловии к главному труду [так!] – «Ossetische Sprachlehre» Шегрен выражает благодарность Жукаеву и называет его „Mein Hauptlehrer“⁷⁴ и т. д.

Нина Петровна наверное поможет в этом деле. Попросите ее от моего имени.

Ваш Г. Баев.

Текст № 7: Письмо Г.С. Ахвледиани Г.В. Баеву (с. 7а–7б)

[7а] 12.VI.28

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

Наконец то я исполняю Ваши поручения – и то отчасти: Жукаевой не удалось нам найти нигде; повидимому, ее нет в Тифлисе. Что же касается книг, их я присылаю. Особенно трудно было найти «Юбилейный сборник»⁷⁵, который удалось раздобыть в библиотеке Центр. Архива Грузии. Как увидите, он пронумерован. Мне обещали найти его у частных лиц, и тогда я сдам в библиотеку тот [7б] экземпляр. Мой ответ Вам запоздал благодаря исканиям этого сборника. Присылаю также Ваши книжки, которые я имею от Вас. Для себя я их найду легче, напр. у М. Джанашвили.

Получил от Вас все три книжки, из которых «Textes ossètes» Arthur Christensen’a⁷⁶ у меня уже была. Приношу Вам глубокую благодарность. Имеется также труд Sköld’a⁷⁷ и критика на него Schmidt’a⁷⁸. Желая Вам здоровья и успехов. Глубоко Вас уважающий Г. Ахвледиани

Текст № 8: Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани Г.В. Баеву (с. 8а–8б)

[8а] немецкая печать 28.6.1928, советская печать 18.6.1928)

Georg Baiew Dozent am Orient. Seminar Universität [добавлено другой рукой] Friedenau Berlin

Германия – через Москву

[добавлено другой рукой] Handjerystr. 19/20

Abs.: G. Achwlediani, Georgien, Tiflis Staatsuniversität

[8б] 18.VI.1928

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

Премного Вам благодарен за такой сюрприз: сегодня я получил от Вас «Свѣдѣг Евангеліе». Об этом издании я ничего не знал, а издания 1902⁷⁹ г. у меня не было (есть у меня только изд. 1864 г.)⁸⁰. Кроме того Ваш подарок внушил мне идею: если мне не удастся напечатать здесь «Alhuzaty Evangelje», приеду специально к Вам в Берлин напечатать его.

Надеюсь, что Вы уже получили от меня нужные Вам книги. Вероятно, Вы были недовольны, что запоздало... забыл Вам ответить, что в экспедиции Sommerfelt’a мы примем участие: приглашены я и мой коллега, проф. Шанидзе⁸¹. С сердечным приветом Г. Ахвледиани

Текст № 9: Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани Г.В. Баеву (с. 10а–10б)

[10а] Немецкая печать 25.09.1928

Herrn Doz. G.G. Bajew Berlin-Friedenau Handjerystr. 19–20

Prof. G. Achwlediani Berlin, Lessingstr. 21b/Hammel

[10б] Мои часы: 9–10 утра, 5–7 веч.

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

Вернулся я из Англии. Был в Оксфорде на конгрессе⁸². Остановился в Берлине (Lessingstr. 21, bei Hammel) приблизит. на месяц. Поговорил бы с Вами с величайшим удовольствием. Прошу сообщить, где и когда можно будет увидеть Вас.

[вычеркнутые слова] Искренне Вас уваж. Г. Ахвледиани

Текст № 10: Почтовая карточка Г.С. Ахвледиани Г.В. Баеву (с. 11а–11б)

[11а] Немецкая печать 16.10.1928

Prof. G. Achwlediani

Lessingstr. 21b/Hammel Berlin

Herrn Doz. Georg Gappo Bajew Handjerystr. 19–20 (33)

Berlin – Friedenau

[11б] 16.X.1928

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

К великому моему сожалению, мне не удалось еще раз поговорить с Вами как следует, что назыв. «по душам». Получил от правительства строгое предписание вернуться немедленно. Еду завтра. Желаю Вам всего лучшего. Прошу передать поклон проф. Мекелейну⁸³. Искренне Вас уваж. Г. Ахвледиани

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проводилось в рамках двухмесячного научного проекта, выполненного автором летом 2019 г. в Институте славистики и угроведения Берлинского университета им. Гумбольдта по приглашению проф. Кристиана Фосса (Christian Voss) и при финансовой поддержке Гумбольдтовского фонда (Alexander von Humboldt-Stiftung). Наряду с вышеупомянутыми учреждениями, автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Берлинской государственной библиотеки, в особенности Владимиру Нойманну (Vladimir Neumann), а также Тинатин Болквадзе (თინათინ ბოლქვაძე, Тбилиси), Фатиме Тасолтановне Найфоновой и Диане Вайнеровне Сокаевой (Владикавказ), любезно оказавшим ценную помощь в поиске необходимого библиографического материала.

² Другой перевод: «То, что мы пишем и думаем, – ничто, живут только наши действия для сохранения и умножения общего блага» (Г.В. Баев, архивный материал, цит. по: [Дарчиева, 2014, с. 200]).

³ Nachlass Georg Gappo Baiews, Abt. VIII, 12 – Georg Baiews Briefwechsel mit dem Georgier Professor G. S. Achwlediani (Tiflis). В приклеенной к оборотной стороне папки описи перечисляются следующие единицы хранения: 3 Briefe + 4 Postkarten des Prof. G.S. Achwlediani an Georg Baiew; 2 Brief-Entwürfe Georg Baiews an Prof. G.S. Achwlediani.

⁴ В левом верхнем углу листа дается следующая автобиографическая характеристика: Georg-Gappo Baiew | Dozent am Seminar für Orientalische Sprachen | an der Berliner Universität | Mitglied d. Russischen Akademischen Vereins | Ehem. Oberbürgermeister d. St. Wladikawkas | N. Kaukasus | Russ. Rechtsanwalt.

⁵ «...Became in the last decades before the October Revolution a distinguished figure in the

political and cultural life of the Ossetes and one of the foremost pioneers of Ossetic literature» [Thordarson, 1988, p. 886].

⁶ Такой же текст имеется в архиве Г.В. Баева (папка VII, 1, с. 10). Сведения о Г.В. Баеве содержатся также в: [Марзоев, 2017, с. 43–45].

⁷ К сожалению, эта статья, приуроченная к юбилею Г.В. Баева, содержит досадные неточности, как например, известие о том, что «[п]о ходатайству Г. Баева и, позже, повелению императора Николая I в 1884 г.» А.М. Шегрен издал свою грамматику [Тедеева, 2019, с. 37]; неверно также указание на содействие Г.В. Баева учреждению в 1861 г. Особого Цензурного Комитета [Тедеева, 2019, с. 37].

⁸ В машинописном тексте – Poena.

⁹ В машинописном тексте – IROE.

¹⁰ В машинописном тексте – Аумут.

¹¹ Русский перевод см. в: [Кубалов, 1960, с. 10–20].

¹² Знаменитое (или пресловутое) первое издание сборника 1899 года.

¹³ Издание 1900 г.: [Дарчиева, 2015, с. 54].

¹⁴ См.: [Баев, 1900].

¹⁵ В двух изданиях: 1901 и 1907 гг. [Дарчиева, 2015, с. 54].

¹⁶ Подробный список статей и очерков приводится в [Баев..., 1908, с. 253–254], а также в первом издании библиографии осетинских публикаций [Баев, 19206], написанной на осетинском [Чеджемов, 2014а, с. 119], один экземпляр которой был подарен автором Прусской государственной библиотеке по прибытии в Германию [Дарчиева, Дарчиев, 2019, с. 173], см.: <http://stabikat.de/DB=1/SET=1/TTL=1/SHW?FRST=3> (дата обращения: 04.01.2020).

¹⁷ Основывая свои выводы на изучении архивных материалов, некоторые исследователи считают, что Г.В. Баев первоначально разделял социал-демократические идеи [Чеджемов, 2014а, с. 110–111; 2014б, с. 22], отойдя от них лишь после революции 1905 г. [Чеджемов, 2014а, с. 112].

¹⁸ Фотография Г.В. Баева со знаком городского головы Владикавказа опубликована в: [Дзалаева, 2012, с. 288; Чеджемов, 2014а, с. 115].

¹⁹ Сведения о том, что «[п]освященная ему статья с приложенным портретом в 1913 году была помещена в юбилейный альбом “300-летие дома Романовых”» [Дзалаева, 2016, с. 155–156], не подтверждаются имеющимся в нашем распоряжении материалом (см., например: [Юбилейный альбом..., 1913]).

²⁰ В Турции он был членом комитета, составившего Устав Общества Взаимопомощи Осетин в г. Константинополе (экземпляр устава хранится в архиве ученого, папка V, 5, нр. 89).

²¹ И.Л. Бабич описывает предполагаемую «хорошую научную карьеру» Г.В. Баева в преувеличенных красках и частично неточно. Он стал преподавать осетинский язык лишь в 1926 г., никогда не занимал должности профессора, не основывал кафедру осетиноведения; совсем другое дело – огромные и отчасти малоизвестные последствия его деятельности на культурном поприще.

²² Об этом учреждении, предназначенном, в отличие и вне зависимости от университета, для практического обучения не только восточным языкам и страноведению см.: [Kampffmeyer, 1923]; в своей истории институт переименовывался: Seminar für Orientalische Sprachen an der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin (27.10.1887–29.11.1936), Deutsche Auslandshochschule an der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin (30.11.1936–31.12.1939), Auslandswissenschaftliche Fakultät an der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin (1.1.1940–8.5.1945) [Morgenroth, 1988, S. 710].

²³ Немецкий ориенталист Карл Хаданк (Carl Hadank (1882–1945)), который среди прочего составлял опись архива Г.В. Баева, с благодарностью вспоминал своего бывшего учителя по осетинскому языку: «Dem ossetischen Schriftsteller Herrn Georg Gappo Baiew, Lektor am Seminar für Orientalische Sprachen in Berlin, bin ich Dank schuldig für die Anregungen, die er mir beim Unterricht in seiner Muttersprache gab» [Hadank, 1930, p. xvi].

²⁴ Эмигрировав в Германию в 1912 г., Евгений Гутнов в 1919 г. создал собственную типографию в Берлине, просуществовавшую до 1925 г. и выпустившую более двухсот названий по разным предметам на немецком, русском и осетинском языках. Среди них известный эмигрантский литературный журнал «Сполохи» [Таказов, 1999, с. 181]. Женой его младшего брата Эльбруса, прожившего у него в Германии с 1921 по 1928 г., была Евгения Владимировна Гутнова (1914–1992), историк, профессор Московского государственного университета, чьи воспоминания были недавно опубликованы [Гутнова, 2001].

²⁵ Каталог Берлинской национальной библиотеки содержит 57 книг, изданных в 1920–1925 гг. в русской типографии Е.А. Гутнова. Некоторые из них хранятся и в Северной Осетии [Буцаева, 1991, с. 168]. Среди них есть осетинский отрывной календарь [Iron khælindar..., 1925], может быть, именно тот, который запечатлен на фотографии Г.В. Баева за письменным столом в здании библейской школы миссии 1925 г. [Цорн, 2010, с. 84 = Zorn, 2010, S. 84].

²⁶ Он слыл антисоветчиком, изменником и фашистом и неоднократно подвергался шельмованию; его произведения, следовательно, не издавались [Магометов, Чеджемов, 2014, с. 45]. В 8-м томе «Литературной энциклопедии», например, Г.В. Баев оценивается как «махровый националист-монархист, враг советской власти, белый эмигрант» [Дзагурти, 1934, с. 330], в другой работе он называется «заядлым монархистом» [Кусов, 1979, с. 85 = 2009, с. 109]; его литературоведческие статьи о русских классиках считались «[х]арактерными образцами либерального фарисейства» [Ардасенов, 1959, с. 118], а преподавание осетиноведения в Берлинском университете ложно связывалось с приходом национал-социалистов к власти [Кокиев, 1944, с. 46]. В монографию Б.А. Калоева, посвященную В.Ф. Миллеру [Калоев, 1963], именно по цензурным причинам не вошла найденная автором большая пачка писем академика к Г.В. Баеву [Калоев, 2012, с. 143]. Более взвешенную оценку и полную характеристику его литературной деятельности дал, еще в советское время, Н. Джусойты [1980, с. 111–120]. В последнее время личность Г.В. Баева оценивается крайне положительно.

²⁷ Вольфганг Ленц (Wolfgang Lentz (1900–1986)) – немецкий иранист, ставший с 1950 г. профессором иранистики в Гамбургском университете [Eilers, 1988; Schmidt, 1989]. В своем отзыве об «Осетинско-русско-немецком словаре» В.Ф. Миллера он прямо ссылается на Г.В. Баева, с благодарностью указывая на него как на важный источник библиографических сведений: «Ich erkenne ihn als die Quelle einiger hier verwerteter bibliographischer Notizen dankbar an» [Lentz, 1927, с. 1258]. Вместе с ним Г.В. Баев переиздал героический эпос осетинского поэта Александра Кубалова (1871–1944) «Афхардты Хасана» [Baiew, Lentz, 1934], который он уже публиковал в прозаическом переводе во владикавказской газете в 1895 г., а спустя два года издал отдельной книжкой [Джусойты, 1980, с. 96].

Что касается [Ленц, 1991], на с. 177, перед текстом, читается заметка о том, что редакция получила материал «из Швеции от проживающей там нашей землячки Азы Додтиевны Ботоевой, которая обнаружила его в Стокгольмском хранилище иностранного отделения Берлинского университета при

любезном содействии доктора Арановича, директора Шведского института перевода Библии. Материал публикуется с незначительными сокращениями».

²⁸ Здесь нет необходимости обрисовывать жизнь и деятельность этого ученого широкого профиля; подробные сведения можно почерпнуть из трехязычной биобиблиографии [Баркава, Дolidze, 1978]; о его вкладе в иранистику см. также: [Жгенти, 1963, с. 43–46].

²⁹ Здесь приводятся только работы 20-х гг., опубликованные до или во время переписки.

³⁰ «во благо моей любимой родины Германии» [Дарчиева, Дарчиев, 2019, с. 176].

³¹ В выпуске 1926 г. среди профессоров молодого Тбилисского университета упоминается Г. Ахвледиани в связи с предметами «общее языкознание» и «осетинский язык»: Achwlediani, Georg: *Allg. Sprachwiss., Ossetische Spr.* [Minerva, 1926, с. 2071].

³² [Иосиф, 1884].

³³ Основанный в 1887 г. вскоре после начала немецкой колониальной экспансии в Африке Восточный семинар не преследовал научных целей, а был направлен на подготовку компетентных переводчиков для работы в Министерстве иностранных дел [Stoecker, 2013, S. 180]; об истории семинара см. также: [Mangold, 2004, S. 226–250].

³⁴ Elborty [1925, с. 139–148 – *Iron ævzagon literaturæ*]. На с. 144–145 приводятся в русском переводе, без указания года, следующие статьи Г.С. Ахвледиани, написанные на грузинском языке [№ 52–56]: 1) *Признаки «языка женщин» в осетинском языке* // Наука в Грузии. № 11–12 (4 с. = [Ахвледиани, 1924]); 2) *Для истории осетинского языка* // Бюллетень Тифлисского университета. № 5 (12 с. = [Ахвледиани, 1925]); 3) *Dativus praedicativus в осетинском языке* // Бюллетень Тифлисского университета. № 3 (16 с. = [Ахвледиани, 1923а]); 4) *Три «t» в осетинском языке и их отношение к древне-иранскому* // Журнал грузинского общества научного языкознания (12 с. = [Ахвледиани, 1923–1924]); 5) *Протетические звукообразования в осетинском языке* // Наша Наука. № 4 (8 с. = [Ахвледиани, 1923б]).

³⁵ Мосе Джанашвили (1855–1934) (ძალა ჯანაშვილი) – грузинский историк, лингвист и этнограф, автор русского постраничного перевода древнегрузинской поэмы Алгузиани [Джанашвили, 1897]; русский текст был переиздан Г.В. Баяевым в Берлине [Песня..., 1922]: «Ærtygkag xadt æj uyrussag ævzagyl džibru rauhta Bajaty Gabro, Berliny, 1922 azy» [Тубылты, 1928, s. 80]. Предисловие Г.В. Баяева в электронном виде можно прочитать на странице: <http://osetins.com/426-predislovie-k-berlinskomu-izdaniyu.html> (дата обращения: 30.12.2019).

³⁶ [Миллер, 1927].

³⁷ Об этом пишет также А.А. Фрейман в предисловии к первому тому словаря: «Впоследствии

помогали ему и другие лица, из которых особенно деятельное участие принимал осетинский писатель Гаппо Баяев» [Миллер, 1927, с. iv]; о вкладе Г.В. Баяева можно узнать из переписки Г.В. Баяева и В.Ф. Миллера, выборочно опубликованной в той части, которая прямо связана со словарем [Гостиева, 2018]. Сложная история создания словаря прослеживается в статьях [Туаллагов, 2012; Tomelleti, 2013, с. 51–60].

³⁸ Письмо, упомянутое в этом месте, в архиве Ахвледиани не сохранилось; судя по содержанию и датировке, им является предыдущий машинописный текст (текст № 1).

³⁹ [Иосиф, 1884].

⁴⁰ Григорий Алексеевич Дзагуров (1888–1979) – видный филолог и культурный деятель Осетии, автор брошюры о переходе осетинской графики на латинскую основу [Дзагуров, 1923; Томеллери, 2019, с. 279–282] и один из редакторов журнала «Известия осетинского научно-исследовательского института краеведения»; увлекаясь яфетической теорией академика Н.Я. Марра, он развивал выдвинутую им гипотезу о двуприродности осетинского языка, выявляя в нем неарийские элементы [Дзагуров, 1924]; идею слияния иранской составляющей с яфетической углублял В.И. Абаев [Шнирельман, 2006, с. 46].

⁴¹ Александр Арнольдович Фрейман (1879–1968) – иранист, главный редактор «Осетинско-русско-немецкого словаря», составленного покойным В.Ф. Миллером [Гагкаев, 1961; Исаев, 1981, с. 126–129].

⁴² [Иосиф, 1884].

⁴³ Bernát Munkácsi (1860–1937), венгерский лингвист, изучал осетинский язык в связи с вопросом об иранском влиянии на лексический фонд финно-угорских языков вообще и венгерского в частности.

⁴⁴ Работа венгерского лингвиста была опубликована в 20-м (1927, S. 1–88) и 21-м (1928, S. 1–158) выпусках востоковедческого журнала «Keleti Szemle», которые потом были объединены в один том [Munkácsi, 1932].

⁴⁵ Woldemar von Uxkull (1860–1952) – поэт и писатель балто-немецкого происхождения, с которым Г.В. Баяев дружил и переписывался (https://anthrowiki.at/Woldemar_von_Uxkull (дата обращения: 27.10.2019)).

⁴⁶ Gottfried Merzbacher (1843–1926) – немецкий географ и альпинист, провел две экспедиции по Кавказским горам, описанные в его монографии [Merzbacher, 1901].

⁴⁷ Adolf Dirr (1867–1930) – лингвист, этнолог и исследователь кавказских языков, с 1913 по 1930 г. работал хранителем музея народоведения в Мюнхене [Öhrig, 2000], скончался в Мюнхене. Он собирался издавать перевод стихотворений Коста

Хетагурова по берлинскому изданию Г.В. Баева: «Dieses gleichfalls recht sorgfältig gedruckte Büchlein (das ich in absehbarer Zeit zu übersetzen gedenke) [...]» [Dirr, 1924, S. 107], но его намерение не осуществилось. Г.В. Баев написал некролог об А. Дирре [Baiew, 1930].

⁴⁸ «Общество восстановления православного христианства на Кавказе преследовало двойную цель, осуществляя великую задачу (1) возрождения православного христианского упования в сердцах Кавказских горцев, некогда познавших Христа, но затем под влиянием тяжелых исторических и географических условий утративших свою святую любовь к Спасителю Мира и Его Св. Церкви, а также (2) восстановления православно-церковного сознания в многочисленном русском диссидентском мире, в той сектантской среде, которая имеет десятки тысяч последователей в Закавказье» [Платонов, 1910, с. 1]. В 1910 г. оно отмечало свое пятидесятилетие, в связи с чем были опубликованы упомянутый Г.В. Баевым сборник и фотоальбом [Альбом..., 1910]; о деятельности общества см.: также [Савенко, 2010].

⁴⁹ Об этом торжестве Баев сообщает в письме В.Ф. Миллеру от 3 декабря 1910 г. [Чеджемов, 2014а, с. 113].

⁵⁰ Richard Meckelein (1880–1948) – сотрудник Берлинской национальной библиотеки и автор библиографии по библиотечному и книжному делу [Meckelein, 1923], с 1925 г. преподавал славянское и кавказское языковедение в Восточном семинаре Берлинского университета [Vorlesungen, 1927, S. 224]; о нем см. также: [Schubarth, 1992].

⁵¹ [Meckelein, 1928].

⁵² [Баев, 1920а].

⁵³ Arthur Emanuel Christensen (1875–1945) – датский востоковед, издал в 1921 г. собрание осетинских текстов, собранных им среди осетинских военнопленных, бежавших из Германии в Данию [Christensen, 1921]; о нем см.: [Elwell-Sutton, 1983].

⁵⁴ Hannes Sköld (1886–1930), шведский лингвист, писатель и поэт коммунистического настроения, выявлял осетинские лексические элементы в венгерском языке [Sköld, 1925а; 1925b].

⁵⁵ [Sköld, 1925а].

⁵⁶ [Munkácsi, 1932].

⁵⁷ [Printz, 1927, с. 167–168].

⁵⁸ В них кратко излагается содержание четырех работ Г.С. Ахвледиани, чья фамилия ошибочно указана как Achwedliani. Речь идет о следующих статьях, написанных на грузинском языке и охарактеризованных самим автором следующим образом: *Dativus praedicativus im Ossetischen* [Ахвледиани, 1923а]: «Im Oss. kommt recht oft Dat. praed. vor, den Stackelberg (Beitr. z. Syntax d. Oss. 1886, S. 17) in etlichen Fällen als Dat. finalis betrachtet hat. In Übers.

aus dem Russ. steht häufig Dat. praed. für russ. Instr. praed. [A.]» (167); *Drei “t” im Ossetischen und deren Verhalten zu den entspr. Konsonanten des Altiranischen* [Ахвледиани, 1923–1924]: «1. a) t = georg. th im N. pl., 2. pl. und in mehreren Wurzelwörtern; b) t’ = georg. t in den Wörtern mit ‘kaukas. t’; c) t̄ (nähert sich russ. t) // nach s und x im Part. p. p., Impf., Prs. pl. des Verb. subst. und ebenfalls in vielen Wurzelwörtern. – 2. Oss. t aus iran. θ (gegen Miller’s Ableitung des oss. Pl. -tā aus iran. *-tai). Iran. t wird zu oss. t̄, das unter best. Bedingungen erhalten bleibt, teils zu t’, teils zu t wird. – 3. Phonetisch ist t’ aus t̄ leichter zu rechtfertigen als t’ aus t [A.]» (167–168); *Zur Frage des prothetischen Vokals im Ossetischen* [Ахвледиани, 1923в]: «In den oss. Übersetzungen von Jalgusidse (1820 ff.) und in seinem Oss. Alphabet (1823?) wird durch die georg. Buchstaben h und e (= i) im Anlaut vor s(z) + Verschlusslaut oder Halbvokal derselbe prothet[.] Vokal “i” wiedergegeben. Jalgusidse Dialekt (dvalisch, Miller: “tualisch”) nähert sich hierin dem Digorischen. [A.]» (168); *Muster der Geheimsprache im Ossetischen (čizjiti äwzag)* [Ахвледиани, 1924]: «Meist von Frauen gebraucht. Einschub der bedeutungslosen Silbe id oder äd. [A.]» (168). Их перевод на русский был осуществлен самим автором в сборнике избранных работ по осетинскому языку, опубликованном в 1960 г. [Ахвледиани, 1960].

⁵⁹ На самом деле в них упоминаются, наряду с краткой осетинской грамматикой Бориса Андреевича Алборова [Ælborty, 1925], лишь две статьи Г.С. Ахвледиани по истории осетинского языка (*Zur Geschichte des Ossetischen* = [Ахвледиани, 1925; 1926]: «Teil 1 (georg., mit deutscher Zusammenfassung) Über die Klassifikation der osset. Dial. Die Verwandlung von dval. ḡ ḱ ḱ’ in j č č’ beruht auf iron. Einfluß im 19. Jh. Dvalisch kein Unterdialekt des Ironischen; die Bez. Südossetisch verworfen. – Teil 2 (deutsch) Johannes Jalgusidse u. s. in osset. Sprache geschriebenen Werke. Kritik an Sjögren und Miller» [Printz, 1928, S. 96].

⁶⁰ *Unbekannte und unbenutzte handschriftliche und gedruckte Denkmäler der ossetischen Sprache im Beginn des 19. Jahrhunderts* [Proceedings..., 1929, p. 79]; о докладе сообщает и итальянский индианист Амброджо Баллини, который также допускает ошибку при воспроизведении фамилии грузинского ученого: *Achwelediani* [Ballini, 1928, p. 484].

⁶¹ В материалах конференции, однако, содержатся сведения о том, что из-за отсутствия докладчика в утренней секции 29 августа краткое резюме было зачитано Антуаном Мейе: «In the absence of the author an abstract of the paper was read by Professor A. Meillet» [Proceedings..., 1929, p. 79]. Другие участники конференции также отмечали почти полное отсутствие докладов на ира-

но-армяно-кавказской секции: «Der Kongreßbericht zeichnet sich bei diesen beiden Sektionen ebenso wie bei Sektion VIb (Iran, Armenien und der Kaukasus) durch fast vollständiges Fehlen von Referaten aus» [Gampert, 1931, S. 196].

⁶² В.Ф. Миллер критически отзывался о качестве и, соответственно, лингвистическом значении переводов И. Ялузидзе: «Осетинский перевод до такой степени неудачен, неясен и преисполнен такими ошибками и опечатками, что мы имеем мало надежды извлечь из него что нибудь для изучения звуков южно-осетинского говора» [Миллер, 1882, с. 1, примеч.]. В качестве материала для осетинско-русско-немецкого словаря Миллер привлекал оригинальные тексты, предпочитая их переводным сочинениям [Гостиева, 2018, с. 157].

⁶³ Корнелий Кекелидзе (1879–1962) (კობულეო კეკელიძე) – грузинский филолог и литературовед, богослов, заслуженный деятель грузинской науки.

⁶⁴ Отсутствие точных выходных данных делает пока невозможной идентификацию источника.

⁶⁵ Alf Sommerfelt (1892–1965) – норвежский лингвист, первый профессор по языкознанию в университете Осло, погибший на родине в автомобильной аварии 12 октября 1965 г. [Haugen, 1966, S. 612]. Увлекался также кавказоведением, известна его статья о понятии подлежащего в грузинском языке [Sommerfelt, 1937], существующая также в русском переводе [Соммерфельд, 1960]. Об этой кавказской экспедиции, к сожалению, нам не удалось найти никакой информации.

⁶⁶ [Sjögren, 1844].

⁶⁷ Gustav Friedrich Schmidt (1877–1945) – немецкий лингвист, преподаватель немецкого языка в Хельсинкском университете, знаток кавказских языков [Öhmann, 1945, с. 66], занимался осетинским [Schmidt, 1927] и северокавказскими языками, причем некоторые работы были опубликованы посмертно (см., например: [Schmidt, 1925; 1947; 1950; 1952]). О научной полемике см. также: [Йоки, 1977, S. 142–143; Нувяринен, 2003].

⁶⁸ [Schmidt, 1927].

⁶⁹ Robert Gragger (1887–1926) – первый профессор венгерской литературы и языка в Германии, основатель угроведения в Берлинском университете.

⁷⁰ Возможно, здесь речь идет о некрологе, написанном его коллегой ориенталистом [Becker, 1927].

⁷¹ Об этом сборнике см. Текст № 4.

⁷² Михаил Георгиевич (Гадо Хусинаевич) Баев (1837–1895), о нем см.: [Марзоев, 2017, с. 41–42].

⁷³ В рубрике «Хроника горской жизни» первого номера журнала «Кавказский горец», опубликованного под редакцией Ахмеда Тембулатовича Цаликова (1882–1928), в разделе «Чем занимается горская интеллигенция в эмиграции» сообщается о

том, что «**Байаты Гаппо** живет под Берлином и занят разработкой монографии об ученом Шегрене» [Кавказский горец..., 1924, с. 71]; см. также: [Уарзиати, 1997, с. 27–28; 1998, с. 153; 2007, с. 470], где приводится форма Байати). Журнал «Кавказский горец» издавался недолго в Праге: всего вышло три номера: один в 1924 г. и два в 1925 г. [Таказов, 1999, с. 181], они доступны в оцифрованном формате на официальном сайте Национальной библиотеки Чешской Республики (<http://kramerius.nkp.cz/kramerius/PShowPeriodical.do?id=2702> (дата обращения: 04.03.2020)). Возможно, об утраченной монографии заявляет также В.С. Уарзиати: «В Осетии внимание к научному наследию никогда не угасало. Видный общественный деятель Гаппо Баев в начале века собирал био-библиографические данные о нем. Рукопись не найдена» [Уарзиати, 1993, с. 24].

⁷⁴ «...Природного Осетина, бывшего Переводчика Осетинского языка и Помощника Осетинского Пристава, Прапорщика *Петра Жукаева*, коего деятельным и основательным наставлениям я обязан за первое положительное знание Тагаурского наречия во всем его объеме» [Шегрен, 1844, с. XXXVIII]; ср. также: [Бекоева, 2009, с. 329; Алиева, 2010, с. 53]. В письме от 27 апреля (9 мая) из Пятигорска, адресованном г-ну Френу, А.М. Шёгрэн так высказывается о своем ближайшем помощнике: «...хорошего переводчика по фамилии Жукаев, осетина по происхождению и, более того, из племени тагауров, диалект которых рассматривается как самый чистый. Кроме того, Жукаев прошел курс в Тифлисской семинарии и изучил там грузинский и русский языки» [Шёгрэн, 1998, с. 17].

⁷⁵ [Платонов, 1910].

⁷⁶ [Christensen, 1921].

⁷⁷ [Sköld, 1925a].

⁷⁸ [Schmidt, 1927].

⁷⁹ [Свѣдѣг Евангеліе, 1902]. Оно переиздано с предисловием Г.В. Баева в издательстве Гутнова [Свѣдѣг Евангеліе, 1923] (см. также: [Хаданова, 2017, с. 86]). В издании 1902 г. можно найти интересные орфографические особенности: буквами с диакритикой обозначались глухие смычные согласные, бывшие на каком-то этапе придыхательными, а без диакритики писались смычно-гортанные (абруптивы); позже эта традиция сменилась на обратную, что видно, например, по тексту первого номера газеты «Растдзинад» (<http://prav-book.ru/books/view/215-святое-евангелие-в-осетинском-переводе> (дата обращения: 29.10.2019)).

⁸⁰ [Свѣдѣг Евангеліе, 1864] – исправленное издание Четвероевангелия, вышедшее в Тифлисе [Гостиева, 2014, с. 118].

⁸¹ Акаки Шанидзе (1887–1987) (აკაკი შანიძე) – грузинский академик, выдающийся

лингвист и филолог, ученик Н.Я. Марра и один из основателей Тбилисского университета.

⁸² Эти сведения явно противоречат тому, что написано в [Proceedings..., 1929], где указывается на отсутствие проф. Ахвледиани, чей доклад был зачитан Антуаном Мейе (см. выше, примеч. 61).

⁸³ Richard Meckelein (см. выше примеч. 50).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ¹

- Алиева А. И., 2010. Академик А. М. Шегрен – основоположник российского академического кавказоведения // Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен : Исследование. Тексты / сост. А. И. Алиева. М. : ИМЛИ РАН. С. 11–161.
- Альбом церквей и школ общества и народностей Кавказа, 1910. Тифлис : О-во восстановления православ. Христианства на Кавказе. 87 л.
- Ардасенов Х. Г., 1959. Очерк развития осетинской литературы : Дооктябрьский период. Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во. 284 с.
- Ахвледиани Г. С., 1923а. გორგი ახვლედიანი. Dativus praedicativus ოსურენაში // ტფილისის უნივერსიტეტის მოამბე = Bulletin de l'Université de Tiflis. ტ. 3, გ. 127–140.
- *Ахвледиани Г. С., 1923б. გორგი ახვლედიანი. პროტეტული ხმოვნის საკითხისათვის ოსურში // ჩვენი მეცნიერება = La science en Georgie. № 2–3, გ. 62–68.
- Ахвледиани Г. С., 1923–1924. გორგი ახვლედიანი. სამი «ხ» ოსურში და მათი მიმართება ძველი ირანულის შესაფერ ბგერებთან // ქართული საენათმეცნიერო საზოგადოების წელიწადული = Bulletin de l'Université de Tiflis. № 1–2. გ. 22–31.
- Ахвледиани Г. С., 1924. გორგი ახვლედიანი. «ქაჯური ენის» ნიმუში ოსურში // ჩვენი მეცნიერება = La science en Georgie. № 11–12. გ. 80–82.
- Ахвледиани Г. С., 1925. გორგი ახვლედიანი. ოსური ენის ისტორიისათვის. I: დიალექტთა განრიგება გაპალატალეზულ ველარ თანხმოვანთა და აფრიკატთა მიხედვით // ტფილისის უნივერსიტეტის მოამბე = Bulletin de l'Université de Tiflis. ტ. 5, გ. 313–322.
- Ахвледиани Г. С., 1927. გორგი ახვლედიანი. 1802 წლის ოსური ა ხელნაწერი // ტფილისის უნივერსიტეტის მოამბე = Bulletin de l'Université de Tiflis. ტ. 7. გ. 90–97.
- Ахвледиани Г. С., 1960. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та. 241 с. (Труды кафедры общего языковедения / Тбилис. гос. ун-т им. Сталина ; кн. 1).
- Ахвледиани Г. С., 1963. Грамматика осетинского языка. В 2 т. Т. 1. Фонетика и морфология / под ред. проф. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе : [б. и.]. 368 с.
- Ахвледиани Г. С., 1969. Грамматика осетинского языка. В 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. проф. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе : [б. и.]. 387 с.
- Бабич И. Л., 2018. Зарубежное кавказоведение как часть эмигрантоведения XX в.: история и перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3 (224). С. 15–26.
- Баев Георгий Васильевич, 1908 // Северокавказский альманах на 1908–1909 гг. / ред. Б. М. Городецкий, Я. В. Борисов. Екатеринодар : Основа. С. 252–254.
- Баев Г., 1900. Iron æmbicændtæ æmæ uciucitæ (Осетинскія пословицы и загадки). Æmbicændtæ æmbicøndvł hæssvnc. Дзæуджвқæу : Суваловн типография. 32 с.
- Баев Г., 1920а. Iron к'вд. Д'у'æ н'вон театрн қаст н'в'ф'в'ста Б'а'ј'ат'в Га'п'по. Калак : Ра'у'ад'з'æг «Ног Цардв» редакц. (Iron б'иб'ли'отек. Осетинская библиотека 2).
- *Баев Г., 1920б. Iron библиография // Ног цард. 26 сент. 1920 г.
- Баркава М. И., Долидзе Э. Г., 1978. ბარკავა მ., დოლიძე ე., გორგი ახვლედიანი (1887–1973). ბიობიბლიოგრაფია. თბილისი: გამომცემლობა «მეცნიერება» / Георгий Ахвледиани (1887–1973). Биобиблиография / сост. М. И. Баркава, Э. Г. Долидзе. Тбилиси : Мецниереба. 179 с. URL: <http://science.org.ge/old/members/BioBibliografia/Giorgi%20axvlediani.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).
- Бекоева Т. А., 2009. Творческое сотрудничество российского академика А.М. Шегрена с горскими просветителями // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 15, № 4. С. 328–332.
- Бигулаева И. С., 2015. Коста Леванович Хетагуров : науч. биограф. Владикавказ : Проект-Пресс. 303 с.
- Бзаров Р. С., 1991. Гаппо Баев // Баев Г. Боевая служба осетин / сост. и примеч. Р. С. Бзарова. Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та. 1991. С. 5–6.

¹ Звездочкой отмечены те позиции, которые остались мне известными лишь библиографически.

- Бутаева З., 1991. Осетинский издатель из Берлина // Дарьял. Июль – сент. (3). С. 160–176.
- Гагкаев К. Е., 1961. Александр Арнольдович Фрейман как редактор «Осетинско-русско-немецкого словаря» В.Ф. Миллера / (К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 23, вып. 1. С. 143–150.
- Гостиева Л. К., 2014. Научно-координационная работа А.М. Шегрена по переводам учебной и богослужебной литературы на осетинский язык // Известия СОИГСИ. № 13 (52). С. 103–120. URL: <http://izvestia-soigsi.ru/izvestia/2014/13/1-k-gostieva.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).
- Гостиева Л. К., 2018. Из истории создания «Осетинско-русско-немецкого словаря» В.Ф. Миллера // Известия СОИГСИ. № 28 (67). С. 155–169. URL: <http://izvestia-soigsi.ru/izvestia/2018/28/1-k-gostieva.pdf> (дата обращения: 03.01.2019).
- Гутнова Е. В., 2001. Пережитое. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 462 с.
- Дарчиева С. В., 2014. Политические взгляды в творческом наследии Г.В. Баева (1905–1917 гг.) // Власть. Т. 22, № 10. С. 200–203. URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/2779> (дата обращения: 03.01.2020).
- Дарчиева С. В., 2015. Культурно-просветительская деятельность Г.В. Баева (конец XIX века – 1939 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (60). В 3 ч. Ч. 3. С. 52–56. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24155539> (дата обращения: 30.03.2020).
- Дарчиева С. В., Дарчиев А. В., 2019. Автобиографический очерк Г. В. Баева «Из моей жизни» // Известия СОИГСИ. № 34 (73). С. 168–187. URL: <http://izvestiya-soigsi.ru/upload/articles/darchieva-darchiey.pdf> (дата обращения: 31.12.2019).
- Джанашвили М., 1897. Алгузиани. ჯღღუჭობა // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. № 24. С. 90–189.
- Джусойты Н., 1980. История осетинской литературы. Книга первая (XIX век). Тбилиси : Мецниереба. 332 с.
- Дзагуров Г. А., 1923. Новая осетинская графика на латинской основе. Владикавказ : Тип. Наркомпроса Горреспублики. 9 с.
- Дзагуров Г. А., 1924. Яфетическая теория академика Н.Я. Марра и вопрос о происхождении осетин и осетинского языка = La théorie Japhétique de l'académicien N. Ja. Marr et la question de l'origine d'Osséthie et de la langue ossette // Известия Северо-Кавказского педагогического института = Bulletin de l'Institut Pédagogique du Caucase du Nord. Т. 2. С. 59–72.
- Дзагурти Г., 1934. Осетинская литература // Литературная энциклопедия. В 11 т. Т. 8. М. : ОГИЗ РСФСР. С. 327–337. URL: <http://feb-web.rufelblitencencyclop8le8-3272.htm> (дата обращения: 06.11.2019).
- Дзалаева К. Р., 2012. Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.). 2-е изд., перераб. Владикавказ : ИПО СОИГСИ. URL: <http://soigsi.com/books/2012/dzalaeva.pdf> (дата обращения: 05.01.2020).
- Дзалаева К. Р., 2016. Вовлечение представителей местного населения в государственно-административное управление в процессе формирования основ гражданственности и общероссийской идентичности на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. 8. Владикавказ : СОИГСИ ВНИЦ РАН. С. 152–159. URL: http://soigsi.com/books/b17/genealogia_narodov_kavkaza_VIII.pdf (дата обращения: 05.01.2020).
- Жгенти С., 1963. სერგი ქუენტი. გორგი ახვლედიანი. თბილისი : ნაკადული. 62 გ.
- Иосиф, 1884. Русско-осетинский словарь с краткою грамматикою / сост. Иосиф, еп. Владикавказский. Владикавказ : Типо-лит. скор. З.И. Шувалова. [4], IV, 580, IV с.
- Исаев М. И., 1981. Фрейман и осетиноведение (1879–1968) // Осетинская филология. Вып. 2. : межвуз. сб. ст. Орджоникидзе : Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. С. 124–131, URL: <http://kvkz.ru/culture/3476-a-a-freyman-i-osetinovedenie-18791968.html> (дата обращения: 03.01.2020).
- Йоки А. Й., 1977. Осетинский язык и финно-угроведение // Вопросы иранской и общей филологии : сб. ст. Тбилиси : Мецниереба. С. 139–145.
- Калоев Б. А., 1963. В.Ф. Миллер-кавказовед : (Исследование и материалы). Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во. 198 с.
- Калоев Б. А., 2012. Писатели, общественно-политические и культурные деятели дореволюционной Осетии // Калоев Б. А. Осетины Восточной Осетии и районов Грузии (историко-этнографические очерки). Владикавказ : Ир. С. 133–159.
- Кавказский горец : лит. и науч. сб., 1924 / ред. М. Натгугу. Прага : Союз горцев Кавказа в ЧСР. № 1. URL: <http://kramerius.nkp.cz/kramerius/PShowIssue.do?it=&id=417437> (дата обращения: 08.01.2020).
- Кокиев Г. А., 1944. Об одной фашистской фальсификации истории осетин // Исторический

- журнал. № 2–3. С. 43–47. URL: <http://zilaxar.com/biblioteka/ob-odnoj-fashistskoj-falsifikacii-istorii-osetin/> (дата обращения: 31.12.2019).
- Корзун В. Б., 1957. Коста Хетагуров: очерк жизни и творчества. М. : Сов. писатель. 202 с.
- Коста, 1922. Ирон фæндур, биографи нвфвста Баятв Гаппо, цппæрæм рауаъд. Берлин : Рауадзæг Гутнатв Елбвздвр. 127 с.
- Коста, 2001. Хетæгкаты Къоста. Уацмысты æххæст æмбырдгонд фондз томæй = Полное собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. Дзæуджыхъæу : СОИГСИ.
- Кубалов А. З., 1960. Избранное : Стихи и поэмы / пер. с осет. Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во. 88 с.
- Кусов Г. И., 1979. Вокруг Коста. Орджоникидзе : Ир. 270 с.
- Кусов Г. И., 2009. Вокруг Коста. 2-е изд., доп. Владикавказ : Изд.-полигр. предприятие им. В. Гассиева. 352 с.
- Ленц В., 1991. В память о Гаппо Баеве // Дарьял. Июль – сент. (№ 3). С. 177–181. (Рус. пер. немецкоязычного оригинала, частично совпадающего с некрологом [Lentz, 1938]).
- Магомедов А. А., Чеджемов С. Р., 2014. Культура, интеллигенция, образование: история и теория (на материалах осетинского народа). Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 182 с.
- Марзоев И. Т., 2017. Роль Баевых в истории Осетии (XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. № 24 (63). С. 37–48. URL: <http://izvestia-soigsi.ru/izvestia/2017/24/i-t-marzoev.pdf> (дата обращения: 05.01.2020).
- Миллер В. Ф., 1882. Осетинские этюды. В 3 ч. Ч. 2. М. : Императ. Моск. ун-т. 4, VIII, 302, II с.
- Миллер В. Ф., 1902. Дигорские сказания : По записям дигорцев И. Т. Собиева, К. С. Гарданова и С. А. Туккаева, с пер. и примеч. Всева Миллера. Москва : тип. В. Гатцук, 1902. VIII, 148 с. (Труды по востоковедению, изд. институтом восточных языков ; вып. 11).
- Миллер В. Ф., 1927. Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. 1. А–З / под ред. и с доп. А. А. Фреймана. Репр. изд.: Ossetisch-russisch-deutsches Wörterbuch, herausgegeben und ergänzt von A. Freiman. The Hague–Paris : Mouton, 1972. (Janua linguarum, series anastatica 11). Ленинград : Акад. наук СССР. XIII, 618 с.
- Песня об Алгузе, 1922 / пер. с древнегруз. М. Джанашивили ; с предисл. Г. Баева. Берлин : Изд-во Е. А. Гутнова. 52 с.
- Платонов А. И., 1910. Обзор деятельности Общества восстановления Православного христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис : Совет Общества. 328 с.
- Савенко Е. А., 2010. Из истории деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе (к 150-летию основания) // Университетские чтения – 2010 : материалы науч.-метод. чтений Пятигор. гос. лингв. ун-та, Пятигорск : ПЛГУ. С. 91–97. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/a42/uch_2010_xv_00017.pdf (дата обращения: 31.12.2019).
- Салагаева З. М., 1959. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во. 188 с.
- Соммерфельт А., 1960. О понятии подлежащего в грузинском языке // Эргативная конструкция предложения : сб. [пер. ст.] / сост. Е. А. Бокарев ; вступ. ст. А. С. Чикобава. М. : Изд-во иностр. лит. С. 183–185.
- *Свѣдæг Евангеліе, 1864. Тифлис : В тип. гл. упр. наместника кавказского.
- Свѣдæг Евангеліе / Святое Евангелие, 1902. Владикавказ : Тип.-литогр. З. И. Шувалова ; печ. с разрешения Преосвященнейшего Владимира, Епископа Владикавказского и Моздокского. URL: <https://ironau.ru/nf1902.html> (дата обращения: 19.04.2020). 290 с.
- Свѣдæг евангеліе на осетинском языке, 1923. Берлин : Изд. Брит. и иностр. библ. о-ва. 290 с. (Воспр. изд. 1902 г. На обороте фронт. читается след. заметка: Печатано с издания, выпущенного в 1902 г. с разрешения Преосвященнейшего Владимира, Епископа Владикавказского и Моздокского. The Four Gospels in Ossete).
- Таказов В. Д., 1999. Предисловие к публикации А. Кубати «На перекате» // Дарьял. № 1. С. 181–182. URL: http://www.darial-online.ru/1999_1/takazov.shtml (дата обращения: 04.03.2020).
- Тедеева У. Ш., 2019. Просветитель, мэр, ученый: к 150-летию со дня рождения Г.В. Баева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. № 1. С. 36–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37132460> (дата обращения: 03.04.2019).
- Томеллери В. С., 2019. Г.А. Дзагуров : Новая осетинская графика на латинской основе. Наборное переиздание текста // Slavic Alphabets and Identities / ed. by S. Kempgen, V. S. Tomelleri. Bamberg : Bamberg University Press. P. 255–282. (Bamberger Beiträge zur Linguistik 19). URL: http://kodeks.uni-bamberg.de/slavling/downloads/SK_VST_eds_SlavicAlphabetsIdentities_Web.pdf (дата обращения: 19.04.2020).
- Туаллагов А. А., 2012. О составлении и издании «Осетинско-русско-немецкого словаря»

- В.Ф. Миллера // Всероссийские Миллеровские чтения. Т. 3. С. 3–21.
- Уарзиати В. С., 1993 А. И. Шегрен – исследователь культуры осетин // Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения «Шегрен – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук. К 200-летию со дня рождения» (Санкт-Петербург, 5–7 окт. 1993 г.) : тез. докл. = Annual Russian-Finnish Readings in the Humanities «А. J. Sjögren – Full Member of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. For the 200 anniversary». St. Petersburg, October 5–7 1993. Theses / отв. ред. К. В. Чистов. СПб. : Фонд им. М.В. Ломоносова. С. 23–24.
- Уарзиати В. С., 1997. Осетиноведческие штудии академика А.И. Шегрена // Осетия XX век. Вып. 2. С. 6–29. (Сокр. вариант. Полн. текст работы опубл. в журн. «Мах дуг» (1995. № 7–8) в авториз. пер. Е. Кочиевой).
- Уарзиати В. С., 1998. Осетиноведческие штудии академика А.И. Шегрена // Андрей Михайлович Шегрен. Осетинские исследования / сост. и пер. Т. Т. Камболов. Владикавказ : Изд-во СОГУ. С. 119–158.
- Уарзиати В. С., 2007. Осетиноведческие штудии академика А.И. Шегрена // Уарзиати В. С. Избранные труды: этнология, культурология, семиотика / сост. В. А. Цагараев, Е. М. Кочиева. Владикавказ : Проект-Пресс. С. 426–473.
- Хаданова Ф. Х., 2017. Коста как инициатор создания осетинской переводческой комиссии и издания исправленного перевода Осетинского Евангелия 1902 г. // Аланское православие: история и культура : материалы VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / отв. ред. М. Э. Мамиев. Владикавказ : ИИА РСО-А. С. 78–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41291797> (дата обращения: 19.04.2020).
- Цорн В., 2010. Краски истории. Рассказы из истории Миссионерского союза «Свет на Востоке». Издано к 90-летию миссии. Корнталь : Свет на Востоке. 112 с.
- Чеджемов С. Р., 2014а. Г.В. Баев – просветитель, ученый, политик // Исторический вестник. Т. 9, № 156. С. 106–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23212160> (дата обращения: 03.03.2020).
- Чеджемов С. Р., 2014б. Просветитель, общественный деятель, ученый... : (К 145-летию со дня рождения и 75-летию со дня смерти Г. В. Баева) // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 14, № 1. С. 19–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21297933> (дата обращения: 03.01.2020).
- Шегрен А. М., 1844. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. В 2 ч. Ч. 1. Репр. изд.: М. : ИМЛИ РАН, 2010. LXXX, 976 с. СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук. LXXX, 560 с. URL: <https://reader.digitale-sammlungen.de/resolve/display/bsb10810863.html> (дата обращения: 19.04.2020).
- Шегрен А. М., 1998. Осетинские исследования / сост. и пер. Т. Т. Камболов. Владикавказ : Изд-во СОГУ. 172 с.
- Шнирельман В. А., 2006. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М. : Новое лит. обозрение. 690 с.
- Юбилейный альбом в память 300-летия дома Романовых, 1613–1913, 1913 / с рис. проф. В. П. Верещагина и с ист. очерком магистра И. В. Баженова. СПб. : Тип. П.П. Сойкина. URL: <https://vivaldi.nl.ru/bx000023791/view/#page=> (дата обращения: 19.04.2020).
- Achwlediani G., 1926. Zur Geschichte des Ossetischen. II. Johannes Jalgusidse und seine in ossetischer Sprache geschriebenen Werke // «ტფილისის უნივერსიტეტის მოამბე» = Bulletin de l'Université de Tiflis. Н. 6, S. 339–346.
- Ælborty B., 1925. Iron ævzadzý cybyr grammatikæ. Xistær axuyrgæninægtæn æmæ xi axuyrgænægtæn, 1-ag uahd. Iron skholaty xicauad æmæ Gus'y farstæj. Dzæudžyqæu: Centroizdaty uahd = Борис Андреевич Алборов, Краткая грамматика осетинского языка. М. ; Владикавказ : Изд. Центр. Изд-ва Народов С.С.С.Р.
- Baiew, 1930. Georg-Gappo Baev (Baiew). Ruxsag u Dr. Alfred Dirr ꝥ // Litterae orientales. Orientalistischer Literaturbericht. Heft 43 (Juli). S. 8–10.
- Baiew, Lentz, 1934. Georg-Cappo [sic!] Baiew & Wolfgang Lentz. Ein Heldenepos des ossetischen Dichters Alexander Kubalov // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jahrgang 37, Abteilung 2: Westasiatische Studien. P. 161–204.
- Ballini A., 1928. Ballini A. XVII Congresso internazionale degli orientalisti, 27 Agosto-1 Settembre 1928 // Aevum. Anno 2, fasc. 3. P. 469–492.
- Becker C. H., 1927. Robert Gragger (5. November 1887 – 10. November 1926). Eine Gedächtnisrede gehalten in der Alten Aula der Berliner Universität // Ungarische Jahrbücher. Bd. 7. Berlin : de Gruyter. S. 1–32.
- Christensen A., 1921. Textes ossètes recueillis par Arthur Christensen avec un vocabulaire. København : Hovedkommissionær : Høst. 143 S. (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser 61).

- Dirr A., 1924. Ossetische Literatur // *Caucasica*. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus. Bd. 1. S. 107–108.
- Eilers W., 1988. Wolfgang Lentz (1900–1986) // *Der Islam*. Bd. 65, Heft 1. S. 5–7.
- Elwell-Sutton L. P., 1983. Arthur Emanuel Christensen // *British Society for Middle Eastern Studies. Bulletin*. Vol. 10, № 1. P. 59–68.
- Gampert W., 1931. Review of ICO Proceedings 1929 // *Archiv Orientální*. Vol. 3. P. 194–197. URL: <https://kramerius.lib.cas.cz/periodical/uuid:2bfe8d50-cfc6-4d3c-a8a9-e36d468bd1bd> (дата обращения: 05.01.2020).
- Hadank K., 1930. Vorrede // *Mundarten der Gûrân, besonders das Kândûlâi, Auramânî und Bâdschâlânî*. Berlin : Verlag der Preußischen Akademie der Wissenschaften in Kommission bei Walter de Gruyter & Co. P. vii–xvii. (= *Kurdisch-Persische Forschungen. Ergebnisse einer von 1901 bis 1903 und 1906 bis 1907 in Persien und der asiatischen Türkei ausgeführten Forschungsreise von Oskar Mann, fortgeführt von Karl Hadank, Abteilung III (Nordwestiranisch), Band II*).
- Haugen E., 1966. Alf Axelsson Sommerfelt // *Language*. Vol. 42, № 3, Part 1. P. 612–614.
- Hyvärinen I., 2003. Schmidt, Gustav Friedrich // *Internationales Germanistenlexikon 1800–1950*. Bd. 3. / hrsg. von Ch. König, Berlin ; N. Y. : de Gruyter. P. 1623–1624.
- Iron khæлиндар 1925 азæн, 1925 = Отрывной еженедельный осетинский календарь на 1925 год. Berlin : Rauadzæg æmæ мухургæнæg Gutnaty Elbyzdyqo.
- Joki A. J., 1974. Ossetisch und die Finnougristik (Eine Übersicht) // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 24, № 1–4. P. 191–196.
- Kampffmeyer G., 1923. Das Seminar für Orientalische Sprachen zu Berlin // *Die Welt des Islams*. Bd. 8, Heft 1. S. 4–14.
- Lentz W., 1927. Besprechung von Miller 1927 // *Deutsche Literaturzeitung*. Vol. 26. S. 1255–1259.
- Lentz W., 1938. Georg Gappo Baiew zum Gedächtnis // *Mitteilungen der Ausland-Hochschule an der Universität Berlin* 41, Abteilung II: Westasiatische Studien. S. 179–186.
- Lorenz M., 2003. Gappo Bajew und die ossetische Literatur // *Iranica Selecta. Studies in honour of Professor Wojciech Skalmowski on the occasion of his seventieth birthday* / ed. by Alois van Tongerlo. Turnhout : Brepols. P. 153–157. (*Silk Road Studies* 8; перепечатано как Lorenz 2011).
- Lorenz M., 2011. Gappo Bajew und die ossetische Literatur // *Известия СОИГСИ*. № 5 (44). С. 83–85. URL: <http://izvestia-soigsi.ruruarchive2011113-article8> (дата обращения: 23.10.2019).
- Mangold S., 2004. Eine «weltbürgerliche Wissenschaft» : Die deutsche Orientalistik im 19. Jahrhundert. Stuttgart : Steiner. 330 S. (*Pallas Athene: Beiträge zur Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte* ; Bd. 11).
- Meckelein R., 1923. *Bibliographie des Bibliotheks- und Buchwesens* / bearbeitet von R. Meckelein, Jahrgang 1922. Leipzig : Harrassowitz. VII, 115 S. (Heft 51. Beiheft zum Zentralblatt für Bibliothekswesens).
- Meckelein R., 1928. რიჰარდ მეკელიანი / ქართულ-გერმანული სიტყვარი / Richard Meckelein / *Georgisch-deutsches Wörterbuch*. Berlin ; Leipzig : de Gruyter. XXIII, 656 p. (*Seminar für Orientalische Sprachen: Lehrbücher des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin*, 32).
- Merzbacher G., 1901. *Aus den Hochregionen des Kaukasus. Wanderungen, Erlebnisse: 1 Band : Wanderungen, Erlebnisse, Beobachtungen : und 2 Karten*. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 957 S. (Unveränderter Faksimile-Reprint der Originalausgabe. Saarbrücken : Fines Mundi, 2011).
- Minerva, 1926. *Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt. Achtundzwanzigster Jahrgang. Band 2. M-Z mit Nachtrag*. Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter. VII, 897 S.
- Morgenroth W., 1988. *Das Seminar für Orientalische Sprachen in der Wissenschaftstradition der Asien- und Afrikawissenschaften* // *Asien, Afrika, Lateinamerika. Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien-, Afrika- und Lateinamerikawissenschaften in der DDR*. Bd. 16, Heft 4. S. 706–720.
- Munkácsi B., 1932. *Blüten der ossetischen Volksdichtung im Auftrage der ungarischen Akademie der Wissenschaften. Gesammelt, übersetzt und mit Anmerkungen erläutert von Dr. Bernhard Munkácsi*. 246 p. Budapest : V. Hornyánszky, Kön. ung. Hofbuchdruckerei A.-G.- En Commission chez ; Leipsic : Otto Harrassowitz. (Sonderabdruck aus den XX. und XXI. Bänden der Zeitschrift *Keleti Szemle (Revue Orientale)*). URL: http://real-j.mtak.hu/98421/MTA_KeletiSzemle_1923-1927.pdf (date of access: 27.10.2019); <http://soigsi.com/books/grantrf3bernhardmunkacsi.pdf> (date of access: 20.04.2020).
- Öhmann E., 1945. Gustav Schmidt: in memoriam // *Neuphilologische Mitteilungen*. Vol. 46, № 2. P. 65–67.
- Öhrig B., 2000. Adolf Dirr (1867–1930). Ein Kaukasus-Forscher am Münchner Völkerkundemuseum

- // Münchner Beiträge zur Völkerkunde. Jahrbuch des Staatlichen Museums für Völkerkunde München. Band 6. P. 199–234.
- Printz W., 1927. Bibliographie der Jahre 1924 und 1925. V. Arisch // Indogermanisches Jahrbuch. 11 (1926: Bibliographie der Jahre 1924–25). S. 132–168.
- Printz W., 1928. Bibliographie des Jahres 1926 V. Arisch // Indogermanisches Jahrbuch. 12. S. 76–96.
- Proceedings of the Seventeenth International Congress of Orientalists, Oxford 1928, 1929. Reprint Nendeln/Liechtenstein : Kraus Reprint, 1968. L. : Oxford University Press, 1929 [sic!]. 117 p.
- Schmidt G. F., 1925. Zum Konjugationssystem des Abchasischen // *Studia Orientalia*. Vol. 1. P. 242–252.
- Schmidt G. F., 1927. Zur Frage der ossetisch-ungarischen Lehnwörter // *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 18, Heft 1–3. S. 84–113.
- Schmidt G. F., 1947. Lautgeschichtliche Fragen der tschechenischen Gruppe der kaukasischen Sprachen. Helsinki : Societas orientalis fennica. (*Studia Orientalia*, edidit societas orientalis fennica. Bd. 13, Heft 7).
- Schmidt G. F., 1950. Abchasische Lehnwortstudien. Helsinki : Societas orientalis fennica. 27 S. (*Studia Orientalia*, edidit societas orientalis fennica ; Bd. 14, Heft 4).
- Schmidt G., 1952. Über Aufgaben und Methoden der Kaukasologie / herausgegeben von Pentti Aalto. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Oy. 16 S. (*Studia Orientalia*, edidit societas orientalis fennica ; Bd. 17, Heft 4).
- Schmidt H.-P., 1989. Wolfgang Lentz (1900–1986) // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 139, Heft 1. S. 1–20.
- *Schubarth K., 1992. Richard Meckelein – Kartwelologe und Bibliothekar // *Mitteilungsblatt der Berliner Georgischen Gesellschaft e. V.*, 10 (Nov.). S. 2. (Библиогр. описание взято из: *Mitteilungsblatt der Berliner Georgischen Gesellschaft e. V.*, Inhaltsverzeichnis der Jahrgänge 1992–2003 (Nummern 1 bis 100). С. 15, 30). URL: <http://www.bggev.de/inhalt1-100.pdf> (date of access: 18.04.2020)].
- Sjögren A. J., 1844. Ирон æвзагахур das ist ossetische Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. URL: <https://reader.digitale-sammlungen.de/resolve/display/bsb10522299.html> (date of access: 20.04.2020). (Рус. вариант: [Шерен, 1844]).
- Sköld H., 1925a. Die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. Lund ; Gleerup ; Leipzig : Harrassowitz. 114 S. (= Lunds universitets årsskrift, N. F., Avd. 1, Bd. 20, Nr. 4).
- Sköld H., 1925b. Woher stammen die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen? // *Zeitschrift für Indologie und Iranistik*. Bd. 3. S. 179–186. URL: <http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/dmgperiodicalpageview147052> (date of access: 20.04.2020).
- Sommerfelt A., 1937. Sur la notion du sujet en Géorgien // *Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance* (21 avril 1937). P. : Klincksieck. P. 183–185. URL: <https://crecleco.seriot.ch/textes/Sommerfelt-37.html> (date of access: 19.04.2020). (Перепеч. в: [Sommerfelt, 1962, p. 66–67]; рус. пер. : [Соммерфельт, 1960]).
- Sommerfelt A., 1962. Diachronic and Synchronic Aspects of Language. Selected Articles. Hague : Mouton & co. 421 p. (*Janua linguarum, series maior*, 7).
- Stackelberg R. von, 1886. Beiträge zur Syntax des Ossetischen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philosophischen Doktorwürde an der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg. Strassburg : Trübner. V, 99 S.
- Stoecker H., 2013. Afrikanistik in Deutschland // *Von Käfern, Märkten und Menschen: Kolonialismus und Wissen in der Moderne* / ed. by R. Habermas, A. Przyrembel. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht. S. 175–185.
- Thordarson F., 1988. Bayati, Gappo // *Encyclopædia Iranica*. Vol. 3, fasc. 8 / ed. by E. Yarshater. L. [etc.] : Routledge & Kegan. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/bayati-gappo> (date of access: 05.01.2020).
- Tomelleri V. S., 2013. V. I. Abaev contro A. A. Frejman. Un paragrafo di storia della linguistica sovietica fra lessicografia osseta e ideologia // *Rivista italiana di linguistica e di dialettologia*. Vol. 15. P. 45–104.
- Tybylty Al., 1928. Æhuzyaty Juane // *Fidiuæg*. 1. S. 77–81.
- Vorlesungen, 1927. Vorlesungen über Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte und verwandte Lehrgegenstände im Sommersemester 1927 an deutschen, deutsch-österreichischen und schweizerischen Hochschulen // *Anthropologischer Anzeiger*. Bd. 4, Heft 3. S. 223–229.
- Ziesche E., 2002. Verzeichnis der Nachlässe und der Handschriftenabteilung der Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz / ed. by E. Ziesche. Wiesbaden : Harrassowitz. XIX, 238 S. (Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz. Kataloge der Handschriftenabteilung, herausgegeben von Eef

Overgaauw, Zweite Reihe: Nachlässe ; Band 8).
Zorn W., 2010. Farben der Geschichte. Erzählungen aus der Geschichte des Missionsbundes Licht im Osten. Zum 90-jährigen Jubiläum. Korntal ; Münchingen : Licht im Osten. 114 S.

REFERENCES

- Alieva A.I., 2010. Akademik A. M. Shegren – osnovopolozhnik rossiyskogo akademicheskogo kavkazovedeniya [Academician A. M. Shegren, the founder of the Russian academic caucasology]. *Osnovopolozhnik rossiyskogo akademicheskogo kavkazovedeniya akademik Andrey Mikhaylovich Shegren: Issledovanie. Teksty*. Ed. by A.I. Alieva. Moscow, IMLI RAN, pp. 11-161.
- Albom tserkvey i shkol obshchestva i narodnostey Kavkaza* [Album of churches and schools of the society and the peoples of the Caucasus], 1910. Tiflis, Obshchestvo vosstanovleniya pravoslavnogo Khristianstva na Kavkaze. 87 f.
- Ardasenov Kh.G., 1959. *Ocherk razvitiya osetinskoy literatury: Dooktyabrskiy period* [Essay on the development of Ossetian literature. Pre-October period]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo. 284 p.
- Akhvlediani G., 1923a. Giorgi Akhvlediani. Dativus praedicativus osur enashi [Dativus praedicativus in Ossetian language]. *Tpilisis universitetis moambe* [Tiflis university bulletin], no. 3, pp. 127-140.
- *Akhvlediani G., 1923b. Giorgi Akhvlediani. Protetuli khmovnis sakitkhisatvis osurshi [On the question of the prosthetic vowel in Ossetian]. *Chveni metsniereba = La science en Georgie* [Our science], no. 2-3, pp. 62-68.
- Akhvlediani G., 1923-1924. Giorgi Akhvlediani. Sami «t» osurshi da mati mimarteba dzveli iranulis shesaper bgerebtan [Three “t” in Ossetian and their relation to old Iranian sounds]. *Kartuli saenatmetsniereba sazogadoebis tselitsdeuli = Jahrbuch der Georgischen sprachwissenschaftlichen Gesellschaft* [Yearbook of the Georgian Linguistic Society], no. 1-2, pp. 22-31.
- Akhvlediani G., 1924. Giorgi Akhvlediani. «Kajuri enis» nimushi osurshi [A note on the “girls’ language” in Ossetian]. *Chveni metsniereba = La science en Georgie* [Our science], no. 11-12, pp. 80-82.
- Akhvlediani G., 1925. Giorgi Akhvlediani. Osuri enis istoriisatvis. 1: Dialekta ganrigeba gapalatalebul velar tankmovanta da aprikatta mikhedvit [On the history of Ossetian. 1: Classification of dialects according to palatalized velar consonants and affricates]. *Tpilisis universitetis moambe* [Tiflis university bulletin], no. 5, pp. 313-322.
- Akhvlediani G., 1927. Giorgi Akhvlediani. 1802 tsli osuri A khelnatseri [Ossetian manuscript A of 1802]. *Tpilisis universitetis moambe* [Tiflis university bulletin], no. 7, pp. 90-97.
- Akhvlediani G.S., 1960. *Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu yazyku* [Collection of selected works on Ossetian]. Tbilisi, Izdatelstvo Tbilisskogo universiteta. (Trudy kafedry obshchego yazykovedeniya... / Tbilis. gos. un-t im. Stalina). Book 1. 241 p.
- Akhvlediani G.S., 1963. Grammatika osetinskogo yazyka [Grammar of the Ossetian language]. Ed. by prof. G.S. Akhvlediani. In 2 vol. Vol. 1. *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze. 368 p.
- Akhvlediani G.S., 1969. Grammatika osetinskogo yazyka [Grammar of the Ossetian language]. Ed. by prof. G.S. Akhvlediani. In 2 vol. Vol. 2. *Sintaksis* [Syntax]. Ordzhonikidze. 387 p.
- Babich I.L., 2018. Zarubezhnoe kavkazovedenie kak chast emigrantovedeniya XX v.: istoriya i perspektivy [Foreign Caucasus studies as part of emigration studies of the 20th century: history and perspectives]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [The Bulletin of Adyghe State University: Internet Scientific Journal Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies], no. 3 (224), pp. 15-26.
- Baev Georgiy Vasilevich [Baev Georgy Vasilyevich], 1908. *Severokavkazskiy almanakh na 1908–1909 gg.* [The North Caucasus almanac for the 1908-1909]. Ed. by B.M. Gorodetskiy, Ya.V. Borisov. Ekaterinodar, tip. «Osnova», pp. 252-254.
- Baev G., 1990. *Iron æmbisændtæ æmæ utsiutsitæ (Osetinskiya poslovitsy i zagadki)* [Ossetian proverbs and riddles]. Dzæudzhyaqæu, Suvalovy tipografia. 32 p.
- Baev G., 1920a. *Iron kwvd. Duuæ nyvon teatry qast nyffysta Bayaty Gappo* [Ossetian Banquet. A theater piece in two acts written by Gappo Baev]. Kalak, Ed. Nog Tsard (Iron bibliotek. Osetinskaya biblioteka 2).
- Baev G., 1920b. Iron bibliografija [Ossetian Bibliography]. *Nog tsard* [New life], 26 september 1920.
- Barkava M. I., Dolidze M. I., 1978. *Georgij Akhvlediani (1887–1973). Bio-bibliografija*. Tbilisi, Metsniereba. 179 c. URL: <http://science.org.ge/old/members/BioBibliografija/Giorgi%20axvlediani.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).

- Bekoeva T.A., 2009. Tvorcheskoe sotrudnichestvo rossiyskogo akademika A. M. Shegrena s gorskimi prosvetitel'yami [The creative collaboration of Russian academician A.M. Shogren with the highland enlighteners]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma university], vol. 15, no. 4, pp. 328-332.
- Bigulaeva I.S., 2015. *Kosta Levanovich Khetagurov : nauchnaya biografiya* [Kosta Levanovich Khetagurov: scientific biography]. Vladikavkaz, Proekt-Press Publ. 303 p.
- Bzarov R.S., 1991. Gappo Baev [Gappo Baev]. *Baev G. Boevaya sluzhba osetin* [The combat service of the Ossetes]. R.S. Bzarov (ed.) ; SOGU. Vladikavkaz, Izd-vo Sev.-Oset. gos. un-ta, pp. 5-6.
- Butaeva Z., 1991. Osetinskiy izdatel iz Berlina [An Ossetian publisher from Berlin]. *Daryal*, no. 3 (july–september), pp. 160-176.
- Gagkaev K.E., 1961. Aleksandr Arnoldovich Freyman kak redaktor «Osetinsko-russko-nemetskogo slovarya» Vs.F. Millera (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti) [Alexander Arnoldovich Freiman as an editor of the Ossetian-Russian-German dictionary by Vs. F. Miller (to the 80th anniversary of his birth and the 60th anniversary of scientific and pedagogical activity)]. *Izvestia SOIGSI*, vol. 23, iss.1, pp. 143-150.
- Gostieva L.K., 2014. Nauchno-koordinatsionnaya rabota A. M. Shegrena po perevodam uchebnoy i bogosluzhebnoy literatury na osetinskiy yazyk [The scientific and coordinating activity of A.M. Shegren on the translations of didactic and liturgical literature into Ossetian]. *Izvestiya SOIGSI*, no. 13 (52), pp. 103-120. URL: <http://izvestia-soigsi.ru/izvestia/2014/13/l-k-gostieva.pdf> (accessed 19 April 2020).
- Gostieva L.K., 2018. Iz istorii sozdaniya «Osetinsko-russko-nemetskogo slovarya» V.F. Millera [From the history of the creation of the “Ossetian-Russian-German dictionary” by V.F. Miller]. *Izvestiya SOIGSI*, no. 28 (67), pp. 155-169. URL: <http://izvestia-soigsi.ru/izvestia/2018/28/l-k-gostieva.pdf> (accessed 03 January 2019).
- Gutnova E.V., 2001. *Perezhitoe* [Experiences]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 462 p.
- Darchieva S.V., 2014. Politicheskie vzglyady v tvorcheskom nasledii G.V. Baeva (1905–1917 gg.) [Political views in the creative heritage of George (Gappo) V. Baev (1905-1917)]. *Vlast'*, vol. 22, no. 10, pp. 200-203. URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/2779> (accessed 03 January 2020).
- Darchieva S.V., 2015. Kulturno-prosvetitel'skaya deyatel'nost G.V. Baeva (konets XIX veka – 1939 g.) [Cultural and educational activity of G.V. Baev (end of the 19th century – 1939)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], no. 10 (60), in 3 parts. Part. 3, pp. 52-56. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24155539> (accessed 30 March 2020).
- Darchieva S.V., Darchieva A.V., 2019. Avtobiograficheskiy ocherk G.V. Baeva «Iz moyey zhizni» [G. Baev's autobiographic essay “From my life”]. *Izvestiya SOIGSI*, no. 34 (73), pp. 168-187. URL: <http://izvestiya-soigsi.ru/upload/articles/darchieva-darchieva.pdf> (accessed 31 December 2019).
- Dzhanashvili M., 1897. *Alguziani. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus], no. 24, pp. 90-189.
- Dzhusoyty N., 1980. *Istoriya osetinskoj literatury. Kniga pervaya (XIX vek)* [History of Ossetian literature. First volume (20th century)]. Tbilisi, Metsniereba. 332 p.
- Dzagurov G.A., 1923. *Novaya osetinskaya grafika na latinskoj osnove* [New Ossetian graphics based on the Roman alphabet]. Vladikavkaz, Tipografiya Narkomprosa Gorrespubliki. 9 p.
- Dzagurov G.A., 1924. Yafeticheskaya teoriya akademika N. Ya. Marra i vopros o proiskhozhdenii osetin i osetinskogo yazyka = La théorie Japhétique de l'académicien N. Ja. Marr et la question de l'origine d'Osséthie et de la langue ossette [The japhetic theory of Academician N. Y. Marr and the question of the origin of the Ossetes and Ossetian language]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo pedagogicheskogo instituta = Bulletin de l'Institut Pédagogique du Caucase du Nord*, vol. 2, pp. 59-72.
- Dzagurti G., 1934. Osetinskaya literatura [Ossetian literature]. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopaedia]. V 11 t. Vol. 8. Moscow, OGIZ RSFSR, pp. 327-337. URL: <http://feb-web.rublencencyclople8le8-3272.htm> (accessed 06 November 2019).
- Dzalaeva K.R., 2012. *Osetinskaya intelligentsiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Ossetian intelligentsia (second half of the 19th – early 20th century)]. 2-d edition. Vladikavkaz, IPO SOIGSI. URL: <http://soigsi.com/books/2012/dzalaeva.pdf> (accessed 05 January 2020).
- Dzalaeva K.R., 2016. Vovlechenie predstaviteley mestnogo naseleniya v gosudarstvenno-administrativnoe upravlenie v protsesse

- formirovaniya osnov grazhdanstvennosti i obshcherossiyskoy identichnosti na Severnom Kavkaze vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Involvement of representatives of the local population in public administration in the process of forming the foundations of citizenship and all-Russian identity in the North Caucasus in the second half of the 19th–early 20th centuries]. *Genealogiya narodov Kavkaza. Traditsii i sovremennost* [Genealogy of the peoples of the Caucasus. Traditions and modernity], iss. 8. Vladikavkaz, SOIGSI VNTs RAN, pp. 152-159. URL: http://soigsi.com/books/b17/genealogia_narodov_kavkaza_VIII.pdf (accessed 05 January 2020).
- Zhghenti S., 1963. *Giorgi Akhvlediani*. Tbilisi, Nakaduli Publ. 62 p.
- Iosif, 1884. *Russko-osetinskiy slovar s kratkoyu grammatikoyu* [Russian-Ossetian dictionary with a short grammar]. Ed. by Iosif, bishop of vladikavkaz. Vladikavkaz, tipo-lit. skor. Z.I. Shuvalova. [4], IV, 580, IV p.
- Isaev M.I., 1981. Freyman i osetinovedenie (1879–1968) [Freiman and Ossetian studies]. *Osetinskaya filologiya* [Ossetic philology], mezhvuz. sb. statey, iss. 2. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet “K. L. Chetagurov”, pp. 124-131, <http://kvkz.ru/culture/3476-a-a-freyman-i-osetinovedenie-18791968.html> (accessed 03 January 2020).
- Yoki A.Y., 1977. Osetinskiy yazyk i finno-ugrovedenie [Ossetian and Finno-Ugric studies]. *Voprosy iranskoj i obshchey filologii : sb. statey* [Issues of Iranian and general philology. Collection of articles]. Tbilisi, Metsniereba, pp. 139-145.
- Kaloev B.A., 1963. V.F. Miller-kavkazoved (*Issledovanie i materialy*) [V.F. Miller as a caucasologist (Research and materials)]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo. 198 p.
- Kaloev B.A., 2012. Pisateli, obshchestvenno-politicheskie i kul'turnye deyateli dorevolyutsionnoy Osetii [Writers, socio-political and cultural figures of pre-revolutionary Ossetia]. *Kaloev B.A. Osetiny Vostochnoy Osetii i rayonov Gruzii (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [The Ossetes of Oriental Ossetia and Georgia's regions (Historical and ethnographic essays)]. Vladikavkaz, Ir Publ., pp. 133-159.
- Kavkazskiy goretz : literaturnyy i nauchnyy sbornik* [Caucasian highlander: a literary and scientific collection], 1924. Soyuz gortsev Kavkaza v ChSR ; Murad Hatgogu (ed.). Prague, Soyuz gortsev Kavkaza v ChSR, no. 1. URL: <http://kramerius.nkp.cz/kramerius/PShowIssue.do?it=&id=417437> (accessed 08 January 2020).
- Kokiev G.A., 1944. Ob odnoy fashistskoy falsifikatsii istorii osetin [On a fascist falsification of Ossetian history]. *Istoricheskiy zhurnal* [Historical journal], no. 2-3, pp. 43-47. URL: <http://zilaxar.com/biblioteka/ob-odnoj-fashistskoj-falsifikatsii-istorii-osetin/> (accessed 31 December 2019).
- Korzun V.B., 1957. *Kosta Khetagurov : ocherk zhizni i tvorchestva* [Kosta Khetagurov: an essay on life and work]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ. 202 p.
- Kosta, 1922. *Iron fændyr* (Ossetian Harp). Berlin : Gutnov. 127 p.
- Kosta, 2001. *Khetægkaty Khosta. Uatsmysty ækhkhæst æmyrdgond fondz tomæy = Polnoe sobranie sochineniy v 5 tomakh* [Complete works in five volumes]. Fifth volume. Vladikavkaz, Dzæudzhyqæu, SOIGSI.
- Kubalov A.Z., 1960. *Izbrannoe : Stikhi i poemy* [Selected Works: Verses and Poems]. Translation from osset. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo. 88 p.
- Kusov G.I., 1979. *Vokrug Kosta* [Around Kosta]. Ordzhonikidze Ir Publ. 270 p.
- Kusov G.I., 2009. *Vokrug Kosta* [Around Kosta]. 2-d edition. Vladikavkaz, Izdatelsko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva. 352 p.
- Lents V., 1991. V pamyat o Gappo Bæve [In memory of Gappo Bæve]. *Daryal*, no. 3 (july–september), pp. 177-181 [Russian translation of the German original (Lentz 1938)].
- Magometov A.A., Chedzhemov S.R., 2014. *Kultura, intelligentsiya, obrazovanie: istoriya i teoriya (na materialakh osetinskogo naroda)* [Culture, intelligentsia, education: history and theory (based on the materials of the Ossetian people)], Vladikavkaz, Izdatelstvo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova. 182 p.
- Marzoev I.T., 2017. *Rol' Baevykh v istorii Osetii (XIX – nachalo XX v.)* [The role of the Bævs in the history of Ossetia (19th – early 20th century)]. *Izvestiya SOIGSI*, no. 24 (63), pp. 37-48. URL: <http://izvestia-soigsi.ru/izvestia/2017/24/i-t-marzoev.pdf> (accessed 05 January 2020).
- Miller V. F., 1882. *Osetinskie etyudy* : Ch. 1–3. Ch. 2 [Ossetian Studies. Parts 1-3. Part 2]. Moscow, Imp. Mosk. un-t, 1882. 4, VIII, 302, II p.
- Miller V. F., 1902. *Digorskie skazaniya : Po zapisyam digortsev I. T. Sobieva, K. S. Gardanova i S. A. Tukkaeva, s per. i primech. Vsev. Millera* [Digor tales : recorded by the Digor I.T. Saliev, K.S. Gardanov and S.A. Tukkaev, with transl. and notes by Vsev. Miller]. Moscow, tip. V. Gattsuk, 1902. VIII, 148 p. (Trudy po vostoковедениyu, izd. institutom vostochnykh yazykov; Vyp. 11 [Works on Oriental Studies, ed. Institute of Oriental Languages; issue 11]).

- Miller V. F., 1927. *Osetinsko-russko-nemetskiy slovar / pod red. i s dopolneniyami A.A. Freymana. T. 1 : A–Z* [Ossetian-Russian-German dictionary / ed. and with additions by A.A. Freiman. Vol. 1: A-Z.]. Leningrad, Akademiya Nauk SSSR. Reprint: Ossetisch-russisch-deutsches Wörterbuch, herausgegeben und ergänzt von A. Freiman. The Hague–Paris, Mouton Publ., 1972 (Janua linguarum, series anastatica 11).
- Pesnya ob Alguze, 1922 / per. s drevnegruzinskogo Moiseya Dzhanchashvili ; s predisloviem G. Baeva* [A song about Alguse, translated from the Georgian Moses Janashvili ; with a Preface by G. Baeva]. Berlin, Izdatelstvo E.A. Gutnova. 52 p.
- Platonov A.I., 1910. *Obzor deyatelnosti Obshchestva vosstanovleniya Pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze za 1860–1910 gg.* [Review of the activities of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus in 1860–1910]. Tiflis, Sovet Obshchestva. 328 p.
- Savenko E.A., 2010. Iz istorii deyatelnosti Obshchestva vosstanovleniya pravoslavnogo khristianstva na Kavkaze (k 150-letiyu osnovaniya) [From the history of the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus (to the 150th anniversary of its foundation)]. *Universitetskie chteniya–2010: materialy nauchno-metod. chteniy Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [University Lectures – 2010]. Pyatigorsk, PLGU, pp. 91–97. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/a42/uch_2010_xv_00017.pdf (accessed 31 December 2019).
- Salagaeva Z.M., 1959. *Kosta Khetagurov i osetinskoe narodnoe tvorchestvo* [Kosta Khetagurov and ossetian folk art]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo. 188 p.
- Sommerfelt A., 1960. O ponyatii podlezhashchego v gruzinskom yazyke [On the concept of subject in Georgian]. *Ergativnaya konstruktsiya predlozheniya* [Ergative construction of the sentence], collection [translated articles] compiled by E. A. Bokarev; intro. art. prof. A.S. Chikobava. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy lit., pp. 183–185.
- Svghdæg Evangelie* [The Four Gospels], 1864. Tiflis, Tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo.
- Svghdæg Evangelie / Svyatoe Evangelie* [The Four Gospels], 1902. Vladikavkaz, Tipo-litografiya Z. I. Shuvalova ; pechatano s razresheniya Pr eosvyashchenneyshego Vladimira, Episkopa Vladikavkazskogo i Mozdokskogo. URL: <https://ironau.ru/nf1902.html> (accessed 19 April 2020).
- Svghdæg evangelie na osetinskom yazyke* [The four Gospels in Ossetian], 1923. Berlin, Izdanie Britanskogo i inostrannogo bibleyskogo obshchestva. 290 c. (Reprint of the edition 1902).
- Takazov V. D., 1999. Predislovie k publikatsii A. Kubati «Na perekate» [Preface to the publication of A. Kubati “On the rift”]. *Daryal*, no. 1, pp. 181–182. URL: http://www.darial-online.ru/1999_1/takazov.shtml (accessed 04 March 2020).
- Tedeeva U.Sh., 2019. *Prosvetitel, mer, uchenyy: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya G.V. Baeva* [Educator, mayor, scientist: to the 150th anniversary since the birth of G.V. Bayev]. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova [Bulletin of the North Ossetian state university named K.L. Khetagurova], no. 1, pp. 36–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37132460> (accessed 03 April 2019).
- Tomelleri V.S., 2019. *G. A. Dzagurov: Novaya osetinskaya grafika na latinskoy osnove. Nabornoe pereizdanie teksta* [G.A. Dzagurov: New Ossetian graphics based on the Roman alphabet. Typesetting reprint of the text]. S. Kempgen and V.S. Tomelleri (eds.). Slavic Alphabets and Identities, Bamberg : Bamberg University Press, pp. 255–282 [Bamberger Beiträge zur Linguistik 19]. URL: http://kodeks.uni-bamberg.de/slavling/downloads/SK_VST_eds_SlavicAlphabetsIdentities_Web.pdf (accessed 19 April 2020).
- Tuallagov A. A., 2012. O sostavlenii i izdanii «Osetinsko-russko-nemetskogo slovary» V.F. Millera [On the composition and edition of the Ossetian-Russian-German dictionary by V. F. Miller]. *Vserossiyskie Millerovskie chteniya*, vol. 3, pp. 3–21.
- Uarziati V.S., 1993 A.I. Shegren – issledovatel kultury osetin [A.I. Shegren, researcher of the culture of the Ossetes]. *Annual Russian-Finnish Readings in the Humanities «A. J. Sjögren – Full Member of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. For the 200 anniversary»*. St. Petersburg, October 5–7 1993. Theses. Ed. by K. V. Chistov, St. Petersburg: Fondi m. M. V. Lomonosova, pp. 23–24.
- Uarziati V.S., 1997. Osetinovedcheskie shtudii akademika A. I. Shegrena [Ossetian studies of academician A. I. Shegren]. *Osetiya XX vek* [Ossetia. 20th century], iss. 2, pp. 6–29.
- Uarziati V.S., 1998. Osetinovedcheskie shtudii akademika A. I. Shegrena [Ossetian studies of academician A. I. Shegren]. *Andrey Mikhaylovich Shegren. Osetinskie issledovaniya* [A. M. Shegren. Ossetic studies]. Ed. by T.T. Kambolov. Vladikavkaz, Izdatelstvo SOGU, pp. 119–158.
- Uarziati V.S., 2007. Osetinovedcheskie shtudii akademika A. Y. Shegrena [Ossetian studies

- of academician A.I. Shegren]. *Uarziati V.S. Izbrannye trudy : etnologiya, kulturologiya, semiotika* [Selected works: ethnology, culturology, semiotics]. V.A. Tsagaraev, E.M. Kochieva (eds.). Vladikavkaz, Proekt-Press Publ., pp. 426-473.
- Khadonova F.Kh., 2017. Kosta kak initsiator sozdaniya osetinskoj perevodcheskoj komissii i izdaniya ispravlenogo perevoda Osetinskogo Evangelija 1902 g. [Kosta as the initiator of the creation of the Ossetian translation Commission and the publication of a revised translation of the Ossetian Gospel of 1902]. *Alanskoe pravoslavie: istoriya i kultura. Materialy VI Svyato-Georgievskikh chtenij «Pravoslavie. Etnos. Kultura»*. M.E. Mamiev (ed.). Vladikavkaz, IIA RSO-A, pp. 78-87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41291797> (accessed 19 April 2020).
- Tsorn V., 2010. *Kraski istorii. Rasskazy iz istorii Missionerskogo soyuza «Svet na Vostoke»*. *Izdano k 90-letiju missii* [Colors of history. Stories from the history of the Missionary Union "Light in the East". Published for the 90th anniversary of the mission]. Korntal, Svet na Vostoke. 112 p.
- Chedzhemov S.R., 2014a. G.V. Baev – prosvetitel, uchenyy, politik [G. V. Baev - educator, scientist, politician]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Reporter], vol. 9, no. 156, pp. 106-120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23212160> (accessed 03 March 2020).
- Chedzhemov S.R., 2014b. Prosvetitel, obshchestvennyy deyatel, uchenyy... (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya i 75-letiyu so dnya smerti G.V. Baeva) [Educator, public figure, scientist... (to the 145th anniversary and the 75th anniversary of the death of Georgi Baev)]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Vestnik Vladikavkaz scientific center], vol. 14, no. 1, pp. 19-24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21297933> (accessed 03 January 2020).
- Shegren A.M., 1844. *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossijskim i rossijsko-osetinskim. Ch. 1–2. Ch. 1* [Ossetian grammar with a short Ossetian-Russian and Russian-Ossetian dictionary. Part 1-2. Part 1]. Saint-Petersburg, tip. Imp. Akad. Nauk. LXXX, 560 p. URL: <https://reader.digitale-sammlungen.de/resolve/display/bsb10810863.html> (accessed 19.04.2020). Reprint: Moscow, reprint IMLI RAN, 2010. LXXX, 976 p.
- Shegren A.M., 1998. *Osetinskie issledovaniya* [Ossetian studies]. T.T. Kambolov (ed.). Vladikavkaz, Izdatelstvo SOGU, pp. 172.
- Shnirelman V.A., 2006. *Byt alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [To be Alans. Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 690 p.
- Yubileynyy album v pamyat 300-letiya doma Romanovykh, 1613–1913, s ris. prof. V. P. Vereshchagina i s ist. ocherkom magistra I.V. Bazhenova, 1913* [Jubilee album in memory of the 300th anniversary of the House of Romanov, 1613-1913, with fig. by prof. V.P. Vereshchagin, essay by master I.V. Bazhenov]. Saint-Petersburg, P.P. Soykin Publ. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000023791/view/#page=> (accessed 19 April 2020).
- Achwlediani G., 1926. Zur Geschichte des Ossetischen. II. Johannes Jalgusidse und seine in ossetischer Sprache geschriebenen Werke [On the history of the Ossetian language. II: Ivan Jalgusidze and his Ossetian translations]. *Tpilisis universitetis moambe* [Tiflis University bulletin], no. 6, pp. 339–346.
- Ælborty B., 1925. *Iron ævzadzÿ cybyr grammatikæ. Xistær axuyrgæninægtæn æmæ xi axuyrgæncægtæn* [A short grammar of Ossetian. For older learners and selfteachers.]. Moscow-Vladikavkaz: Izdanie tsentralnogo izdatelstva narodov SSSR.
- Baiew, 1930. Georg-Gappo Baev (Baiew), Ruxsag u Dr. Alfred Dirr †. *Litterae orientales. Orientalistischer Literaturbericht*, 43 (Juli), pp. 8-10.
- Baiew, Lentz, 1934. Georg-Cappo [sic!] Baiew & Wolfgang Lentz, *Ein Heldenepos des ossetischen Dichters Alexander Kubalov* [A heroic poem by the Ossetic poet Alexander Kubalov]. Sonderdruck aus den «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», Jahrgang 37, Abteilung 2: Westasiatische Studien, Berlin, de Gruyter.
- Ballini A., 1928. Ballini A. XVII Congresso internazionale degli orientalisti, 27 Agosto - 1 Settembre 1928 [XVII international congress of orientologists, 27 August - 1 September 1928]. *Aevum* 1928 2, 3, pp. 469-492.
- Becker C.H., 1927. Robert Gragger (5. November 1887 – 10. November 1926). Eine Gedächtnisrede gehalten in der Alten Aula der Berliner Universität [Robert Gragger (5. November 1887 – 10. November 1926). A memorial speech held in the old auditorium of the Berlin University]. *Ungarische Jahrbücher*, vol. 7, Berlin, de Gruyter, pp. 1-32.
- Christensen A., 1921. *Textes ossètes recueillis par Arthur Christensen avec un vocabulaire* [Ossetian texts collected by Arthur Christensen with a vocabulary]. København, Hovedkommissionær, Høst [Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser 61]. 143 p.

- Dirr A., 1924. Ossetische Literatur [Ossetian literature]. *Caucasica. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus*. Vol. 1, pp. 107-108.
- Eilers W., 1988. Wolfgang Lentz (1900–1986). *Der Islam*, vol. 65, iss. 1, pp. 5-7.
- Elwell-Sutton L. P., 1983. Arthur Emanuel Christensen. *British Society for Middle Easterns Studies. Bulletin*, vol. 10, no. 1, pp. 59-68.
- Gampert W., 1931. Review of ICO Proceedings 1929. *Archív Orientální*, vol. 3, pp. 194-197. <https://kramerius.lib.cas.cz/periodical/uuid:2bfe8d50-cfc6-4d3c-a8a9-e36d468bd1bd> (accessed 05 January 2020).
- Hadank K., 1930. Vorrede [Preface]. *Mundarten der Gûrân, besonders das Kândûlâi, Auramânî und Bâdschâlânî* [Dialects of Gûrân, particularly Kândûlâi, Auramânî and Bâdschâlânî]. Berlin, Verlag der Preußischen Akademie der Wissenschaften in Kommission bei Walter de Gruyter & Co. [= Kurdisch-Persische Forschungen. Ergebnisse einer von 1901 bis 1903 und 1906 bis 1907 in Persien und der asiatischen Türkei ausgeführten Forschungsreise von Oskar Mann, fortgeführt von Karl Hadank, Abteilung III (Nordwestiranisch), Band II], pp. vii-xvii.
- Haugen E., 1966. Alf Axelsson Sommerfelt. *Language*, vol. 42, no. 3, Part 1, pp. 612-614.
- Hyvärinen I., 2003. Schmidt, Gustav Friedrich. *Internationales Germanistenlexikon 1800-1950*. Christoph König (ed.), vol. 3. Berlin, New York, de Gruyter, pp. 1623-1624.
- Iron khælindar 1925 azæn / Ortyvnoj ezhnedelnyj osetinskij kalendar na 1925 g.*, 1925 [Tear-off weekly calendar for 1925], Berlin: Gutnov.
- Joki A.J., 1974. Ossetisch und die Finnougristik (Eine Übersicht) [Ossetian and Finno-Ugric studies. An overview]. *Acta Linguistica Acaemiae Scientiarum Hungaricae* vol. 24, no. 1-4, pp. 191-196.
- Kampffmeyer G., 1923. Das Seminar für Orientalische Sprachen zu Berlin [The seminar for Oriental Languages in Berlin]. *Die Welt des Islams*. Vol. 8, iss. 1, pp. 4-14.
- Lentz W., 1927. Review of Miller 1927. *Deutsche Literaturzeitung*, vol. 26, col. 1255-1259.
- Lentz W., 1938. Georg Gappo Baiew zum Gedächtnis [In memoriam Gappo Baev]. *Mitteilungen der Ausland-Hochschule an der Universität Berlin 41, Abteilung II: Westasiatische Studien*, pp. 179-186.
- Lorenz M., 2003. Gappo Bajew und die ossetische Literatur [Gappo Baev and Ossetian literature]. *Iranica Selecta. Studies in honour of Professor Wojciech Skalmowski on the occasion of his seventieth birthday*. Alois van Tongerlo (ed.). Turnhout, Brepols Publ., pp. 153-157.
- Lorenz M., 2011. Gappo Bajew und die ossetische Literatur [Gappo Baev and Ossetian literature]. *Izvestiya SOIGSI*, no. 5 (44), pp. 83-85. URL: <http://izvestia-soigsi.ruruarchive2011113-article8> (accessed 23 October 2019).
- Mangold S., 2004. *Eine «weltbürgerliche Wissenschaft»: Die deutsche Orientalistik im 19. Jahrhundert* [A “world-bourgeois science”: German Oriental Studies in the 19th century]. Stuttgart, Steiner [Pallas Athene: Beiträge zur Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte 11]. 330 p.
- Meckelein R., 1923. *Bibliographie des Bibliotheks- und Buchwesens* [Bibliography of the library and book system], R. Meckelein (ed.), 1922. Leipzig, Harrassowitz. [Heft 51. Beiheft zum Zentralblatt für Bibliothekswesens]. VII, 115 p.
- Rihard Meķelaini / Richard Meckelein, *Kartul-germanuli siťqvari / Georgisch-deutsches Wörterbuch* [Georgian-German Dictionary], 1928. Berlin-Leipzig: de Gruyter [Seminar für Orientalische Sprachen: Lehrbücher des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin, 32].
- Merzbacher G., 1901. *Aus den Hochregionen des Kaukasus. Wanderungen, Erlebnisse: 1 Band : Wanderungen, Erlebnisse, Beobachtungen : und 2 Karten* [From the high regions of the Caucasus : 1 volume : hikes, experiences, observations : and 2 maps]. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 957 S. [Unveränderter Faksimile-Reprint der Originalausgabe. Saarbrücken : Fines Mundi, 2011].
- Minerva, 1926. *Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt*. Achtundzwanzigster Jahrgang. Band 2 : M-Z mit Nachtrag [Minerva. Yearbook of the learned world. Issue 28. Vol. 2: M-Z with supplement]. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter. VII, 897 p.
- Morgenroth W., 1988. Das Seminar für Orientalische Sprachen in der Wissenschaftstradition der Asien- und Afrikawissenschaften [The Seminar for Oriental languages in the scientific tradition of Asian and African studies]. *Asien, Afrika, Lateinamerika. Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien-, Afrika- und Lateinamerikawissenschaften in der DDR*, vol. 16, iss. 4, pp. 706-720.
- Munkácsi B., 1932. *Blüten der ossetischen Volksdichtung im Auftrage der ungarischen Akademie der Wissenschaften* [Blossoms of Ossetian folk poetry on behalf of the Hungarian Academy of Sciences]. Collected, translated and annotated by Dr. Bernhard Munkácsi. 246 p. Budapest : V. Hornyánszky, Kön. ung. Hofbuchdruckerei A.-G.- En Commission chez ; Leipsic : Otto Harrassowitz [Sonderabdruck

- aus den XX. und XXI. Bänden der Zeitschrift Keleti Szemle (Revue Orientale)], http://real-j.mtak.hu/98421/MTA_KeletiSzemle_1923-1927.pdf (accessed 27 October 2019); <http://soigsi.com/books/grantrf3bernhardmunkacsi.pdf> (accessed 20 April 2020).
- Öhmann E., 1945. Gustav Schmidt: in memoriam. *Neuphilologische Mitteilungen*, vol. 46, no. 2, pp. 65-67.
- Öhrig B., 2000. Adolf Dirr (1867–1930). Ein Kaukasus-Forscher am Münchner Völkerkundemuseum [Adolf Dirr (1867-1930). A Caucasus researcher at the Munich Ethnological Museum]. *Münchner Beiträge zur Völkerkunde. Jahrbuch des Staatlichen Museums für Völkerkunde München*, vol. 6, pp. 199-234.
- Printz W., 1927. Bibliographie der Jahre 1924 und 1925. V. Arisch [Bibliography of the years 1924 and 1925. V. Aryan]. *Indogermanisches Jahrbuch. 11 (1926: Bibliographie der Jahre 1924/25)*. S. 132-168.
- Printz W., 1928. *Bibliographie des Jahres 1926. V. Arisch* [Bibliography of the year 1926. V. Aryan]. *Indogermanisches Jahrbuch. 12*. S. 76-96.
- Proceedings of the Seventeenth International Congress of Orientalists, Oxford 1928, 1929*. London : Oxford University Press, 1929 [sic!]. 117 p. Reprint Nendeln/Liechtenstein : Kraus Reprint, 1968.
- Schmidt G. F., 1925. Zum Konjugationssystem des Abchasischen [On Abkhaz conjugation system]. *Studia Orientalia*, vol. 1, pp. 242-252.
- Schmidt G. F., 1927. Zur Frage der ossetisch-ungarischen Lehnwörter [On the question of Ossetian-Hungarian loanwords]. *Finnisch-ugrische Forschungen*, vol. 18, iss. 1-3, pp. 84-113.
- Schmidt G. F., 1947. *Lautgeschichtliche Fragen der tschechenischen Gruppe der kaukasischen Sprachen* [Issues of historical phonetics of the Chechen group of Caucasian languages], Helsinki, Societas orientalis fennica [Studia Orientalia, edidit societas orientalis fennica, vol. 13, iss. 7].
- Schmidt G.F., 1950. *Abchasische Lehnwortstudien* [Abkhaz loanword studies]. Helsinki : Societas orientalis fennica [Studia Orientalia, edidit societas orientalis fennica, vol. 14, iss. 4]. 27 p.
- Schmidt G., 1952. *Über Aufgaben und Methoden der Kaukasologie* [On tasks and methods of Caucasology], edited by Pentti Aalto. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Oy [Studia Orientalia, edidit societas orientalis fennica, vol. 17, iss. 4]. 16 p.
- Schmidt H.-P., 1989. Wolfgang Lentz (1900–1986). *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 139, iss 1, pp. 1-20.
- *Schubarth K., 1992. *Richard Meckelein – Kartvelologe und Bibliothekar* [Richard Meckelein – kartvelologist and librarian], «Mitteilungsblatt der Berliner Georgischen Gesellschaft e. V.», 10 (Nov.): S. 2 [библиографическое сведение взято из *Mitteilungsblatt der Berliner Georgischen Gesellschaft e. V., Inhaltsverzeichnis der Jahrgänge 1992-2003 (Nummern 1 bis 100)*, стр. 15 и 30 <http://www.bggev.de/inhalt1-100.pdf> (accessed 18 April 2020)].
- Sjögren A.J., 1844. *Iron ævzagaxur das ist ossetische Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche* [Iron ævzagaxur, namely Ossetian grammar with a short Ossetian-German and German-Ossetian dictionary]. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften [русский вариант Шегрен 1844]. URL: <https://reader.digital-sammlungen.de/resolve/display/bsb10522299.html> (accessed 20 April 2020).
- Sköld H., 1925a. *Die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen* [Ossetian loanwords in Hungarian]. Lund, Gleerup, Leipzig, Harrassowitz [= Lunds universitets årsskrift, N. F., Avd. 1, vol. 20, no. 4]. 114 p.
- Sköld H., 1925b. Woher stammen die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen? [Where do Ossetian loanwords come from in Hungarian?]. *Zeitschrift für Indologie und Iranistik*, vol. 3, pp. 179-186. URL: <http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/dmgperiodicalpageview147052> (accessed 20 April 2020).
- Sommerfelt A., 1937. Sur la notion du sujet en Géorgien [On the notion of subject in Georgian]. *Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance (21 avril 1937)*. Paris, Klincksieck, pp. 183-185. URL: <https://crecleco.seriot.ch/textes/Sommerfelt-37.html> (accessed 19 April 2020) [Reprint Sommerfelt 1962: 66-67; Russian translation Sommerfelt 1960].
- Sommerfelt A., 1962. *Diachronic and Synchronic Aspects of Language. Selected Articles* [Diachronic and Synchronic Aspects of Language. Selected Articles]. Hague, Mouton & co. (Janua linguarum, series maior, 7). 421 p.
- Stackelberg R. von, 1886. *Beiträge zur Syntax des Ossetischen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philosophischen Doktorwürde an der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg* [Contributions to the Syntax of the Ossetic. Inaugural Dissertation on obtaining a philosophical doctorate at the Kaiser-Wilhelms-

- University of Strasbourg]. Strassburg, Trübner. V, 99 p.
- Stoecker H., 2013. Afrikanistik in Deutschland. *Von Käfern, Märkten und Menschen: Kolonialismus und Wissen in der Moderne*. Habermas R., Przyrembel A. (eds.). Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 175-185.
- Thordarson F., 1988. Bayati, Gappo [Bayati, Gappo]. *Encyclopædia Iranica*, vol. 3, fasc. 8. Ehsan Yarshater (ed.). London et al. : Routledge & Kegan. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/bayati-gappo> (accessed 05 January 2020).
- Tomelleri V. S., 2013. V. I. Abaev contro A. A. Frejman. Un paragrafo di storia della linguistica sovietica fra lessicografia osseta e ideologia [V.I. Abaev against A. A. Frejman. A paragraph of the history of Soviet linguistics between Ossetic lexicography and ideology]. *Rivista italiana di linguistica e di dialettologia* [Italian journal of linguistics and dialectology], vol. 15, pp. 45-104.
- Tybylty A.I., 1928. Æhuyzaty Juane. *Fidiuæg*, 1, p. 77-81.
- Vorlesungen, 1927. Vorlesungen über Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte und verwandte Lehrgegenstände im Sommersemester 1927 an deutschen, deutsch-österreichischen und schweizerischen Hochschulen [Lectures on Anthropology, Ethnology and prehistory and related subjects in the summer semester 1927 at German, German-Austrian and Swiss universities]. *Anthropologischer Anzeiger*, vol. 4, iss 3, pp. 223-229.
- Ziesche E., 2002. *Verzeichnis der Nachlässe und der Handschriftenabteilung der Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz* [Index of the collections and of the manuscript department of the Staatsbibliothek zu Berlin]. E. Ziesche (ed.). Wiesbaden, Harrassowitz, XIX, 238 p. [Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz. Kataloge der Handschriftenabteilung, herausgegeben von Eef Overgaauw, Zweite Reihe: Nachlässe, Band 8].
- Zorn W., 2010. *Farben der Geschichte. Erzählungen aus der Geschichte des Missionsbundes Licht im Osten. Zum 90-jährigen Jubiläum* [Colors of history. Stories from the history of the Mission “Light in the East”. To the 90th anniversary]. Korntal, Münchingen, Licht im Osten. 114 p.

Information About the Author

Vittorio Springfield Tomelleri, Doctor of Sciences in Philology, Professor of Slavonic Philology, Macerata State University, Via Illuminati, 4, 62100 Macerata, Italy, vittorio.tomelleri@unimc.it, <https://orcid.org/0000-0001-7513-7587>

Информация об авторе

Витторио Спрингфилд Томеллери, доктор филологических наук, профессор славянской филологии, Мачератский государственный университет, Via Illuminati, 4, 62100 г. Мачерата, Италия, vittorio.tomelleri@unimc.it, <https://orcid.org/0000-0001-7513-7587>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.9>

UDC 811.134.2+811.111'373.21
LBC 81.40-316

Submitted: 01.08.2019
Accepted: 14.09.2020

HISPANIC PLACE NAMES OF JAMAICA: DIACHRONIC ASPECT

Irina A. Martynenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Abstract. Spanish components in the toponymy of the state of Jamaica are semiotic markers of the Spanish culture in this region that are presented in peculiar cartographic forms of the Spanish language. The variety of forms of geographical names under study indicates the clash of civilizations, points to heterogeneity of language contacts and multitude of lexical resources of the local toponymic system. The article presents the results of an integrated linguistic analysis with the aim to describe Jamaican Spanish toponymic units and examine their current functioning with consideration of language contacts with English and other languages. Over 300 place names of the region were identified and analyzed at the micro- and macrotoponymic levels. Using the method of thorough sampling, the units with a Spanish component, amounting to a fourth of all the studied toponyms, were identified, their structure and etymology were described. Hypotheses about the origin of some Hispanic geographical names of the region are put forward and verified. Numerous examples of Hispanic place names reflect the historical processes that influenced the birth of toponymic nominations in this multinational region from the times of Columbus to the present day. The structural and chronological criteria were taken into consideration while developing a classification of Hispanic place names of Jamaica.

Key words: Jamaica, toponymy, place name, Spanish, English, linguoculturology.

Citation. Martynenko I.A. Hispanic Place Names of Jamaica: Diachronic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 123-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.9>

УДК 811.134.2+811.111'373.21
ББК 81.40-316

Дата поступления статьи: 01.08.2019
Дата принятия статьи: 14.09.2020

ИСПАНОЯЗЫЧНАЯ ТОПОНИМИЯ ЯМАЙКИ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ирина Анатольевна Мартыненко

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Аннотация. Испаноязычные компоненты в топонимии государства Ямайка являются своеобразной картографической формой существования испанского языка, семиотическим маркером присутствия испанской культуры в данном регионе. Обнаруженная гетерогенность форм географических названий указывает на столкновение цивилизаций, неоднородность языковых контактов и богатство лексических ресурсов локальной топонимической системы. В статье представлены результаты комплексного лингвистического изучения испаноязычных топонимических единиц Ямайки и их современного функционирования с учетом языковых контактов с английским и другими языками. Работа построена на материале картографического анализа: выявлено и охарактеризовано более 300 топонимов региона на микро- и макротопонимическом уровнях, из них методом сплошной выборки выделены единицы с испанским компонентом (четвертая часть от всех исследуемых топонимов). Описана структура и этимология испаноязычных топонимических наименований. Автором выдвинуты и верифицированы гипотезы о происхождении некоторых испаноязычных географических имен, существующих на острове, которое отражает исторические процессы, повлиявшие на присвоение топонимических номинаций в данном полинациональном регионе со времен Колумба до наших дней. Предложена классификация испаноязычных топонимов Ямайки с учетом структурного и хронологического критериев.

Ключевые слова: Ямайка, топонимика, топоним, испанский язык, английский язык, лингвокультурология.

Цитирование. Мартыненко И. А. Испаноязычная топонимия Ямайки: диахронический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 123–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.9>

Введение

Топонимические единицы занимают особое место в лексической системе любого языка. Являясь хранителями «зашифрованных» сведений о прошлом региона, они не только обозначают географические объекты, но и содержат культурно-историческую информацию, указывающую на этническую принадлежность народа, населяющего или населявшего ту или иную территорию. Изучение динамики отдельного топонимикона в диахроническом аспекте позволяет определить типичные для местного социума принципы географических номинаций, тенденции взаимодействия двух и более лингвокультур, охарактеризовать процессы языковой конвергенции в рамках одного топопространства.

Топонимика Ямайки, столетиями формировавшаяся в полинациональных условиях, представляет собой гетерогенный корпус географических имен и требует особого внимания специалистов по ономастике и теории языковых контактов. Девиз государства *Out of Many, One People* («Из многих людей – единый народ») находит свое отражение и в топонимической системе, строящейся на «разновозрастных» единицах из нескольких языков.

Ономастические исследования географической номенклатуры государства Ямайка ведутся с начала XX в., в основном зарубежными специалистами (см., например: [Beek, 1975; Cundall, 1909; Cundall, Pietersz, 1919; Higman, Hudson, 2009; Padrón, 1952; Sibley, 1978]). Ученых привлекают номинации, отражающие столкновение лингвокультур на протяжении столетий, этимология и современное функционирование местных географических названий. Однако топонимикон региона на данный момент не может считаться полностью изученным: этимология многих единиц не выявлена, мало исследованы современные узуальные нормы в отношении топонимических единиц испанского происхождения, топонимические словари Ямайки не представляют современного состояния системы топонимов (имеющиеся лексикографические источники датированы началом XX в.).

Испанские компоненты в топонимии государства Ямайка – своеобразная картографическая форма существования испанского языка, семиотический маркер присутствия испанской культуры в данном регионе. Однако и этот пласт ямайской топонимической системы остается недостаточно изученным. В данной статье представлены результаты комплексного лингвистического анализа испаноязычных топонимических единиц Ямайки на фоне их функционирования в современном полиязычном топонимиконе острова.

Материал и методы исследования

Изучение испаноязычных единиц в топонимии региона (их структурная систематизация, установление прагматических характеристик) осуществляется с применением методов ономастики и лингвокультурологии, их современное состояние описано через призму контактов испанского языка с английским и другими языками, бытующими на острове.

Исследование проведено на материале картографического анализа Ямайки. Нами выявлено и проанализировано более 300 топонимов региона, из которых методом сплошной выборки выделены единицы с испанским компонентом (75 единиц). Мы охватили географическую номенклатуру страны как на макро-, так и на микротопонимическом уровне: нами изучены названия островов, графств, округов, городов, деревень, гор, рек, холмов, заливов, улиц, отелей.

Результаты и обсуждение

Причины полиязычности топонимикона Ямайки

До прихода испанцев Ямайку населяли индейские племена араваков, принадлежавшие к различным языковым группам. Самым многочисленным было племя таино, численность которого достигала 60 тысяч человек [Степанов, 1980, с. 18]. За период испанского господства индейцы на Ямайке исчезли пол-

ностью: к 1655 г. не осталось ни одного автохтона [Cassidy, 1988, p. 155]. Начав колонизацию острова, испанцы не сохранили индейских географических наименований: названия, данные таино, исчезли и теперь неизвестны. Однако само название острова происходит от слова *Xatauca*, что на языке таино буквально означает «остров родников» или «земля ручьев» [Степанов, 1980, с. 17]. Память о первых хозяевах острова хранят эргонимы *Arawak Hotel* (до переименования в *Jamaica Hilton Hotel*) и *Arawak Inn Hotel*.

Начало так называемого «испанского периода» в регионе датируется 4 мая 1494 г., когда Колумб во время своего второго путешествия в Новый Свет открыл остров и провозгласил его владением испанских католических королей Фердинанда и Изабеллы. В 1506 г. Ямайка официально была отдана испанской короной семье Колумба, но в дальнейшем ее представители отказались от владения в обмен на титул и пожизненную пенсию [Степанов, 1980, с. 18]. Тем не менее в 1508 г. началась колонизация острова испанцами. Им управлял губернатор, назначаемый королем. Ямайка была включена в состав генерал-капитанства Кубы. Испанские поселенцы захватили обрабатываемые земли и подчинили индейцев, заставив их работать на себя.

В 1655–1660 г. английские мореплаватели начали свою завоевательную кампанию и довели ее до успешного завершения. В этот период испаноязычные и англоязычные топонимы сосуществовали на Ямайке, однако их соседство было крайне напряженным.

Окончанием эры господства испанцев можно считать 1660 г., когда, будучи изгнанным с острова англичанами, последний испанский губернатор отплыл на Кубу из бухты, которая впоследствии была названа *Runaway Bay* (англ. «бухта побега»). Здесь необходимо отметить, что испанцы освободили своих верных негритянских рабов, которые, поднявшись на холмы, развязали партизанскую войну против англичан. Это стало началом движения марунов, которые позже расширили свои поселения на холмах, сопротивлялись англичанам до конца XVIII в. и дали африканские и креольские наименования географическим объектам на Ямайке (об этом см.: [Cassidy, 1988, p. 156]).

В 1670 г. Мадридский договор признал Ямайку английским владением (БРЭ).

Ямайский национальный вариант английского языка имеет черты, отличающие его от ямайского креольского языка, на котором предпочитают говорить местные жители (о становлении и развитии ямайского национального варианта английского языка см., например: [Бушманов, Митчелл, 2017; Дроздов, 2017; Тарасова, 2006; и др.]).

Как показано А. Сэнд, ямайский креольский язык развился в XVII в., когда рабам из Западной, Восточной и Центральной Африки приходилось учиться понимать друг друга и рабовладельцев, которые в большинстве своем говорили на разных вариантах английского языка: британском, шотландском и ирландском [Sand, 1999, p. 24].

Ямайский креольский язык носители языка называют патуа (*Patois / Patwa*), причиной чего, согласно одной из версий, является влияние французского языка, в котором данное слово имеет значение «местный говор / диалект». Патуа – контактный язык на английской основе, содержащий также слова и правила, пришедшие из ирландского, французского и различных африканских языков. При этом, по наблюдениям И.В. Лесниковской, произношение ямайцев имеет значительное сходство с произношением в южной Ирландии [Лесниковская, 2013].

Указанные особенности нашли свое отражение в ямайском топонимиконе, в частности в ойконимических именовании *Gimme-Bit* и *Me No Sen You No Come*.

Современный топонимический корпус страны в целом англоязычный, с вкраплением испаноязычных единиц и формантов, а также наименований из других языков. Несмотря на то что испанский язык не используется на острове ни как официальный, ни как разговорный (государственный язык Ямайки – английский), по нашим оценкам на отыскание географические наименования приходится сегодня около 25 % топонимов острова.

Классификация испаноязычной топонимической лексики Ямайки

Испаноязычные топонимы Ямайки неоднородны по времени их появления: одни из них

возникли в период колонизации, другие – в пост-колониальный период.

Топонимы, возникшие в период колонизации Ямайки, можно разделить на 2 группы: сохранившиеся и не сохранившиеся в топонимиконе Ямайки.

1. Сохранившиеся испаноязычные топонимы неоднородны, среди них можно выделить оригинальные испанские наименования и трансформированные топонимические единицы.

1.1. Оригинальные испанские топонимы. В эту подгруппу включены топонимы, полностью сохранившие испаноязычный облик, и топонимы, сохранившие испаноязычные элементы.

Некоторые ранние испанские географические имена Ямайки столетиями продолжают указываться на картах без изменений. Это широко известные с давних времен названия объектов, важных для навигации и судоходства, а именно рек: *Rio Grande*, *Rio Cobre*, *Rio Pedro*, *Rio Doro* (производное от *Rio de Oro*), *Rio Magno*.

Река *Rio Nuevo* также сохранила свое исконное название. В близлежащем районе в 1658 г. произошло крупнейшее в ямайской истории сражение между испанскими и английскими завоевателями.

Rio Minho – самая длинная река на Ямайке протяженностью 92,8 км. Свое название она берет от испано-португальской реки *Mico*, истоки которой находятся в Кантабрийских горах. Далее река протекает по холмистой местности автономного сообщества Галисия. Последние 80 км до впадения в Атлантический океан *Mico* являются границей Испании и Португалии. Примечательно, что ямайский дублет графически повторяет португальский вариант – *Minho* (ср. исп. *Mico*).

Сохранились и испанские названия других водных объектов.

Гавань *Rio Bueno* является самой глубокой на Ямайке. Возможно, это одна из причин, по которой Колумб бросил в ней якорь во время своего первого посещения острова. Небольшой приморский поселок *Rio Bueno* обязан своим существованием одноименной реке и гавани. Он образован в первые годы английской колонизации как место остановки для мореплавателей и наземных путников;

традиционно здесь размещались таверны и гостиницы.

Как видно из приведенных примеров, англичане сохранили опорный компонент *Rio* в испанских наименованиях рек: *Rio Cobre*, *Rio Minho*, *Rio Grande*, *Rio Nuevo*, *Rio Bueno*; однако современное произношение этих номинаций не соответствует испаноязычной норме: [raio njuvou], [raio bjnou]. Следует также отметить ассимиляцию топоформанта *Rio* без графического значка ударения. На Ямайке данная тенденция развивалась по аналогии с другими регионами, где англо- и франкоязычные колонизаторы принимали топонимическую систему после испанских поселенцев (об этом см.: [Мартыненко, 2018, с. 57; Мартыненко, Ильина, Куприянова, 2019; Чеснокова, Мартыненко, 2019]).

Большинство испаноязычных имен сохранилось в гибридизированном варианте. Типичные ямайские топонимы-гибриды образованы посредством формантов *Pen* и *Gully*. На Ямайке *Pen* обозначает скотоводческое хозяйство, ферму [Higman, Hudson, 2009, p. 7], а *Gully* – водосток: *Cedar Grove Pen*, *Cedar Gully*, *Liguanea Pen*, *Mount Diablo Gully*.

Ввиду того, что Ямайка – морское государство, английский формант *Port* является основой для многих англо-испанских гибридов. Например, деревня *Port Esquivel* названа в честь первого испанского губернатора острова Хуана де Эскивела (Juan de Esquivel).

Испаноязычные элементы *Sierra* или *Montaca / Montana* не сохранились в оронимах, они были вытеснены англоязычными топоформантами *Mount* и *Mountain(-s)*: *Mount Diablo*, *Juan de Bolas Mountain*, *Mocho Mountains*. Вытеснены были и другие испаноязычные элементы. *Rio* заменялся на *River*: *Cabaritta River*, *Montego River*, *Morant River*, *Negro River*. Кроме того, англичане старательно переводили *Punto* в *Point*, а *Bahia* – в *Bay*. Так, бухты *Punto de Morante* и *Bahia de Morante* (названные в честь выдающейся испанской семьи) сохранили испанский компонент, но трансформировались в *Morant Point* и *Morant Bay*.

Liguanea – наименование одной из девяти животноводческих ферм (*hatos*), созданных во времена заселения острова испанцами. Только она сохранила свое первоначальное название. Как пишет У. Рэндел, название

ранчо *Liguanea* – это испанизированная форма слова *iguana* / *игуана*, что в переводе с языка араваков означает «ящерица». Изображение ящерицы было символом Лигуанеа на протяжении более ста лет, и неслучайно: в этой области игуаны водились в изобилии. Топоним *Liguanea* претерпел несколько трансформаций в написании и произношении. Задokumentированы трудности адаптации названия ранними английскими поселенцами: на первой английской карте написано *Legonee*. Зафиксированы и другие промежуточные формы: *Lygonee*, *Ligonia*, *Liguania*, *Ligonea*, *Liguany* и *Liguane* [Randel, 1960, p. 27].

В 1494 г., когда Христофор Колумб впервые посетил остров, он назвал залив, известный сейчас как *Montego Bay*, заливом *Golfo de Buen Tiempo* (исп. «Залив хорошей погоды»). Основная версия происхождения названия *Montego Bay* – от испанского слова *manteca* («сало»), предположительно потому, что в период пребывания на острове испанцев это был порт, куда экспортировалось сало, кожа и говядина. По другой версии, множество свиней были забиты здесь и отправлены в Картахену (Испания). Существует также мнение, что залив был назван в честь колониста Монтего Саламанки (*Montego Salamanca*).

Miranda Hill – наименование холмов, которые вместе с побережьем являются одним из самых живописных мест залива *Montego Bay*. Здесь находится много великолепных комфортабельных отелей, предлагающих гостям сервис высокого уровня. Холмы названы в честь бывшего испанского губернатора Алонсо де Миранда (*Alonzo de Miranda*).

Ocho Rios (исп. «восемь рек») – наименование города в округе *St. Ann*. Ученые настаивают на том, что название является измененным испанским словом *chorreras*, которое обозначает многочисленные водяные потоки [Higman, Hudson, 2009, p. 29; Padrón, 2003, p. 353; Randel, 1960, p. 28]. Б.В. Хигман и Б.Дж. Хадсон приводят сделанное еще в 1890 г. наблюдение Э.М. Бейкона (*Edgar Mayhew Bacon*) и Ю.М. Аарона (*Eugene Murray Aaron*), которые заметили, что *ch* в *Ocho* произносится местными жителями мягко, в угоду испанскому происхождению слова. Оно звучало как *Chereras* «Залив водопа-

дов» – название настолько же описательное, насколько поэтичное. Перевод «восемь рек» неточен по отношению ко множеству ручьев, которые, вспениваясь, устремляются по склонам и охлаждаются свои «кипящие маленькие тела» в море [Higman, Hudson, 2009, p. 29]. *Ocho rios* в переводе с испанского действительно означает «восемь рек», в то время как значение «водопад» в испанском языке, как правило, выражается лексемами *cascada*, *catarata* или *salto de agua*. *Chorrera* же имеет несколько значений: «сток», «след, оставшийся от стока воды», «водопад» (DRAE). Поэтому мы полагаем, что искажение испанского *chorreras* могло иметь место: слово указывает на местные водопады, часть из которых впадает в море.

Наименование горы *Mount Diablo* связано с ее первоначальным испанским названием *Diablo Monte* (исп. «гора дьявола»), наводящим на мысль об опасном пути, пролежавшем через эту местность.

Наименование пляжа *Great Pedro Bay* сохраняет испаноязычный элемент. В источниках нами не было обнаружено версий о происхождении метонимической цепочки с компонентом *Pedro*. Мы считаем, что протагонистом мог быть один из губернаторов Ямайки: Педро де Масуэло (*Pedro de Mazuelo*), 1523–1526 гг.; Педро Кано (*Pedro Cano*), дважды вступавший в должность – в 1539 и 1558 гг.; Педро Кабальеро (*Pedro Caballero*), 1646–1650 годы. Данный антропотопоним может быть обязан своим происхождением и имени Педро Алонсо Ниньо (*Pedro Alonso Nico*) – спутника Колумба.

Гибридное наименование пруда *Alligator Pond* содержит компонент *Alligator*, восходящий к испанскому *el lagarto* («ящер»).

Название горного хребта *Mocho Mountains* содержит испаноязычный компонент *mocho* («тупой»).

Наименование горы *Juan de Bolas Mountain* дано в честь первого предводителя ямайских марунов (беглых негров-рабов). На Ямайке существует праздник – День марунов или маронов (англ. *maroon*). Он отмечается 6 января – в день рождения капитана Куджо (*Cudjoe*), маруна, одержавшего победу над английской армией в 1730-х гг. [Биография Куджо]. Как отмечает Ю.С. Степанов,

рабов на Ямайку стали ввозить еще испанцы с 1513 г. [Степанов, 1980, с. 21], но работоторговля в регионе достигла своего пика после захвата острова англичанами. Английские колонисты, окончательно укрепившись на Ямайке, по словам А.Д. Дридзо, превратили остров в огромную сахарную плантацию, где нещадно эксплуатировали сотни тысяч африканских невольников [Дридзо, 1971, с. 75].

1.2. Трансформированные испаноязычные названия. Испаноязычные топонимические единицы, сохранившиеся в измененных или усеченных формах, немногочисленны. В результате трансформаций испанский компонент порой трудно определяется.

Так, например, ойконим *Yallahs* имеет испанское происхождение. В период испанского господства одна ферма (*hato*) на юго-востоке Ямайки получила свое название в честь известной в регионе испанской семьи *Ayala* (Айала). По наблюдениям У. Рэндела, в 1661 г. появились две формы: *Yallah* и *Yellowes*. Одна из них (*Yallah*) зафиксирована в приказе губернатора и местного совета, а другая (*Yellowes*) – на первой английской карте. В 1664 г. возникает форма *Yellowe*, в 1672 г. – *Yallowe* [Randel, 1960, p. 28]. Современный вариант – *Yallahs*.

Освещаемый яркими красками спелых абрикосов, пейзаж города *Oracabessa* вдохновил испанцев на такое образное название (от исп. *oro* – «золото», *cabeza* – «голова»). Претерпев графические изменения, ойконим дошел до наших дней в форме *Oracabessa*. Летопись этого населенного пункта уходит корнями в 1502 г., ко времени прибытия на место Христофора Колумба. В то время этот район был малонаселен индейцами таино. Испанцы создали небольшой пост снабжения под названием *Oracabeza* для поддержки своих разведочных работ в Карибском бассейне. Он оставался испанским поселением до 1655 г., пока англичане не захватили северное побережье Ямайки. Спустя столетия название *Oracabessa* фиксируется на карте Ямайки.

Наименование города *Porus* в округе Манчестер ранее имело название *Porras* (Поррас), данное ему в честь братьев Поррас (Porras), оказавшихся на острове вместе с Колумбом.

Название города *Savannah la Mar* восходит к испанскому *Sábana de la Mar*, что в переводе означает «равнина у моря». Отметим здесь нетрадиционный вариант артикля: *la mar* вместо *el mar* используется чаще в поэзии и песенном творчестве, что указывает на мелиоративную коннотацию топонимической единицы.

Наименование поселения *Lluidas Vale* происходит, по нашему мнению, либо от исп. *lucida* («блестящий», «прекрасный»), либо от исп. *lluvias* («дожди»).

Название залива *Galina Point* является производным от исп. *Gallina Punta*.

Наименование города *Bog Walk* в округе Saint Catherine является производным от испанского *Boca de Agua*.

Происхождение названия города *Lacovia* определяется по-разному. Согласно одной из версий, *Lacovia* этимологически связано с испаноязычным ойконимом *La Caoban* (Доминиканская Республика), поскольку эту территорию Колумб открыл на 2 года раньше, чем Ямайку. По другой версии, изложенной в публикации Э. Лонга, название *Lacovia*, возможно, произошло от деформированных испанских слов *la-agua-via* или *lago-via* и отражает особенности территории, находящейся в низине и обладающей ровным, плоским ландшафтом, в силу чего иногда затопляемой водой из большого болота, окружающего ее [Long, 1774, p. 186–188].

Наименование города *Magotty* происходит от испанского слова *magote*, что в переводе означает «связка» или «куча».

Название бухты *Cabaritta Punta* – от исп. *cabra* – «коза».

Наименование *Negril* представляет собой сокращенный вариант от *Negrillo* – так первоначально называли поселение испанцы в 1494 году.

Название ойконима *Altamont* является, как мы предполагаем, сращением исп. *alta* («высокая») и сокр. *montaca* («гора»). Наличие французского форманта *mont* («гора»), на наш взгляд, здесь маловероятно ввиду того, что «высокий» по-французски чаще всего *haut*, *élevé* или *éminent*.

Lucea – производное от *Punta Lucía*.

Seville – плантация, название которой связано с наименованием первого крупного города на Ямайке, основанного испанцами

около 1509 г. и бывшего столицей острова на протяжении 23 лет, – *Sevilla la Nueva*.

2. Несохранившиеся испаноязычные топонимы.

Единицы этой группы так же неоднородны. Их можно разделить на две подгруппы: названия, утраченные в связи с исчезновением объектов номинации, и испаноязычные названия, замененные на англоязычные.

2.1. Топонимы, утраченные в связи с исчезновением объектов номинации. Такие наименования просуществовали на острове всего несколько десятилетий.

Sevilla la Nueva, исп. «новая Севилья». Руины этого города находятся к западу от залива *St. Ann's Bay*. *Sevilla la Nueva* основан испанцами в 1510 г. в качестве первой столицы Ямайки. На его месте во время раскопок обнаружено несколько зданий и найдены некоторые свидетельства существования индейской деревни доколумбового периода. В 1554 г. город был разграблен французскими пиратами. Несмотря на то что некоторые люди продолжали там жить, испанцы не восстановили его, а столицу перенесли в другое место. Название *Sevilla la Nueva* утратилось.

Oristan – одно из ранних испанских поселений, получившее имя по названию муниципалитета *Orista* (Ориста) в испанской провинции Барселона (по другой версии – по имени города на Сардинии, которая в те времена принадлежала Арагонской короне).

Melilla. Такое наименование раннему испанскому поселению на Ямайке дано по названию испанского города на североафриканском побережье.

Ни *Oristan*, ни *Melilla* не сохранились, однако указания на них еще есть на морских картах 1672 и 1688 гг. (см.: [Blome, p. 38; Sloane, p. xvii]).

2.2. Испаноязычные названия, замененные на англоязычные. Переименование географических объектов на Ямайке происходило, по нашему мнению, хаотично: английские завоеватели либо переводили имеющиеся испанские названия, либо заменяли их англоязычными, не соотнося с первоисточником. Приведем примеры.

Bahia Santa Ana. По высадке на Ямайке Колумб дал открытому им острову имя *Santa Gloria*, которое теперь забыто. Однако

второе название острова, *Santa Ana*, заимствованное у городка в испанской провинции Валенсия, сохранилось в англоязычной форме: *St. Ann's Bay*. Следует отметить, что другой город с испанским названием *Santa Gloria* существует, он является столицей одного из двенадцати округов, образованных англичанами в 1660 г., – *St. Ann*.

Villa de la Vega. После событий в *Sevilla la Nueva* испанская столица острова была перенесена в поселение, расположенное недалеко от южного побережья, где до прихода европейцев проживали индейцы таино. Испанцы называли столицу *Villa de la Vega*, а затем переименовали в *Santiago de la Vega* (*St. Jago de la Vega*). Английские завоеватели изменили испанское наименование на *Spanish Town* (англ. «испанский город»).

Port Antonio. Город раньше был испанским поселением *Puerto Anton*. На различных старых испанских картах значились оба названия.

Port Maria – столица ямайского округа *Saint Mary*. Первоначально названный *Puerto Santa Maria*, это был второй город, основанный испанскими поселенцами на Ямайке.

Caguaya. Этот топоним восходит к автохтонному наименованию *Cagua*, которое дали одному из своих поселений индейцы таино. Испанцы изменили форму топонима на *Caguaya* и использовали его для большой якорной стоянки, ныне известной как *Kingston Harbour*. Компонент *Caguaya* обнаруживается и в наименовании порта *Puerto de Caguaya*. Это название одно время носила река, которая теперь называется *Rio Cobre*. Местонахождение города фиксируется на испанских картах XVII в., но британцы случайно перенесли это название в другую точку, изменив его сначала на *Cagway*, а затем на *Port Royal*. Тем не менее в актах Тайного совета 1661 г. (APC) и в Календаре государственных докладов 1661–1668 гг. (Calendar of State Papers) название *Cagway* сохранялось некоторое время уже после того, как *Port Royal* официально заменил его: в 1661 г. поселение называли *the fort of Cagway*, *Point Cagway*, *Point Cagua*; как показано В. Рэнделом, на самой ранней известной английской карте, датированной 1661 г., зафиксирована форма *Poynt Caggoway* [Randel, 1960, p. 26].

В эту подгруппу можно включить, кроме уже упомянутых топонимов, наименование гавани *Bahía de la Vaca* и города *Los Angeles*, которые сейчас называются *Cow Bay* и *Angels*.

**Испаноязычные топонимы,
возникшие в постколониальный период**

Ямайка обрела независимость от Великобритании в 1962 г., однако благозвучие испанского языка и его особая стилистика продолжают вдохновлять жителей острова при создании наименований объектов на микро-топонимическом уровне. В данную группу мы определили испаноязычные единицы, появившиеся в период британского господства в регионе и после обретения независимости.

Casa Maria Hotel (дата постройки – 1952 г.) гордится тем, что является частью местной истории и культуры страны. Соседние берега когда-то служили популярным пристанищем для пиратов [Интернет-сайт отеля...]. Данная единица – показательный пример добровольного выбора испаноязычных лексем как композитов в современной многокомпонентной урбанизации Ямайки, несмотря на многолетнее отсутствие испанского политического господства в регионе.

Jose Marti Technical High School была открыта в 1976 г. и носит имя знаменитого кубинского поэта Хосе Марти (1853–1895).

В названиях апартаментов *Columbus Heights* (функционируют с 2015 г.) и парка *Columbus Park* содержится имя Колумба. Как видно из приведенных примеров, испаноязычному варианту фамилии Колумба *Colyn* пока не находится места на карте Ямайки (*Columbus* – латинский вариант). В данном контексте отметим, что бухта *Puerto Seco Bay*, одна из самых живописных природных гаваней на Карибах, в 1947 г. была переименована в *Discovery Bay* в память о месте, где, как считается, Христофор Колумб оставил свой первый след на ямайской земле.

Метонимические цепочки

Вне зависимости от языковой принадлежности, единицы, составляющие топонимический корпус Ямайки, находятся в метонимических отношениях:

– *Cabaritta Punta* (встречается также в варианте *Cabarita (Cabarito) Point*), *Cabaritta Pint*, *Cabaritta Island*, *Cabarita Plantation*, *Cabaritta River*;

– *Juan de Bolas River*, *Juan de Bolas Mountain*;

– *Negril*, *North Negril River*, *South Negril River*, *Negril Harbour*, *Negril Hills*, *Negril Point*;

– *Cabaritta Punta*, *Cabaritta River*;

– *Lucea*, *Lucea West River*, *Lucea East River*, *Lucea Bridge*;

– *Montego Bay*, *Montego River*;

– *Oracabessa*, *Oracabessa River*;

– *Alligator*, *Alligator Hole River*, *Alligator Pond*, *Alligator Pond Bay*, *Alligator Pond Kay*, *Alligator Pond River*;

– *Great Pedro Bay*, *Rio Pedro*, *Pedro Valley*;

– *Yallahs*, *Yallahs River*;

– *Morant Point*, *Morant Bay*, *Morant River*;

– *Cedar Grove*, *Cedar Grove Pen*, *Cedar Gully*, *Cedar Valley*;

– *Lacovia*, *Lacovia Gut*, *Lacovia Mountain*, *Lacovia (Wild Slip) Mountains*, *Liguanea*, *Liguanea Avenue*, *Liguanea Mews*, *Liguanea Pen*, *Liguanea Plain*, *Liguanea Plaza*, *Liguanea Ridge*, *Liguanea Villa*;

– *Mosquito Bay*, *Mosquito Cove*, *Mosquito Cove Mountain*, *Mosquito River*;

– *Mount Diablo*, *Mount Diablo Gully*, *Mount Diablo River*;

– *Pedro*, *Pedro Cays*, *Pedro Cross*, *Pedro Plains*, *Pedro Point*, *Pedro Pond*, *Pedro River*, *Pedro Valley*.

Топонимы-дубликаты, по нашим наблюдениям, на острове не зафиксированы, что связано, по-видимому, с небольшой территорией государства и тенденциями в его историческом и политическом развитии.

Выводы

Во многих регионах мира, подвергшихся колонизации европейцами начиная со времен Колумба, сохранилось значительное количество автохтонных топонимаций. В некоторых странах географические названия, выбранные основателями-колонизаторами, были сохранены после прихода новых колониальных держав. На Ямайке же сохранилось

мало наименований объектов, данных аборигенами: испанцы уничтожили население таино, и номенклатура региона не свидетельствует об уважении европейских завоевателей к автохтонным географическим именам. При этом лишь четверть от общего количества топонимов составляют испаноязычные номинации. Мы полагаем, что причины отсутствия такой преемственности заключаются в том, что испанское население на Ямайке оставалось немногочисленным вплоть до своего исчезновения, а колонизация вглубь острова происходила крайне медленно.

Лингвопрагматический анализ показал, что новые колонизаторы Ямайки – англичане – не сохраняли испанские топонимические формы, это отражают ойконимы *Cagway, Wag-Water, Yallahs*; названия таких крупных городов, как *Sevilla, Melilla, Oristan*, были утрачены. Большинство сохранившихся до наших дней испаноязычных топонимов на Ямайке зафиксированы на карте или в измененной форме, или в виде англо-испанского гибрида: *Negril, Morant, Port Antonio, Bonavista, Mosquito Cove Mountain, Miranda Hill, Clarence Villa Road*. Однако в современной урбанонимии региона прослеживается тенденция выбора номинаций, содержащих испаноязычный композит.

Таким образом, гетерогенность ямайских географических наименований и их этимологическая самобытность отражают исторические процессы, повлиявшие на присвоение топонимических номинаций в данном полинациональном регионе Карибского бассейна и Антильского архипелага Нового Света со времен Колумба до наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биография Куджо. URL: http://www.understandingslavery.com/index.php?option=com_content&view=category&layout=key&id=51&Itemid=88&limitstart=10.html?option=com_content&view=category&layout=key&id=51&Itemid=88&limitstart=10 (дата обращения: 29.05.2019).
- Бушманов А. А., Митчелл П. Д., 2017. Ямайский вариант английского языка в пост-креольском континууме // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 22, вып. 2 (166). С. 15–19. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-15-19.
- Дридзо А. Д., 1971. Ямайские маруны. М. : Наука. 237 с.
- Дроздов А. В., 2017. Семантические пути развития заимствований в мезолекте карибского варианта английского языка // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Т. 13, № 3 (37). С. 15–27.
- Интернет-сайт отеля CasaMaria. URL: <http://casamariahotel.net/content/about/> (дата обращения: 03.06.2019).
- Лесниковская И. В., 2013. Английский ямайский и креольский ямайский: язык или языки? // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 1, № 1. С. 9.
- Мартыненко И. А., 2018. Испаноязычные топонимы США. Тамбов : Юком. 104 с.
- Мартыненко И. А., Ильина А. Ю., Куприянова М. Е., 2019. Топонимия Фолклендских островов сквозь призму территориальных споров // Политическая лингвистика. № 2 (74). С. 67–78. DOI: 10.26170/pl19-02-07.
- Степанов Ю. С., 1980. Ямайка. М. : Мысль. 167 с.
- Тарасова Л. А., 2006. Патуа – язык Ямайки // Латинская Америка. № 1. С. 77–79.
- Чеснокова О. С., Мартыненко И. А., 2019. Испаноязычная топонимия Филиппин: структура и прагматика // *Acta onomastica*. № 2. Р. 171–185.
- Beek R., 1975. *Place Names of Jamaica*. Kingston: The University of the West Indies. 178 p.
- Blome R., 1678. *A Description of the island of Jamaica; with the other isles and territories in America, to which the English are related...* Published by Richard Blome. Together with the Present state of Algiers. L. : Printed by T. Milbourne. 88 p.
- Cassidy F. G., 1988. *The Earliest Placenames in Jamaica* // *Names*. Vol. 36. P. 151–161.
- Cundall F., 1909. *Jamaica Place-Names*. Kingston : Institute of Jamaica. 24 p.
- Cundall F., Pietersz J., 1919. *Jamaica Under the Spaniards*. Kingston : Institute of Jamaica. 115 p.
- Higman B. W., Hudson B. J., 2009. *Jamaican Place Names*. Kingston : University of the West Indies Press. 319 p.
- Long E., 1774. *The History of Jamaica: or, A General Survey of the Antient and Modern State of that Island, with Reflections on its Situation, Settlements, Inhabitants, Climate, Products, Commerce, Laws, and Government*. L. : T. Lowndes. 635 p.
- Padrón F. M., 1952. *Jamaica Espacola*. Sevilla: Publicaciones de la Escuela de Estudios Hispano-Americanos. xxx, 495 p.

- Padrón F. M., 2003. Spanish Jamaica / transl. from the original Spanish by P. E. Bryan in collaboration with M. J. Gronow and F. O. Moral. Kingston ; Miami : Ian Randle. 376 p.
- Randel W., 1960. Survival of Pre-English Place Names in Jamaica // Names. Vol. 8. P. 24–29.
- Sand A., 1999. Linguistic Variation in Jamaica. A Corpus-Based Study of Radio and Newspaper Usage. Tübingen : Narr. 197 p.
- Sibley K. I., 1978. Dictionary of Place – Names in Jamaica. Kingston : Institute of Jamaica. 184 p.
- Sloane H., 1707. A Voyage to the islands Madera, Barbados, Nieves, S. Christophers and Jamaica. In 2 vols. Vol. 1. L. : Printed by B.M. for the author. xlix, 264 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БРЭ – Ямайка // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4926106> (дата обращения: 16.07.2019).
- АРС – Acts of the Privy Council, I, 159, entry # 511 dated 29 April 1661.
- Calendar of State Papers – Calendar of State Papers, Colonial Series. Vol. 2, 1661–1668 (London, 1880), p. 5, letter sent by governor D’Oyley. 850 p.
- DRAE – Diccionario online de Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/?id=907i46j> (date of access: 07.08.2019).

REFERENCES

- Biografiya Kudzho [Cudjoe’s biography]. URL: http://www.understandingslavery.com/index.php?option=com_content&view=category&layout=key&id=51&Itemid=88&limitstart=10.html?option=com_content&view=category&layout=key&id=51&Itemid=88&limitstart=10 <https://bigenc.ru/geography/text/4926106> (accessed 29 May 2019).
- Bushmanov A.A., Mitchell P.D., 2017. Yamayskiy variant angliyskogo yazyka v post-kreolskom kontinuumе [The Jamaican variant of English language in the post-creole continuum]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Tambov university review: Series humanities], vol. 22, iss. 2 (166), pp. 15-19. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-15-19.
- Dridzo A.D., 1971. *Yamayskie maruny* [Jamaican Maroons]. Moscow, Nauka Publ. 237 p.
- Drozdov A.V., 2017. Semanticheskie puti razvitiya zaimstvovaniy v mezolekte karibskogo varianta angliyskogo yazyka [Semantic development of borrowing in the Caribbean English mesolect]. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, vol. 13, no. 3 (37), pp. 15-27.
- Internet-sayt otelya CasaMaria [Website of the hotel Casa Maria]. URL: <http://casamariahotel.net/content/about/> (accessed 03 June 2019).
- Lesnikovskaya I.V., 2013. Angliyskiy yamayskiy i kreol’skiy yamayskiy: yazyk ili yazyki? [English Jamaican and Jamaican Creole: the language or languages?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: Filologiya. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, vol. 1, no. 1, p. 9.
- Martynenko I.A., 2018. *Ispanoyazychnye toponimy SshA* [Spanish-language place names in the United States]. Tambov, Yukom. 104 p.
- Martynenko I.A., Ilina A.Yu., Kupriyanova M.E., 2019. Toponimiya Folklendskikh ostrovov skvoz prizmu territorialnykh sporov [Falkland Islands toponymy through the prism of territorial disputes]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (74), pp. 67-78. DOI: 10.26170/pl19-02-07.
- Stepanov Yu.S., 1980. *Yamayka* [Jamaica] Moscow, Mysl’ Publ. 167 p.
- Tarasova L. A., 2006. *Patua – yazyk Yamayki* [Patua is a language of Jamaica]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 77-79.
- Chesnokova O.S., Martynenko I.A., 2019. Ispanoyazychnaya toponimiya Filippin: struktura i pragmatika [Spanish toponymy in the Philippines: structure and pragmatics]. *Acta onomastica*, no. 2, pp. 171-185.
- Beek R., 1975. *Place Names of Jamaica*. Kingston, The University of the West Indies. 178 p.
- Cassidy F.G., 1988. The Earliest Placenames in Jamaica. *Names*, vol. 36, pp. 151-161.
- Cundall F., 1909. *Jamaica Place-Names*. Kingston: Institute of Jamaica. 24 p.
- Cundall F., Pietersz J., 1919. *Jamaica Under the Spaniards*. Kingston: Institute of Jamaica. 115 p.
- Higman B.W., Hudson B.J., 2009. *Jamaican Place Names*. Kingston: University of the West Indies Press. 319 p.
- Long E., 1774. *The History of Jamaica, or, A General Survey of the Antient and Modern State of that Island, with Reflections on its Situation, Settlements, Inhabitants, Climate, Products, Commerce, Laws, and Government*. London, T. Lowndes. 635 p.
- Padrón F.M., 1952. *Jamaica Española* [Spanish Jamaica]. Sevilla: Publicaciones de la Escuela de Estudios Hispano-Americanos. xxx, 495 p.
- Padrón F. M., 2003. *Spanish Jamaica*. Translated from the original Spanish by Patrick E. Bryan

- in collaboration with Michael J. Gronow and Felix Oviedo Moral. Kingston; Miami, Ian Randle. 376 p.
- Randel W., 1960. Survival of Pre-English Place Names in Jamaica. *Names*, vol. 8, pp. 24-29.
- Sand A., 1999. *Linguistic Variation in Jamaica. A Corpus-Based Study of Radio and Newspaper Usage*. Tübingen, Narr. 197 p.
- Sibley K.I., 1978. *Dictionary of Place – Names in Jamaica*. Kingston, Institute of Jamaica. 184 p.
- Sloane H. A *Voyage to the islands Madera, Barbados, Nieves, S. Christophers and Jamaica. In 2 vol.* London: Printed by B.M. for the author, 1707. vol. I. xlix, 264 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Yamayka [Jamaica]. *Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4926106> (accessed 16 July 2019).
- Acts of the Privy Council*, I, 159, entry # 511 dated 29 April 1661.
- Calendar of State Papers*, Colonial Series, vol. 2, 1661-1668 (London, 1880), p. 5, letter sent by governor D'Oyley. 850 p.
- Diccionario online de Real Academia Española [Royal Spanish Academy online dictionary]. URL: <https://dle.rae.es/?id=907i46j> (accessed 07 August 2019).

Information About the Author

Irina A. Martynenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, English Language Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Sadovaya-Kudrinskaya St, 9, 125993 Moscow, Russia, irineta@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-3378>

Информация об авторе

Ирина Анатольевна Мартыненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993 г. Москва, Россия, irineta@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9798-3378>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.10>

UDC 81'42:82.085.2
LBC 81.055.1

Submitted: 27.03.2020
Accepted: 14.09.2020

EVALUATING PARAMETERS OF THE PRESENT-DAY PUBLIC DISCOURSE LINGUISTIC CORRECTNESS AND COMMUNICATIVE EFFICIENCY

Elena I. Pochtar

Shevchenko State University of Pridnestrovie, Tiraspol, Pridnestrovie

Abstract. The article studies in linguo-philosophical and linguo-communicative angles the problem of speech ecology in the conditions of the present-day society along with the violations, caused by it, of linguistic and communicative norms of cooperative speech intercourse. Proceeding from the language-as-a-doer conception and also from the fact of limited linguistic censorship in the sphere of present-day mass communication, the author justifies possibility of all kinds of irregularities in public discourse and analyses how their appearance can affect the eventual communicative efficiency of the discourse as a whole. The article gives a chronological observation of the practice of discourse analysis acquiring the four basic criteria of evaluating linguistic utterances – grammaticality, acceptability, truth, and reference – which were gradually introduced in linguistics as the result of influence from adjacent areas of knowledge. On the basis of selected examples the author tries to find out whether appliance of these speech evaluation methods is justified inasmuch as they help to evaluate linguistic conventions implementation and ability of speech utterances to transmit communicator's intentions implicated in them. Having studied different kinds of speech deviations violating, to this or that extent, the norms of grammar, syntax, conceptualization processes, and communication canons, the author comes to the conclusion that violations of norms do not always cause ultimate communicative failures. According to the author, verbal communication can only be estimated as unsuccessful when it fails to receive adequate perception on the part of the addressee. Based on that, the conclusion is made that while evaluating discourse linguistic correctness and pragmatic consistency, one should, first of all, consider peculiarities of the extra-linguistic context and the category of the receptive audience rather than whether the discourse does or does not conform to the norms of usage and standard speech ethics.

Key words: public discourse, linguistic standardness, speech ecology, cooperative communication, speech deviances, communicative deviations, communicative efficiency, extra-linguistic context in communication.

Citation. Pochtar E.I. Evaluating Parameters of the Present-Day Public Discourse Linguistic Correctness and Communicative Efficiency. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 134-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.10>

УДК 81'42:82.085.2
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 27.03.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВОЙ КОРРЕКТНОСТИ И КОММУНИКАТИВНОЙ УСПЕШНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Елена Ивановна Почтарь

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье

Аннотация. В статье в лингвофилософском и лингвокоммуникативном ракурсах рассматривается проблема речевой экологии в условиях современного социума и обусловленные ею нарушения лингвистических и коммуникативных норм кооперативного речевого общения. Исходя из концепции деятельностной сущности языка, а также ограниченности лингвистической цензуры в сфере современной массовой коммуникации,

автор обосновывает неизбежность возникновения иррегулярности в публичной речи и показывает возможности их влияния на конечную коммуникативную успешность дискурса в целом. Дается хронологическое описание путей возникновения в практике дискурсивного анализа четырех базовых критериев оценки корректности языковых построений: *грамотности, приемлемости, истинности и референтности*, последовательно сформировавшихся в языкознании под влиянием смежных с лингвистикой областей знания. С опорой на конкретные примеры характеризуется оправданность применения этих способов оценки речи как с точки зрения соблюдения языковых конвенций, так и с учетом способности речевых высказываний транслировать имплицитированные в них интенции коммуникатора. В результате исследования различные виды речевых девиаций, нарушающих нормы грамматики, синтаксиса, процедур концептуализации и канонов коммуникации, автор приходит к заключению, что не всякое нарушение нормы провоцирует коммуникативную неудачу. Продемонстрировано, что однозначно неуспешной может считаться лишь вербальная коммуникация, не получающая адекватной перцепции со стороны адресата. На основании этого делается вывод о том, что оценивание дискурса на предмет его лингвистической корректности и прагматической состоятельности следует делать не столько исходя из его соответствия узусу и эталонной речевой этике, сколько с учетом специфики окоязыкового контекста и характера рецептивной аудитории.

Ключевые слова: публичный дискурс, языковая нормативность, речевая экология, кооперативное общение, речевая девиация, коммуникативная девиация, коммуникативная успешность, внеязыковой контекст коммуникации.

Цитирование. Почтарь Е. И. Параметры оценки языковой корректности и коммуникативной успешности современного публичного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 134–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.10>

Введение

Обращаясь к наиболее острым проблемам современных социумов, следует констатировать, что под воздействием множества этнокультурных, геополитических, экономико-правовых и техногенных факторов, активно определяющих сегодня состояние коммуникационной сферы, публичная речь и речевая культура в целом претерпевают серьезные качественные сдвиги, очевидно требующие корректировки параметров их оценки.

В трактовке А.П. Сковородникова культура речи в широком смысле есть «нормы и компетенции речевого общения в их совокупности», или, более детально, «оптимальная организация речи, ее коммуникативная эффективность и соответствующие компетенции языковой личности» (цит. по: [Копнина, Еремина, 2015, с. 23]). В таком определении культура речи максимально сближается с экологией речи, включающей, помимо понятия текущего состояния языка и речи в среде их функционирования, также и понятие последствий влияния этой среды на их системность и нормативность.

Серьезность и множественность проблем в сфере языковой и речевой экологии акцентируются в научных публикациях ряда отечественных ученых [Кезина, 2016; Копнина,

Еремина, 2015; Майорова, 2016; Сковородников, 2008; Усанова, 2010; и др.].

Современная речевая ситуация претерпевает кардинальные изменения под воздействием целого ряда специфических экстралингвистических факторов, обусловленных текущим состоянием и в целом динамикой развития социума. К таким факторам прежде всего относится наблюдаемое сегодня значительное расширение спектра социальных групп, вовлеченных в публичную коммуникацию. Категории участников в ней практически не ограничены сегодня ни возрастом, ни образованием, ни профессиональной принадлежностью, ни религиозными верованиями, ни какими-либо другими параметрами социального статуса личности. Одновременно с массовостью участия в нем различных групп коммуникаторов публичный дискурс демонстрирует стремительное увеличение разнообразия его разновидностей – политический, юридический, деловой, психолого-педагогический, научно-просветительский, а также форм манифестации, включающих сегодня, кроме традиционных выступлений, лекций и дискуссий, интернет-блоги, твиты, посты и др. Фактическое отсутствие цензуры в сфере публичной массовой коммуникации выступает в качестве еще одного важного фактора, провоцирующего определенную вольность коммуникаторов

в их выборе форм выражения мыслей и суждений, освобождающего их от необходимости быть сдержанными, осторожными и ответственными в своем речевом поведении. Все эти факторы в совокупности не только оказывают влияние на среду функционирования языка и речи, но и формируют языковое сознание социума, определяющее в свою очередь состояние языка и речи, появление новых лингвистических реалий, зеркально отражающих изменившиеся условия экстралингвистической среды. В некоторых важнейших направлениях, которые задают основополагающие условия существования общества, происходили и до сих пор происходят содержательные трансформации, в результате которых возникают новые или радикально изменяются уже имеющиеся коммуникативные инструменты [Кушнерук, 2018, с. 18].

К негативным последствиям этих «содержательных трансформаций» следует отнести так называемую «либерализацию» речи, или, по сути, ее «вульгаризацию», то есть резкое снижение уровня речевой культуры и, как следствие, деградацию языка и речи, деформацию существующих норм и традиций, появление разного рода языковых и речевых иррегулярностей, некорректных тактик и приемов ведения коммуникации. Одной из форм негативного влияния среды на речевое поведение социума А.П. Сковородников считал так называемое «языковое насилие», под которым он понимал «не аргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) или его поражение в полемике – в пользу адресата» [Сковородников, 1997, с. 10].

Ярко выраженной демонстрацией «языкового насилия» в публичном речевом поведении сегодня являются присущие ему агрессивность, безапелляционность, демагогичность, стремление к навязыванию определенных взглядов и идеологических позиций. Такие прагматические установки, реализуемые через дискурс, неминуемо провоцируют в коммуникаторе стремление уйти от существующих языковых стандартов и традиционных культурно-речевых компетенций, приводя его

в итоге к полному или частичному нарушению базовых конвенций и общепринятых норм публичной речевой коммуникации.

Многие отечественные ученые-лингвисты в последние годы активно занимаются проблемами изменчивости дискурса под влиянием социальных и социокультурных факторов, изучают характер возникающих при этом трансформаций в части форм и методов организации языкового материала, его стилистического оформления и коммуникативного представления [Леонтьев, 2016; Сиротинина, 2001; Фортунатов, Бокова, 2014; Пуилова, Kochetova, 2016; и др.].

Признавая определяющую роль околоязыкового пространства при оценке современного состояния речевой культуры, степени ее нормативности и приемлемости, нельзя ограничиваться лишь сугубо лингвистическими параметрами коммуникации, подверженной воздействию социальной среды. Не менее важным фактором выступает и собственно речевая ситуация, то есть характер адресатов, выбранные время и место общения, в совокупности определяющие задачи коммуникацией и, следовательно, влияющие на подбор речевых моделей их реализации. Очевидно, что стилистико-содержательная организация речи может быть высокоэффективной в одной ситуации общения и совершенно безуспешной – в другой, даже при условии соблюдения в ней всех языковых норм.

Значительно изменившиеся за последние десятилетия социально-нравственные и психолого-этические основы речевого поведения, его мотивы и целеполагания в рамках публичного дискурса требуют от лингвистов обсуждения актуальности и правомочности применения к реалиям существующего коммуникационного пространства стандартных критериев оценки речевой коммуникации, традиционно используемых в процессе дискурсивного анализа.

Диахронический аспект проблемы оценки речевой коммуникации

Определение, данное В. фон Гумбольдтом языку как «духу народа» [Гумбольдт, 1984], способствовало появлению в языкознании традиции исследования форм и фактов

языка с акцентом на ключевой роли человека говорящего. Изучаемая с такой позиции речь рассматривается как вербальная экспликация социальной среды говорящего, отражение его концептосферы, культурного кода, личностной индивидуальности.

Тот факт, что перемены, постоянно происходящие внутри социумов и в жизненных пространствах индивидов, неминуемо вызывают трансформации в области их речевых традиций, дает В. фон Гумбольдту основание охарактеризовать язык как «постоянную работу духа» [Гумбольдт, 1984] и ввести в языкознание концепцию деятельностной сущности языка. В рамках этой концепции речь понимается не как механическое активирование говорящим уже имеющихся языковых моделей, а как процедура языкотворчества, создания речевых форм непосредственно в процессе вербальной деятельности человека.

Признание за языком его динамического и творческого характера, в свою очередь, выводит на передний план проблему речевых вариаций, а вслед за ними – и речевых девиаций, или иррегулярностей, возникающих в вербальной коммуникации вследствие конфликта вариативных речевых практик с жестко регламентированными языковыми нормами.

Использовавшийся в социологии термин «девиация», или «девиантность», – нарушение установленных социумом регламентов – постепенно получает широкое применение в смежных областях знания, таких как медицина, психология, педагогика.

В лингвистическую сферу понятие языковой девиации входит в 70-е гг. XX в. вслед за теорией трансформационной, или генеративной, грамматики Н. Хомского, первоначально возникшей для описания механизмов синтаксиса и затем распространившейся на область фонологии, морфологии, словообразования и семантики [Chomsky, 1957].

В современной дискурсологии понятие девиации приобретает еще более широкие границы и применяется относительно всех случаев неуспешной коммуникации, в которых эксплицированная семантика вербального текста входит в противоречие с изначально заданными, имплицитными по своей сути, прагматическими установками. В кооперативном общении, по П. Грайсу, главным условием ус-

пешности коммуникативного акта является наличие между адресантом и адресатом согласия, или согласованности, в том, как первым (адресантом) порождается речевой конструкт, и в том, как он воспринимается его адресатом. Разбалансированность этого процесса ведет к тем или иным формам коммуникативных девиаций.

Как и все иные виды речевых иррегулярностей, коммуникативные девиации могут быть следствием влияния множества объективных и субъективных факторов. К базовым составляющим коммуникативного акта, определяющим его успешность (либо не-успешность), относятся в первую очередь личность адресанта, порождающего речь, и личность адресата, воспринимающего ее, вкуче с их физическим, психологическим, когнитивным и эмоциональным состоянием в момент общения, а также избранным каналом коммуникации.

Исходя из основных положений теории речевых актов, главным условием успешного осуществления речевой коммуникации является реализация заданного коммуникативного назначения, говорящий добивается при этом от адресата не только желаемого результата, но, что не менее важно, готовности «опознать его [говорящего] намерение получить этот результат» [Серль, 1986, с. 163]. Иными словами, в процессе коммуникации говорящий может рассчитывать на успех лишь в случае, если используемые им речевые высказывания способны транслировать слушающему весь комплекс имплицитированных в них семантико-прагматических смыслов. Соответственно, коммуникативно успешным становится тот иллокутивный акт, в котором интенциональная и конвенциональная составляющие находятся в балансе, необходимом и достаточном для того, чтобы адресат понял то, что имеет в виду адресант, используя при этом языковые средства и модели, способные, в соответствии с существующими языковыми нормами, передавать значения, отражающие коммуникативные намерения адресанта [Серль, 1986, с. 163].

Очевидно, что нарушение этого прямого баланса между тем, что хочет сказать говорящий, и тем, что фактически понимает слушающий, влечет за собой разного рода коммуникативные неудачи, непонимания, недопонимания, недоразумения и иные

формы языковых и коммуникативных девиаций. Как уже отмечалось выше, их главная причина состоит в отсутствии согласованности и взаимопонимания между непосредственными участниками коммуникации, что в свою очередь может быть спровоцировано множеством негативных факторов объективного и субъективного характера. Из субъективных самыми распространенными являются: отсутствие у одной из сторон потребности в общении; неспособность обеих либо одной из сторон к эмпатии, восприятию внутреннего мира собеседника; нежелание или неготовность слушающего вникнуть в коммуникативный замысел (интенцию) собеседника; неспособность говорящего успешно варьировать языковые формы в процессе представления конкретного дискурсивного события; незнание участниками общения норм этикетного языкового поведения или нежелание придерживаться их и ряд других факторов.

Среди объективных причин коммуникативных девиаций можно отметить возникновение разного рода внешних обстоятельств, не зависящих от коммуникаторов, при этом неблагоприятно влияющих на процесс интеракции: вмешательство третьих лиц, погодные условия и др.

Исследуя процедуры порождения и восприятия коммуникативных девиаций на материале текстов художественных произведений, Ф.С. Бацевич выделяет три типа условий коммуникативной успешности либо не-успешности речи: 1) связанные с внешними (неязыковыми) аспектами порождения и восприятия речи; 2) связанные с лингвистическими аспектами порождения и восприятия речи (которые подразделяются на два подвида: касающиеся семантики и синтактики используемых языковых средств и имеющие отношение к коммуникативному смыслу этих языковых средств); 3) связанные с прагматическим аспектом организации и функционирования используемого речевого жанра [Бацевич, 2014].

Далее рассмотрим, насколько эти виды условий успешной коммуникации согласуются с традиционно применяемыми в практике лингвистического анализа критериями оценки дискурса.

Эволюция подходов к проблеме оценки дискурса

В современной традиции дискурсивного анализа, как известно, применяются четыре основных параметра оценки языковых высказываний в процессе вербальной коммуникации: *грамотность*, *приемлемость*, *истинность* и *референтность*. Несмотря на неоспоримую обоснованность всех четырех критериев на сегодняшний день, в эволюционном плане каждый из них прошел свой путь, имел свою аргументацию и свои предпосылки, в целом отражающие ход развития языкознания в области оценки речевых построений в структуре дискурса.

Так, на этапе существования в науке идиллического представления о строгом соответствии речи теоретическим канонам языка единственным и незыблемым критерием оценки речи была ее *грамотность* (*grammaticality*), или грамматическая правильность, понимавшаяся в традициях Н. Хомского как совокупность лингвистической компетентности говорящего и речевого контекста.

По мере укрепления антропоцентрического вектора в процессе развития лингвистики и продвижения трансформационных теорий критерий грамотности уступает место более «лояльному» параметру оценки речевой коммуникации – *приемлемости* (*acceptability*).

Понимаемая как допустимость использования определенных языковых построений, их уместность с точки зрения говорящего в конкретном речевом контексте, *приемлемость* демонстрирует тенденцию к оцениванию речи в социолингвистическом аспекте, поскольку определение приемлемости тех или иных высказываний обусловлено субъективным восприятием непосредственных участников коммуникации.

Анализ эволюции научного подхода к нормативности речевых практик показывает, что критерий приемлемости возникает как следствие включения в лингвистическую сферу философской категории *истинности* – *ложности*, что в свою очередь подтверждает наличие тесной взаимосвязи между языковыми и общефилософскими явлениями и понятиями.

С возникновением в лингвистике альтернативного направления трансформационной

грамматики – генеративной семантики, центральным понятием которой становится философская категория *истинности* (*truth*), при дискурсивном анализе для оценки речевых высказываний стал применяться этот параметр [Chomsky, 1965; Lakoff, 1971; McCawley, 1968; Mates, 1975]. Так возникает традиция определения правильности речи через установление правдивости транслируемой в ней информации, соответствия сказанного реально существующему.

Стремление приверженцев лингвофилософского подхода к языку и речи рассматривать семантические явления с позиций логических правил способствовало тому, что в лингвистический анализ был введен еще один философский параметр – *референтность* (*reference*). Выступая как маркер эквивалентности языковой единицы и номинируемого ею объекта реальности, категория *референтности*, с одной стороны, расширила горизонты дискурсивного анализа, позволив взглянуть на речь с учетом сохранения в ней тех самых presuppositions, которые, по Дж. Серлю, представляют собой ключевые условия успешной коммуникации. С другой стороны, введение категории референтности усилило степень субъективности оценки речи, дало возможность рассматривать ее не столько с позиции узуса, сколько с позиций того, что фактически имел в виду говорящий в конкретном речевом контексте.

Таким образом, развиваясь в русле общих тенденций лингвофилософии и теории коммуникации, дискурсивный анализ последовательно приобретает четыре параметра оценки фактов языка в составе коммуникативного акта – *грамотность*, *приемлемость*, *истинность* и *референтность*. С опорой на эти параметры можно успешно выявлять не только языковую, но и, что гораздо сложнее и важнее, коммуникативную успешность либо девиантность отдельных речевых интеракций и целых дискурсов. Коммуникативная успешность речи в свою очередь может свидетельствовать о высоком уровне культурно-речевой компетентности говорящего, позволяющей ему эффективно актуализировать, а слушающему декодировать заданные семантико-прагматические смыслы, и в конечном счете успешно реализовывать исходные интенции.

Разбалансированность же взаимосвязи между смысловым содержанием и прагматическими установками, с одной стороны, и эксплицирующими их языковыми средствами и стиливыми решениями, с другой, свидетельствует о низком уровне речевой компетентности коммуникатора и выступает основной причиной его коммуникативных неудач.

Дискурсивные аномалии, провоцирующие коммуникативные неудачи

Рассмотрим на примере англоязычных высказываний различные виды языковых и коммуникативных девиаций и проанализируем причины, которые привели к тому, что они оказались коммуникативно неуспешными.

Возьмем за основу шесть речевых построений, содержащих те или иные формы языковых и/или коммуникативных иррегулярностей:

- (1) In just an hour she will.
- (2) The woman left him after a few days with who he was in love.
- (3) Peter the Great was the most progressively-minded king in the history of Russia.
- (4) All people love jazz.
- (5) The train's tail went deep into the ground.
- (6) Every bird likes its own nest.

Как видно из приведенных примеров, в высказываниях (1) и (2) нарушения затрагивают структурные и семантические языковые нормы, высказывания (3)–(6) согласуются с англоязычным грамматическим узусом, но противоречат канонам коммуникации в силу недостоверности содержащейся в них информации либо неадекватности формы ее концептуализации.

Проанализируем детально каждую из шести представленных выше девиаций.

- (1) In just an hour she will.

В этом высказывании легко обнаруживается нарушение структурно-семантической нормативности, так как в нем отсутствует часть сказуемого и, возможно, обстоятельственного элемента, что провоцирует смысловую незавершенность, неясность и, следовательно,

коммуникативную несостоятельность всего высказывания: *In just an hour she will... (do what?)*.

Введение в высказывание (1) нормативно обязательного смыслового глагола, например *In just an hour she will come*, а также обстоятельства, например *In just an hour she will come here*, могло бы трансформировать это высказывание в структурно законченное и семантически полное. В свою очередь, оформленное согласно узуально стандартным языковым параметрам, такое высказывание создало бы коммуникативно успешный речевой акт, адекватно эксплицирующий интенции говорящего.

(2) The woman left him after a few days with who he was in love.

Пример содержит еще одну разновидность языковой аномалии – нарушение типичного для английского языка порядка слов: определительное придаточное предложение неправомерно отделено от определяемого слова, вследствие чего нарушена логическая последовательность смысловых синтагм.

Очевидно, что придаточное предложение *who he was in love with* должно следовать сразу за определяемым словом *The woman*, организуя все смысловое единство следующим образом: *The woman, who he was in love with, left him after a few days*.

Таким образом, примеры (1) и (2) демонстрируют отклонения от грамматических норм английского языка и, следовательно, нарушение оценочного параметра *грамотности*, влекущее за собой коммуникативную неудачу, связанную с лингвистическими аспектами порождения и восприятия речи, а именно с ее семантикой и синтактикой.

Критерии *приемлемости* и *истинности* в силу того, что не имеют прямого отношения к грамматическим конвенциям языка, но определяют степень корректности соотношения лингвистических единиц с объектами неязыковой среды, в большей мере связаны с прагматическим аспектом коммуникации.

Так, принцип *приемлемости* основывается на двух одинаково важных компетенциях коммуникаторов: умении говорящего кодировать средствами языка окружающую действительность, корректно используя при этом

соответствующие узусу языковые единицы, и способности слушающего адекватно декодировать из этих речевых построений имплицированные в них смысловые послания. Тот факт, что, как уже отмечалось выше, приемлемость использования тех или иных речевых единиц определяется самим коммуникатором, делает этот критерий субъективным, поскольку он в значительной мере зависит от лингвистической и экстралингвистической компетентности говорящего. Тем не менее в условиях кооперативного общения соответствие речи параметру приемлемости является важным условием успешности речевой коммуникации.

(3) Peter the Great was the most progressively-minded king in the history of Russia.

В приведенном примере представлено высказывание, оформленное грамотно и корректно согласно нормам языка, однако неприемлемое с точки зрения стандартов коммуникации, поскольку содержит девиацию в части языкового кодирования экстралингвистических реалий: Петр Великий назван *королем* России, что не соответствует нормативно принятой номинации титула, присваивавшегося в дореволюционной России правящему монарху. Для соблюдения принципа приемлемости в высказывании (3) языковая единица *king* должна быть заменена на *tsar*. Более того, при всей безусловности выдающихся реформаторских заслуг Петра Первого для России в ее истории были и другие монархи, инициировавшие в высшей степени прогрессивные и эпохальные по масштабам государственные реформы. Следовательно, утверждение о том, что Петр Великий был самым прогрессивно-мыслящим королем / царем России, не соответствует истине, нарушая тем самым принцип *истинности*, согласно которому речевое высказывание должно быть прямым и точным отражением объективно существующих реалий.

Таким образом, тесно связанный с *приемлемостью* критерий *истинности* в еще большей степени ориентирован на окоязыковой контекст коммуникации, так как основной его функцией является оценивание точности концептуализации средствами языка фактов объективной действительности.

(4) All people love jazz.

В высказывании продемонстрирована аномалия в соблюдении критерия истинности, поскольку постулируемая информация очевидно идет вразрез с истиной, так как далеко не все люди любят джаз. Для того чтобы исправить неточность этого утверждения, приведя его в соответствие с параметром *истинности*, необходимо внести как грамматические, так и контекстуальные коррективы. Погруженное в контекст конкретной жизненной ситуации, например в среду концертного зала, где проходит джазовый концерт и все люди восторженно аплодируют исполнителям, это высказывание могло бы звучать в устах одного из присутствующих следующим образом: *All the people love jazz*. Изменение грамматической конструкции высказывания путем добавления определенного артикля *the* будет способствовать тому, что эксплицируемый им контингент людей, любящих джаз, сузится до конкретной аудитории этого концертного зала и тем самым, с учетом факта бурных аплодисментов всех присутствующих, сделает возможным считать высказывание «все эти люди любят джаз» соответствующим реальной действительности. Соблюдение параметра истинности исключит возможность коммуникативной неудачи, связанной с нарушением норм прагматической организации речи.

Говоря о критериях *приемлемости* и *истинности*, следует отметить, что в рамках интерактивного общения они довольно тесно переплетены, вследствие чего нарушение одного из них, как правило, влечет за собой коммуникативную девиацию и в части другого, например:

(5) The train's tail went deep into the ground.

Сказанное в данном случае является ложным и по сути (в реальном мире невозможно, чтобы «хвост поезда уходил глубоко в землю»), и в плане адекватности смыслового прочтения в целом, поскольку в концептуальном сознании интерпретатора отсутствуют ментальные опоры, позволяющие естественно декодировать представленную в этом высказывании ситуацию. Таким образом, в предложении (5) содержатся аномалии и в части соблюдения параметра *истинности* эксплицированной в речевом акте информации,

и в части критерия *приемлемости* использованного в нем способа концептуализации реального контекста.

Как видно из приведенных выше примеров (3) и (4), характер оценки норм коммуникации, заложенный в параметрах *приемлемости* и *истинности*, выводит анализ дискурса из горизонтальной плоскости соблюдения правил грамматики в вертикальную плоскость соответствия содержащихся в речи семантических и семантико-прагматических смыслов существующим экстралингвистическим реалиям. Таким образом, критерии *приемлемости* и *истинности* обеспечивают исполнение речью ее важной коммуникативной функции – адекватной манифестации пропозиционального и информационного содержания использованных в ней языковых средств.

Не менее существенным в оценке семантико-прагматической организации речи и определении успешности взаимодействия в ней узуальных и актуальных семантических и коммуникативных смыслов является критерий *референтности*, призванный обеспечить соответствие речевых построений актуализируемым ими концептам на более глубоком уровне, нежели это определяется в случаях с *приемлемостью* и *истинностью*.

В отличие от этих двух критериев, основанных преимущественно на объективной оценке степени соответствия фактов языка существующей реальности, *референтность* как категория дискурсивного анализа предполагает оценку речи посредством таких субъективных факторов, как цели, замыслы и намерения непосредственных участников коммуникации, а также учет специфики контекстных и ситуативных условий общения.

Так, высказывание (3) *Peter the Great was the most progressively-minded king in the history of Russia* перестает быть девиантным при анализе его через индивидуальную оценочную позицию говорящего, вероятно считающего, что Петр Первый действительно был самым прогрессивным монархом в истории России. Аналогично можно рассмотреть и высказывание (4) *All people love jazz*, возможно актуализирующее субъективную пресуппозицию говорящего, одержимого джазом и искренне считающего, что все люди без исключения любят джаз.

Изначальное стремление коммуникатора предложить свой вариант «объективной реальности», основанный на его личной «картине мира», делает высказывания референтно-адекватными и по этой причине дискурсивно-допустимыми. Однако возможно ли считать их истинными и, следовательно, конвенционально состоятельными коммуникативными актами и какова степень прогнозируемой успешности такого высказывания в процессе интеракции?

Как уже отмечалось, достоверность постулируемых речью смыслов и фактов является одним из базовых принципов организации ее содержательного пространства. По утверждению профессора Я. Хинтикка, выраженное средствами языка не должно оставлять сомнения в том, что мир настолько таков, насколько сказанное в предложении можно считать истинным [Hintikka, 1971, p. 161].

Однако фактическое достижение информационной достоверности в речевом высказывании осложняется тем, что, как было продемонстрировано на примере (4), параметры оценки содержания коммуникативного послания в значительной степени зависят от того, в каком качестве оно актуализируется и воспринимается.

Очевидно, что, если рассматривать высказывание как самостоятельное коммуникативное целое в его структурно-смысловой завершенности, вне связи с окоязыковой средой дискурса, оно в большей степени располагает к оценке с позиции истинности и приемлемости. В случае же когда вербальное высказывание становится полноценным элементом дискурса, включающего как объективные, так и субъективные факторы речетворчества, корректность его прочтения и нормативной категоризации оказываются полностью зависящими от внеязыкового контекста существующего коммуникативного пространства. Например:

(6) Every bird likes its own nest.

Как самостоятельная речевая единица это высказывание может восприниматься в качестве стандартного с точки зрения его языковой грамотности, но будет спорным с позиции *истинности*, поскольку широко извест-

но, что не все птицы предпочитают собственные гнезда, более того, существуют виды птиц, которые не вьют гнезд. Однако, если применить к этому утверждению правило *референтности* и оценить его с позиции дискурса, итог будет иным. В своем идиоматическом значении это высказывание соответствует русской идиоме *Всяк кулик свое болото хвалит* и, следовательно, транслирует послание, никак не связанное с птицами, но характеризующее некий субъект как предвзятый и необъективный в своих суждениях. В таком качестве это утверждение перестает быть девиантным с точки зрения соблюдения критериев *истинности* и *приемлемости*.

Очевидно, что оценка нормативности высказывания как коммуникативной единицы, способной адекватно реализовать заданную прагматическую установку, возможна лишь при наличии паралингвистического контекста, проясняющего особенности концептуализации реалий в конкретном речевом высказывании с учетом конкретной дискурсивной ситуации. Так, высказывание (6) *Every bird likes its own nest* в качестве отдельно взятой речевой единицы, вне контекста, не может считаться транслирующей достоверную информацию с точки зрения норм коммуникации. В то же время, будучи включенным в дискурс, то есть погруженным в контекст, это высказывание приобретает информационную приемлемость, концептуальную достоверность и, следовательно, может быть коммуникативно успешным. Например, *You can hear her telling now and again how great her native town is – every bird likes its own nest*. В таком виде высказывание (6) *Every bird likes its own nest* транслирует свое истинное, идиоматическое значение, легко декодируемое благодаря контексту.

Возвращаясь к проблеме оценки разных аспектов нормативности речевых построений, способствующих в конечном счете их коммуникативной успешности, следует заключить, что универсального подхода к этой проблеме и ее однозначного решения не существует.

В то время как параметр грамотности, имеющий четко определенные формальные границы, позволяет с высокой степенью точности идентифицировать имеющиеся в речи аномалии и предупредить их в целях постро-

ния успешной коммуникации, параметры приемлемости, истинности и референтности в силу их неоднозначности и субъективности делают невозможной категоричную оценку речи как правильной либо неправильной.

Не менее сложной оказывается задача определения достоверности информации, манифестируемой речью. Как показал анализ примеров (3), (4) и (6), одно и то же высказывание может считаться одновременно ложным и истинным, в зависимости от того, погружено оно в соответствующий контекст или нет. Иными словами, оценивать корректность вербально представленной информации возможно лишь в рамках дискурса, поскольку, как известно, только в нем языковая единица приобретает коммуникативное значение [Droste, 1977; Linsky, 1969; Marcus, 1971].

Только через установление взаимосвязи между околязыковым контекстом, личностью коммуникатора и собственно речевым высказыванием возможно с высокой степенью точности установить, насколько корректна речь и выраженная в ней информация.

Наличие контекста и полнота имплицитруемой за счет него информации создают еще одно преимущество для дискурса – он может «позволить себе» быть вербально экономичным в силу того, что важные для выполнения коммуникативной задачи смысловые и прагматические послания могут быть размещены в его околязыковом пространстве.

Зависимость оценки речи от ее нелингвистического контекста становится еще более очевидной при попытке определения успешности речевого высказывания как акта коммуникации. Будучи составной частью кооперативного общения, дискурс не должен быть подвергнут оцениванию с учетом его рецептивной аудитории, в конечном счете определяющей степень коммуникативной успешности сказанного. В свою очередь, речевое высказывание, рассматриваемое через призму оценки со стороны адресата, может оказаться коммуникативно успешным, хотя оно нарушает несколько или все из вышеназванных параметров. В случае если речевая компетентность рецептивной аудитории находится на том же уровне, что и у говорящего, то есть имеются одинаковые для обеих сторон представления о языковых и коммуникатив-

ных нормах, любая интеракция будет коммуникативно успешной даже при наличии в ней тех или иных девиаций с точки зрения узуса. И наоборот, абсолютно корректная согласно всем параметрам оценки речь может оказаться коммуникативно неуспешной, в случае если ее адресатом будет человек с недостаточным уровнем культурно-речевой компетентности. Так, иностранцу, обладающему ограниченными знаниями о России, будет гораздо понятнее и психологически комфортнее высказывание *Peter the Great was the most progressively-minded king in the history of Russia*, чем аналог этого высказывания с лексемой *tsar* вместо *king* и артиклем *a* перед ней.

Таким образом, основным итогом анализа высказываний в рамках публичного дискурса и в условиях кооперативного общения является положение об отсутствии в этой сфере единообразных, универсальных критериев оценки языковой корректности и коммуникативной успешности речевых построений.

Заключение

Выявленная неоднозначность подходов к оцениванию публичного дискурса, его зависимость от множества объективных и субъективных факторов делают проблему определения языковой правильности в сфере публичной коммуникации не имеющей конкретного, однозначного решения. Если при оценке дискурса с точки зрения корректности используемых языковых средств можно говорить о существовании относительно оправданных и достоверных критериев установления нормативности, то при определении успешности либо не-успешности речи как коммуникативного акта эта задача становится практически неразрешимой. Причина того состоит в тесной взаимосвязи между коммуникатором и реципиентом как сторонами общения, при которой главным условием успешности интеракции является способность адресанта донести до адресата транслируемую информацию в таком виде, чтобы она смогла вызвать в нем определенную, желаемую перцепцию. При этом соответствие используемых в коммуникации речевых построений узусу далеко не всегда значимо или даже необходимо, ибо важнейшее ее условие возможности для речевой

интеракции стать коммуникативно успешной – наличие у рецептивной стороны тех же стандартов ведения вербальной коммуникации, каковыми оперирует и сторона транслирующая. Иными словами, адресант может рассчитывать на успех со стороны адресата в случае, если этико-речевые стандарты обеих сторон общения совпадают. По этой причине узуально корректная речь будет способствовать успешной коммуникации лишь при условии, что ее рецептором также выступит носитель нормативной речевой культуры, и наоборот, окажется неуспешной, если будет адресована рецептору с трансформированными речевыми компетенциями. Именно этим, главным образом, объясняется тот факт, что в современном публичном дискурсе так часто реализуются те или иные формы лингвостилевых девиаций – они отражают и в полной мере соответствуют этико-речевым «стандартам» и ожиданиям целевых аудиторий.

Возвращаясь к поднятым в начале статьи проблемам культуры речи и речевой экологии, необходимо отметить, что лингвокоммуникативные «болезни», с горечью и тревогой констатируемые сегодня учеными в сфере публичной коммуникации, фактически являются естественным результатом существования тесной взаимосвязи между двумя сторонами речевого общения. В условиях, когда основная масса рецептивных коллективов не владеет канонической речью и не считает ее эталонной в принципе, более того, рассматривают ее стандарты как излишние и бессмысленные, поскольку они противоречат главной, по их мнению, задаче современной коммуникации – быть информативной, соблюдение стилистико-языковых норм перестает быть коммуникативным императивом. Стремясь максимально эффективно взаимодействовать с рецептивным обществом, ориентированным на такие задачи коммуникации, публичный дискурс вынужден целенаправленно нарушать те или иные этико-речевые каноны, организуя свое семантико-стилевое содержание таким образом, чтобы быть в первую очередь доступным, современным, привлекательным и востребованным для реципиентов. В результате такой игры «в поддавки» с целевыми аудиториями, публичный дискурс наполняется все большим количеством девиаций, осознанно имплементируе-

мых коммуникатором с целью реализации его прагматических интенций. Негативным последствием этого для речевой экологии в целом является как дальнейшее закрепление в сознании рецептивных коллективов уже существующих потребностей в лингвокоммуникативных иррегулярностях, так и, что еще опаснее, формирование у начинающих участников публичного вербального общения запроса на такие «анти-стандарты» его построения.

В этом, по нашему мнению, кроется одна из серьезнейших угроз для всей сферы современной публичной коммуникации, ибо нарушения границ языковой нормативности и речевой этики, столь позволительные и привлекательные сегодня в сиюминутном стремлении добиться более успешного и эффективного общения, в долгосрочной перспективе могут привести к разрушению фундаментальных основ самого национального языка, равно как и неразрывно связанных с ним национальной культуры и национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бацевич Ф. С., 2014. Коммуникативные девиации и условия успешности речевого жанра // *Жанры речи*. № 1–2 (9–10). С. 16–21.
- Гумбольдт В. фон, 1984. *Избранные труды по языкознанию*. М. : Прогресс. 400 с.
- Кезина С. В., 2016. Экологическая функция языка и духовная семантика слова // *Экология языка и речи : материалы V Междунар. науч. конф.* (Тамбов, 3–5 нояб. 2016 г.). Тамбов : Принт-Сервис. С. 29–33.
- Копнина Г. А., Еремина Е. В., 2015. Системность языка, экология коммуникации и гуманитарная составляющая образования: к 85-летию юбилею профессора А.П. Сквородникова // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 14, № 1. С. 21–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.2>.
- Кушнерук С. П., 2018. Естественное и искусственное в создании текстов современной коммуникации // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 3. С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.2>.
- Леонтьев В. В., 2016. Грубость грубости рознь: к 20-летию исследований речевой невежливости в лингвистике // *Вестник Волгоградского*

- государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.3>.
- Майорова А. В., 2016. Языковая культура современных средств массовой информации // Филологические науки в России и за рубежом : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, дек. 2016 г.). СПб. : Свое изд-во. С. 54–56. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11364/> (дата обращения: 05.04.2019).
- Серль Дж. Р., 1986. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Наука. С. 151–169.
- Сиротинина О. Б., 2001. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та. С. 16–28.
- Сковородников А. П., 1997. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 2 / отв. ред. А. П. Сковородников. Красноярск ; Ачинск : Изд-во Краснояр. ун-та. С. 10–15.
- Сковородников А. П., 2008. Об элитарном типе речевой культуры // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии : материалы XIII Всерос. филол. чтений им. проф. Р. Т. Гриб (1928–1995) / науч. ред. Б. Я. Шарифуллин. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т. С. 209–214.
- Усанова О. Г., 2010. Речевая культура: проблемы и перспективы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. Серия 3, Языкознание. № 3 (23). С. 105–108.
- Фортунатов А. Н., Бокова А. В., 2014. Преодоление виртуальности. Опыт компаративного анализа социальных значений локальных сообществ в Томске и Нижнем Новгороде // Вестник Томского государственного университета. № 388. С. 102–105. DOI: [10.17223/15617793/388/17](https://doi.org/10.17223/15617793/388/17).
- Chomsky N., 1957. Syntactic Structures. Hague ; P. : Mouton. 117 p.
- Chomsky N., 1965. Aspects of the theory of syntax. Cambridge : M.I.T. Press. 247p.
- Droste F. G., 1977. Levels of Deviance in Linguistic Communication // Linguistics 200. N. Y. : Mouton Publishers. P. 5–25.
- Hintikka K. I. J., 1971. Semantics for Propositional Attitudes // Reference and Modality / ed. by L. Linsky. Oxford : Oxford University Press. P. 158–167.
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 4. С. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Lakoff G., 1971. On Generative Semantics // Semantics / ed. by D. Steinberg, L. Jakobovits. Cambridge : Cambridge University press. P. 232–296.
- Linsky L., 1969. Reference and Referents // Problems in the Philology of Language / ed. by Th. M. Olszewsky. N. Y. : Mouton Publishers. P. 208–228.
- Marcus R. B., 1971. Extensionality // Reference and Modality / ed. by L. Linsky. Oxford : Oxford University Press. P. 55–62.
- Mates B., 1975. On the Semantics of Proper Names // Ut Videam / ed. by W. Abraham. Lisse : Peter de Ridder. P. 191–209.
- McCawley, 1968. Lexical Insertion in the Transformational Grammar without Deep Structure // Papers from the CLS 4. Chicago : Chicago University Press. P. 71–80.

REFERENCES

- Batsevich F.S., 2014. Kommunikativnye devyatsii i usloviya uspeshnosti rechevogo zhanra [Communicative Deviations and Circumstances of Efficiency of Speech Genres]. *Zhanyri rechi* [Speech Genres], no. 1-2 (9-10), pp. 16-21.
- Gumbolt V. fon, 1984. *Izbrannye trudy po yazikoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 400 p.
- Kezina S.V., 2016. Ekologicheskaya funktsiya yazyka i dukhovnaya semantika slova [Ecological Function of Language and Spiritual Semantics of the Word]. *Ekologiya yazyka i rechi* [Linguistic and Speech Ecology]: proceedings of the Vth International scientific conference (Tambov, 3-5 November 2016). Tambov, Print-Servis Publ., pp. 29-33.
- Kopinina G.A., Eremina E.V., 2015. Sistemnost yazyka, ekologiya kommunikatsii i gumanitarnaya sostavlyayushchaya obrazovaniya: k 85-letnemu yubileyu professora A. P. Skovorodnikova [Language consistency, ecology of communication and humanitarian constituent of education: devoted to the 85th anniversary of professor A.P. Skovorodnikov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 2, Yazikoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 14, no. 1, pp. 21-29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.2>.
- Kushneruk S.P., 2018. Estestvennoe i iskustvennoe v sozdanii tekstov sovremennoi kommunikatsii [Combination of Natural and Artificial Factors in Making up Modern Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazikoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no 3, pp. 16-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.2>.

- Leontiev V.V., 2016. Grubost grubosti rozn: k 20-letiyu issledovaniy rechevoy nevezhlivosti v lingvistike [Rudeness Differs: to the 20th Anniversary of Linguistic Impoliteness Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 2, Yazikoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 26-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.3>.
- Maiorova A.V., 2016. Yazykovaya kultura sovremennykh sredstv massovoy informatsii [Linguistic Culture of Present-Day Mass Media]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, dekabr 2016 g.)* [Philological Sciences in Russia and Abroad: proceedings of the IV International Science Conference (Saint Petersburg, December 2016)]. Saint Petersburg, Own Publishing House, pp. 54-56. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11364/> (available at: 05 April 2019).
- Serl J.R., 1986. Chto takoye rechevoy akt [What is a Speech Act]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, iss. 17. Moscow, Nauka Publ., pp. 151-169.
- Sirotnina O.B., 2001. Osnovnye kriterii khoroshey rechi [Main Criteria of Good Speech]. *Khoroshaya rech* [Good Speech]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 16-28.
- Skovorodnikov A.P., 1997. Yazykovoe nasilie v sovremennoy rossiyskoy presse [Linguistic Abuse in Present-Day Russian Press]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication]. A.P. Skovorodnikov (ed.). Krasnoyarsk, Achinsk, Krasnoyarsk University Publishing House, iss. 2, pp. 10-15.
- Skovorodnikov A.P., 2006. Ob elitarnom type rechevoy kulture [On the Elite Type of Speech Culture]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy filologii: materialy XI filologicheskikh chteniy imeni professora R.T. Grib (1928–1995)* [Theoretical and Applied Aspects of Present-Day Philology: proceedings of 13th Philological Readings named after R.T. Grib (1928–1995)]. B.Ya. Sharifullin (ed.). Krasnoyarsk, Krasniyarskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 209-214.
- Usanova O.G., 2010. Rechevaia kultura: problemy i perspektivy [Speech Culture: Problems and Perspectives]. *Vestnik Chelyabenskoi gosudarstvennoi akademii kulture i iskusstva. Seria 3, Yazikoznanie* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], no 3 (23), pp.105-108.
- Fortunatov A.N., Bokova A.V., 2014. Preodolenie virtualnosti. Opyt komparativnogo analiza sotsialnykh znachenii lokalnykh soobshchestv v Tomske i Nizhnem Novgorode [Overcoming of Virtuality. Experience of Comparative Analysis of the Social Values of Local Communities in Tomsk and Nizhny Novgorod]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 388, pp. 102-105. DOI: [10.17223/15617793/388/17](https://doi.org/10.17223/15617793/388/17).
- Chomsky N., 1957. *Syntactic Structures*. Hague, Paris, Mouton. 117 p.
- Chomsky N., 1967. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, M.I.T. Press. 247 p.
- Droste, F.G., 1977. Levels of Deviance in Linguistic Communication. *Linguistics 200*. New York : Mouton Publishers, pp. 5-25.
- Hintikka, K.I.J., 1971. Semantics for Propositional Attitudes. *Reference and Modality*. L. Linsky (ed.), Oxford University Press, pp. 158-167.
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 2, Yazikoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 18-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Lakoff G., 1971. On Generative Semantics. *Semantics*. D. Steinberg, L. Jakobovits (eds.). Cambridge University press, pp. 232-296.
- Linsky L., 1969. Reference and Referents. *Problems in the Philology of Language*. Th.M. Olszewsky (ed.). New York, Mouton Publishers, pp. 208-228.
- Marcus R.B., 1971. Extensionality. *Reference and Modality*. L. Linsky (ed.). Oxford University Press, pp. 55-62.
- Mates B., 1975. On the Semantics of Proper Names. *Ut Videam*. W. Abraham (ed.). Lisse, Peter de Ridder, pp. 191-209.
- McCawley, 1968. Lexical Insertion in the Transformational Grammar without Deep Structure. *Papers from the CLS 4*. Chicago University press, pp. 71-80.

Information About the Author

Elena I. Pochtar, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Shevchenko State University of Pridnestrovie, 25-go Oktyabrya St, 127, 3300 Tiraspol, Pridnestrovie, ent_15@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5029-1948>

Информация об авторе

Елена Ивановна Почтарь, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25-го Октября, 127, 3300 г. Тирасполь, Приднестровье, ent_15@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5029-1948>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.11>

UDC 81'42:34
LBC 81.055.51.3

Submitted: 07.04.2020
Accepted: 14.09.2020

SPEECH PATTERNS IN LITIGATION DOCUMENTS (EXEMPLIFIED BY DECREES)

Yuliia V. Donskova

First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia

Abstract. The study focuses on speech patterns typically used in litigation documents issued at the stage of criminal proceeding initiation and pre-trial investigation, which belong to the genre of decree. It is stated that Russian Federation Criminal Procedure Code and most of the Comments to it lack any language requirements to the text organization in these litigation documents. The article is aimed at defining characteristics of the decree genre structure; in particular, lexical and grammatical means that are used in decree texts are equated to the language norms. Some most frequent cases of lexical compatibility violation within set expressions and cliché of litigation documents and their combinations are detected. The author adheres to the opinion that language norms violations may have legal consequences in qualifying offenses and their types. The analysis of syntactic structure of sentences reveals that there is no distinction in the linguistic category of event completeness, in the texts they are presented as hypothetical events. Several aspects of modality in decree texts are studied. The author lays down some requirements on composing a narrative part of the decree as a forensic genre, makes an assertion that it is time to formulate some firm linguistic criteria of decree documentation organization and indicate the consent on expediency of linguistic expertise.

Key words: forensic linguistics, speech genre, litigation documents, linguistic expertise, linguistic norm, modality, nonfictional narrative.

Citation. Donskova Yu.V. Speech Patterns in Litigation Documents (Exemplified by Decrees). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 148-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.11>

УДК 81'42:34
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 07.04.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ)

Юлия Викторовна Донскова

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено выявлению речевых особенностей процессуальных документов, сопровождающих возбуждение уголовного дела и предварительное следствие, относящихся к жанру постановления. Показано, что в статьях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и в большинстве комментариев к нему не содержится требований к речевой организации данного процессуального документа. Охарактеризована структура жанра постановления. С точки зрения соблюдения языковых норм

рассмотрены лексические и грамматические средства, функционирующие в текстах постановлений. Приведены типовые случаи нарушения сочетаемости лексических единиц в составе устойчивых выражений и клише, функционирующих в юридическом дискурсе, и их комбинаций. Обосновано положение о том, что нарушение языковых норм в юридическом документе может иметь правовые последствия, связанные с квалификацией правонарушений и их состава. В результате анализа синтаксической структуры предложений установлено, что в документах при описании событий лингвистически не разграничиваются совершенные действия, которые приписываются субъектам как возможные, и гипотетические действия. Представлены некоторые аспекты модальности процессуального документа. Сформулированы требования к составлению нарративной части постановления как юридического документа. Делается вывод о необходимости выработки четких критериев речевого оформления процессуальных документов и целесообразности их лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, речевой жанр, процессуальные документы, лингвистическая экспертиза, языковая норма, модальность, нехудожественный нарратив.

Цитирование. Донскова Ю. В. Речевые особенности процессуальных документов (на примере постановления) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 148–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.11>

Введение

Любые процессуальные действия и их результаты должны быть зафиксированы в письменной форме в виде соответствующих документов. К последним относятся постановления, которые закрепляют решения как на стадии возбуждения уголовного дела (постановления о возбуждении уголовного дела), так и на стадии предварительного следствия (постановления о привлечении в качестве обвиняемого, постановления о выделении материалов уголовного дела в отдельное производство и постановления о назначении судебной экспертизы). Исследования в области юридической лингвистики на основе имеющейся практики показывают, что процессуальные документы имеют ряд специфических дискурсивных особенностей. Однако открытым остается вопрос о том, влечет ли нарушение нормы языка несоблюдение нормы права и создает ли угрозу правовой безопасности субъекта. В поисках ответа на него необходимо рассмотреть структурную специфику постановлений, обусловленную особенностями процессуального использования данного типа текстов, а также обратиться к лексическим и синтаксическим характеристикам указанных видов документов.

Материал и методы

В последнее время процессуальные документы становятся объектом изучения не только юристов, но и лингвистов, в среде которых доминируют дискурсивный и сти-

листический подходы. В рамках первого подхода постановление понимается как один из формульных жанров официально-делового стиля. И.Д. Зайцева определяет данный вид документа как «речевой результат производимых следственных действий, закрепленный в форме документа, частная цель которого – резюмировать известные сведения и вынести решение о возбуждении дела» [Зайцева, 2010, с. 145]. Хотелось бы добавить, что вынесенное решение может касаться не только возбуждения дела, но и ряда других действий, описанных выше.

В рамках второго, стилистического подхода исследуются частотные нарушения в использовании лексических возможностей языка в текстах постановлений (неумение пользоваться всем диапазоном синонимического ряда, трудности в разграничении паронимов и омонимов, активное употребление канцеляризмов, некорректное употребление многозначных слов); нарушения логики изложения, абзацного членения, а также норм орфографии и пунктуации; повторы различного типа, речевая избыточность и недостаточность. Однако эти аспекты в большей мере затрагивают речевую культуру автора документа.

Вопросы возникновения юридических последствий в результате нарушения языковой нормы в тексте процессуального документа обсуждаются рядом специалистов. Так, Е.Н. Егорова считает, что нормы языка несопоставимы с нормами права и нарушение первых в юридическом документе может повлечь за собой не столько правовые

последствия, сколько нарушение коммуникативной функции. При этом автор отмечает, что ошибки в образовании форм слова или построении предложения и, как следствие, возможность неоднозначной интерпретации могут свидетельствовать об уровне компетенции автора документа и в то же время повлечь за собой серьезные юридические последствия [Егорова, 2016, с. 120]. Необходимость строгого соблюдения языковых норм при оформлении юридических документов Е.Н. Егорова обосновывает в том числе и тем, что тексты постановлений и судебных экспертиз – это прецедентные тексты, то есть они являются объектами цитирования в других документах, например приговорах и решениях суда [Егорова, 2016, с. 122].

В работах И.И. Гулаковой и В.Н. Чаплыгина отмечается, что «при составлении процессуальных документов следователям необходимо полностью исключить возможности разночтений и истолкования, поскольку они неизбежно ведут к нарушению одной из основных функций права – функции регулирования правовых отношений» [Гулакова, Чаплыгин, 2015, с. 140–141]. Их точку зрения разделяют А.В. Никонов и Е.В. Горкина, подчеркивая важность непротиворечивого и четкого описания действий в процессуальных документах, причем указывают на то, как достижение этого требования связано с корректным использованием стилистических возможностей языка [Никонов, Горкина, 2017, с. 152]. Именно из этой позиции мы будем исходить в своем анализе, на практическом материале выявляя, как семантико-грамматические особенности текста описательно-мотивировочной части постановления могут привести к разночтениям и оказать влияние на квалификацию состава преступления. В исследовании использованы методы компонентного анализа лексических и грамматических единиц.

Материалом для изучения послужили документы из личного экспертного архива автора, а также из открытых источников: сайтов www.mos-gorsud.ru, kirovcourt oms.sudrf.ru, www.gcourts.ru. Для анализа были отобраны 15 текстов. При цитировании материалов сохраняется орфография и пунктуация первоисточника.

Результаты и обсуждение

Структурные особенности жанра постановления

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) выделяются три вида постановлений: о привлечении в качестве обвиняемого, о возбуждении уголовного дела публичного обвинения, о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела.

Структура постановления о привлечении в качестве обвиняемого определяется в п. 2 ст. 171 УПК РФ («Порядок привлечения в качестве обвиняемого») и имеет три части. Вводная часть документа отличается высокой степенью стандартизованности, поскольку представляет собой текстовую рамку с инициальной составной частью, в которой называется автор постановления с указанием институциональной принадлежности, а также данные лица, в отношении которого оно составляется. В описательно-мотивировочной части сообщается о преступных действиях, которые должны быть доказаны. В резолютивной части приводится решение должностного лица. Структура постановления о возбуждении уголовного дела публичного обвинения определяется в п. 2 ст. 146 УПК РФ («Возбуждение уголовного дела публичного обвинения»): в тексте постановления необходимо указать повод и основание его вынесения. Постановлениям о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела посвящена ст. 155 УПК, однако структура постановлений данного вида в ней не характеризуется.

Как видим, законодательством определяются типовые элементы структуры и содержания процессуальных документов некоторых видов, при этом языковые аспекты их оформления в текстах статей УПК не указаны, также нет упоминания о них и в большинстве комментариев к УПК. Исключением являются комментарии к УПК А.П. Рыжакова, который в отношении ст. 171 УПК РФ указывает на необходимость соблюдения при передаче фабулы в описательной части постановления таких критериев, как четкость и точность формулировок [Рыжаков, 2014]. Это важное

замечание, поскольку об указанных критериях специалисты говорят применительно к текстам судебных и нормативных актов, а также документов договорной сферы. По нашему мнению, необходимо распространить их и на процессуальные документы, в том числе и на постановление, которое также является документом одной из сфер права и создается на естественном языке.

Лексические особенности жанра постановления

Язык текстов основной части постановлений характеризуется клишированностью, при этом ее степень тем больше, чем меньше уникальность описываемых событий. Обратимся к примерам использования устойчивых для русскоязычного юридического дискурса выражений, используемых в пределах одного постановления.

К значимым лексемам в анализируемых постановлениях относится *сговор*. Эта лексема употребляется в клишированном выражении *действуя в составе группы лиц по предварительному сговору*. В различных лексикографических источниках приводятся следующие значения лексемы *сговор*:

- «соглашение в результате переговоров (обычно тайное); заговор» (БТС, с. 1166);
- «соглашение с целью совместного осуществления преступного замысла» (МАС, с. 61);
- «соглашение в результате переговоров» (РСС).

Интегральной в значении лексемы *сговор* является сема 'соглашение', отражающая ситуацию договоренности, возникшей для осуществления некоторого замысла. Непроцессуальный признак лексемы *сговор* в анализируемом выражении актуализируется прилагательным *предварительный*, которое реализуется в значении «предшествующий чему-л. основному, главному; бывающий перед чем-л.» (БТС, с. 957–958) и семантически близко наречию *заранее* (НОССРЯ, с. 588). Таким образом, словосочетание *предварительный сговор* указывает на наличие соглашения; заговора, согласованного заранее, предшествующего какому-либо действию.

Другая значимая лексема, входящая в русскоязычные юридические клише, – *умы-*

сел. В разных словарях современного русского языка зафиксированы следующие значения данной лексемы:

- «заранее обдуманное тайное намерение (обычно предосудительное, неблагоприятное)» (БТС, с. 1389);
- «заранее обдуманное тайное намерение (преимущественно предосудительное)» (МАС, с. 496);
- «одна из форм вины (противопоставляемая неосторожности) – подготовка преступления с осознанием его общественно опасных последствий (спец.)» (РСС).

В семантике лексемы *умысел* находит отражение идея «волевого импульса, но при этом акцентируется не внутренняя готовность к действию, а наличие четко осознаваемой цели» (НОССРЯ, с. 588). Важно отметить, что, как правило, она не демонстрируется явно. Кроме того, синонимический ряд *намерение, замысел, задумка, умысел* характеризуется такими свойствами, как «осознание человеком своих возможностей, т. е. включает обдумывание и представление о вероятном результате» (НОССРЯ, с. 588).

Возникновение умысла в русскоязычном юридическом дискурсе репрезентируется лексемой *внезапно*. Это наречие относится к семантическому классу «образ действия», обозначает характер протекания ситуации и имеет значение «вдруг, неожиданно; непредвиденный» (БТС, с. 137). По данным «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», лексема *внезапно* используется в случае, когда «Р = имеет место Р; говорящий или наблюдатель не ожидал, что будет Р или что Р произойдет именно в данный момент» (НОССРЯ, с. 655). В юридических текстах существительное *умысел* входит в состав двух определений, дающих разграничение намерений совершения деяния по времени формирования: «заранее обдуманные» и «внезапно возникшие». При этом клише *внезапно возникший умысел* построено с нарушением лексической сочетаемости, в связи с чем возникает вопрос допустимости его применения в юридическом дискурсе.

Результатом использования не вполне корректного словосочетания становится то, что в текстах постановлений предварительного следствия и приговоров суда (первый тип

документа обязательно цитируется во втором) при описании преступных действий понятия «внезапно возникший умысел» и «предварительный сговор» зачастую объединяются как однотипные характеристики действия:

(1) После чего, <ФИО>, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе **внезапно возникшего преступного умысла**, направленного на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью <ФИО>, с применением предметов, используемых в качестве оружия, и с этой целью, вступил с <ФИО> **в предварительный преступный сговор**, распределив при этом роли, и действуя совместно и согласованно с соучастником <ФИО> (<https://www.mosgorsud.ru/rs/.../cases/.../0831dec2-0edc-4c8e-bd43-f67a73b4ab9c>);

(2) Следствием установлено, что <ФИО> действуя в точно неустановленное следствием время, но не позднее <время> (пример из личного архива);

(3) **...В ходе внезапно возникшего конфликта** на почве личных неприязненных отношений между неустановленными следствием лицами, находящимися на первом этаже здания <название> расположенном по адресу: <...>, в присутствии посторонних лиц, в пятничный день, в вечернее время суток, когда многие граждане посещают развлекательные мероприятия из хулиганских побуждений, <ФИО>, **реализуя свой внезапно возникший умысел в составе группы лиц по предварительному сговору** вступил в конфликт с <ФИО> (пример из личного архива);

(4) Затем <ФИО> и <ФИО>, **реализуя внезапно возникший умысел**, направленный на открытое хищение чужого имущества, **группой лиц по предварительному сговору**, умышленно, из корыстных побуждений, потребовали от <ФИО> передачи денежных средств <...> (http://kirovcourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=406);

(5) <Дата>, около <время> часов, в <адрес> реализуя **внезапно возникший умысел** на совершение тайного хищения чужого имущества, из корыстных побуждений, группой лиц **по предварительному сговору** несовершеннолетний <ФИО> с несовершеннолетним <ФИО> и лицом уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство (<http://www.gcourts.ru/case/7225361>).

Однако, как показывает вышеприведенный анализ соответствующих лексем, описание преступного действия, совершенного по *предварительному сговору* или в результате *внезапно* возникшего умысла, является про-

тиворечивым, что усиливается использованием лексемы *заранее* (*заранее приготовленный и находящийся при нем для совершения преступления*). Она имеет только одно значение – «за некоторое время до чего-л.; заблаговременно» (БТС, с. 342; МАС, с. 565) – и используется в контекстах, «описывающих целенаправленные действия, которые совершаются для того, чтобы подготовить наступление каких-либо событий» (НОССРЯ, с. 365). Подготовить *заранее* то, что возникнет *внезапно*, нельзя. Таким образом, фразы *заранее приготовленный пистолет* и *внезапно возникший конфликт / умысел <...> по предварительному сговору* нарушают лексические нормы.

Следовательно, описание событий содержит логическое противоречие: одно и то же действие показывается и как заранее спланированное, и как возникшее непредвиденно, неожиданно. Истоками этого противоречия в значительной мере является использование изначально некорректного с лингвистической точки зрения выражения.

Процессуальный документ как нарратив

Поскольку главным элементом основной части постановлений является описание обстоятельств совершения правонарушения, мы предлагаем рассмотреть текст постановления как нарратив. Традиция изучения нарративной составляющей юридического документа уже сформировалась в юридической лингвистике. Среди зарубежных исследований можно выделить работу Питера Тиерсма, который обращается к истории британского правосудия. Он отмечает, что повествовательный элемент существует в структуре судебного документа по крайней мере со времен Средневековья. Юристы того времени должны были излагать предположительные утверждения и доказывать истинность утверждаемых клиентами фактов, то есть и истцы, за которых выступал ходатай, и юристы рассказывали суду «историю» [Tiersma, 1999, p. 148–149]. Среди работ отечественных исследователей отметим статью К. Титаева и М. Шклярчук, которые сравнивают деятельность следователя с творчеством

драматурга, поскольку в ходе расследования из отдельных фактов составляется нарратив, позволяющий принять процессуальное решение [Титаев, Шклярчук, 2015, с. 199].

Текст описательно-мотивировочной части постановления является «нехудожественным нарративом», поскольку данный структурный компонент процессуального документа представляет собой воспроизведение некоторой последовательности событий, имевших место в реальности, а должностное лицо, составляющее постановление, становится их реконструктором. Дискурс процессуального документа имеет разностороннюю направленность: на других лиц (в случае доказанности совершенных деяний) или на адресанта (в случае прекращения уголовного дела). Опираясь на концепцию А.В. Глазкова, постановления можно отнести к нехудожественным нарративам неактуального действия, как тексты, «рассказывающие о ситуации, не развивающейся во время написания текста» [Глазков, 2016, с. 52]. Исследователь выделяет ряд специфических черт нехудожественного нарратива неактуального действия, рассматривая в качестве объектов мемуарные и иные исторические тексты. Однако нехудожественный нарратив в публицистическом тексте отличается от нарратива в официально-деловом тексте. К созданию нарратива в процессуальном документе предъявляются следующие требования: автору необходимо выстраивать текст согласно происходящим событиям; факты должны пройти проверку «реальностью», поэтому они не должны быть искажены; рассказ не допускает аналитичности, то есть автор должен ограничиваться фактической стороной дела и не может давать никаких оценок, кроме предусмотренных законом.

Еще один важный компонент нехудожественного нарратива неактуального содержания – это речевые средства воплощения. По мнению Т. ван Дейка, так как нарративы являются только одним (эмпирическим) типом дискурса, то ясно, что более общее знание о синтаксисе и семантике дискурса и об особенностях, различающих типы дискурсов, – необходимое требование к характеристикам их абстрактной глубинной (логической) структуры [Dijk van, 1976, p. 290].

Грамматика повествования в процессуальном документе

С лингвистической точки зрения минимальная нарративная единица – это предикат. Она в значительной степени определяет нарративную стратегию автора. Рассмотрим следующие высказывания из текстов постановлений:

(6) ...Соучастники Х., З., в процессе совершения вышеуказанных преступных действий Х. и неустановленным соучастником, **наблюдал** за окружающей преступной обстановкой, своим присутствием **показывали** численное и физическое превосходство соучастников, а также **были готовы применить насилие** к потерпевшим Н., Г. (пример из личного архива);

(7) ...Соучастник Х., игнорируя посторонних лиц, **демонстрировал** неустановленный следствием предмет, похожий на пистолет, который **был готов использовать** при совершении данного преступления в качестве оружия, при возникшей необходимости или иного сопротивления (пример из личного архива);

(8) ...Х., У., З. и не менее двух неустановленных следствием лиц были длительное время знакомы между собой, **посещали** тренировки спортивного клуба <...>, владельцем которого являлся Х., четко **осознавали**, что **прибыли** на место для осуществления сопровождения Х., в том числе **были готовы оказать** при необходимости ему физическую **поддержку** (пример из личного архива);

(9) Данное оружие фактически находилось у Х. и У., однако, **должно было использоваться** в целях и интересах всех соучастников (пример из личного архива).

В примерах (6)–(8) дается описание действий участников преступления, а в примере (9) сообщается о предмете. Основным средством выражения действий выступают глаголы несовершенного вида прошедшего времени множественного числа: *наблюдал*, *показывали*, *посещали*, *демонстрировали*, *прибыли*, *осознавали*.

Глаголы *наблюдать* «осуществлять надзор, наблюдение» (БТС, с. 570), *демонстрировать* «представлять для обозрения, публично показывать» (БТС, с. 250) относятся к таксономической категории деятельности, протяженной во времени [Падучева, 2004, с. 207]. Глагол *показывать* «поведением, словами, видом дать понять что-л., побудить

догадаться о чем-л.» (БТС, с. 893) входит в таксономическую категорию «обычного действия» [Падучева, 2004, с. 207]. Глагол *посещать* «являться куда-л. или к кому-л. на какое-то время, побывать где-л., у кого-л.» (БТС, с. 932) относится к парным глаголам (термин Е.В. Падучевой) таксономической категории моментальных глаголов действия, но глагол *посещать*, в отличие от парного ему *посетить*, обозначающего завершённое действие, содержит семантический компонент неодноратности. Глагол *осознавать* «понять, уразуметь» (БТС, с. 732) включается в тематический класс ментальных глаголов, выражающих не конкретное действие, а способности субъекта, «ментальное свойство X-а, являющееся результатом достижения мыслительных операций» [Кобозева, 2009, с. 177]. Ю.Д. Апресян даёт толкование глагола *понимать* как синонима глагола *осознавать* в идентичной синтаксической позиции: «А понимает, что Q = 'В момент t_0 А знает или представляет, что Q; это знание или представление возникло в результате того, что до t_0 А знал что-то о ситуациях, связанных с Q, и думал о чем-то, связанном с Q; знание, что Q, делает возможным знать или представить, что может произойти после t_0 '» [Апресян, 1995, с. 50].

Необходимо также обратить внимание на конструкцию *быть* + предикатив *готовый* + инфинитив. Один из предикатов в каждом из высказываний (6)–(8) состоит из глагола-связки *были* / *был* в форме мн. ч. или ед. ч. муж. рода соответственно. Смысловой компонент выражен модальным предикативом *готовы* / *готов*: «имеющий желание, склонный, расположенный, способный что-л. сделать» (БТС, с. 223), «такой, который решил, что он сделает Р, несмотря на возможные трудности, или не будет мешать осуществлению Р, несмотря на его нежелательность, потому что это нужно для него и для кого-то другого» (НОССРЯ, с. 237). В примерах (6)–(8) валентность содержания выражается инфинитивом и указывает на значение онтологической возможности, которая выражает вероятностное суждение о том, что «X способен совершить Р по своим физическим или интеллектуальным данным» [Падучева, 2014], а агентам приписываются возможные, гипотетические действия, которые не совершались

в объективной реальности в прошлом, а могли осуществиться только при выполнении условия, указанного в придаточном предложении, которое начинается сочетанием *в случае*, выступающим в роли предлога со значением «если случится, если произойдет что-либо» (БТС, с. 223).

В примере (9) модальным оператором выступает лексема *должен* в сочетании с глаголами в личной форме *было* и инфинитиве *использоваться* (*однако, должно было использоваться в целях и интересах всех соучастников*). В данном случае можно говорить об эпистемической необходимости, когда говорящий / пишущий выражает свое убеждение, базирующееся на основании анализа наблюдаемых результатов этого события (явления), в высокой вероятности ситуации [Падучева, 2014].

Заключение

Представленные факты доказывают значимость речевого оформления юридических документов в целом и процессуальных в частности. Существующая терминология и устойчивые обороты изначально содержат смысловые противоречия, которые усиливаются при комбинации некоторых выражений в описательно-мотивировочной части процессуального документа.

Анализ синтаксической структуры предложений показывает, что в документах при описании событийного ряда нет четкого лингвистического разграничения фактически совершенного действия, которое приписывается субъектам как возможное, и гипотетического действия, что влияет на квалификацию состава преступления. Это свидетельствует о том, что нарушение языковых норм может повлечь за собой не только нарушение коммуникативной функции, но и правовые последствия.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о необходимости выработки четких критериев речевого оформления процессуальных документов. Избежать ошибок в толковании и выявить нарушения языковых норм в процессуальном документе даст возможность лингвистическая экспертиза документов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Проблема фактивности «знать» и его синонимы // Вопросы языкознания. № 4. С. 43–63.
- Глазков А. В., 2016. Актуальность содержания текстов: тексты неактуального содержания // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 3 (25). С. 52–58. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.25.52.
- Гулакова И. И., Чаплыгин В. Н., 2015. К вопросу о речевой культуре следователя при составлении процессуальных документов // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. С. 139–143.
- Егорова Е. Н., 2016. Язык судебного документа: узус и кодификация // Симбирский научный вестник. № 4 (26). С. 120–126.
- Зайцева И. Д., 2010. Постановление как речевой жанр // Филология и человек. № 3. С. 142–149.
- Кобозева И. М., 2009. Семантика глагола «понимать»: от пропозиционального отношения к межличностному // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог». Т. 8. М. : Изд-во РГГУ. С. 176–180.
- Никонов А. В., Горкина Е. В., 2017. Значение языка и стиля процессуальных документов в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 4 (43). С. 152–157.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры. 609 с.
- Падучева Е. В., 2014. Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 09.12.2019).
- Рыжаков А. П., 2014. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Титаев К., Шклярук М., 2015. «Языком протокола»: исследование связи юридического языка с профессиональной повседневностью и организационным контекстом // Социология власти. Т. 27, № 2. С. 168–206.
- Dijk van, T., 1976. Philosophy of action and theory of narrative // Poetics. Vol. 5, iss. 4. P. 287–338. DOI: 10.1016/0304-422X(76)90014-0.
- Tiersma P., 1999. Legal Language. Chicago : Univ. of Chicago Press. 328 p.

СЛОВАРИ

- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с.
- МАС* – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 : С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 797 с.
- НОССРЯ* – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. : Яз. слав. культуры ; Вена : Wiener slavistische almanach, 2004. 1417 с.
- РСС* – Русский семантический словарь : Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 10.11.2019).

REFERENSES

- Apresyan Yu.D., 1995. Problema faktivnosti «znat'» i ego sinonimy [The problem of factivity: Russian ZNATJ 'to know' and its synonyms]. *Voprosy jazykoznanija*, iss. 4, pp. 43–63.
- Glazkov A.V., 2016. Aktualnost soderzhaniya tekstov: teksty neaktualnogo soderzhaniya [Actuality of the text content: texts of nonactual content]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [The science of person: Humanitarian Researches], no 3 (25), p. 52–58. DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.25.52.
- Gulakova I.I., Chaplygin V.N., 2015. K voprosu o rechevoy kulture sledovatelya pri sostavlenii processualnykh dokumentov [On the question of the speech culture of the investigator in the preparation of procedural documents]. *Ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie problemy borby s prestupnostyu: Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Criminal procedure and forensic problems of combating crime: All-Russian scientific-practical conf.]. Orel, OrYUI MVD of Russia named after V.V. Lukyanova, p. 139–143.
- Yegorova E.N., 2016. Yazyk sudebnogo dokumenta: uzus i kodifikatsiya. [Language of judicial document: the usage and codification]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik* [Simbirsk Scientific Journal Vestnik], no 4 (26), pp. 120–126.
- Zaitseva I.D., 2010. Postanovlenie kak rechevoy zhanr [Resolution as a speech genre]. *Filologiya i chelovek* [Philology and person], no. 3, pp. 142–149.
- Kobozeva I.M., 2009. Semantika glagola «ponimat'»: ot propozitsionalnogo otnosheniya k

- mezhlichnostnomu [Semantics of the verb *ponimat'* «to understand»: from the propositional relationship to interpersonal]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii. Po materialam Mezhdunarodnoy konferencii «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies. According to the materials of the International Conference “Dialogue”]. Moscow, Russian State University in Humanities, vol. 8, p. 176-180.
- Nikonov A.V., Gorkina E.V., 2017. Znachenie yazyka i stilya processualnykh dokumentov v ugovnom sudoproizvodstve [The importance of language and the style of procedural documents in criminal proceedings]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry’s Digest], no. 4 (43), pp. 152-157.
- Paducheva E.V., 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ. 609 p.
- Paducheva E.V., 2014. Modalnost’ [Modality]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Materials for the project corpus description of Russian grammar. URL : <http://rusgram.ru> (available at 09.12.2019).
- Ryzhakov A.P., 2014. Kommentariy k Ugolovno-processualnomu kodeksu Rossyjskoy Federacii (postateynny) [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article)]. 9th ed., revised. *Reference Legal System ConsultantPlus* (available at 10.11.2019).
- Titaev K., Shklyaruk M., 2015. «Yazykom protokola»: issledovanie svyazi yuridicheskogo yazyka s professionalnoy povsednevnoy i organizacionnym kontekstom [In terms of official record: a study of the connection between legal language, everyday worklife and organizational context]. *Sociologiya vlasti*. [Sociology of power], vol. 27, no 2, pp. 168-206.
- Dijk van T., 1976. Philosophy of Action and Theory of Narrative. *Poetics*, vol. 5, iss. 4, pp. 287-338. DOI 10.1016/0304-422X(76)90014-0.
- Tiersma P., 1999. *Legal Language*, Univ. of Chicago Press. 328 p.

DICTIONARIES

- Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. S.A. Kuznetsov (ed.). Saint Petersburg, Norint Publ., 2008. 1536 p.
- Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 vol.]. A.P. Evgenieva (ed.). Moscow, Russkiy yazyk, Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 4. 797 p.
- Novyy ob'yasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Yu.D. Apresyan (ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., Vena, Wiener slavistische almanach, 2004. 1417 p.
- Russkiy semanticheskiy slovar: Tolkovyy slovar, sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary : dictionary, classified according to the classes of words and meanings]. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (available at 10.11.2019).

Information About the Author

Yuliya V. Donskova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, First Moscow State Medical University (Sechenov University), Trubetskaya St, 8-2, 119991 Moscow, Russia, donskova.expert@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8002-603X>

Информация об авторе

Юлия Викторовна Донскова, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), ул. Трубецкая 8-2, 119991 г. Москва, Россия, donskova.expert@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8002-603X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.12>

UDC 81'342.8
LBC 81.055.1

Submitted: 30.01.2020
Accepted: 14.09.2020

FUNCTIONS OF IRONICAL MODE IN THE RUSSIAN TRAVELOGUE

Ekaterina A. Shcheglova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The research is performed within the linguistic stylistic approach which allows to determine the pragmatic foundation as existence of the ironic mode. The article is devoted to consideration of travelogue as a special type of text and to the evidence that irony is one of the universal features of travelogue as a text, which helps to define the borders between “own” and “other” and is aimed at perception of these borders. The material for analysis includes the texts of the 19th and 20th centuries, which vividly express the author’s ironic attitude towards the reality. The functions of ironic mode in the Russian travelogue are revealed. The dominating role of the educating function is demonstrated. It is determined that ironic mode is characterized by polyfunctionality – simultaneous actualization of several functions, including: motivational (the motivation of readers to follow the author’s travel as well as accept his ideas), expressive and contact-setting (as combination of contact initiation and harmonization of communication), aesthetic (making an object of description artistic and sensitive) functions. The research might continue with studying the ironic mode in travelogue of different times in a comparative aspect as well as analyzing the ironic mode within the peculiarities of the author’s individual style.

Key words: travelogue, ironic mode, polyfunctionality, pragmatics, functions of ironic mode, educational function.

Citation. Shcheglova E.A. Functions of Ironical Mode in the Russian Travelogue. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 157-168. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.12>

УДК 81'342.8
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 30.01.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

ФУНКЦИИ ИРОНИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ТРАВЕЛОГЕ

Екатерина Александровна Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Исследование проведено в русле лингвостилистического подхода, который позволяет установить прагматические основы существования иронической тональности. Статья посвящена рассмотрению травелога как особого типа текста и доказательству положения о том, что ирония составляет одну из характерных универсальных черт травелога как текста, определяющего границы «своего» и «чужого» и направленного на познание этих границ. Материалом для анализа послужили тексты XIX и XX вв., в которых ярко выражено авторское ироническое отношение к действительности. Выявлены функции иронической тональности в русском травелоге. Показана доминирующая роль просветительской функции. Охарактеризована специфика побудительной (побуждение читателя к повторению путешествия автора, а также к принятию его идей), экспрессивной, контактоустанавливающей (совмещающая как установление контакта, так и установку на гармонизацию общения), эстетической (эстетизация объекта описания) функций. Установлено, что иронической тональности свойственна полифункциональность – одновременная актуализация нескольких функций. В качестве продолжения исследования определено изучение иронической тональности в травелогах разного времени в сопоставительном аспекте, а также анализ функционирования иронической тональности в свете особенностей индивидуального стиля автора.

Ключевые слова: травелог, ироническая тональность, полифункциональность, прагматика, функции иронической тональности, просветительская функция.

Цитирование. Щеглова Е. А. Функции иронической тональности в русском травелогге // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 157–168. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.12>

Введение

Термин «травелог» обычно обозначает совокупность текстов, в которых описываются реальные путешествия, совершенные их авторами (а иногда и нереальные; о соотношении вымысла и реальности в путевой литературе см.: [Шёнле, 2004]). Несмотря на типологическую и историческую разнородность таких текстов (хождения, путевые очерки, литературные путешествия, современные трэвел-медиа-тексты и т. п.), их объединяет объект описания (другая реальность – «другая страна» [Редькина, 2011], «иная» действительность [Кочетова, Плавина, 2018]), актуализация бинарной оппозиции «свое – чужое», особое положение автора как фигуры, обеспечивающей единство концептуального осмысления действительности, доминантная интенция (осведомление о территории [Дускаева, 2014]) и т. п. Это позволяет исследователям характеризовать травелог как дискурсивный жанр (см., например: [Плавина, 2019]).

Травелог активно изучается в разных аспектах в различных научных традициях, однако ироническая тональность как одна из его характерных черт, присущая целому кругу ключевых текстов русского травелога XIX и XX вв. (путешествия И.А. Гончарова, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, И. Ильфа, Е. Петрова и др.), объектом исследования не становилась.

В лингвистике термин «тональность» не имеет однозначной научной интерпретации (см., например: [Ильинова, Цинкерман, 2019; Карасик, 2008; Тупикова 2011; 2017; и др.]). В рамках настоящего исследования мы опираемся на классическую дефиницию, данную Т.В. Матвеевой, которая определяет тональность как текстовую категорию, «в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Матвеева, 2003, с. 549]. В таком понимании отражена непосредственная связь то-

нальности с эксплицированием авторской субъективации в тексте, проявляющейся на всех языковых уровнях – фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Представляется, что ироническая тональность занимает особое место в травелогге. Это предположение имеет несколько оснований (кроме уже упоминаемой частотности реализации).

Во-первых, ироническая тональность базируется на скрытом комизме, вызванном неожиданным сопоставлением, нарушением логических связей [Тупикова, 2017, с. 405], то есть в ее основе лежит противоречие мыслительной природы. Путешествие всегда является ситуацией «слома культур» [Лотман, Успенский, 1987; Пономарёв, 2011]: привычное приходит в столкновение с «другим», непривычным, находящимся вне пределов устоявшейся нормы, на фоне чего путешественником (и читателем путешествия) осуществляется поиск себя в мире [Leed, 1978; Blanton, 1997]. Таким образом, в травелогге это противоречие обусловлено самим объектом описания.

Во-вторых, в травелогге продуктивность иронической тональности определена коммуникативной целью: описанием «другой» действительности, которая воспринимается как нарушение нормы. Важно при этом, что «имеется в виду не всякое отклонение от нормы, а лишь такое, что вызывает возникновение добавочного смысла» [Трач, 2007, с. 176]. В травелогге приращение этого добавочного смысла становится необходимым шагом к познанию мира и себя в этом мире. Путешествие (и реальное, и воплощенное в слове) имеет воспитательный и просветительский потенциал: так видели это сами путешественники, так осмысливается путешествие как феномен в науке (с философских позиций [Беккер, 2011]; в историко-культурном ключе [Козлов, 2003; Стефко, 2009]). Проведенное Д. Чандлером исследование таких феноменов, как ирония, метафора, метонимия, синекдоха, показало, что они образуют систему когнитивных инструментов, с помощью которых происходит ка-

тегоризация явлений окружающей действительности [Chandler, 2007]. А.Ф. Лосев подчеркивал, что отражение истины составляет сущностное свойство иронии [Лосев, 1966]. Эту же мысль на материале текстов просветительской журналистики XVIII в. подтверждает А.А. Малышев [Малышев, 2015; 2016].

В-третьих, особое положение иронической тональности в травелоге обусловлено характером взаимоотношения коммуницирующих субъектов. Традиционно исследователями травелога отмечается специфика автора в текстах такого типа, их наполненность авторским присутствием: авторским «я» определяется маршрут и локация, точка наблюдения и т. п. И.К. Архипов, рассуждая о комическом, замечает: «Мир вокруг нас сам по себе ни серьезен, ни важен, ни смешон, ни трагичен, он – никакой с эмоциональной точки зрения; ее привносит только сам человек под диктовку своих внутренних потребностей, которые он сам же себе устанавливает» [Архипов, 2007, с. 116]. Автор травелога должен не просто показать читателю мир как он есть, читатель ждет от него оценки описываемых объектов («субъективная достоверность» [Щеглова, 2013]). Ирония же является не только приемом, но типом восприятия мира, основанным, как показано лингвистами, на критическом отношении к действительности и интеллектуальном усилии [Медиалингвистика..., 2018, с. 252]. Ироническая тональность делает описываемую действительность интереснее для читателя и становится средством актуализации семантических доминант повествования. При этом следует учитывать, что травелог всегда находится в тесном взаимодействии с действительностью, отражая ее, реагируя на ее изменения, отвечая на потребности читателя в каждый отдельно взятый временной промежуток (о значении фигуры автора в путешествии и взаимодействии путевого текста с действительностью см.: [Шадрина, 2003; Шачкова, 2008]). С этой точки зрения ироническая тональность в травелоге соответствует общей идеологической ориентации общества определенного времени, а автор выступает как проводник ключевых идей своего времени.

Рассуждая о прагматике иронии в языке, Б.А. Гомлешко пишет: «Прагматичность

иронии в тексте определяется тем, что иронический акт является актом оценивания, а оценка стоит в преддверии выбора и решения, влекущих за собой переход к практическим действиям» [Гомлешко, 2008, с. 11]. Исследователь приводит список функций иронии, однако очевидно, что он должен меняться и подвергаться корректировке в зависимости от типа текста. В статье представлены результаты такой корректировки применительно к жанру травелога.

Материал и методы

Материалом послужили тексты XIX и XX вв., написанные на основании реально совершенных путешествий, в которых ироническая тональность играет ключевую роль в текстоформировании. В данном случае мы сознательно отказываемся от рассмотрения взятых для анализа текстов в рамках историко-литературной традиции, поскольку нас интересует исключительно прагматика использования иронической тональности как лингвистического феномена. При этом ироническая тональность понимается как своего рода универсалия, характерная для целого ряда травелогов разного времени, обладающая неизменным набором функционально-прагматических характеристик. Мы не включаем в эмпирический материал тексты XXI в. (они использованы лишь на уровне фрагментарного сопоставления), поскольку в них наблюдается принципиально иная прагматика обращения к иронической тональности.

Исследование проведено в русле лингвостилистического подхода к анализу текстов, который позволяет установить прагматические основы существования иронической тональности как полифункционального явления. Функции иронической тональности определяются на основе анализа контекстов, в которых она проявляется, выделяются языковые средства разных уровней, участвующие в ее создании.

Результаты и обсуждение

Просветительская функция

В качестве основной функции иронической тональности была выделена просветительская,

поскольку сам по себе рассказ о перемещении в иную реальность предполагает передачу автором нового знания своему читателю. Ироническая тональность является инструментом травелога, позволяющим декодировать новые знания, что демонстрирует следующий пример из очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»:

Вот теперь у меня в комнате лежит доха, волчье пальто, горностаевая шапка, беличий тулуп, заячье одеяло, торбасы, пыжиковые чулки, песчовые рукавицы и несколько медвежьих шкур для подстилки. Когда станешь надевать все это, так чувствуешь, как постепенно приобретаешь понемногу чего-то беличьего, заячьего, оленьего, козлового и медвежьего, а человеческое мало-помалу пропадает. Кухлянка и доха лишают употребления воли и предоставляют полную возможность только лежать. В пыжиковых чулках и торбасах ног вместе сдвинуть нельзя, а когда наденешь двойную меховую шапку, или, по-здешнему, малахай, то мысли начинают вязаться ленивее в голове и одна за другою гаснут. Еще бы что-нибудь прибавить, так, кажется, над вами того и гляди совершится какая-нибудь любопытная метаморфоза (Гончаров, с. 676).

Автор использует маску неопытного путешественника, для которого в новинку все трудности странствий, причем не оставляет ее и при повествовании о завершении путешествия – возвращении через Сибирь (о сочетании черт путешественника и домоседа в образе автора см.: [Строганов, 2002]). Она помогает автору через описание непосредственного эмпирического опыта рассказать читателю о деталях окружающей действительности, приблизить их к нему (ср. прием остранения по В.Б. Шкловскому). Эффект присутствия создается в приведенном отрывке комплексом языковых средств: настоящее повествовательное время, определенно-личные предложения со сказуемыми, выраженными глаголом в форме 2 л., личное местоимение *вы*. Все это усиливает ироническое звучание контекста, дает возможность читателю «примерить» ситуацию на себя, узнать, как можно себя почувствовать, надев все эти предметы одежды. Чуть ранее из диалога автора с местными жителями читатель узнает значение таких малоизвестных для жителя европейской части России слов, как *торбасы*, *пыжиковый*, *доха*, *кухлянка*. Ирония в этом

случае становится механизмом обработки нового знания, инструментом его закрепления, осмысления новых фактов действительности.

Подобным образом в качестве инструмента просвещения ироническая тональность проявляет себя во многих текстах, относящихся к травелогам, например:

К ужину давали незнакомые мне еды – зеленый кокосовый орех с намазывающейся маслом сердцевинкой и фрукт манго – шарж на банан, с большой волосатой косточкой (Маяковский, с. 271).

Иронию создает неузуальное употребление слова *еда* во множественном числе, а также «неузуальное» уподобление манго банану, при этом метафора *шарж на банан* демонстрирует осознаваемую автором лишь частичную состоятельность такого уподобления.

Путешественник в описании своего странствия вынужден так или иначе обращаться к деталям быта, которые сами по себе не вызывают интереса читателя. Ироническая тональность позволяет нетривиально информировать о вещах очевидных или банальных. Это свойство иронической тональности часто актуализируется в тех случаях, когда речь идет о территории, уже известной читателю. Например, М.Л. Михайлов в «Лондонских заметках» прибегает к иронии, описывая комнату в английской гостинице, устройство которой было хорошо известно образованным читателям того времени:

Главное место занимает монументальных размеров кровать, которая в Германии могла бы прослыть за четыре постели – по десять грошей каждая... Кроме того, в комнате, разумеется, есть умывальный стол, комод и туалет с зеркалом; но больше уж ничего не требуйте! Кресло к камину есть уже роскошь. Вы можете посидеть перед огнем и на стуле, если зажигаете огонь вечером. Столика к постели тоже не спрашивайте. Как необтесанный *foreigner*, вы усвоили себе вредную привычку читать на сон грядущий: отвыкайте от нее в стране здоровья и комфорта. Притом к монументальной постели, данной вам, и стол нужен монументальный; он только лишнее место займет. Не вздумайте также расположиться писать в номере. Разве вы отличаетесь способностью превращать в письменный стол доску над камином и возите с собой чернильницу, песочницу и прочие так называемые канцелярские припасы... Ну тогда другое дело!.. (Михайлов, с. 327).

Фрагмент насыщен существительными, обозначающими предметы быта. Ироническая тональность позволяет читателю осознать различия между привычным видом перечисленных в описании вещей и тем, как их увидел автор, который мастерски играет с читательской пресуппозицией: неслучайно в данном фрагменте появляется сочетание *страна здоровья и комфорта*, отражающее стереотипное восприятие Англии в России XIX в. (см. многочисленные описания Туманного Альбиона в литературных произведениях середины и второй половины XIX в.).

Сходным образом используется ироническая тональность при описании путешествий по своей стране, например, в следующем фрагменте из путевых заметок Г.И. Успенского (очерк «Пока что»), содержащем описание игры типичного провинциального оркестра в одном из волжских городков:

Но вот на берегу, на бульваре, слышались звуки музыки: скрипки, флейты и кларнеты давали о себе знать отрывочными визгливыми звуками, напомиравшими вопли испуганных и находящихся в каком-то переполохе кур, – но какая-то труба заявляла о себе чрезвычайно решительно и твердо. Короткими, толстыми и тяжелыми, как хорошие березовые дрова, звуками кидала она в середину воплей раскудахтавшихся кларнетов и флейт, всякий раз совершенно без малейшего, так сказать, остатка, заглушая всю суматоху и все неистовое кудахтание в музыкальном курятнике (Успенский, с. 116).

В приведенном контексте значимым оказывается момент узнавания и «переоткрытия» читателем хорошо знакомого ему предмета описания, обычно относящегося к сфере повседневности.

Побудительная функция

Автор может иметь намерение склонить читателя к своей точке зрения, как это происходит в «Железном Миргороде» С.А. Есенина:

Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение. Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Как у последних не было города лучше Полтавы, так и у первых нет лучше и культурной страны, чем Америка (Есенин, с. 172).

Это фрагмент из заключительной части очерка, в которой соединяются все сильные смысловые позиции текста: железобетонные конструкции как рефренный элемент описания Америки на протяжении всего очерка, аллюзия к сборнику повестей Н.В. Гоголя «Миргород», создающая второй смысловой план и коррелирующая с заголовком. К аллюзии на текст «Миргорода» автор прибегает неоднократно, улавливая внешнее сходство между увиденной им Америкой и созданной Н.В. Гоголем реальностью. В приведенном же фрагменте эксплицируется внутреннее сходство. Все речевые средства должны убедить читателя в правомерности вынесенной автором оценки.

Ироническая тональность может выражать побуждение к действию, например повторить путешествие автора или хотя бы допустить для себя возможность такого повторения. Так, у А.В. Вышеславцева находим следующее рассуждение, призванное, казалось бы, уничтожить в читателе само желание путешествовать:

Как Средиземное море сделалось внутренним озером, и прежде живые его колонии: Тир, Карфаген, Венеция и т. д., развалинами своими оживляют берега его, так Атлантический океан стал Средиземным морем, тоже с своими Геркулесовыми столбами, – с мысом Горном и мысом Доброй Надежды, – за пределы которых манит теперь еще более обширное море... Из этого вы можете заключить, что переход наш от Шербурга до мыса Доброй Надежды никак не может назваться путешествием. Мы просто ехали, как ехал Василий Иванович из Москвы в Мордасы; ехали тоже по беспокойной дороге и также заезжали на станции, из которых первая была остров Мадера, другая – Тенериф, третья – Сан-Яго и четвертая – остров Вознесения (Вышеславцев, с. 5–6).

Ироническое звучание данному отрывку придает сравнение остановок при совершении кругосветного путешествия с обычными остановками на почтовых станциях при поездке по России. Из Москвы в Мордасы совершали путешествие герои повести В.А. Соллогуба «Гарантас» – Иван Васильевич, считающий эту поездку путешествием, и Василий Иванович, утверждающий обратное. Напомним, что юному романтику Ивану Васильевичу хватило четырех дней для того, что-

бы убедиться в невозможности путешествия в России. Повесть широко обсуждалась после своего выхода в 1840 г. (см., в частности ее критический разбор, принадлежащий В.Г. Белинскому). Между тем для большинства русских читателей перечисленные топонимы являлись экзотическими, а описание совершенного автором путешествия представляло безусловный интерес. Дальнейшее наполненное красками повествование о путешествии через Атлантический океан подтверждает, что смысл данного фрагмента противоположен прямому пониманию сказанного, а ироническая тональность призвана убедить читателя в том, что путешествие до мыса Доброй Надежды вполне безопасно, а маршрут освоен, в то время как далекие морские путешествия в России XIX в. считались проявлением авантюрной натуры (см. схожее рассуждение в произведении «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова).

Еще одним аспектом реализации данной функции в травелоге XX в. стало использование иронической тональности как инструмента передачи идеологической установки автора:

Первый класс тошнит куда хочет, второй – на третий, а третий – сам на себя (Маяковский, с. 267).

Экспрессивная функция

Поскольку тексты, относящиеся к травелогам, всегда отражают субъективность авторского восприятия действительности (исключительно глазами автора видит читатель другую страну, которая является предметом описания), то экспрессивная функция иронической тональности становится одной из важнейших. Единство авторского эмоционального восприятия – одно из текстообразующих начал травелога. В качестве иллюстрации приведем пример из путевых очерков И.А. Гончарова, в котором авторская экспрессия связана с опытом использования крутящегося стула:

Я кое-как вскарабкался на антигеморроидальное сиденье, и г-н Каннингем тоже; мы с высот свободно обозревали друг друга. «На чем вы приехали?» – спросил меня г-н Каннингем. Я только было собрался отвечать, но пошевелил нечаянно ногой: круглое сиденье, с винтом, повернулось,

как по маслу, подо мной, и я очутился лицом к стене. «На шкуне», – отвечал я в стену и в то же время с досадой подумал: «Чье это, английское или американское удобство?» – и ногами опять приводил себя в прежнее положение (Гончаров, с. 415).

Контактоустанавливающая функция

Прагматика использования иронической тональности с целью контактоустановки в травелоге зависит от авторских намерений и установок аудитории, к которой обращен текст. Контактоустановление может быть непосредственным образом сопряжено с реализацией просветительской функции, становясь необходимым условием трансляции нового знания. Часто в этом случае происходит игра с пресуппозицией читателя, иногда совпадающей с пресуппозицией автора. Так, в начале своего путешествия И.А. Гончаров замечает:

Я думал, судя по прежним слухам, что слово «чай» у моряков есть только аллегория, под которой надо разуть пунш, и ожидал, что когда офицеры соберутся к столу, то начнется авральная работа за пуншем, загорится живой разговор, а с ним и носы, потом кончится дело объяснениями в дружбе, даже объятиями, – словом, исполнится вся программа оргии. Я уже придумал, как мне отделаться от участия в ней. Но, к удивлению и удовольствию моему, на длинном столе стоял всего один графин хереса, из которого человека два выпили по рюмке, другие и не заметили его (Гончаров, с. 21).

В предыдущем фрагменте автор узнает значение сочетания *авральная работа*, а здесь ироническая тональность становится средством освоения нового знания (новой номинативной единицы). В контексте обнаруживается противопоставление ожиданий, связанных с пресуппозицией автора, и реальности. При этом свои ожидания автор соотносит с ожиданиями читателя (*судя по прежним слухам*). Представление об авральном труде за пуншем встает в один ряд с другими подобными ему представлениями о морских путешествиях людей, далеких от моря.

Контактоустанавливающую функцию ироническая тональность реализует и при описании курьезных ситуаций:

Мы вошли в лифт, и мальчик в красной куртке с золотыми пуговицами изящным движением нажал красивую кнопку. Новенький блестящий

лифт немного поднялся вверх, застрял между этажами и неожиданно двинулся вниз, не обращая внимания на мальчика, который отчаянно нажимал кнопки (Ильф, Петров, с. 7).

В современном трэвел-медиа-тексте (термин Т. Ю. Редькиной, используемый для обозначения существующих в медиапространстве текстов о путешествиях [Редькина, 2011; 2017]) контактоустанавливающая функция часто выходит на первый план, прагматические установки текста смещаются от просвещения к развлечению:

А оказалось, что колодец снесли из-за какого-то Моцарта, да еще и площадь в честь него переименовали. Было из-за чего негодовать. Сегодня памятник на площади Моцарта любим всеми. В Рождество ему на голову надевают шапочку Санта-Клауса. По-своему, и далее: Зальцбург – город маленький. Но гордый (Моротская, с. 50).

Примечательно, что с изменением функции иронической тональности меняются и средства ее реализации: на первый план выходят языковая игра и трансформация прецедентных феноменов.

В ряде случаев ироническая тональность в травелогe используется с целью снятия категоричности оценки, что позволяет обеспечить гармонизацию дискурса. Так, во «Фрегате “Паллада”» при описании разговора с одним из японских чиновников (к нему автор испытывает явную симпатию) приводится диалог, в котором автор разворачивает перед своим собеседником гипотетическую перспективу путешествия его в Россию, на что японец отвечает резким отказом по причине отсутствия в России женщин:

– Так что же вам за дело до женщин? – спросил я. Он усмехнулся. Каков японский Дон Жуан! (Гончаров, с. 447).

В данном случае очевидно нежелание автора представить человека, о котором он говорит, в негативном свете. Ирония снимает отрицательную оценку.

Эстетическая функция

Авторская субъективность восприятия действительности в травелогe часто проявляется в стремлении к эстетизации иной дей-

ствительности как объекта изображения. Для читателя важно не только получение сведений о другой действительности, но и знакомство с эстетической стороной странствия как вида деятельности. Ирония представляет собой одно из средств эстетизации. Например:

Спокойный океан скучен. 18 дней мы ползем, как муха по зеркалу. Хорошо поставленное зрелище было только один раз; уже на обратном пути из Нью-Йорка в Гавр. Сплошной ливень вспенил белый океан, белым заштриховал небо, сшил белыми нитками небо и воду. Потом была радуга. Радуга отразилась, замкнулась в океане, – и мы, как циркачи, бросались в радужный обруч. Потом – опять пловучие губки, летучие рыбки, летучие рыбки и опять пловучие губки Саратосова моря, а в редкие торжественные случаи – фонтаны китов. И все время надоедающая (даже до тошноты) вода и вода (Маяковский, с. 265).

Данный фрагмент является образцом наполненного красками описания пейзажа, надоевшего автору (самоирония). При этом ироническая тональность вносит в описание дополнительную экспрессивность, способствующую эстетизации реальности морского путешествия.

Полифункциональность иронической тональности

При характеристике отдельных функций иронической тональности в травелогe следует обратить внимание на то, что они не выступают обособленно. Это видно из контекстов, приводимых в качестве иллюстрации к каждой из функций. Просветительскую функцию иронии мы считаем основной потому, что она реализуется практически во всех иронических контекстах путешествий. Очевидно, что приведенный выше фрагмент из «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова, содержащий описание сборов автора в путешествие по Сибири и перечисление приготовленных вещей, является примером реализации не только просветительской, но и других функций иронической тональности. Помимо собственно просветительской она выполняет следующие функции: контактоустанавливающую (интересный рассказ о типичной бытовой ситуации в форме диалога с читателем; использованы глаголы 2 л. ед. ч.), эстетическую,

побудительную, поскольку читатель приглашается если не попробовать сделать нечто подобное, то хотя бы мысленно «примерить» данную ситуацию на себя.

Выводы

Полифункциональность иронической тональности в травелоге свидетельствует о значимости данного явления в текстах такого типа. Продуктивность использования иронической тональности в травелоге обусловлена как коммуникативно-прагматическими характеристиками иронии, так и жанровыми особенностями самого травелога. С его бытованием как текста просветительского характера связана просветительская функция иронической тональности; ориентация на диалог с читателем, нацеленный на информирование и развлечение, определяет реализацию контактоустанавливающей функции, обеспечивающей бесконфликтность этого диалога; элемент художественности, присущий травелогам, детерминирует наличие у иронии эстетической функции.

Характер сочетания функций в каждом конкретном контексте зависит также от особенностей индивидуального стиля конкретного автора. Как отмечает Н.С. Болотнова, «к основным экстралингвистическим параметрам в анализе текста относятся: фактор адресата, личность автора, “стоящего” за текстом, социально-исторический и культурный контекст эпохи, значимый для диалога автора и читателя. Учет этих экстралингвистических параметров важен для смысловой интерпретации текста. Данная проблема связана со структурой кодов текста, к которым прибегает читатель в процессе интерпретационной деятельности» [Болотнова, 2006, с. 468].

Таким образом, продолжением исследования функционирования иронической тональности в травелоге может стать сравнение в этом аспекте текстов путешествий разных эпох и разных авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов И. К., 2007. Делу – время, потехе – час. О смешном и несмешном // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик. С. 112–120.
- Беккер И. Л., 2011. О социокультурных и психолого-педагогических аспектах путешествия как способа бытия и познания мира // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. № 24. С. 558–561.
- Болотнова Н. С., 2006. Филологический анализ текста. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та. 631 с.
- Гомлешко Б. А., 2008. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. № 3. С. 11–13.
- Дускаева Л. Р., 2014. Познавательное-просветительская медиаречь: репрезентация коммуникативного сценария трэвел-медиа-текстов // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: Гуманитарные науки: Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. № 26 (197). Вып. 24. С. 85–92.
- Ильинова Е. Ю., Цинкерман Т. Н., 2019. Прагматика коммуникативной тональности в стилистике англоязычного воспитывающего диалога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 1. С. 146–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.1.12.
- Карасик В. И., 2008. Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. № 2–4. С. 20–29.
- Козлов С. А., 2003. Русский путешественник эпохи Просвещения. В 3 т. Т. 1. СПб.: Ист. ил. 496 с.
- Кочетова Л. А., Плавина А. А., 2018. Дискурсивные стратегии репрезентации «иной» действительности в жанре травелога в культурно-историческом аспекте // Когнитивные исследования языка. № 34. С. 414–417.
- Лосев А. Ф., 1966. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М.: Искусство. С. 54–84.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А., 1987. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. С. 525–606.
- Малышев А. А., 2015. Лингвостилистические особенности культурно-просветительских журналистских текстов первой половины XVIII века // Медиалингвистика. № 3 (9). С. 101–112. URL: <https://medialing.ru/lingvostilisticheskie-osobennosti-kulturno-prosvetitel'skih-zhurnalistskih-tekstov-pervoj-poloviny-xviii-veka/> (дата обращения: 01.07.2019).
- Малышев А. А., 2016. Рациональный подход как основа познания мира в статьях «Примечания

- ний к Санкт-Петербургским ведомостям» // Все истины мира: разум в литературе и искусстве. СПб. : Изд-во Марины Батасовой. С. 133–141.
- Матвеева Т. В., 2003. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 549–552.
- Медиалингвистика в терминах и понятиях : слов.-справ. / под ред. Л. Р. Дускаевой, 2018. М. : Флинта. 440 с.
- Плавина А. А., 2019. Жанровые характеристики травелого в англоязычном дискурсе: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12, № 3. С. 72–78. DOI: 10.30853/filnauki.2019.3.15.
- Пономарёв Е. Р., 2011. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов. СПб. : СПГУТД. 275 с.
- Редькина Т. Ю., 2011. Речевая разработка темы «другая страна» // Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 70–123.
- Редькина Т. Ю., 2017. От журналистики путешествий – к трэвел-медиакультуре // История научно-популярной прессы России в социокультурном контексте. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 249–271.
- Стефко М. С., 2009. Идея и практика «образовательного путешествия» (конец XVIII – начало XIX вв.) // Высшее образование в России. № 2. С. 145–150.
- Строганов М. В., 2002. Странствователь и домосед // Строганов М. В. Литературоведение как человековедение : Работы разных лет. Тверь : Золотая буква. С. 257–274.
- Трач А. С., 2007. Экономия и избыточность сегментных средств в комическом тексте (на материале произведений М.М. Жванецкого) // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М. : Индик. С. 175–185.
- Тупикова С. Е., 2011. Категория тональности и уровни ее репрезентации в жанре светской хроники // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 4. С. 68–73.
- Тупикова С. Е., 2017. Когнитивные модели некоторых видов тональности англо- и франкоязычного медиадискурса // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. Т. 17, вып. 4. С. 404–407.
- Шадрина М. Г., 2003. Эволюция языка «путешествий» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 65 с.
- Шачкова В. А., 2008. Путешествие как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. С. 277–281.
- Щеглова Е. А., 2013. Особенности употребления фитонимов в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 9, № 2. С. 582–293.
- Шёнле А., 2004. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. М. : Акад. проект. 271 с.
- Blanton C., 1997. Travel Writing. The Self and the World. N. Y. : Peter Lang. 148 p.
- Chandler D., 2007. Semiotics: the Basics. L. ; N. Y. : Routledge. 307 p. DOI: 10.4324/9780203014936.
- Leed E. J., 1978. The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism. N. Y. : Pantheon Books. 328 p.

ИСТОЧНИКИ

- Гончаров – Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 2. СПб. : Наука, 1997. 745 с.
- Вышеславцев – Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1867. 624 с.
- Есенин – Есенин С. А. Железный Миргород (очерки об Америке) // Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М. : Голос ; Наука, 1997. С. 161–172.
- Ильф, Петров – Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. С. 7–450.
- Маяковский – Маяковский В. В. Мое открытие Америки // Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 7. М. : Худож. лит., 1958. С. 265–346.
- Михайлов – Михайлов М. Л., Лондонские заметки // Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1958. С. 306–368.
- Моротская – Моротская С. Реквием с конями // Вокруг света. № 5. 2017. С. 48–55.
- Успенский – Успенский Г. И. «Пока что» // Полное собрание сочинений. В 14 т. Т.10. Ч. 2. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. С. 107–125.

REFERENCES

- Arkhipov I.K., 2007. Delu – vremya, potekhe – chas. O smeshnom i neshmeshnom [To business – time, a fun – hour. About ridiculous and unhumorous]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Language mechanisms of comedy]. Moscow, Indik Publ., pp. 112-120.

- Bekker I.L., 2011. O sociokulturnykh i psikhologo-pedagogicheskikh aspektakh puteshestviya kak sposoba bytiya i poznaniya mira [On sociocultural and psycho-pedagogical aspects of travelling as means of existence and cognition of the world]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, no 24, pp. 558-561.
- Bolotnova N.S., 2008. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of text]. Tomsk, Tomsk St. Pedagog. Un. Publ. 631 p.
- Gomleshko B.A., 2008. Pragmaticheskie funktsii ironii v tekste [Pragmatical functions of irony in the text]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Philology and art Art History], no 3, pp. 11-13.
- Duskaeva L.R., 2014. Poznavatelno-prosvetitel'skaya mediarech: reprezentatsiya kommunikativnogo stsenariya trevel-mediatekstov [Educational media speech: representation of the communicative script of travel media texts]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki: Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psikhologiya* [Belgorod State University Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology], no 26 (197), pp. 85-92.
- Ilyinova E.Yu., Tsinkerman T.N., 2019. Pragmatika kommunikativnoj tonalnosti v stilistike angloyazychnogo vospityvayushchego dialoga [Pragmatics of communicative tonality in the stylistics of English educative converse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no 1, pp. 146-158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.1.12.
- Karasik V.I., 2008. Kommunikativnaya tonalnost [Communicative key]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Hetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov], no 2-4, pp. 20-29.
- Kozlov S.A., 2003. *Russkiy puteshestvennik epokhi Prosveshcheniya. V 3 t. T. 1* [Russian traveler of the age of Enlightenment. In 3 vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya Publ. 496 p.
- Kochetova L.A., Plavina A.A., 2018. Diskursivnye strategii reprezentatsii «inoy» deystvitelnosti v zhanre traveloga v kulturno-istoricheskom aspekte [Discursive strategies of 'other' culture representation in the genre of travelogue in cultural and historical perspective]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], no 34, pp. 414-417.
- Losev A.F., 1966. Ironiya antichnaya i romanticheskaya [Irony antique and romantic]. *Estetika i iskusstvo* [Aesthetics and art]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 54-84.
- Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A., 1987. "Pisma russkogo puteshestvennika" Karamzina i ikh mesto v razvitiy russkoy kultury ["Letters of the Russian traveler" by Karamzin and their place in development of the Russian culture]. *Karamzin N.M. Pisma russkogo puteshestvennika* [Letters of the Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 525-606.
- Malyshev A.A., 2015. Lingvostilisticheskie osobennosti kulturno-prosvetitel'skikh zhurnalisticheskikh tekstov pervoy poloviny XVIII veka [Linguistic and stylistic features of the cultural and educational journalistic texts of the first half of the XVIII century]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 3 (9), pp. 101-112. Available at: <https://medialing.ru/lingvostilisticheskie-osobennosti-kulturno-prosvetitel'skikh-zhurnalisticheskikh-tekstov-pervoy-poloviny-xviii-veka/> (accessed: 01.07.2019).
- Malyshev A.A., 2016. Ratsionalnyy podkhod kak osnova poznaniya mira v statyakh «Primechaniy k Sankt-Peterburgskim vedomostyam» [Rational approach as a basis of knowledge of the world in articles of "Notes to the St. Petersburg sheets"]. *Vse istiny mira: razum v literature i iskusstve* [All truth of the world: reason in literature and art]. Saint Petersburg, Marina Batasova's publishing house, pp. 133-141.
- Matveeva T.V., 2003. Tonalnost [Tonality]. *Stilisticheskiiy enciklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 549-552.
- Medialingvistika...*, 2018. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh. Slovar-spravochnik* [Media linguistics in terms and concepts. Dictionary reference]. L.R. Duskaeva (ed.). Moscow, Flinta Publ. 440 p.
- Plavina A.A., 2019. Zhanrovye karakteristiki traveloga v angloyazychnom diskurse: dinamicheskiiy aspekt [Travelogue genre characteristics in the English discourse: dynamic aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 12, no. 3, pp. 72-78.
- Ponomarev E.R., 2011. *Tipologiya sovetskogo puteshestviya. Sovetskiy putevoy ocherk 19201930kh godov* [Typology of the Soviet travel. Soviet traveling sketch 19201930 years]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Telecommunications Publ., 275 p.
- Redkina T.Yu., 2011. Rechevaya razrabotka temy "drugaya strana" [Speech development of the

- subject “other country”]. *Russkaya rech v sredstvakh massovoy informatsii. Rechevye sistemy i rechevye struktury* [Russian speech in mass media. Speech systems and speech structures]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 70123.
- Redkina T.Yu., 2017. Ot zhurnalistiki puteshestviy – k trevel-mediatekstu [From travel journalism - to travel media]. *Istoriya nauchno-populyarnoy pressy Rossii v sociokulturnom kontekste* [History of the scientific and popular press of Russia in a sociocultural context]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 249-271.
- Stefko M.S., 2009. Ideya i praktika «obrazovatel'nogo puteshestviya» (konec XVIII – nachalo XIX vv.) [The idea and practice of “educational travel”]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], no 2, pp. 145-150.
- Stroganov M.V., 2002. Stranstvovatel i domosed [Traveller and homebody]. *Stroganov M. V. Literaturovedenie kak chelovekovedenie: Raboty raznykh let* [Literary criticism as anthropology: Works of different years]. Tver, Zolotaya bukva Publ., pp. 257-274.
- Trach A.S., 2007. Ekonomiya i izbytochnost segmentnykh sredstv v komicheskom tekste (na materiale proizvedeniy M.M. Zhvanetskogo) [Economy and redundancy of segment means in the comic text (on material of works by M. M. Zhvanetsky)]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Language mechanisms of comedy]. Moscow, Indik Publ., pp. 175-185.
- Tupikova S.E., 2011. Kategoriya tonalnosti i urovni ee reprezentatsii v zhanre svetskoy khroniki [The category of tonality and its levels of representation in society colum genre]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], no. 4, pp. 68-73.
- Tupikova S.E., 2017. Kognitivnye modeli nekotorykh vidov tonalnosti anglo- i frankoyazychnogo mediadiskursa [Cognitive models of some tonality types of English and French media discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya, Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology, Journalism], vol. 17, no 4, pp. 404-407.
- Shadrina M.G., 2003. *Evolyutsiya yazyka “puteshestviy”: diss. ... dokt. filol. nauk* [Evolution of language of travelogue: : Dokt. philol. sci. abs.diss.]. Moscow. 65 p.
- Shachkova V.A., 2008. Puteshestvie kak zhanr khudozhestvennoy literatury: voprosy teorii [Travelogue as a genre of fiction: theoretical issues]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], no 3, pp. 277-281.
- Shcheglova E.A., 2013. Osobennosti upotrebleniya fitonimov v ocherkakh puteshestviya «Fregat “Pallada”» I.A. Goncharova [Specific uses of phytonyms in I. Goncharov’s Frigate “Pallada” voyage sketches]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the institute for linguistic studies], vol. 9, no 2, pp. 582-293.
- Schönle A., 2004. *Podlinnost i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy. 1790-1840* [Authenticity and fiction in author’s consciousness of the Russian literature of travel. 1790-1840]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 271 p.
- Blanton C., 1997. *Travel Writing. The Self and the World*. New York, Peter Lang. 148 p.
- Chandler D., 2007. *Semiotics: the Basics*. London; New York, Routledge. 307 p. DOI: 10.4324/9780203014936.
- Leed E.J., 1978. *The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Global Tourism*. New York, Pantheon Books. 328 p.

SOURCES

- Goncharov I.A. Fregat «Pallada» [The Frigate “Pallada”]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 20 t.* [Complete works and letters. In 20 vol.]. Vol. 2. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997. 745 p.
- Vysheslavtsev A.V. *Ocherki perom i karandashom iz krugosvetnogo plavaniya v 1857, 1858, 1859 i 1860 godakh* [Sketches a feather and a pencil from a global cruise in 1857, 1858, 1859 and 1860]. Saint Petersburg, Moscow, Izdanie M.O. Volfa, 1867. 624 p.
- Esenin S.A. Zheleznyy Mirgorod (ocherki ob Amerike) [Iron Mirgorod (essays on America)]. *Polnoe sobranie sochineniy. V 7 t.* [Complete works. In 7 vol.]. Vol. 5. Moscow, Golos; Nauka Publ., 1997., pp. 161–172.
- Ilf I., Petrov E. Odnoetazhnaya Amerika [One-story America]. *Sobranie sochineniy v 5 t.* [Collected works. In 5 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1961, pp. 7–450.
- Mayakovskiy V.V. Moe otkrytie Ameriki [My discovery of America]. *Polnoe sobranie sochineniy. V 13 t.* [Complete works. In 13 vol.]. Vol. 7. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1958, pp. 265–346.
- Mikhaylov M.L. Londonskie zametki [London Notes]. *Sobranie sochineniy. V 3 t.* [Collected works.

In 3 vol.]. Vol. 2. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1958, pp. 306–368.
Morotskaya S. Rekviev s konyami [Requiem with horses]. *Vokrug sveta* [Around the world], no 5, 2017, pp. 48-55.

Uspenskiy G. I. Iz putevykh zametok [From the travel notes]. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t.* [Complete works. In 14 vol.]. Vol. 10, part 2. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1958, pp. 107-125.

Information About the Author

Ekaterina A. Shcheglova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Media Linguistics Department, Saint Petersburg State University, 1-ya Liniya Vasilyevskogo Ostrova, 26, 199004 Saint Petersburg, Russia, e.scheglova@spbu.ru, e.shcheglova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

Информация об авторе

Екатерина Александровна Щеглова, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет, 1-я линия Васильевского Острова, 26, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия, e.scheglova@spbu.ru, e.shcheglova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.13>

UDC 81'42:070(03)
LBC 81.055.51.5

Submitted: 02.07.2020
Accepted: 12.10.2020

LINGUISTIC IMAGE OF RUSSIA IN AMERICAN PRINTED MEDIA (CASE-STUDY OF HEADLINE COMPLEXES)¹

Natalya V. Yudina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Oksana A. Seliverstova

Vladimir State University, Vladimir, Russia

Abstract. The paper presents a linguistic image of Russia as shown by the US printed media. The study was conducted with two interrelated and complementary methods: that of describing associative semantic field and that of investigating qualia-structure of the concept, based on the generative lexicon theory by J. Pusteiovsky. Both methods resulted in building a layered concept structure with a core, a transition zone and periphery. For the purpose of the study, a corpus containing 3636 collocates with "Russia" as the key word was derived from headline complexes of US printed media: The Washington post and the New York Times. The analysis of the structure and composition of the associative semantic field has enabled the author to confirm significant influence of extralinguistic factors on the construction of linguistic images. The study involved processing previously made corpus with corpus management software to provide numeric data on lexemes frequency. Associative semantic field revealed the newsworthy events that put Russia in focus in headlines complexes: President Election of 2016 and investigation of Russia's supposed involvement, intelligence services and related causes celebre, sanctions, armed conflicts, coronavirus spread and oil prices fluctuations. Qualia-structure semantic analysis brought forth the main frames in the Russia concept structure: Russia as an aggressive power, Russia as a counterpart, Russia as a partner, and Russia as a destination.

Key words: linguistic image, concept "Russia", concept structure, qualia-structure of the concept, headline complex, associative semantic field.

Citation. Yudina N.V., Seliverstova O.A. Linguistic Image of Russia in American Printed Media (Case-Study of Headline Complexes). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 169-179. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.13>

УДК 81'42:070(03)
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 02.07.2020
Дата принятия статьи: 12.10.2020

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ США (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСОВ)¹

Наталья Владимировна Юдина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Оксана Александровна Селиверстова

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию лингвистического образа современной России на материале заголовочных комплексов американских печатных средств массовой информации. Исследование проводилось

с помощью метода конструирования ассоциативно-семантического поля на основе данных о частотности лексем ближайшего контекста, полученных при обработке собранного корпуса программой-менеджером корпусов, а также метода описания смысловой (*qualia*) структуры с опорой на теорию генеративного лексикона Дж. Пустейовского. В результате использования каждого из указанных методов была построена структура концепта «Россия / Russia», состоящая из ядра, околядерной зоны, ближайшей и дальней периферии. Анализ структуры и состава ассоциативно-семантического поля позволил подтвердить большое влияние экстралингвистических факторов на конструирование лингвистических образов. Установлено, что к наиболее значимым информационным поводам, в связи с которыми Россия упоминалась в заголовках американских СМИ, относятся выборы президента США 2016 г. и расследование о возможном вмешательстве в них России, деятельность разведслужб, санкции, вооруженные конфликты, распространение коронавируса и связанное с ним падение цен на нефть. В смысловой структуре концепта ядром является фрейм «Россия – агрессор», околядерную зону формирует фрейм «Россия – участник отношений», периферийную – фреймы «Россия – партнер» и «Россия – географический объект».

Ключевые слова: лингвистический портрет, концепт «Россия», структура концепта, смысловая структура концепта, заголовочный комплекс, ассоциативно-семантическое поле.

Цитирование. Юдина Н. В., Селиверстова О. А. Лингвистический образ России в средствах массовой информации США (на материале заголовочных комплексов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 169–179. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.13>

Введение

Описание лингвистического образа государств и отдельных национальных, социальных, профессиональных и иных групп является в настоящее время одним из наиболее продуктивных и перспективных направлений исследований, находящихся на стыке лингвистического и экстралингвистического знания. Вероятно, указанный интерес обусловлен поиском неких основополагающих компонентов, составляющих образ государств и национальностей в коллективном сознании. В этой связи конструированию образов наиболее сильных, неординарных и конкурентоспособных государств посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных исследователей.

Лингвистический портрет России неоднократно становился объектом пристального внимания специалистов в сфере широкого гуманитарного научного знания. Наиболее плодотворными, на наш взгляд, являются работы, выполненные в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах. Особую группу составляют исследования образа России в дискурсе СМИ, представленные на основе анализа британских [Боева-Омелечко, Постерняк, 2015; Красильникова, 2007], американских [Орлова, 2011; 2015], немецких [Осипова, Михина, Позднякова, 2016; Точилина., 2013] средств массовой информации. Большое количество исследований в этом на-

правлении свидетельствует о восприятии образа России как совокупности смыслов, целенаправленно формируемых разными способами, в том числе и посредством манипулятивных стратегий в СМИ. В связи с этим справедливой представляется позиция Л.Н. Ребриной и Н.Л. Шамне, указавших при характеристике коммуникативного взаимодействия средств массовой информации с аудиторией на то, что данное взаимодействие «базируется на субъект-объектном отношении отправителя и получателя сообщения, апелляции к психологической или логической сферам последнего, на “упаковке” смысла в содержание до коммуникативного акта и инициации присвоения данного смысла адресатом как собственного» [Ребрина, Шамне, 2017, с. 158]. Таким образом, формируемые СМИ представления закладывают основу общественного мнения.

Очевидно, что особое значение в текстах печатных средств массовой информации имеет заголовок, поскольку он «является первым сигналом, побуждающим нас читать материал или отложить газету в сторону. Исследования психологов показывают, что около 80 % читателей уделяют внимание только заголовкам» [Лазарева, 1989, с. 3]. По мнению К.В. Прохоровой, в газетной публицистике последних лет отмечается тенденция использования вместо отдельного заголовка заголовочного комплекса, понимаемого как «структурно-семантическое объедине-

ние элементов текста, не только предваряющих его, но и органически связанных, содержательно и концептуально, с основным массивом конкретного текста» [Прохорова, 2012, с. 239]. В структуру заголовочного комплекса входит название тематической полосы, шапка, рубрика, заголовок, подзаголовок, лид, а также внутренние заголовки. Емкость заголовочных комплексов, сочетание экспрессивности и публицистичности обусловили внимание к ним как к материалу для исследований в сфере психологии, журналистики, лингвистики, в том числе и для лингвокогнитивного моделирования. Примером такого исследования является работа А.И. Белоусовой, направленная на «конструирование фреймовой модели как инструмента для репрезентации концепта-онима “РОССИЯ”» [Белоусова, 2010, с. 60].

Статья посвящена исследованию образа России через заголовочные комплексы, извлеченные из американских средств массовой информации 2017–2020 годов. Цель работы состоит в изучении образа России посредством концептуального моделирования на основе количественных данных. В качестве объекта исследования выступает концепт «Россия / Russia» и его репрезентация в дискурсе американских средств массовой информации, предмет исследования составляет ассоциативно-семантическое поле, а также структура концепта «Россия / Russia». Актуальность представленного исследования обусловлена как новейшим языковым материалом, так и недостаточной изученностью роли заголовочных комплексов в формировании метафорических контекстов образа России в сознании современной языковой личности.

Материал и методы

Материалом исследования являются заголовочные комплексы представленных в электронном формате американских печатных изданий «The New York Times» и «The Washington Post». Выбор указанных СМИ обусловлен их высоким тиражом: данные издания по состоянию на январь 2020 г. входят в США в первую десятку, а в 2017–2019 гг. занимали первое и второе место соответ-

ственно (www.agilitypr.com). Методом сплошной выборки из указанных СМИ, вышедших за период с октября 2017 г. по апрель 2020 г., были отобраны заголовки, содержащие лемму *Russia*, на основе которых сформирован электронный корпус, состоящий из 3 636 словоупотреблений. Он обработан при помощи программы AntConc для сбора количественных данных о частотности лексем, их сочетаемости и контекстуальном употреблении.

В исследовании использованы два взаимодополняющих метода: метод построения ассоциативно-семантического поля и метод анализа смысловой структуры концепта. Вслед за Е.С. Кубряковой мы понимаем «концепт» как термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике, квант знания [Кубрякова, 1996, с. 90]. Выбранные методы основаны на корпусном подходе к материалу исследования, который позволяет получить количественные данные о частотности лексем, словоупотреблениях и коллокатах.

Первый из методов связан с термином «ассоциативно-семантическое поле», толкуемым как проекция концепта / образа на индивидуальный лексикон, включающий все лексические единицы, составляющие ближайший контекст имени концепта / образа [Чурилина, 2001, с. 103]. Ассоциативно-семантическое поле представляет собой «сложную иерархически организованную структурную модель семантических микрополей, отображающую коммуникативные свойства слова и обусловленную коммуникативными установками автора» [Инь Бинь, 2014, с. 311]. Оно моделируется при помощи семантических микрополей с иерархической структурой [Инь Бинь, 2014, с. 312], которая включает в себя такие структурные элементы, как ядро, околядерная зона и периферия. Данная модель отображает коммуникативные свойства слова и в значительной степени определяет присущие автору коммуникативные установки [Инь Бинь, 2014]. Вместе с тем «ассоциативный потенциал»

лексического значения включает всю известную человеку информацию, касающуюся денотата, возникающие с ним разного рода ассоциации, фон, на котором функционируют языковые единицы. Все это входит в ментальный лексикон человека, поэтому ассоциативно-семантическое поле может выступать в роли адекватного языкового воплощения изучаемого концепта / образа.

В основе второго из используемых методов исследования находится теория генеративного лексикона Дж. Пустейовского, основанная на идее о четырех типах структур в составе концепта: 1) смысловая структура (*qualiastructure*); 2) структура событий (*eventstructure*); 3) структура лексического наследования; 4) аргументная структура (*argumentstructure*) [Методы когнитивного анализа..., 2015]. Среди перечисленных структур особо значима для нас смысловая структура, под которой понимается комбинация из четырех полей: конститутивного, формального, целевого (телического) и агентивного. По Дж. Пустейовскому, конститутивное поле определяет, каким образом взаимосвязаны объект и его составные части, формальное поле характеризует категориальную принадлежность объекта, целевое включает информацию о назначении объекта, агентивное заключает в себе информацию о том, откуда и каким образом возник изучаемый объект [Pustejovsky, 1995, p. 76]. Для нашего исследования особо ценно целевое поле, в значительной степени формируемое действиями, выполняемыми референтом, и действиями, выполняемыми над ним. Именно описание целевого поля позволяет эксплицитно оценить восприятие образа России в ходе фреймового анализа, в котором фрейм являет собой «опосредованную структуру, соединяющую область когнитивного тезауруса с языковым» [Никонова, 2007, с. 230]. Таким образом, фреймовый анализ используется для описания смысловой структуры, которая включает в себя концептуальный уровень, представленный фреймами, и языковой уровень, представленный семантическими полями.

Метод анализа смысловой структуры эффективно используется для моделирования процессов возникновения значений полисеман-

тов, однако в сочетании с возможностями корпусного подхода он также может успешно применяться для концептуальных исследований, позволяя моделировать структуру концепта на основе количественных данных, облегчающих выделение ядра, околоядерной зоны и периферии.

Результаты и обсуждение

Для построения ассоциативно-семантического поля концепта «Россия» в интересующем нас дискурсе при помощи конкорданса из созданного нами корпуса (3 636 словоупотреблений, извлеченных из заголовочных комплексов американских изданий «The New York Times» и «The Washington Post») были отобраны наиболее частотные лексемы-коллокации леммы *Russia*:

№ п/п	Количество словоупотреблений	Лексическая единица
1	590	<i>president / presidential</i>
2	309	<i>election / elections / electoral</i>
3	285	<i>investigation / investigators</i>
4	196	<i>attack</i>
5	194	<i>campaign</i>
6	172	<i>oil</i>
7	167	<i>spy / spies</i>
8	153	<i>virus / coronavirus</i>
9	149	<i>official / officials</i>
10	138	<i>sanctions / sanctioned</i>
11	137	<i>intelligence</i>
12	122	<i>agent</i>
13	120	<i>inquiry</i>

К ядру ассоциативно-семантического поля концепта «Россия / Russia» в дискурсе американских СМИ относятся лексемы *president / presidential*. Указанные в таблице данные о количестве словоупотреблений свидетельствуют о том, что в центре внимания современных американских изданий находятся события, связанные с президентом (*president / presidential*), а также отношения между президентами двух стран. Это наблюдение подтверждается и значительным количеством словоупотреблений таких имен собственных, как *Trump* (942) и *Putin* (339). К околоядерной зоне мы считаем возможным отнести слова *election / electoral, investigation / investigators*, которые обозначают конкретные события, где главную роль играет президент: президентские выборы (*election*) и расследо-

вание этого процесса (*investigation*). Периферию поля образуют лексические единицы *attack, campaign, spy, official / officials, virus / coronavirus, sanctions / sanctioned, intelligence, inquiry*, появление которых среди наиболее частотных единиц обусловлено преимущественно экстралингвистическими факторами, а именно: расследованием, связанным с предвыборной кампанией (*campaign*) и итогами выборов; интересом к деятельности международных организаций, в частности разведывательных организаций (*intelligence*). Не менее актуальны меры воздействия, активно применяемые в настоящее время в международной политике (*sanctions*), и агрессивные действия во внешней политике стран (*attack*), связанные с упоминаниями лиц, принимающих участие во внешней политике от лица государств, например официальных лиц (*officials*) и сотрудников разведывательных служб (*spy*).

В целом лексические единицы, составляющие ассоциативно-семантическое поле кон-

цепта «Россия / Russia» в американских СМИ, можно разделить на следующие категории:

а) должностные лица или государственные службы, включая разведку (*president, spy, intelligence*), – 894 употребления;

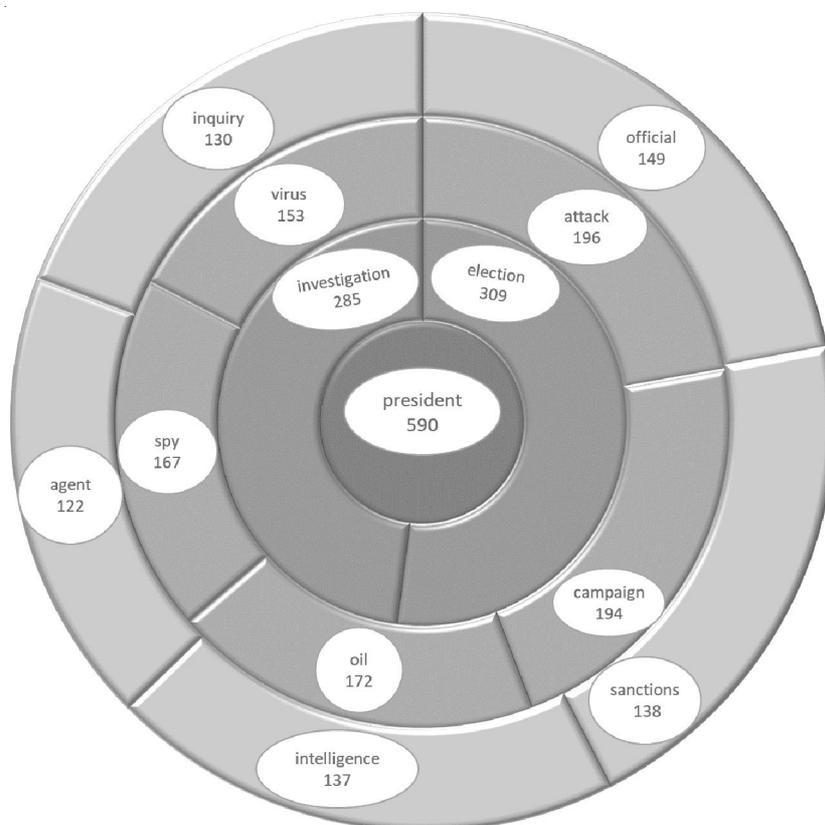
б) меры восстановления правопорядка, а также лица, осуществляющие такие меры или попадающие под их действие (*investigation / investigators, inquiry, sanctions / sanctioned*), – 543 употребления;

в) политические мероприятия (*election / electoral, campaign*) – 503 употребления;

г) агрессия как отдельная категория (*attack*) – 196 употреблений.

Приведенные показатели графически представлены на диаграмме (см. рисунок).

Данные диаграммы свидетельствуют об информационных поводах, которые стали основаниями для упоминания России в новейших американских средствах массовой информации. При более детальном анализе корпуса можно говорить об устойчивой связи между определенными частотными лексемами, группами

Ассоциативно-семантическое поле концепта «Россия / Russia»
 Associative semantic field of the concept *Russia*

лексем и периодами наиболее активного обсуждения в СМИ событий и тем международной политической повестки. Так, к наиболее значимым информационным поводам, вызвавшим интерес у средств массовой информации США, можно отнести следующие позиции:

1) предположение о вмешательстве России в президентские выборы в Америке в 2016 г., в результате которых пост президента США занял Дональд Трамп, и проводимое по этому поводу расследование. Примечательно, что частотное распределение лексем, тематически сопряженных с этими событиями, после определенного спада в 2018–2019 гг. стало возрастать в 2020 г. в преддверии новых президентских выборов в США и в силу опасений относительно возможного влияния России на их результаты;

2) деятельность разведывательных служб и связанные с ней громкие дела. Об этом свидетельствует наличие в зоне периферии лексем *agent, spy, intelligence*;

3) вооруженные конфликты, в которых Россия выступает в качестве посредников урегулирования, например в Сирии;

4) меры воздействия на Россию по ряду вопросов. Однако в течение первых месяцев 2020 г. эта тема вытесняется информационными поводами, связанными с распространением коронавируса и последовавшим за ним падением цен на нефть. В этой связи существенно выросла частотность лексем *virus* и *oil*, оказавшихся в околядерной зоне.

Для моделирования концепта «Россия / Russia» посредством фреймового анализа из собранного корпуса с помощью программы для работы с корпусом AntConc были отобраны глаголы, обозначающие действия, при которых Россия выступает объектом и субъектом, а также атрибутивные распространители (чаще это одиночные имена прилагательные), используемые по отношению к России. На основе анализа новейшего языкового материала представляется целесообразным выделить в структуре концепта «Россия» четыре фрейма: «Россия – агрессор», «Россия – участник отношений», «Россия – партнер», «Россия – географический объект», расположив их в зависимости от частотности появления в средствах массовой информации.

Фрейм «Россия – агрессор» связан с использованием конструкций со значением действия с преимущественно пейоративной коннотацией, обозначающих попытки манипулировать, реагировать на обвинения, протесты и препятствия, а также на агрессивное и конфликтное поведение. В структуре целевого поля можно выделить следующие семантические группы (количество словоупотреблений приведено в скобках):

– **наказывать, применять санкции** (46): *ban from the Olympics; ban from the Winter Games; ban from the 2018 Winter Games; bar entirely; be punitive toward; dig into; hit with sanctions; ignore; keep out of international sport; play up the administration's sanctions against; take action against; take to court over downing of jet over Ukraine, etc.*;

– **представлять опасность, манипулировать** (36): *be under watchdog's gaze; begin efforts; have ability to destroy America; not to stop cyberattacks on smb. sponsor terrorism; stage one's own civil war; suggest sabotage; teach Paul Manafort all its dirty tricks; target smb's personal servers; use its oil giant as a foreign policy tool, etc.*;

– **выдвигать обвинения, реагировать на обвинения** (35): *call hacking claims absurd; dismiss claims as 'fantasies'; dismiss suspected spy actions as routine Dutch trip; get caught, etc.*;

– **вмешиваться** (28): *attack election system; hack voting systems; help tip the election; meddle (in the election; in Brexit; in Italy's election; in the Olympics); throw the election to Trump; use mainstream media to manipulate American voters, etc.*;

– **наращивать военную мощь, применять силу** (25): *conduct exercise of nuclear forces; sign a new military accord; expand arsenal; develop nuclear arms; be poised to add a new hypersonic nuclear-capable glider to its arsenal; test missiles; show off new missile; stockpile lethal nerve agent; fire on vessels; open fire; strike back, etc.*;

– **обманывать, обходить запреты и правила, скрывать что-то** (19): *cheat; fool; lie; not to play by international rules; slam sanctions; try to cheat its way to glory; use a side door to do smth, etc.*

Итак, средства массовой информации США (2017–2020 гг.) конструируют образ

России как государства, которое ведет недобросовестную политику, нарушая правила и договоренности, активно пытается манипулировать политикой других стран и регионов, отрицая при этом свою причастность, а также представляет собой опасность вследствие значительного военного потенциала и готовности использовать жесткую силу и вести военные действия, в связи с чем подвергается обвинениям и санкциям. Этот вывод в значительной мере подтверждается данными анализа конститутивно-инферентного субфрейма на основе анализа прилагательных. Среди прилагательных, имеющих коннотативную окраску, преобладают прилагательные с яркой негативной коннотацией, характеризующие поведение страны как участника международных отношений как неприемлемое (*noncompliant, complicit*) либо как опасное и агрессивное (*reckless, furious*), из прилагательных с мелиоративной коннотацией зафиксировано лишь одно (*holy*).

Фрейм «Россия – участник отношений», вербализуемый через целевое поле, включает в себя все действия с невыраженной (нейтральной) коннотативной окраской, где Россия выступает как объектом, так и субъектом международных отношений. Среди наиболее частотных можно выделить следующие действия России и действия по отношению к ней:

– **взаимодействие** (50): *agree; allow smb to do smth; back; call; call on smb to do smth; claim; confirm smth positive; discuss smth; explain; find agreement on; find common foe; flood social media with theories; get smb into smth; point out; play nice with foreigners; promise to end smth; regard a statement as dangerous; respond to rumors; tell smb smth / of smth; say; send a message to opponents of smb; signal; warn smb not to do smth, etc;*

– **экономические операции** (48): *agree to lift/cut oil output; buy ads; cut / boost oil production; get a strong return on its investment; increase output spend money; offset reduction in Iranian exports; see common cause in tamping down oil prices; weigh production cuts to prop up oil production, etc;*

– **оценочное отношение** (30): *avoid condemning for its election meddling; be critical*

of; be obsessed with; care about; expect to do smth; focus on; have something bad to say about; love; make inaccurate statements about; make a hockey favourite; mock dealings with; misunderstand; rule for; shift course on; turn to; tweet about; understand, etc;

– **описание планов и намерений** (13): *bet on its people; consider response to U.S. nuclear stance; go after; focus on; move up next launch; outline plans; plan smb's future; push further into Africa; set to resume smth; target weigh, etc;*

– **созидание, проявление инициативы** (11): *build; create; establish; introduce; invite Taliban to Moscow; overcome differences; research; roll out a plan; shape narrative of summit; stage; take central stage at summits, etc;*

– **поддержка, попытки расположить к себе** (8): *favor Trump; groom smb; push for the democrats; root for Trump; seek release of smb; stick up for smb; want Trump to win; woo South Africa's white farmers, etc;*

– **указание на трудную ситуацию** (7): *be lost from the start; face sports crisis; face crisis; fall; find unlikely ally; take economic hit from sanctions; take further step toward major schism in Orthodox church, etc;*

Соотношение компонентов в составе целевого поля фрейма «Россия – участник отношений» существенно изменилось с начала 2020 года. Так, нарастающий в связи с распространением коронавируса экономический кризис и резкое падение цен на нефть находят отражение в речи: в СМИ увеличивается количество глагольных сочетаний семантической группы «экономические операции», которая по количественным показателям приблизилась к глаголам общей группы «взаимодействие», что с учетом короткого времени в 3 месяца представляется существенным изменением в структуре поля.

Фрейм «Россия – партнер», вербализованный через целевое поле, включает в себя действия с преимущественно положительной коннотацией, обозначающие помощь, примирение, сотрудничество и совместную работу:

– **сотрудничество** (36): *be a safe and reliable provider; buy smth; sign treaty with; deliver S-300 air defenses to Syria; ease debt*

burden on smb; extend U.S. space partnership; glimpse common ground with; help; live up promises; modernize Syria's missile arsenal; offer help; reach a deal; seek a meeting with; sign a deal; strike a private deal; urge closer ties with, etc;

– **примирение** (15): *agree to set up a demilitarized zone to avert smth; be allowed in G-7; be reinstated to G-7 exit East Ukraine; halt development of new missiles; find agreement on smth; plan peace talks; push to end war; respond to airstrikes in Syria with harsh words but no fire promote a truce; run low on Soviet tanks; scrap chemical weapons; seek peace with Japan; settle decades-long dispute; stop cyber attacks on West, etc;*

– **участие в мировых спортивных событиях** (13): *advance to the quarterfinals; be not expected to beat smb; beat Saudi Arabia; cheer; get athletes cleared; open the 2018 World Cup with a victory; score an Olympic own goal; send athletes to Winter Olympics; set the World Cup table win hockey gold; welcome the world; win, etc;*

– **восстановление в правах / положении** (9): *bring back to world sport; clear of charges; lift a ban on; lift sanctions on; readmit; reinstate; take off the list of noncompliant countries; want back, etc.*

Обращает на себя внимание тот факт, что глаголы, объединенные семой «сотрудничество», характеризуют сотрудничество в различных сферах. Наиболее частотными являются сфера экономики (*be a safe and reliable provider; buy smth; ease debt burden on smb; reach a deal; sign a deal; strike a private deal; sign a treaty with*) и оборонная промышленность (*deliver S-300 air defenses to Syria; complete the delivery of S-300 air defense systems to Syria*). При этом, анализируя количественные показатели, можем заметить, что данный фрейм выражен в гораздо меньшей степени, чем описанные выше фреймы.

Фрейм «Россия – географический объект» реализуется в конститутивно-инферентном и целевом полях. Первое представлено нейтральными прилагательными без коннотативной окраски, характеризующими географическое положение (*southern, northern, central*) и инфраструктуру (*urban, rural*). Целевое поле рассматриваемого фрейма объединяет следующие действия:

– **прибытие** (5): *fly from; head to; invade; travel to; visit;*

– **отъезд** (2): *flee from; fly from;*

– **непростое для посещения место** (2): *cost smb a spot; prove a challenging destination;*

– **возможная радиоактивная опасность** (1): *be named as likely source of Europe radioactivity spike.*

Анализ показывает, что действия, реализующие фрейм «Россия – географический объект», как правило, выражены глаголами движения. Это может быть добровольное (*fly from; head to; invade; travel to; visit*) или вынужденное (*flee to; flee from*) передвижение в страну или из нее. Данный фрейм представлен наименьшим количеством лексических единиц (15) по сравнению с другими описанными выше фреймами.

Выводы

Лингвистический образ России, конструируемый в новейших средствах массовой информации США, является динамичным. Важный фактор его создания – выбор информационных поводов, в связи с которыми название государства используется в заголовках и заголовочных комплексах средств массовой информации США. При этом преобладают темы, в рамках которых действия России представлены как опасные, имеющие манипулятивный характер и реализующие фрейм «Россия – агрессор». Принимая во внимание частотность лексем с пейоративной коннотацией, отметим постепенный рост употребления нейтральных лексем, формирующих образ России как участника международных отношений.

Продолжением исследования станет ассоциативный эксперимент с опросом респондентов из США для установления соотношения между формируемым и сформированным образом России, определяющим отношение к ней граждан США, и описания степени влияния СМИ на сознание целевой аудитории, результативности и потенциала использования приемов и тактик при конструировании лингвистического образа России в новейших средствах массовой информации США.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

The paper presents results of the research carried out by Financial University under the Government of the Russian Federation funded by the government and in accordance with its task.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоусова А. И., 2010. Фреймовая модель как способ структурирования ономастического концепта «Россия» // Вестник Череповецкого государственного университета. № 3. С. 59–63.
- Боева-Омелечко Н. Б., Постерняк К. П., 2015. Репрезентация ассоциативной составляющей концепта Россия в современных британских СМИ // Когнитивные исследования языка. № 21. С. 310–312.
- Инь Бинь, 2014. Ассоциативно-семантическое поле концепта «корова» в современном русском языке // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 5, № 4. С. 311–314.
- Красильникова Н. А., 2007. «Заложники русского медведя»: метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (10). С. 42–49.
- Кубрякова Е. С., 1996. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та. С. 90–92.
- Лазарева Э. А., 1989. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 96 с.
- Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход, 2015 / В. И. Заботкина [и др.]; под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Яз. слав. культуры. 344 с.
- Никонова Ж. В., 2007. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 6. С. 229–234.
- Орлова О. Г., 2011. Стереотипы-представления о России в американском публицистическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (29). С. 93–102.
- Орлова О. Г., 2015. Образ России в зарубежных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7–1 (49). С. 146–149.
- Осипова А. А., Михина О. В., Позднякова Н. В., 2016. Репрезентация концептов Россия и Германия

в публицистических текстах // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (48). С. 34–41.

- Прохорова К. В., 2012. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // Вестник СПбГУ. Язык и литература. № 1. С. 238–246.
- Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л., 2017. Репрезентация коллективного прошлого в германских и российских СМИ // Научный диалог. № 11. С. 157–168. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-157-168.
- Точилина Ю. Н., 2013. Особенности вербализации концепта Russland (Россия) в немецких СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (17). С. 92–97.
- Чурилина Л. Н., 2001. Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира // Изменяющийся языковой мир: материалы Междунар. науч. конф. (Пермь, 12–17 нояб. 2001 г.). Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та. С. 103–105.
- Pustejovsky J., 1995. The Generative Lexicon. Cambridge: MIT Press. 312 p.

ИСТОЧНИКИ

- The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/> (date of access: 21.06.2020).
- The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (date of access: 21.06.2020).

REFERENCES

- Belousova A.I., 2010. Frejmovaya model kak sposob strukturirovaniya onomasticheskogo koncepta «Rossiya» [Frame model as method of structuring the onomastic concept of Russia] *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University bulletin], no. 3, pp. 59-63.
- Boeva-Omelechko N.B., Posternyak K.P., 2015. Rezentatsiya assotsiativnoy sostavlyayushchey kontsepta Rossiya v sovremennykh britanskikh SMI [Representation of associative component of the concept Russia in British mass media] *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], no. 21, pp. 310-312.
- In Bin, 2014. Assotsiativno-semanticheskoe pole kontsepta «korova» v sovremennom rusском yazyke [Associative semantic field of concept “cow” in contemporary Russian language]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [News of Higher Schools. Series Humanities], no. 4, pp. 311-314.

- Krasilnikova N.A., 2007. «Zalozhniki russkogo medvedya»: metaforicheskoe predstavlenie sovremennoy Rossii v britanskikh i amerikanskikh SMI [“Hostages of the Russian bear”: metaphoric concepts of modern Russia in British and American mass media] *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], no. (10), pp. 42-49.
- Kubryakova E.S., 1996. Kontsept. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov*, E.S. Kubryakova (ed.) [Concise dictionary of cognitive terms ed. by E.S. Kubryakova]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 90-92.
- Lazareva E.A., 1989. *Zagolovok v gazete* [Headline in newspapers]. Sverdlovsk, Izdatelstvo Uralskogo universitetata. 96 p.
- Metody kognitivnoy analiza semantiki slova: kompyuterno-korpusnyy podkhod*, 2015. Zobotkina V.I. [i dr.]; pod obshch. red. V.I. Zobotkinoy [Methods of cognitive analyses of word semantics. Zobotkina et. al.] Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 344 p.
- Nikonova Zh.V. 2007. Frejmovyy analiz kak metod lingvisticheskogo opisaniya verbalnykh struktur [Frame-analysis as a method for description of verbal structures]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review: Series Humanities], no. 6, pp. 229-234.
- Orlova O.G., 2011. Stereotipy-predstavleniya o Rossii v amerikanskom publitsisticheskom diskurse [Stereotypes of Russia in American journalistic discourse] *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], no. 4 (29), pp. 93-102.
- Orlova O.G., 2015. Obraz Rossii v zarubezhnykh SMI [The image of Russia in foreign mass media] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no 7-1 (49), pp. 146-149.
- Osipova A.A., Mihina O.V., Pozdnjakova N.V., 2016. Rerezentatsiya kontseptov Rossiya i Germaniya v publitsisticheskikh tekstakh [Representation of concepts Russia and Germany in journalistic texts] *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], no. 3 (48), pp. 34-41.
- Prokhorova K.V., 2012. Zagolovochnyy kompleks v mediatekste: osobennosti funktsionirovaniya [A heading complex of media text: special function] *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologia. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philology. Oriental Studies. Journalism], no. 1, pp. 238-246.
- Rebrina L.N., Shamne N.L., 2017. Rerezentatsiya kollektivnogo proshlogo v germanskikh i rossiyskikh SMI [Representation of collective past in German and Russian media]. *Nauchnyy dialog*, no. 11, pp. 157-168. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-157-168.
- Tochilina Yu.N., 2013. Osobennosti verbalizatsii koncepta Rusland (Rossiya) v nemetskikh SMI [Specifics of the verbalization of the concept of Rusland (Russia) in German mass media] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (17), pp. 92-97.
- Churilina L.N., 2001. Leksicheskaya struktura teksta kak klyuch k rekonstruktsii individualnoy kartiny mira [Lexical structure of text as a key to reconstructing individual world picture] *Izmenyayushchiy yazykovoy mir: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Changing Language world: conference proceedings]. Perm. Izdatelstvo Permskogo gosudarstvennogo natsionalnogo issledovatel'skogo universiteta, pp. 103-105.
- Pustejovsky J., 1995. *The Generative Lexicon*. Cambridge, MIT Press. 312 pp.

SOURCES

- The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/> (accessed 21 June 2020).
- The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed 21 June 2020).

Information About the Authors

Natalya V. Yudina, Doctor of Sciences (Philology), Director for Monitoring the Activities and Development of Branches, Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradskiy, 49, 125993 Moscow, Russia, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Oksana A. Seliverstova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University, Gorkogo St, 87, 600000 Vladimir, Russia, oxana33@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2087-0604>

Информация об авторах

Наталья Владимировна Юдина, доктор филологических наук, директор по контролю за деятельностью и развитием филиалов, профессор Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125993 г. Москва, Россия, dr.yudina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>

Оксана Александровна Селиверстова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Россия, oxana33@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2087-0604>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.14>

UDC 81'42-028.16:81'221
LBC 81.022

Submitted: 20.01.2020
Accepted: 14.09.2020

INTERACTION OF VERBAL AND NON-VERBAL ELEMENTS IN EDUCATIONAL COMICS

Viktoriya V. Iakovleva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The article describes the mechanisms of interaction between two sign systems – the verbal and non-verbal ones, exemplified by a German-language historical comics which we regard as a type of creolized text. It is revealed that the non-verbal components of the comics that are interacting with the verbal contents are aimed at the transfer of knowledge, thus stimulating the interest of the recipient and permanently fix in his mind the visual image of the events depicted in the comics. The purpose of the research is to study the mutual influence of verbal and non-verbal components which creates the circumstances for visual quickcomprehension by the recipient of the information transmitted. The peculiarities of interconnection between verbal and non-verbal components of a creolized text are considered at semantic, semantic-and-linguistic, and semantic-and-compositional levels. Factual information is noted to be expressed by means of verbal components, while time and place reference is communicated non-verbally. It is established that paragraphemic elements of different types (syngraphemic, supragraphemic, topographemic) perform an essential role in transmitting information. The author analyzes compositional-and-spatial elements of historical comics, such as layout and number of pictures, and identifies their functions of attracting attention to significant events, retarding the tempo of depicted actions. The colour coding in comics is shown to be semantically significant, as it introduces different time periods without additional verbal comments.

Key words: creolized text, creolization, educational comics, historical comics, verbal component, non-verbal component, paragraphemic means.

Citation. Iakovleva V.V. Interaction of Verbal and Non-Verbal Elements in Educational Comics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 180-189. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.14>

УДК 81'42-028.16:81'221
ББК 81.022

Дата поступления статьи: 20.01.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОМИКСЕ

Виктория Вадимовна Яковлева

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье на примере немецкоязычного исторического образовательного комикса как разновидности креолизованного текста описываются механизмы взаимодействия двух знаковых систем – вербальной и невербальной. Выявлено, что невербальные компоненты комикса при взаимодействии с вербальными направлены на передачу знаний, вызывают интерес реципиента и надолго запечатлевают в его сознании наглядный образ происходящих в комиксе событий. Цель исследования – изучение взаимодействия вербальных и невербальных компонентов, создающих условия для наглядного и быстрого восприятия реципиентом передаваемой информации. Определена специфика соотносительности вербальных и невербальных компонентов комикса на содержательном, содержательно-языковом и содержательно-композиционном уровнях. Установлено, что фактическая информация передается с помощью вербального компонента, а временной и локальный колорит – невербального. Показано, что важной составляющей при трансляции информации становятся параграфемные средства разных типов (синграфемные, супраграфемные, топографемные). Охарактеризованы композиционно-пространственные элементы историческо-

го комикса (расположение и количество кадров), описаны их функции – привлечение внимания к значимым событиям, замедление действия. Продемонстрировано, что смысловую нагрузку в комиксе несет и цветовое кодирование, посредством которого без дополнительных вербальных комментариев представлены разные временные эпохи.

Ключевые слова: креолизованный текст, креолизация, образовательный комикс, исторический комикс, вербальный компонент, невербальный компонент, параграфемные средства.

Цитирование. Яковлева В. В. Взаимодействие вербального и невербального в образовательном комиксе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 180–189. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.14>

Введение

В последние десятилетия все чаще издаются «серьезные» комиксы на научные темы, в том числе и на исторические. Сегодня комикс – это эффективный способ заинтересовать читателей историей, культурой, искусством и т. д. Сочетающий высокую информативность с максимальной простотой, он предназначен для быстрой и эффективной передачи сообщения и поэтому востребован обществом. Как показано А.В. Анищенко, выполняя развлекательную функцию, комикс удовлетворяет потребности читателя в разнообразии, активном действии, обогащении фантазии, в ненавязчивой форме участвует в воспитании социокультурной личности [Анищенко, 2009, с. 117].

Целью нашего исследования является анализ взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в немецкоязычном историческом комиксе. От грамотно выстроенного соотношения вербальных средств и их непосредственного иллюстративного сопровождения зависит степень воздействия комикса на читателя и уровень усвоения передаваемой информации.

Материал и методы

Комикс можно рассматривать как разновидность креолизованного текста – текста, который «состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180–181]. Полагаем, что буквенные знаки создают речевое единство всего комикса, передают предметно-логические связи и временные соотношения, а иконические знаки участвуют в организации композиционно-

пространственного оформления, являющегося дополнительным источником информации.

Образовательный комикс характеризуется доступностью восприятия, ввиду чего призван максимально способствовать успешному обучению, воспитанию и развитию обучающихся. Под образовательным комиксом мы понимаем разновидность креолизованного текста как совокупности последовательных кадров, связанных единством темы и сюжета, функциональной особенностью которого является трансляция новых знаний в рамках образовательного процесса.

Говоря об историческом комиксе как о креолизованном тексте, следует заметить, что учеными по-разному описываются отношения взаимодействия вербальных и невербальных средств. Так, согласно ставшей уже классической типологии Л. Бардена, между элементами – изображением и словом – существует четыре типа корреляции по признакам денотативности и коннотативности (подробно эта типология охарактеризована в: [Удод, 2015, с. 222]). Каждый из двух элементов может иметь денотативную или коннотативную корреляцию либо находится в таких отношениях, когда один элемент обладает коннотативным признаком, а второй – денотативным.

Модель, также отражающая четыре типа взаимоотношения вербальных и иконических составляющих, предложена А.-М. Ариас, которая выделила интегративные, оппозиционные отношения, отношения двойного кодирования и дополнительные [Ариас, 2011, с. 63].

Более подробную классификацию взаимодействия элементов креолизованного текста (в терминологии исследователя – видеoverбального текста) предлагает О.В. Пойманова, разделяя их по степени гетерогенности, характеру иконического компонента, характеру вербального компонента, составу, соотношению

объема информации, роли изображения, характеру связей [Пойманова, 1997, с. 71–73].

В данном исследовании мы придерживаемся классификации Е.Е. Анисимовой, согласно которой в историческом комиксе как креолизованном тексте можно выделить тексты с полной или частичной креолизацией. В текстах с полной креолизацией между компонентами образуются синсемантические отношения, в которых изображение выступает в качестве обязательного элемента текста. В текстах с частичной креолизацией изображение сопровождает вербальную часть, являясь дополнительным элементом в организации текста и образуя тем самым автосемантические отношения между вербальными и невербальными компонентами [Анисимова, 2003, с. 15].

Материалом исследования стал изданный в 2010 г. Домом-музеем Анны Франк немецкоязычный комикс «Die Suche» («Поиск»), повествующий о событиях Второй мировой войны, в частности о холокосте.

Действие комикса происходит в наше время. Его персонажи – пожилая женщина, пережившая холокост, и ее внук, вместе с которым читатель узнает о судьбе одной еврейской семьи, отправленной, как и многие другие семьи, в концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау (Auschwitz-Birkenau). Автор описывает историю семейного расследования о холокосте и тем самым наглядно на примере истории одной семьи дает читателю возможность провести параллель с историческими событиями того времени в целом. Рассказ главной героини, Эстер, апеллирует к историческим фактам, связанным с судьбами реальных людей (назначение Гитлера рейхсканцлером и приход национал-социалистов к власти, депортация, концентрационные лагеря, холокост, геноцид).

Комикс «Die Suche» был издан в рамках образовательного проекта, что позволяет квалифицировать его как исторический и образовательный.

В исследуемом материале преобладают тексты с полной креолизацией: с помощью только вербальных средств (без изображений) невозможно получить полное понимание передаваемой автором информации. При этом невербальные компоненты выполняют функцию замещения вербальной составляющей и сокращения ее объема.

Результаты и обсуждение

Связь вербальных и невербальных компонентов комикса на разных уровнях

Рассматривая взаимодействие вербального и невербального в комиксе, мы вслед за Е.Е. Анисимовой выделяем связь данных компонентов на нескольких уровнях, а именно: на содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном [Анисимова, 2003, с. 17].

На содержательном уровне между вербальными и невербальными компонентами прослеживаются два типа денотативной соотнесенности: прямая и опосредованная. Если вербальные и невербальные компоненты обозначают одни и те же предметы или предметные ситуации, то соотнесенность между ними прямая. Например, кадр, на котором главная героиня, будучи маленьким ребенком, стоит между бабушкой и дедушкой держа их за руки, сопровождается вербальным компонентом: *Ich war oft bei meinen Großeltern* (Die Suche, S. 9). Связь невербального и вербального компонентов непосредственная, то есть компоненты дублируют друг друга.

Вербальные и невербальные компоненты могут обозначать разные предметы или предметные ситуации. Тогда соотнесенность между ними опосредованная: компоненты связаны либо тематически, либо ассоциативно. Например, кадр, на котором дедушка главной героини стоит в дверях своего дома с поникшей головой и со шляпой в руке перед удивленной женой, дополняется комментарием автора *Jüdische Beamte wurden entlassen. Auch mein Großvater bei der Post* и сопровождается диалогом:

Man hat mich entlassen...

Nach so langem Dienst?!! (Die Suche, S. 11).

При отсутствии вербальных компонентов смысл невербального компонента теряется. Ввиду того, что невербальный компонент передает удивление и огорчение героев, а вербальный компонент эксплицирует причины происходящего на кадре, можно говорить о тематически опосредованной соотнесенности.

Связь вербальных и невербальных компонентов в семантическом плане может реализовываться как на содержательном, так и на языковом уровне, в связи с чем выделяется содержательно-языковой уровень.

Важно отметить, что на содержательно-языковом уровне возможно исследовать только тексты с полной креолизацией. На этом уровне у вербального компонента выявлены языковые маркеры, которые имплицитно или эксплицитно выражают связь знаков обоих кодов. Имплицитная связь устанавливается при тщательном изучении внутренних семантических связей компонентов. Эксплицитно выраженная связь вербального и невербального компонентов может быть разных типов:

а) структурной, когда невербальный компонент включен в вербальный и замещает соответствующий вербальный знак, выступая синтаксическим эквивалентом членов предложения;

б) идентифицирующей, когда связь невербальных и вербальных компонентов идентифицирует адресанта сообщения или адресата через использования личных или притяжательных местоимений;

в) дейктической, когда вербальные компоненты заключают в себе отсылку на непосредственно невербальный компонент.

Структурная и идентифицирующая связь компонентов в анализируемом комиксе не представлена. Причина отсутствия структурной связи заключается в том, что комикс лишен возможности внедрения невербального компонента непосредственно в сам вербальный компонент, так как вербальный компонент располагается в рамке – в графическом пространстве речевого компонента и/или в графическом пространстве комментирующего текста (термин А.Г. Сониной, подробно см.: [Сонин, 2005]). Ввиду того, что графическое пространство намеренно используется для отделения разных знаковых систем друг от друга, замещение вербальной части невербальной в текстах с такой структурой не уместно. Связь идентифицирующего типа присуща рекламным текстам, так как нацелена на идентификацию реципиента с предоставляемой информацией, то есть на «разговор» с реципиентом, в отличие от комикса, где взаимодействие компонентов на содержательно-языковом уровне реализует иную цель – создание нарратива.

Примером дейктической связи может послужить кадр (рис. 1), где в качестве знаков двух враждующих сторон выступают таблички: «KPD Thälmann» (Коммунистическая

Рис. 1. Пример использования дейктической связи (Die Suche, S. 10)

Fig. 1. An example of using deictic connection (Die Suche, S. 10)

партия Германии, лидером которой был Эрнст Тельман) и «NSDAP LISTE 1» (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, лидером которой на тот момент стал Адольф Гитлер). Важно пояснить, что в Германии в то время на выборах в рейхстаг номер избирательного списка соответствовал тому месту, которое партия занимала на предыдущих выборах. По результатам выборов в 1928 г. НСДАП была в списке девятой, в 1930 г. – четвертой, а в ноябре 1932 г. – первой. Таким образом, на табличке «NSDAP LISTE 1» национал-социалисты призывают голосовать за список № 1, то есть за НСДАП. Вербальный компонент данного кадра *Hitler hatte auch Gegner. Es gab oft Straßenkämpfe* (Die Suche, S. 10) непосредственно отсылает реципиента к невербальному, который наглядно демонстрирует, кто именно является противником Гитлера. Слово *Strassenkämpfe* выступает только в роли намека на происходящее, а невербальный компонент показывает подробности битвы между представителями двух партий. На кадре видно, что над землей клубится облако пыли. За облаком пыли разворачивается яростная борьба между приверженцами двух политических партий. На подмогу национал-социалистам бежит однопартиец с красной на рукавной повязкой (очевидно, со свастикой) и дубинкой в руках. Динамика действия достигается изображением кулаков и дубинок на фоне облака пыли. Изображение завихрений свидетельствует о сильных и быстрых размахах дубинок и кулаков представителей противоборствующих сторон, а ореолы из звездочек передают непосредственно сами удары. Становится ясным, кто одержит победу в этом бою: над облаком пыли противоборствующих партий возвышается знамя национал-социалистов со свастикой.

Расположение вербальных и невербальных компонентов определяет на содержательно-композиционном уровне их внешнюю и внутреннюю соотношенность. Проведенный анализ не обнаружил внутренней соотношенности компонентов в данном комиксе, когда невербальные компоненты коррелируют с частями вербального. Внешняя соотношенность проявляется во включенности вербальных и невербальных элементов друг в друга. Так, кадр, на котором автор повествует о запрете поку-

пать что-либо в магазинах, принадлежащих евреям, сопровождается комментарием эсэсовца: *Kommen Sie nicht auf die Idee, hier was zu kaufen* (Die Suche, S. 12). Невербальный компонент данного кадра демонстрирует, как эсэсовцы расклеивают объявление, на котором можно прочитать приказ: *Deutsche! Kauft nicht bei Juden* (Die Suche, S. 12). Таким образом, можно наблюдать взаимовлияние знаков различных семиотических систем.

Композиционно-пространственные особенности взаимодействия вербальных и невербальных компонентов

В образовательном комиксе в отличие от сугубо письменных текстов важно не только то, **что** представлено в тексте и на иллюстрации, но и **каким образом**. Содержание графических пространств передает взаимодействие между персонажами (через речь, ментальные процессы) и ход событий, в то время как иллюстрирование вербальной составляющей – обстоятельства событий. В связи с этим иллюстрации становятся важным нарративным компонентом и выступают в качестве визуального подтверждения и дополнения, разворачивающего на страницах комикса действия.

Главная задача автора заключается в обеспечении условий для быстрого, четкого и наглядного восприятия реципиентом информации, заложенной во взаимодействии вербальных и невербальных компонентов, которая в свою очередь обеспечивает связанность и целостность всего текста. Следует отметить, что кадр комикса статичен, но благодаря воображению реципиента он оживает в его сознании. Кадры отделены друг от друга «канавками» («Rinnstein») – пространством, обозначающим некий промежуток времени. Действия, происходящие за кадром, выстраиваются в воображении реципиента в непрерывный континуум сюжета.

Однако поиск нового графического решения вынуждает автора применять новые композиционно-пространственные элементы в оформлении. Страница комикса «Die Suche», как правило, содержит последовательность из 9 кадров, объединенных темой и сюжетом. Данный комикс состоит из 463 кадров.

Особенностью комикса является изменение композиционно-пространственного оформления страницы. Для привлечения внимания реципиента автор прибегает к сокращению количества кадров в строке на некоторых страницах комикса, объединяя три кадра (рис. 2), что имеет свои цели и специфику. Так, первый кадр комикса занимает целую полосу, состоящую из трех кадров. На нем представлена ситуация из повседневной мирной жизни: пешеход в костюме, очевидно, спешит, поскольку смотрит на наручные часы, по проезжей части движется общественный и личный транспорт, велосипедисты едут в разных направлениях. Изменение размеров кадра меняет темп развития сюжета, который замедляется и заставляет реципиента заострить свое внимание на деталях, тем самым увеличив время его «нахождения» в данном кадре.

Изменением количества кадров автор подчеркивает также важность ключевых моментов комикса, которые можно считать завязкой сюжета. Следующая трехкадровая строка встречается, когда герой рассказывает о ночном рейде национал-социалистов: из окна своего дома персонажи растерянно наблюдают за нагрянувшими с обыском вооруженными людьми, которые арестовывают еврейское население и увозят на грузовиках.

Изображение на увеличенном кадре движущегося в неизвестном направлении эшелона

на сопровождается диалогами находящихся в нем людей. Трехполосный кадр, занимающий целую строку, визуально демонстрирует длину эшелона, конечным пунктом назначения которого является концентрационный лагерь, и тем самым передает масштаб бедствия.

Изображение эшелона в момент его прибытия в неизвестный пункт назначения также представлено на трехкадровой строке. Перед реципиентом разворачивается жесткая картина выгрузки интернированных людей в концентрационный лагерь под суровым надзором эсэсовцев.

Проанализировав все трехкадровые строки комикса, можно отметить некоторые их особенности. Во-первых, изменение размеров кадра привлекает внимание читателя. Увеличенный кадр доминирует на целом развороте; изображенное на нем занимает значимое положение в сюжете. Укрупнение кадра свидетельствует о том, что автор акцентирует внимание на длительности действия. Ход развития сюжета ненадолго замедляется, что задерживает внимание реципиента.

Во-вторых, увеличение размеров кадра свидетельствует о важности событий, изображенных на нем. Это подтверждается тем, что данные кадры встречаются редко. Комикс посвящен поиску главного протагониста правдивой истории о судьбе родителей, такие кадры сопровождают ключевые моменты комикса

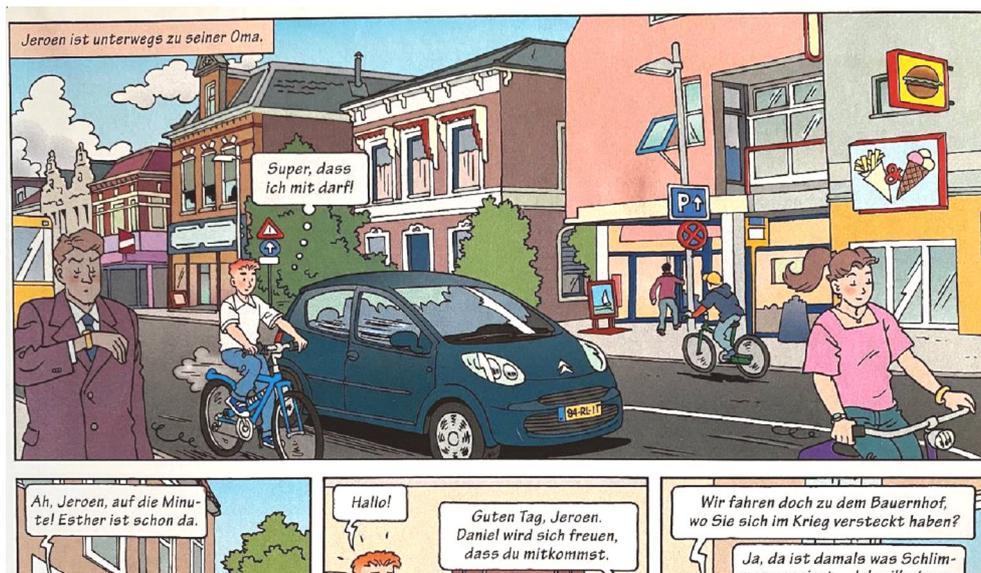

Рис. 2. Пример использования трехкадровой строки (Die Suche, S. 6)

Fig. 2. An example of using three-frame line (Die Suche, S. 6)

«Die Suche», поэтому изображенное на них можно считать завязкой событий.

В-третьих, на всех увеличенных кадрах данного комикса изображены средства передвижения: грузовики, машины, паровоз. Как известно, кадр комикса статичен, но изображенные транспортные средства придают комиксу динамичность и являются средством перемещения героев из их мирной повседневной жизни в нечеловеческие условия концентрационного лагеря.

В-четвертых, вербальные компоненты трехкадровых строк отличаются от вербальных компонентов обычных кадров количеством размещенных на них реплик. Невербальный компонент трехполосных кадров перетягивает внимание реципиента от вербального компонента и реализует функцию передачи смыслового содержания кадра.

Использование параграфемных средств

Все увеличенные кадры насыщены параграфемными средствами, что создает высокий информативный потенциал кадра и дополняет вербальную составляющую новыми смыслами. При анализе этих средств используется классификация, предложенная А.Н. Барановым и П.Б. Паршиным [Баранов, Паршин, 1989, с. 43]. Исследователи выделяют в сфере параграфематики три вида варьирования:

1) синграфематику – пунктуационное варьирование, то есть использование знаков препинания, выходящих за рамки пунктуационных правил, что транслирует экспрессию;

2) супраграфематику – шрифтовое варьирование;

3) топографематику – пространственно-плоскостное варьирование конфигураций графем.

Кадры исследуемого комикса сочетают в себе два вида параграфематики – синграфематику и супраграфематику.

Рассмотрим кадр из комикса (рис. 3).

Перед читателем предстает следующая картина: из окна своего дома персонажи растерянно наблюдают за нагрянувшими с обыском вооруженными национал-социалистами, которые арестовывают евреев. Синграфемные средства – многоточие в начале и в конце вербальной составляющей кадра характеризует фразу как оборванную, выражающую грубый приказ (пунктуационное варьирование) – участвуют в трансляции эмоциональных состояний персонажей комикса и поэтому, по мнению А.В. Анищенко, входят в эмоциональную семиотическую систему, объединяющую специфические семиотические единицы, позволяющие моделировать в креолизованном тексте различные эмоции [Анищенко, 2018, с. 77]. Супраграфемные средства выполняют в анализируемом кадре экспрессивную функцию. С одной стороны, с помощью жирного шрифта передается повышенный тон говорящего. С другой стороны, увеличенный шрифт (фраза полностью состоит из прописных букв) передает звуковой эффект громкого голоса командующего эсэсовца. Следует отметить, что в изучаемом нами материале отсутствует топографематика. Как пишет А.В. Щербаков, пространственное расположение текста исполь-

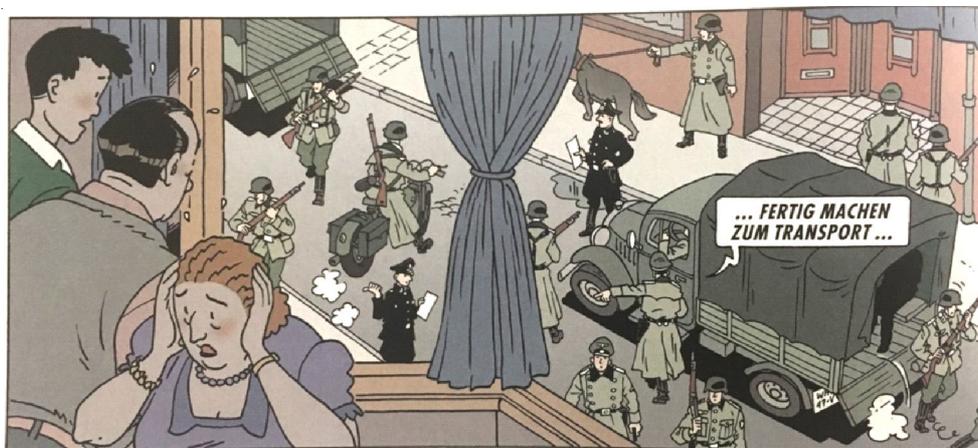

Рис. 3. Пример использования синграфемных и супраграфемных средств (Die Suche, S. 31)

Fig. 3. An example of using of syngraphemic and supragraphemic means (Die Suche, S. 31)

зается для концентрации внимания реципиента, обеспечивая «более глубокое понимание текста по сравнению с поверхностным восприятием» [Щербаков]. Новые формы пространственной организации текста, как правило, имеют цель привлечь внимание реципиента, в том числе и для достижения коммерческого успеха, ввиду чего данное параграфное средство чаще встречается на обложках книг, журналов или в рекламных текстах (подробно об этом см.: [Баранов, Паршин, 2018, с. 9; Дзякович, 1998, с. 141]).

Использование цветового варьирования

Данный комикс охватывает период со Второй мировой войны до наших дней. В начале комикса для сообщения фактической информации автор знакомит читателя с главными персонажами, используя прием «double-page spread» (двухстраничный разворот), при котором изображение не разделено на кадры и занимает целый разворот (подробно об этом приеме см.: [Jones, 2013, p. 73]). Автор показывает персонажей нынешними и в юности, в военное время, что способствует их узнаванию. При этом использует не только вербальные средства (указание имен), но и невербальные средства передачи информации (использование цвета). В черно-белых тонах изображены персонажи в годы войны, и наоборот, яркими цветами – они же в настоящее время.

Комикс представляет собой нарратив, охватывающий события в совокупности прошлого и настоящего, и построен с использованием приема «Flashback» (воспоминание), который показывает, что происходило с протагонистом в прошлом. На протяжении всего комикса автор комбинирует кадры военных лет и настоящего времени, применяя цветовое варьирование. Цвет оказывает прагматическое воздействие на реципиента. Кадры, как правило, выполнены в определенной цветовой гамме, которая формирует то или иное настроение. События, происходящие в наше время, отличаются более яркими и насыщенными красками и контрастными сочетаниями, истории из прошлого выполнены преимущественно в мрачной цветовой гамме с использованием таких сочетаний цветов, как серый, черный, коричневый и хаки, что отражает дух

военного времени. При помощи цвета автор подчеркивает переход от одного плана повествования (настоящего) к другому (прошлому). Это позволяет утверждать, что цвет в комиксе несет смысловую нагрузку, то есть одним из примеров реализации принципа наглядности является цветовое кодирование временной эпохи.

Выводы

Комикс, создаваемый в рамках образовательных проектов и представляющий сочетание кодов двух семиотических систем, служит трансляции новых знаний в рамках образовательного процесса в доступном для восприятия формате, в связи с чем может способствовать успешному усвоению новых знаний.

Результаты анализа взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в немецкоязычном образовательном комиксе показали, что фактическая информация передается с помощью вербального компонента, а временной и локальный колорит – невербального. Тем самым посредством невербальных компонентов комикса большой объем информации транслируется в компактной форме, легкой для восприятия. Установлено, что цветовое кодирование несет смысловую нагрузку, погружая реципиента в различные временные эпохи посредством цветового варьирования кадров комикса без дополнительных вербальных комментариев.

Особенностью комикса является компактность, достигающаяся использованием параграфематики, в частности средств синграфематики, супраграфематики и топографематики, которые способствуют сокращению объема передаваемого материала.

Выступая в роли визуального подтверждения вербально выраженной информации, невербальный компонент становится важным нарративным ресурсом, а использование в комиксе параграфемных средств позволяет реципиенту постичь новые смыслы.

Таким образом, включение невербального компонента в повествование устраняет трудности при интерпретации содержания, а благодаря сочетанию вербальных и невербальных средств комикс несет в себе боль-

шой объем информации, рассчитанной на максимальную простоту восприятия, в том числе и в силу своей наглядности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Е. Е., 2003. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Академия. 128 с.
- Анищенко А. В., 2009. Комикс как тип видеовербального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 559. С. 116–122.
- Анищенко А. В., 2018. К вопросу о концептуализации эмоций в немецкоязычном комиксе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (801). С. 69–77. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/9_801.pdf (дата обращения: 28.08.2018).
- Ариас А.-М., 2011. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. № 6 (72). С. 62–65.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б., 1989. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии // Проблемы эффективности речевой коммуникации : сб. науч.-аналит. обзоров. М. : ИНИОН. С. 41–115.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б., 2018. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 3. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>.
- Дзякович Е. В., 1998. Особенности использования средств параграфемии в современной печатной рекламе // Вопросы стилистики. № 27. С. 140–145.
- Пойманова О. В., 1997. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук. М. 237 с.
- Сонин А. Г., 2005. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М. : Ин-т языкознания РАН. 220 с.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., 1990. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука. С. 180–189.
- Удод Д. А., 2015. Денотативность невербального в креолизованном тексте буклета музыкального альбома // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 2. С. 220–223.

Щербаков А. В. Паралингвистические явления в текстах рекламных сообщений. URL: http://kafmr.rggu.ru/index.php?s=file_download&id=564 (дата обращения: 27.01.2019).

Jones S.P., 2013. Comics Writing: Communicating with Comic Books. [S. l.] : Create Space Independent Publishing Platform. 128 p.

ИСТОЧНИК

Die Suche – Heuvel E., Rol R. van der, Shippers L. Die Suche. Anne Frank Haus in Zusammenarbeit mit dem Historischen Museum Amsterdam. Braunschweig : Bildungshaus Schulbuchverlage, 2010. 69 S.

REFERENCES

- Anisimova E.E., 2003. *Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and crosscultural communication (based on the material of creolized texts)]. Moscow, Academia Publ. 128 p.
- Anishchenko A.V., 2009. Komiks kak tip videoverbalnogo diskursa [Comics as a video-verbal discourse type]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 559, pp. 116-122.
- Anishchenko A.V., 2018. K voprosu o konceptualizatsii emociy v nemeckoyazychnom komikse [On the problem of conceptualizing emotions in German comics strips]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Humanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 9 (801), pp. 69-77. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/9_801.pdf (Accessed 28 August 2018).
- Arias A.-M., 2011. Polikodovyy tekst kak semiotiko-semanticheskoe i esteticheskoe znakovoe edinstvo (na primere nemetskoy karikatury) [A policode text as a semiotic-semantic and aesthetic sign unity (using as an example a German caricature)]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, no 6 (72), pp. 62-65.
- Baranov A.N., Parshin P.B., 1989. Vozdeystvuyushchiy potencial varirovaniya v sfere metagrafemiki [Influence capability of variation in the field of metagraphemics]. *Problemy effektivnosti rechevoy kommunikacii, sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov*. Moscow, INION Publ., pp. 41-115.

- Baranov A.N., Parshin P.B., 2018. O metazyazyke opisaniya vizualizatsii teksta [Towards the metalanguage for describing text visualization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd state University. Linguistics]. Vol. T. 17, no 3, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>.
- Dzyakovich E.V., 1998. Osobennosti ispolzovaniya sredstv paragrafemiki v sovremennoy pechatnoy reklame [Features of using the means of paragraphemics in modern print advertising]. *Voprosy stilistiki*, no. 27, pp. 140-145.
- Poymanova O.V., 1997. *Semanticheskoye prostranstvo videoverbalnogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic space of video-verbal text. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 237 p.
- Sonin A.G., 2005. *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyy aspekt* [Understanding of polycode texts: the cognitive aspect]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN. 220 p.
- Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., 1990. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funkciya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Speech Optimization]. Moscow, Nauka Publ., pp. 180-189.
- Shherbakov A.V. *Paralingvisticheskie yavleniya v tekstakh reklamnykh soobshcheniy* [Paralinguistic phenomena in the texts of advertising messages]. URL: http://kafmr.rggu.ru/index.php?s=file_download&id=564 (Accessed 27 January 2019).
- Udod D.A. Denotativnost neverbalnogo v kreolizovannom tekste bukleta muzykalnogo alboma [Non-verbal denotation in creolized text of music album booklet]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no 2, pp. 220-223.
- Jones S.P., 2013. *Comics Writing: Communicating with Comic Books*. Create Space Independent Publishing Platform. 128 p.

SOURCE

Heuvel E., Rol R. van der, Shippers L. *The search. Anne Frank House in collaboration with the Amsterdam Historical Museum*. Braunschweig, Bildungshaus Schulbuchverlage, 2010. 69 p.

Information About the Author

Viktoriya V. Iakovleva, Postgraduate Student, Lecturer, Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia, vipanteleeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8820-4088>

Информация об авторе

Виктория Вадимовна Яковлева, аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, vipanteleeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8820-4088>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.15>

UDC 81'42:808.1
LBC 81.055.52

Submitted: 06.04.2020
Accepted: 14.09.2020

**“PHILOSOPHY OF THE NAME” BY S. BULGAKOV
(COGYTOLOGICAL INTERPRETATION)**

Alexander I. Fefilov

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Abstract. The paper focuses on the interpretation of the basic linguo-philosophical views of S.N. Bulgakov set out in his work *Philosophy of the Name* (1920, 1953). Philosopher and theologian S.N. Bulgakov expresses opinions on the essence of a word from the point of view of cogitology. The author interprets S.N. Bulgakov's explanations of such integrative terms as “word-thought”, “logos” and “sound word”. S.N. Bulgakov declares that a word is equated to an enlightened logos as a unity of words and thoughts, words and deeds, words and things. According to the philosopher, the meaning of a word is an idea embodied in the sound form of a word. In speech, the word-meaning turns into a word-thought. A thought comes true due to a speech-word. Language as a means of expression exists in its complete form long before the act of its designation. A thing is revealed in its name. The article also reveals the views of S.N. Bulgakov on words from the root, verbs-linker and pronouns that do not have their own content. The author believes that the results of the analysis in the article can enrich our ideas about language as an instrument of naming, designation and expression (cognitive aspect), and as a means of speech activity (communicative aspect).

Key words: cogitology, cognition, speech, thought-word, speech-word, objectification, representation, S. Bulgakov.

Citation. Fefilov A.I. “Philosophy of the Name” by S. Bulgakov (Cogytological Interpretation). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 190-203. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.15>

УДК 81'42:808.1
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 06.04.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

**«ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ» С. БУЛГАКОВА
(КОГИТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)**

Александр Иванович Фефилов

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в интерпретации основных лингвофилософских позиций С.Н. Булгакова, изложенных в его сочинении «Философия имени». Взгляды философа-богослова на сущность слова излагаются автором статьи с позиций когитологии (науки о языковом сознании и речевом мышлении). Толкуются вводимые философом интегративные по характеру понятия «слово-мысль», «звуковое слово» и «логос» (единство слова и мысли, слова и идеи, слова и вещи). Критически осмыслены основные положения концепции философа о значении как идее, заключенной в звуковой словесной форме; о трансформации в речи слова-значения в слово-мысль; о речеслове как посреднике, благодаря которому мысль становится

явью. В общенаучный контекст включается идея о языке как средстве выражения мысли, существующем в готовом виде задолго до акта обозначения, а также идея о том, что в имени самораскрывается вещь. В статье излагаются взгляды С.Н. Булгакова на некоторые частеречные характеристики слов: на корневые имена существительные, глаголы-связки, местоимения, не имеющие собственного содержания. Результаты исследования могут обогатить научные представления о языке как инструменте называния, обозначения и выражения (когнитивный аспект) и как средстве речевой деятельности (коммуникативный аспект).

Ключевые слова: когнитология, мышление, речь, мыслеслово, речеслово, объективация, репрезентация, С. Булгаков.

Цитирование. Фефилов А. И. «Философия имени» С. Булгакова (когнитологическая интерпретация) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 190–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.15>

Введение

Цель данной статьи – истолкование в русле современной когнитивистики, в частности когнитологического направления исследования языка и сознания, речи и мышления [Фефилов, 2004; 2012], лингвофилософских взглядов Сергея Николаевича Булгакова, русского философа и богослова.

Исторически сформировавшиеся в недрах философии и лингвистики научные представления о языке, как правило, связаны с признанием его многоаспектной инструментальной функции, объединяющей семиотическую (обозначения, выражения), коммуникативную (общения, побуждения), когнитивную (познавательную) функции; и базируются на диалектическом триадном взаимодействии *языка, сознания, действительности*. При этом компоненты данного триединства толкуются по-разному в зависимости от концептуальных, теоретических установок или часто вообще не получают более или менее внятных определений.

Комплексный, системный подход к пониманию указанных компонентов и их отношений реализован в работе «Философия имени» прот. С. Булгакова, полностью опубликованной в 1953 г. в Париже в издательстве «YMCA-PRESS»¹.

Словомысль

Прежде чем говорить о познавательной функции имени, то есть о соотношении слова с мыслительными понятиями, С. Булгаков определяет суть имени, вскрывая его структурные элементы (звук, значение, грамматическое наслоение и лексическое содержание), и

истолковывает далее их внутренние и внешние связи.

Исходное положение его концепции состоит в том, что «познание совершается в слове и через слово», а «мысль неотделима от слова» (с. 7). Действительно, с одной стороны, мысль заключена в слове в статусе значения (семантика); с другой стороны, множество взаимосвязанных мыслей ассоциируется посредством звуковой грамматически оформленной оболочки и семантической основы слова. Давая онтологическую характеристику слову, критикуя филологов и философов за метафизические определения слова и за то, что в слове они усматривают лишь «орудие изложения мысли» (с. 8), С. Булгаков предлагает говорить не просто о каком-то слове как звуковой оболочке мысли, а о *словомысли* («слово-мысль») или *мыслеслове* («мысль-слово»). Слово-мысль существует в готовом виде и предшествует речи (высказыванию). Мышление человека осуществляется в словах – в форме слов. Разум человека изъясняется словами. Здесь автор сближает *слово* с греческим *логосом*, который для него и есть слово-мысль. Данное понятие неоднократно уточняется по ходу изложения, ср.: «*λόγος* – есть не только слово, мысль, но и связь вещей» (с. 45). Таким образом, *логос* толкуется как кварталатеральное единство: Слово – Мысль – Связь (дело, действие, отношение) – Вещь.

Слово состоит, прежде всего, из «соединения звуков голоса и шумов» (с. 45). Это звуковая масса слова, его тело. *Звуковое слово* существует в двух ипостасях – как произносимое и как идеальный образ. В лингвистике этот идеальный образ стали называть «акустой», «акустическим образом», «акустемой».

Физическая сторона отдельных звуков слова важна, но еще важнее соединение звуков, из которого складывается, как мы догадываемся, мелодия и интонационный рисунок слова («музыкальная фраза»). Слово, как произносимое (проявившийся идеальный образ, вышедший наружу), так и произносимое (неозвученное, внутреннее, находящееся во тьме молчания), имеет значение («не беззначно»). Слово, материализованное в письменной или устной речи, используется пишущим и говорящим человеком для сообщения своих мыслей другим людям (= коммуникативная функция). При этом слово-речь переходит в слово-мысль. Однако внутреннее слово «одевает» мысль раньше слова-речи, то есть существует в языковом сознании в готовом виде как единство формы и содержания. Из внутренних слов складывается *внутренняя речь*. Даже не произнося слов, мы говорим про себя, или мыслим словами. Известно, что понятие внутренней речи было позднее теоретически обосновано советским психологом Л.С. Выготским [Выготский, 1934]. Согласно С. Булгакову, тело членораздельного звука обращается в форму слова. Ей философ приписывает особую энергию и силу, а также множество конкретных проявлений. По сути, слово и есть форма мысли. Можно сказать, что и язык в целом является формой мышления. Сущность формы кроется в отношении частей, а именно отдельных звуков слова. Они, как мы знаем, образуют слоги, качество звуков в которых зависит от взаимовлияния или от фонетической интеграции. В речевом потоке звуки артикулируются органами речи, положение которых в ротовой полости обуславливает некоторые закономерности звукового взаимодействия. Слово в сознании говорящего представлено как звуковой знак или как «форма звука» (с. 7). Ее можно сравнить с музыкальным произведением. Однако словесные звуки отличаются от музыкальных тем, что срослись с определенным содержанием, или значением. По С. Булгакову, значение слова – это заключенная в звуковой оболочке какая-то идея. Сколько слов, столько идей. Звуковая форма слова синтезируется с грамматической формой, которая придает слову дополнительные смыслы. Здесь философ затрагивает традиционные в лингвистике проблемы полисемии, когда одному слову соответ-

ствует несколько семиотических смыслов, а также проблему синонимии, когда одно и то же мыслительное понятие о вещи может быть обозначено множеством разных слов. В речи слово реализует лишь одно из своих значений. В этой связи следует заметить, что только в 60-е гг. прошлого века в лингвистике появились четкие терминологические обоснования этого явления. Немецкий лингвист В. Шмидт ввел в научный обиход термины «потенциальное значение слова» и «актуальное значение слова» [Schmidt, 1986].

В главном, или собственном, значении слова уже заложен смысл, который С. Булгаков называет «элементом мысли». О таких «языковенных» мыслительных понятиях говорят, вслед за В. Гумбольдтом, многие приверженцы его идей и современные когнитивисты (см., например: [Die Grenzen der Sprache, 1998; Roth, 2004]). В терминах когнитологической науки это явление можно обозначить как *интериоризацию* (отложение в языковых значениях мыслительных векторов как примитивных прообразов мысли). По справедливому замечанию С. Булгакова, если бы слова были лишены каких-либо смыслов, невозможно было бы с их помощью обозначить соответствующие им мыслительные понятия и тем более выразить их (с. 13). Слово обладает собственным значением только в изолированном виде, то есть на уровне лексикона (по терминологии Ф. де Соссюра – на уровне языка, или языковой системы). В речи слово, сочетаясь с другими словами, участвует в выражении определенных, контекстно обусловленных смыслов. Оно как бы не выделяется «из живого контекста» (с. 14). Таким образом, только в речи слово-значение превращается в слово-мысль.

Слово-мысль не может проявить себя в чистом виде, так как в выражении речевого смысла участвуют все слова, объединенные в предложение. Говоря о том, что «не существует абсолютно изолированного слова» (с. 15), С. Булгаков наводит нас на мысль, что слово на уровне языковой системы является неким искусственным конгломератом форм и значений, которые ему приписал человек. Изолированное слово – это изобретение человека «для нужд общения и мышления» (с. 15). Иначе говоря, это рационально созданный

знак, который используется человеком для передачи информации и самовыражения, то есть для фиксации мыслей и их вербальной репрезентации. Однако это не так: слово – изобретение непреднамеренное.

С. Булгаков считает, что прежде чем обозначить что-то мы должны иметь средство обозначения этого чего-то. Иначе говоря, мы должны иметь язык. Для философа это, скорее всего, вопрос о первичности языка и вторичности мысли. Но! Для того чтобы обозначить мысль с помощью языка, эта мысль должна существовать. Означает ли данный взгляд, что мысль «первее» языка? Для лингвиста-когнитивиста, видимо, так и есть. Рассматривая триаду *язык – сознания – действительности*, целесообразнее было бы говорить о первичности действительности, вторичности сознания и третичности языка по отношению к действительности.

Однако, по мнению философа, инструмент обозначения (язык), должен уже существовать в готовом виде, причем задолго до акта обозначения. Например, чтобы породить звук, нужно иметь соответствующий инструмент – голосовые связки, музыкальный инструмент и т. п. Мысль может рождаться и умирать, то есть появляться и снова уходить в небытие. Приведем известный всем оборот: *Мне пришла в голову мысль*. Пресуппозицией этого высказывания является тот факт, что мысль приходит на ум откуда-то извне. А язык никуда не приходит и не уходит. Он существует в нашем сознании в потенции (в вербальной памяти, в языковой системе) или в актуальном состоянии (в речи). В связи с этим возникает «философский» вопрос: существуют мысли в готовом виде и лишь проявляются, селекционируются посредством языка или они формируются (структурируются, создаются) с его помощью? Вопрос ключевой и открытый в философии языка. Можно допустить, что в готовом виде существуют только «осколки» мысли – так называемые мыслительные понятия, как и, например, в языке отдельные слова. Мысль как сложное (слагаемое) образование порождается в речи, в которой отдельные *словопонятия* сцепляются друг с другом. Данные рассуждения приводят нас к выводу о том, что как языковая система, так и концептуальное сознание представлены в

голове человека в потенциальном, «полуготовом» виде. В акте говорения (в речевом потоке) они актуализируются и реализуются в речемыслительном процессе, результатом которого является выражение мысли.

Подтверждая свой тезис о неразрывной связи слова с мыслью, С. Булгаков пишет: «Мы не можем отмыслить мысль от слова или слово от мысли, так же как не можем отделить от себя свою тень» (с. 17). Однако остается неясным: к чему относится метафорический образ «тени» – к мысли или к слову? Если тень – это мысль, значит, слово соотносит нас лишь с темным, призрачным прообразом мысли, то есть представляет более или менее различимо только форму мысли, не высвечивая ее содержания. Если тень – это слово, представляющее мысль, значит, мысль со своим темным, нерасшифрованным содержанием облекается в более или менее определенную форму слова. Разъяснить мысль можно лишь в речи. Такое разъяснение есть не что иное, как приписывание, означивание – замещение тени лучезарным светом. Мысль высвечивается с помощью *речеслова*, вернее – с помощью сцепленных по смыслу отдельных *речеслов*, или посредством синтеза аналитических элементов. Речеслово – это бывшее словопонятие (а не пустая словесная оболочка!). Не может быть, по мнению философа, что «на одной стороне стоят обнаженные, не одетые в слова мысли, а на другой обесмысленные, но уже готовые принять смысл слова» (с. 17). Такая «логическая противоречивость» допускается только в анализе.

Для анализа как разложения целого на части ничего невозможного нет. В лингвистике слово уже давно поставлено вне мысли, поскольку ему приписана навечно семиотическая, инструментальная функция. Ответ на вопрос о том, какой синтез инструмента и объекта возможен, не так однозначен. Согласно данной логике пояснения, если двигаться в направлении от языка к мысли, то это отношения указания (дейксиса) или включения (инклюзии). Данный вектор напоминает луч фонарика, который указывает нам на освещенный сектор мысли – слово высвечивает мысль. Последнее ассоциирует процедуру ловли сачком летающей бабочки. Если двигаться в обратном

направлении (от мысли к языку), о котором забывают говорить как философы, так и лингвисты, то этот вектор отношений и в онтологическом, и в эпистемологическом плане первичен и наиболее значим. Именно в этом направлении возможен поиск ответа на вопрос, как откладывалась и откладывается мысль в языке – как она объективируется в языковых формах, в знаковой системе языка, чтобы впоследствии самовыражаться. Мысль подготовила для себя средство самопроявления, «вынаруживания». В когнитологических терминах это можно сформулировать так: чтобы экстерииоризироваться, нужно сначала интерииоризироваться. Как уже было указано выше, мысль отложила в языке в виде «наивных» понятий, или значений, с помощью которых она становится явной, понимаемой.

Следует отметить, однако, что языковой инструмент существенно отличается от предметного инструмента, так как опирается не столько на отношение согласованности по форме (ср.: *кови* и *вода*), сколько на тождество, или аналогию, по содержанию, ср. значение слова *вода* («бесцветная жидкость для питья, мытья, стирки, полива и т. п.») – мыслительное понятие «вода» («бесцветная прозрачная жидкость, представляющая собою химическое соединение водорода и кислорода и содержащаяся в атмосфере, почве, живых организмах и т. п.»). Процессы объективации мысли и репрезентации (обозначения и выражения) мысли различаются как по направленности, так и по функции. Обозначение мысли посредством слова приводит к интеграции значения и мыслительного понятия. Результатом этого становится выражение. Однако выражается не всегда то, что называется и обозначается, ср.: *Сколько воды утекло!* (= «Прошло много времени!»). Именно в выражении и проявляется творческая и познавательная сила языка, которая закладывается в акте обозначения, когда известное по своему значению слово соотносится с еще не сформулированной идеей или непознанной истиной (см. об этом: [Cassirer, 2001, S.102; Humboldt, 2003, S. 40]).

С. Булгаков неоднократно указывает на невозможность «отмысливания» мысли от слова и слова от мысли, ср.: «[Мы] не можем их связи разорвать, так же как не можем их и слить, отождествить до полного слияния, но мы

сознаем мысль, рожденную в слове и слово, выражающее мысль (двуединство логоса)» (с. 19). Представляется, что философ в данном случае несколько категоричен в высказываниях. Можно согласиться с тем, что нельзя «отмыслить мысль от слова», когда человек использует это слово в соответствии с его прямым, главным значением. В таком случае слово актуализирует в большей степени то, что в нем заложено (значение «сливается» с мыслительным понятием). Отлучение же слова от собственного значения часто происходит в метафорических контекстах, ср. приведенный выше фразеологизм, а также высказывания, в которых происходит постепенное отчуждение слова от заключенной в нем первоначальной мысли, например: *Человек идет – Автобус идет – Фильм идет*. В последнем примере (случай полного «отлучения») глагол *идти* обозначает и, как следствие, выражает «процесс показа» (= «демонстрируется»).

Как мы уже указывали, нецелесообразно отождествлять греческий логос (λόγος) только с единством слова и мысли, как это часто делает С. Булгаков. Это греческое понятие связано также с действием (например, с говорением), ср. *Лес!*, и вещь как отражением в мысли действительного положения дел («вещь в себе»), ср. деревья – *лиственные, хвойные деревья*. Возможно, оно связано и с отражением нашего субъективного отношения к вещи, или нашего мнения о ней («вещь для нас»), ср. деревья – *высокие, красивые деревья*. Кроме того, какая-то мысль зародилась в свое время в слове, но актуальная мысль рождается с помощью слова, но не в нем самом.

С. Булгаков выступает против полного отождествления мысли и слова, а также отвергает точку зрения, согласно которой человек может мыслить без слов. Он не согласен с «психологистами», которые утверждают, что слово и есть сама мысль, а мысль есть не только предмет, но и само слово: «Однако, мысль не есть слово, ибо пребывает в себе, и слово не есть мысль, ибо имеет свою собственную жизнь» (с. 18). Это означает, что не следует отождествлять вербализованную мысль (= значение) и мысль репрезентируемую (обозначаемую), ср.: «Нет мысли, не воп-

лощенной в слове, и нет слова, не воплощающего мысль» (с. 19). В терминах когнитологии это положение можно сформулировать следующим образом: в языковой форме воплотилась и воплощается ретроспективная мысль (идея, понятие, знание), получая статус значения. Слово предстает как билатеральная единица, как единство формы и значения. Звуковая форма слова, пусть даже грамматикализованная, это еще не слово, а только его часть. В акте репрезентации участвует как звуковая оболочка, так и значение слова. Языковая идеальность соприкасается с мыслительной идеальностью. Звук материализует, делает явным для осознания результат взаимодействия двух идеальностей – языковой и мыслительной (подробно об этом см.: [Фефилов, 2010]).

С. Булгаков неоднократно указывает на то, что *словомысль*, или *мыслеслово*, как интегративная единица предполагает наличие не только чего-то общего между словом и мыслью, но и их различия, которые, как мы считаем, обусловлены самой диалектикой развития данных категорий. Язык консервативен – в нем зафиксированы предшествующие состояния мысли. Мысль динамична, прогрессивна, она вынуждена облекаться в устоявшиеся, исторически сложившиеся («старые») формы языка. Результаты расхождений способствуют порождению новых мыслительных понятий.

Слово в речи, включающее в себя «внутреннее слово», призвано, по мнению С. Булгакова, пробуждать мысли в человеке, благодаря которым люди устанавливают связь друг с другом. Думается, что «внутреннее слово» философ толкует как понятийное, мыслительное ядро слова, некий инвариант, или «общее значение» (по Р. Якобсону), на которое наслаиваются различные семантические варианты, модифицирующие признаки, присущие языку, и разные в каждом конкретном языке. Понятийное ядро, или «внутреннее слово», – это то, что характерно для всех языков; то, что их объединяет и делает возможным понимание при переводе или в устном и письменном межъязыковом взаимодействии. «Внутреннее слово» оживает в речи. Разговаривающие на разных языках люди связаны им.

С. Булгаков высказывает мнение, что «не люди соединяют себя словами, употреб-

ляя язык как средство взаимопонимания или орудие сношений, но слова соединяют людей... В нас говорит мир, вся вселенная, звучит ее голос» (с. 22). «Он [человек] должен слушаться вещи, прислушиваться к ее самооткровению, внимать, что она ему скажет» (с. 22). «Имя есть самооткровение вещи» (с. 68). С данным мнением перекликается мысль немецкого философа М. Хайдеггера, который утверждал, что не мы говорим, а язык говорит в нас и что человек говорит на языке вещей. Вещи вещают, говорят с нами, сообщая нам о чем-то [Heidegger, 1960, S. 181]. Для С. Булгакова слово космично, оно принадлежит не только человеческому сознанию, но и бытию в целом, «слова-идеи суть голоса мира», «символы мира» (с. 23, 24 и др.). Однако слова не могут рождаться вне человеческого сознания.

Затрагивая архитектуру слова, философ отмечает, что его корень («корнеслов») – это первоэлемент речи, поскольку на его основе создаются новые слова. Речь – это естественная среда для словотворчества. В то же время человек не придумывает новые слова произвольно. Он создает их на материале языка, к которому приобщается как к некой данности. Язык открывается человеку. При этом некоторые аббревиатуры и богомерзкие («совдеповские») имена С. Булгаков считает искусственными, не живыми словами, а манекенами слов, словами-вампирами.

В формулировке «слова не сочиняются, а осуществляются» выражается идея того, что словесный язык существует изначально в готовом виде (как божье творение) и человек лишь приобщается к языку, открывает его для себя. В таком случае, в соответствии с данным теологическим подходом, участь говорящего субъекта, носителя художественного слова, лингвиста заключается лишь в том, чтобы открывать закономерности говорения и использовать их в своих коммуникативных, культурологических и языковедческих целях. Эта мысль перекликается со взглядами немецкого философа Г. Фреге, который говорил, что человек не придумывает законы бытия, он лишь открывает их [Frege, 2001, S. 70, 86]. Эти законы развития и существования мира придумал и заложил в бытие мироздания Бог. Открывая их с помощью языка и мысли, люди познают их.

Человек понимает свой родной язык, «ибо язык один и множественны лишь его модусы – наречия» (с. 37). «Внешний» язык – явление социально-историческое, он изменяется. «Внутренний» язык, наоборот, явление константное. Ему человек не научается, он в человеке «возникает», потому что он эквивалентен самой мысли.

Точно так же, как глаз образовался потому, что есть внешний свет, органы речи и слуха появились потому, что есть внешний звук как мировая энергия. Делая акцент на звуковой стороне слова, С. Булгаков готов считать первоэлементом речи не только корнеслов, в котором заключена идея, но и букву (у него это – звук), ср.: «Буквы, или голосовые звуки, действительно выражают некоторые первоначальные космические качества» (с. 41). Следует заметить в этой связи, что качество отдельных звуков и звукосочетаний само по себе вне словесного смысла представляет особой самостоятельную знаковую систему, предназначение которой пытаются объяснить представители фоносемантики. Так, в соответствии с «цветовой теорией», возникшей в XVII в., а позднее и в символизме XIX–XX вв., звуку [и] приписывали ассоциацию с белым цветом, а звуку [а] – с черным цветом. В немецкой фонологической терминологии закрепился даже метафорический термин «*dunkles A*» («темная А»). Иногда отдельные признаки словесного значения усиливаются своими смысловыми аналогами, синтезированными в звуковой оболочке. Например, в слове *лилия* (цветок белого цвета) повторение звука [и] усиливает ассоциацию с белым цветом. Аналогичную активизирующую, усиленную функцию по отношению к лексическому значению выполняют мотивационные признаки слова, синкретизированные с акустическим образом слова, ср.: *белок, желтуха, крапивница*.

Грамматически оформленное слово (речеслово)

Утверждая, что слово произошло из корня, С. Булгаков указывает на то, что первоначально слова не имели грамматического оформления, поскольку у них отсутствовали флексии. Слова сформировались как части

речи. Получив статус речеслов, они стали функционировать как члены предложения. Имя существительное стало представлять идею в «опредмеченном» качестве. По мнению философа, в нем скрыт еще и «онтологический жест: это есть», ср.: *свет = это есть свет*. В терминах когнитологии это означает: имя существительное содержит имплицитный смысл существования (бытийности, экзистенциальности) опредмеченной идеи о вещи, о свойстве и качестве, об отношении и др., ср.: *Что это? – стол (= Это есть стол); Что это? – краснота (= Это есть краснота); Что это? – бег (= Это есть бег)* и т. д. При этом под опредмеченностью (что это?) должна пониматься грамматическая предметность (чаще квазипредметность), которая не всегда совпадает с логико-мыслительной предметностью. По С. Булгакову, грамматическая предметность характеризуется тем, что включает в себя имплицитно признак существования (экзистенциальности), что, несомненно, является важной лингвофилософской новацией.

До периода сформированности грамматических форм, согласно лингвистическим исследованиям, существуют корневые слова (ср.: *бел, стой*), которые, оформляясь грамматически, превращаются в части речи (ср.: *белизна, белый, белеет, белеющий; стойка, стойло, стоит, стоящий, стойкий* и др.). Чтобы определить «грамматический и лексический вклад» в осознание слова, в языкознании уже предпринимались попытки выделить чистые грамматические структуры, лишённые лексического наполнения, но обладающие грамматическим значением частеречности. Достаточно заполнить грамматическую структуру «неотмеченным» лексическим содержанием, или искусственным корнем, и мы получим множество частеречных образцов. С учетом же словообразовательных возможностей их количество может увеличиться во много раз. Приведем такой искусственный пример: *коч – коча, кочатка, кочище, кочина, кочищик, кочетник, кочинка; кочить, кочиться; кочащий, кочимый* и т. д.

В глаголе как части речи заключена грамматическая идея действия (что делать?): *колотить, идти, сидеть, спать, цвести, светить* и др. По мнению С. Булгакова, «в раз-

личении имени существительного и глагола, субъекта и предиката заключен первичный акт мышления и познания» (с. 49). Имя существительное в роли подлежащего «есть то, о чем говорится» (с. 50). Соответственно, глагол в функции сказуемого сообщает нам что-то об идее, заключенной в подлежащем имени существительном. Познавательная функция языка проявляется, таким образом, в субъектно-предикатном отношении. Здесь следует лишь заметить: то, о чем говорится, не есть то, о чем мыслится. Например, в предложении *Стол стоит у стены* говорится о каком-то столе, который находится у какой-то стены. На мыслительном уровне «оречевляются» следующие понятия: предмет мебели, называемый *столом* (род – вид – имя), состоящий из ножек и столешницы, который (статично) локализован рядом с другим (вертикальным) предметом (частью другого предмета – комнатой, кухней, кабинетом), или ср.: *X* локализован в трех пространствах – находится в пространстве помещения *Y*; находится в положении стоя на полу; находится в пространстве рядом с другим предметом *Z* (= у стены). Здесь необходимо задуматься над следующими вопросами: насколько осознается эта мыслительная цепочка в речевом потоке? как осознается мысль говорящим и слушающим? может быть, понимание и толкование всего лишь наша рациональная интерпретация? стоит ли подводить мысль под рациональную аналитическую формулу? возможно, понимание – это не рациональная, аналитическая, а интуитивная синтетическая категория?

Однако насколько рационален в своих суждениях сам С. Булгаков? Глагольность эквивалентна связке – считает он, по-видимому исходя из того, что некоторые простые предложения, состоящие из существительного-подлежащего и глагола-сказуемого (*Мужчина поет*), можно трансформировать в связочные конструкции (*Мужчина – певец. Мужчина занимается пением*). «Глагольная форма личная может быть выражена как причастная плюс связка» (с. 71). Имеются в виду трансформации типа *Он пьет = Он (есть) пьющий*. Философ пишет, что глагол-предикат предикатирует (= сообщает что-то о подлежащем в форме имени существительного). К тому же глагол-предикат «именует». Это

происходит благодаря причастию, выполняющему функцию имени прилагательного. Ср.: «Ибо и глагол именует, предикатирует» (с. 71). Подлежащее выражается «через другое», то есть через предикат. Бытие, воплощаемое именем существительным в позиции подлежащего, переходит из статуса ноумена в статус феномена. Потенциальное становится актуальным. Предмет, обозначаемый именем, «выказывает» свое свойство (модус) на данный момент существования.

Справедливости ради следует заметить, что сведение глагола в форме сказуемого к причастию и к его значению качества (*делает = есть делающий*) переносит акцент утверждения с действия на субъект действия (*он есть...*) – сообщается «какой он», а не «что он делает». Объяснение предложения через его трансформации неизбежно приводит к подмене понятий и искажению истины. При объяснении А через Б подбирается аналог (Б) для исходного понятия (А), а в конечном счете заменяется А на Б.

Таким образом, С. Булгаков сближает языковое явление с логическим, а по сути – смешивает языковую категорию с логической: *Я сделал = Я емь сделавший*, где субъект выступает как определяемое, а предикат как определяющее. Приоритет в субъектно-предикатной связке отдается не предикату как основному компоненту суждения (утверждения чего-то нового), а субъекту как тематическому ядру, как исходной данности. Однако, как нам представляется, если переместить акценты на предикат, то предложение *Я сделал* получит иное толкование, ср.: *Я сделал* = (1) то, что я делал, я имею сделанным (это перспектива объекта, на который было нацелено действие); (2) то, что я делал, я больше не делаю (действие завершено во времени).

Затрагивая проблему грамматического рода, С. Булгаков практически уравнивает эту морфологическую категорию с логико-мыслительной категорией пола: «Грамматический род, в котором человеческие различия пола, мужского и женского, применяются ко всем именам существительным. Иначе говоря, мифологическая мысль грамматического рода сводится к тому, что все имеет пол» (с. 50). Средний род рассматривается им как отсутствие или отрицание рода.

Согласно С. Булгакову, бессодержательное, абстрагированное от частных местоимение включает в свою пустоту все бытие. Как высочайшая абстракция, оно объемлет весь мир. В силу его ноуменальности (бесконечности, неподвластности познанию) ему нельзя приписать определенный смысл, кроме, пожалуй, указания на бытие, ср.: «местоимение есть символ ноуменальности...», «на вопрос о смысле местоимения... нет ответа» (с. 55). В отличие от местоимения, не имеющего собственного содержания, слово, в частности имя существительное, «реально». Можно было бы сказать, что знаменательные имена суть символы (знамения) какого-то бытийного содержания. В этом понимании они не ноумены («вещи в себе», то есть непознаваемые вещи), а феномены («вещи для нас», то есть частично познанные вещи). Местоимение – это «трансцендентальная категория языка», всего лишь форма, в которую облачается бесконечное бытие. С. Булгаков пишет: «Даже при отсутствии подлежащего подразумеваемое, примышляемое местоимение его заменяет. <...> Скрытое местоимение через спряжение царит в языке» (с. 59). Имеются в виду бесподлежащие конструкции типа *Говорят, что...; Подумал, что...*, которые являются усечениями исходных предложений *Они говорят, что...; Я подумал, что...*

Имя – центральное понятие в богословской концепции С. Булгакова. «Имя есть скрытое суждение» (с. 59), ср.: *Певец = Он певец* или *Он поет*. Может создаться впечатление, что философ понимает под словом суждение усеченное, элиминированное. Еще К. Бругман говорил о том, что слово является осколком более крупной синтагмы (словосочетания) или даже представляет собой усеченное предложение [Brugmann, 1904]. Это можно наблюдать на синхронном срезе любого языка, например русского: *носильщик* (багажа), (стальная) *каска*, *приемная* (комната), *военный* (человек). Только благодаря таким усечениям становятся возможными транспозиционные переходы из одной части речи в другую, например прилагательных в существительные, ср.: *белые, черные* (фигуры в шахматах), *красные, белые* (красногвардейцы, белогвардейцы); «качественных» существительных в «предметные», ср. *высота* горы – *высота*

(взять *высоту*). Однако у С. Булгакова именное слово – скорее свернутое суждение, лишённое предикативной (утвердительно-экзистенциальной) связки, чем элиминированная синтагма или пропозиция. Слово – это мысль, свернутый предикатив, ср.: *Это (есть) стол = стол*. Подобного рода трансформации можно интерпретировать и иначе, ср.: (1) Это предмет, который называется *столом*; (2) Данный предмет относится к классу мебели и именуется *столом* и т. п. Исходя из трансформации (1) слово *стол* можно толковать как результат логизации (= предмет) и номинации (= называется). В трансформации (2) можно не только усмотреть акт предшествующей номинации, то есть зарождения слова *стол* как такового (не вспоминая о том, что имя *стол* этимологически восходит к мыслеслову «стлать»), но и увидеть также реализацию категории определенности (данный предмет) и родо-видовую принадлежность (класс мебели). Здесь вновь возникает вопрос о том, не являются ли такого рода интерпретации рациональными, не имеющими ничего общего с естественной природой языка. Наши представления о языке не всегда совпадают с языковой сущностью. Это всего лишь наши мнения о языке.

Согласно С. Булгакову, имя существительное – связующее звено между ноуменом и феноменом. В переводе на современный «облегченный» (терминологически не отягощенный) лингвофилософский метаязык это означает, что слово соотносит реальную вещь с ее идеальным представлением в сознании человека (мыслительным понятием). С одной стороны, это отражение в направлении от вещи к ее мыслепонятию (= процесс познания). С другой стороны, это категоризация в направлении от мыслепонятия к вещи (= придание смысла вещи; означивание, «опонятывание» вещи).

Как отмечает С. Булгаков, известное логическое тождество «А есть В» должно рассматриваться с учетом «самотождества» «А есть А, В есть В», из которого и следует, что «А есть не-А, и это не-А есть В» или «А есть А и не-А». Делаем вывод, что в каждом имени скрыта «кантовская» антиномия. Это противоречие возникает из-за связки *есть*, которая «выражает способность вещей

выходить из себя и быть в другом, а потому и выражаться через другое», и разрешается благодаря ей же (с. 71). В этом проявляется «трипостасность» бытия: А есть А, А есть не-А, А есть В. Сказанное проиллюстрируем следующим примером: *Этот человек преподает в вузе*, где (1) Он есть человек; в то же время (2) Он есть не только, не просто человек; а (3) Он есть преподаватель. Исходное предложение-высказывание распадается на логико-мыслительном уровне на три акта суждения, а именно: (1) на экзистенциальную идентификацию; (2) порождение противоречия как иной возможности бытия; (3) реализацию иной возможности бытия.

С. Булгаков утверждает, что «подлежащее местоимение без имени слепо, а имя-сказуемое без подлежащего пусто» (с. 73). Если, с опорой на это высказывание, сравнить два предложения (а) *Он читает книгу* и (б) *Пассажир читает книгу*, то можно установить, что (а) местоименное подлежащее *Он* указывает в данном контексте на кого-то, кто является единичным одушевленным существом мужского пола. Это происходит только благодаря глагольному сказуемому *читает*. *Он* может соотноситься с множественным (совокупным) неодушевленным субъектом. Причем свойством субъектности наделяет его говорящий человек, ср.: *Он* (= лес) *шумит*. Вопрос о принадлежности к полу в последнем примере отпадает сам собой. Противоречие возникает между языковым категориальным значением единственного числа и логико-мыслительной множественностью. В примере *Он* (= стол) *достался мне по наследству* выражена неодушевленность и грамматическое значение единственного числа, когнитивированное логико-мыслительной категорией единственности. Здесь не имеет места отношение к полу, а грамматический род (мужской род) является формально-классификационным по характеру. В примере (б) подлежащее имя *пассажир* имеет своим семантическим ядром местоименные характеристики (= он) – мужской род и пол, единственное число и единственность (= один). Подлежащее здесь уже не столь «слепо», а сказуемое не столь «пусто» благодаря имени существительному.

Продолжая интерпретацию, можем сказать, что многозначность субъектного име-

ни, в частности местоимения *мы*, имеет место лишь на уровне предложения, которое не стало высказыванием, поскольку не было включено в речевой контекст (в текст или фрагмент текста в рамках определенного дискурса). Поэтому, например, предложение *Мы ждем* толкуется неоднозначно не только в отношении субъектного имени, но и в отношении предикатного глагола: (1) *Мы* (= я и ты) *ждем*, *Мы* (= я, он, она, они) *ждем*; (2) *Мы ждем* (= будем ждать) *вас на вокзале, *Мы ждем* (= не принимаем решения) *пока не получим необходимые документы. «Узорчатый рисунок» субъектно-предикатных отношений возникает благодаря не только эксплицитным, но и имплицитным сегментам субъектного имени и глагола-предиката.

О феномене языка С. Булгаков пишет: «Язык имеет богатейшие средства для выражения пространственности и временности в их разных оттенках» (с. 93). Здесь язык характеризуется лишь как средство воплощения мыслительных категорий пространства и времени без указания на то, что это средство имеет воплощенные, объективированные в нем «примитивные» признаки пространства и времени (= локальности и темпоральности). Мыслительный и языковой планы соотносятся друг с другом в семиотическом акте по закону тождества или аналогии.

С. Булгаков не обходит вниманием и грамматическую категорию числа. Он отмечает, что единственное число может выражать множество (*народ*, *толпа*), а множественное число «сплошь и рядом выражает единство (*очки*, *ворота*). Здесь предстает “единое во многом” или “многое в едином”» (с. 100). Отметим, что «единое во многом» – это логико-мыслительная единственность (один экземпляр), которая коррелирует с языковым грамматическим значением множественного числа в семиотическом акте, ср. бывшие формы двойственного числа (*ворота*). Один предмет, состоящий из двух «главных» (проминентных) частей, обозначается словами в форме множественного числа. Речь идет главным образом об именах предметов.

«Многое в едином» (*толпа*, *куча*) предполагает соотношение логико-мыслительного неопределенного множества с языковым грамматическим значением единственного

числа. В приведенных примерах речь идет не о явно выраженных, а о прогнозируемых предметах («люди», «мусор»). Это имена множества, а не имена предметов. Можно привести примеры, в которых имена существительные называют более явно не сами предметы, а форму, способ их организации, ср.: *стая* (птиц, волков), *рой* (пчел, мух). «Многое в едином» могут выражать и предметные имена (*листва*), где обозначается совокупный предмет, или предмет во множестве.

С. Булгаков связывает имя с чувственным и рациональным познанием. Он критикует И. Канта за «резкое противопоставление априорного и апостериорного» (с. 106), то есть за противопоставление чувственности и разума. Можно сказать, что, по Канту, познание сводится к отражению: восприятию впечатлений и образованию представлений и мыслительных понятий – к категоризации и концептуализации; познанию предметов посредством представлений, чувств. Исходя из этого, мышление целесообразно было бы представить как процесс синхронизации объективного и концептуального миров, как приведение их к единству. Точнее, мышление – это соотношение отражающего сознания и отражаемого сознания (человек отражает мир, как правило, не с натуры – он отражает представления о мире).

Кантовские различия между «понятием» и «представлением» – это разграничения «объема понятия» и «содержания понятия» (по Г. Фреге – экстенционального и интенционального значения; в терминах когнитивистики – концептуального ядра и когниции). Согласно С. Булгакову, слово – тот мост, который соединяет «мысль» с «чувственностью», говоря иначе – концептуальную структуру понятия с его интенционалом. Философ пишет: «Мыслить же значит соединять представления в сознании» (с. 109). Уточняя данное положение, можно сказать, что соединение представлений в сознании – формирование понятий. Соединение мыслительных понятий между собой и «вынашивание» их в виде суждений в форме языка-речи – это и есть мышление. Однако межпонятийное взаимодействие – не произвольное соединение мыслительных понятий. Все их отношения регламентированы и осуществляются по строгой схеме, по общепринятой, конвенциональной

модели с незначительными отклонениями от нее, не препятствующими пониманию. Регламентирующую функцию выполняет рассудок. Он же соотносит концептуальную систему с языковой, порождая речь, в которой межпонятийные отношения получают эксплицитное или имплицитное выражение. Оно может быть «прямым», согласованным (понятие = значение) или иносказательным, метафорическим (понятие1 = понятие2 = значение2). Доля субъективизма в выражении взаимодействия мыслительных понятий невелика. По замечанию А.Н. Радищева, люди «говорят говоренное и мыслят в мыслях другого» [Радищев, 1949, с. 388], потому что идут проторенными, или намеченными, путями как в мысли, так и в языке и речи. Мысль уже заложена в сознании как возможность. Она концептуализирована в понятиях и их отношениях. Она объективирована так или иначе (не в чистом виде!) в языковых значениях и категориях. Она становится «действительной» в речи.

Продолжая когнитологическое осмысление проблемы, считаем необходимым говорить об устоявшейся логике отношений между мыслительными понятиями, с одной стороны, и между мыслительными понятиями и языковыми значениями – с другой. О логике мысли следует вести речь в том случае, когда проводится анализ взаимодействия мыслительных концептов. Это не есть формальная логика и не есть гносеология. О грамматике мысли можно говорить в случае концептуально-семантических отношений. Логика мысли и грамматика мысли в совокупности представляют собой мышление на языке. Логика и грамматика мысли сопряжены с категориями количества, качества, модальности, причинности и др., которые С. Булгаков видит в формах глагола. Нужно заметить в этой связи, что все основные диалектические категории, выделенные еще Аристотелем, а именно: предмет, качество, количество, отношение, пространство, время – не существуют в сознании в «чистом», обособленном, автономном виде. Они обуславливают наличие друг друга, синтезируются, сопрягаются. Например, предметы мыслятся в пространстве, во времени, в отношении, в связи с количеством, с другими предметами, ср.: «Снег» – *на земле, в поле; зимой; падает, сгребать;*

сугробы, много снегу; снег на крыше. Приписывать данные диалектические категории только одной части речи, а именно глаголу, было бы неправомерно.

С. Булгаков не склонен подменять языковые категории категориями формальной логики. По мнению философа, не следует ей передоверяться: «Логика учит не мышлению, как наивно думают иные, а лишь предостерегает от формальных заблуждений» (с. 115). Таким образом, формальная логика – это не логика мышления на языке, которая строится на манипуляции вышеназванными диалектическими категориями.

Воздействующая, созидательная сила слова демонстрируется С. Булгаковым на примере известного текста из Библии, который он приводит на греческом языке: «В начале было слово – ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος» (с. 123). Следует еще раз подчеркнуть, что в оригинальной цитате речь идет не о слове, а о логосе, ср.: «В начале был логос» (с. 123). Однако если в Священном Писании речь идет о *слове*, то подразумевается не простое слово как единство звука и значения (прообраза мысли), хотя и в звуке можно усмотреть действие, дело, а *слово-мысль, слово-дело, слово-вещь*. Озвучивание слова неотделимо ни от мысли (значения), ни от дела (процесса материализации мысли), ни от *вещи* (материализованной мысли, предметного результата)! «Озвучивает» слово, конечно, Бог. Он оживляет синтетические части слова (= вычленяет из словесного целого его части) и воплощает их в конкретный результат – в вещный мир.

Анализируя проблему глубины восприятия поэтических и художественных произведений, философ указывает на различия в понимании слов и мыслей (с. 145). В этой связи возникают вопросы о том, что значит понимать слова и что значит понимать мысли. На эти вопросы когитология может дать следующие ответы:

понимать слово = (а) знать, что оно обозначает (какой предмет называет и какое понятие об этом предмете представляет); (б) знать, что выражает слово в речи,

понимать мысль = (а) знать, какой (коммуникативный) смысл наслаивается на мыслительное понятие в процессе мыслевыражения с помощью слова; (б) знать, с какими мыслительными понятиями соотносится дан-

ное понятие и какой смысловой результат порождает это взаимодействие.

Заключение

Итак, имя-слово, по С. Булгакову, имплицитно суждение. Внешнее слово – это материальное проявление «внутреннего слова» (оболочки мысли) в форме различных частей речи. Звуковое слово (речеслово) представляет собой синтез имени и мысли, имени и вещи, и в этом понимании оно родственно интегративному понятию греческого *логоса*, объединяющего слово, мысль, дело и вещь.

Отвечая на вопрос об устройстве языка, С. Булгаков подводит нас к пониманию языка как системы, организованной по природным, независимым от человека законам. Человек открывает, выводит закон из природы, а не придумывает его. Все стандартные и метафорические сочетания слов уже потенциально существуют в языке, а сюжеты для художественных произведений интуитивно выводятся авторами из того, что было или будет когда-то и где-то.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ При цитировании источника в круглых скобках указываются только страницы по этому изданию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский Л. С., 1934. Мышление и речь: психологические исследования. М. ; Л. : Соцэргиз. 324 с.
 Радищев А. Н., 1949. Избранные философские сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит. 552 с.
 Фефилов А. И., 2004. Основы когитологии : монография. Ульяновск : УлГУ. 216 с.
 Фефилов А. И., 2010. Когитология : монография. Ульяновск : УлГУ. 405 с.
 Фефилов А. И., 2012. Лингвокогитология : монография. Ульяновск : УлГУ. 210 с.
 Brugmann K., 1904. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg : Trübner. 777 S.
 Cassirer E., 2001. Gesammelte Werke. Bd. 11. Philosophie der symbolischen Formen / hrsg. von Birgit Recki. Hamburg : Meiner. XII, 330 S.

- Die Grenzen der Sprache. Sprachimmanenz – Sprachtranszendenz, 1998 / hrsg. von Ch. Asmuth, F. Glauner, B. Mojsisch. Amsterdam ; Philadelphia : Grüner. 414 S.
- Frege G., 2001. *Schriften zur Logik und Sprachphilosophie: Aus dem Nachlass*. Hamburg : Felix Meiner Verlag. 217 S.
- Heidegger M., 1960. *Unterwegs zur Sprache*. Tübingen : Verlag Günter Neske. 270 S.
- Humboldt W. von., 2003. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Über die Sprache*. Wiesbaden : Fourier. 571 S.
- Roth J. 2004. *Methodologie und Ideologie des Konzepts der Sprachwissenschaft. Fachgeschichtliche und systematische Aspekte einer soziologischen Theorie der Sprache bei Leo Weisgerber : Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie*. Frankfurt am Main. 531 S.
- Schmidt W., 1986. *Lexikalische und aktuelle Bedeutung*. Berlin : Akademie-Verlag. 130 S.

ИСТОЧНИК

- Булгаков С. Н. *Философия имени*. Париж : YMCA-PRESS, 1953. 280 с.

REFERENCES

- Vygotskiy L.S., 1934. *Myshlenie i rech: psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and Speech: psychological research]. Moscow, Leningrad, Sotsekiz. 324 p.
- Radishchev A.N., 1949. *Izbrannye filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Gospolitizdat Publ. 552 p.
- Fefilov A. I., 2004. *Osnovy kogitologii. Monografiya* [Fundamentals of Cogitology. Monograph]. Ulyanovsk, UIGU. 216 p.
- Fefilov A. I., 2012. *Lingvokogitologiya* [Linguocogitology]. Ulyanovsk, UIGU. 210 p.
- Brugmann K., 1904. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen* [Short comparative grammar of the Indo-European

languages Short comparative grammar of the Indo-European languages]. Straßburg, Trübner. 777 p.

- Cassirer E., 2001. *Gesammelte Werke*. Von Birgit Recki (Hrsg.). Bd. 11. Philosophie der symbolischen Formen [Collected Works. Birgit Recki (ed.). Vol. 11. Philosophy of symbolic forms]. Hamburg, Meiner. XII, 330 p.
- Die Grenzen der Sprache, 1998. *Die Grenzen der Sprache. Sprachimmanenz - Sprachtranszendenz* [The limits of language. The language immanence of language – transcendence], von Christoph Asmuth (ed.). Amsterdam; Philadelphia, Grüner. 414 p.
- Frege G., 2001. *Schriften zur Logik und Sprachphilosophie: Aus dem Nachlass* [Writings on logic and philosophy of language: from the estate]. Hamburg, Meiner Publ. 217 p.
- Heidegger M., 1960. *Unterwegs zur Sprache* [On the way to the language]. Tübingen, Günter Neske Publ. 270 p.
- Humboldt W. von., 2003. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Über die Sprache*. [On the diversity of the human language structure and its influence on the spiritual development of the human race. About the language]. Wiesbaden, Fourier. 571 p.
- Roth J., 2004. *Methodologie und Ideologie des Konzepts der Sprachwissenschaft. Fachgeschichtliche und systematische Aspekte einer soziologischen Theorie der Sprache bei Leo Weisgerber. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie* [Methodology and ideology of the concept of linguistics. A sociological theory of language by Leo Weisgerber. Inaugural dissertation for obtaining the degree of Doctor of philosophy]. Frankfurt am Main. 531 p.
- Schmidt W., 1986. *Lexikalische und aktuelle Bedeutung* [Lexical and actual meaning]. Berlin, Akademie Publ. 130 p.

SOURCE

- Bulgakov S.N. *Philosophy of the Name*. Paris, YMCA-PRESS, 1953. 280 p.

Information About the Author

Alexander I. Fefilov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Dean of the Department of Linguistics, Intercultural Cooperation and Professional Communication, Head of the Sub-Department of General and German Language Science, Ulyanovsk State University, L. Tolstogo St, 42, 432970 Ulyanovsk, Russia, aiffai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9922-405X>

Информация об авторе

Александр Иванович Фефилов, доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики, межкультурных связей и профессиональной коммуникации, заведующий кафедрой общего и германского языкознания, Ульяновский государственный университет, ул. Л. Толстого, 42, 432970 г. Ульяновск, Россия, aiffai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9922-405X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.16>

UDC 81'373.611
LBC 81.052.0

Submitted: 26.05.2020
Accepted: 14.09.2020

PROBLEMS ON TERMINOLOGY AND THEORETICAL DESCRIPTION OF LANGUAGE DERIVATION LEVELS

Tatiana M. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Svetlana S. Vaulina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract. The paper focuses on the system of terms used in Russian linguistics to denote the processes of language derivation. The existence of significant contradictions in their using is explained by the improper assignment of the generic term “derivation” to a separate language level – word formation. It is argued that a single-word non-attributive term should serve the purpose of nominating a concept that applies to all levels of the language. The terms denoting different varieties of derivation should include attributive characteristics, as it is in the case of terminology combination “semantic derivation”. The features of the cognitive mechanisms underlying each of the types of derivation are determined, and the degree of their relevance to the development criterion as a core meaning of the lexeme “derivation” is established. A general typology of derivational processes is proposed. The term “derivation” within this typology is used for denoting the process of secondary nominative signs formation in hyperonymic sense, which includes the semantic, morphological and graphical derivation levels. The internal classification of each of the above-mentioned levels is developed. The main differences between them are presented with the help of formalized semantic records. The belonging of semantic and morphological derivation to the system language processes is proved, while graphoderivation is described as an aside-system phenomenon based on the game deconstruction of a language sign and violation of the conventions of its homogeneous semiotic representation.

Key words: derivation, semantic derivation, word formation, semantic word formation, graphoderivation.

Citation. Shkapenko T.M., Vaulina S.S. Problems on Terminology and Theoretical Description of Language Derivation Levels. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 204-215. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.16>

УДК 81'373.611
ББК 81.052.0

Дата поступления статьи: 26.05.2020
Дата принятия статьи: 14.09.2020

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ УРОВНЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ДЕРИВАЦИИ

Татьяна Михайловна Шкапенко

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Светлана Сергеевна Ваулина

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Аннотация. В статье анализируется сложившаяся в отечественной лингвистике система терминов, используемых для обозначения процессов языковой деривации. Наличие значительных противоречий в способах терминологизации объясняется неправомерным присвоением родового термина «деривация» отдельному языковому уровню – словообразованию. Обосновывается, что однословный безатрибутивный

термин должен служить целям номинации понятия, относящегося ко всем уровням языка. Терминологизация разновидностей деривации должна включать признаковые характеристики, как это имеет место в случае сочетания «семантическая деривация». Определены особенности когнитивных механизмов, лежащих в основе каждого из типов деривации, установлена степень их релевантности критерию развития как понятию, составляющему ядро значения лексемы «деривация». Предложена общая типология деривационных процессов, в рамках которой термин «деривация» имеет общее значение процесса образования вторичных номинативных знаков, включающего семантический, морфологический и графический уровни. Разработана внутренняя классификация каждого из уровней, различия между которыми представлены с помощью формализованных семантических записей. Доказана принадлежность семантической и морфологической деривации к системным языковым процессам. Графодеривация описана как внесистемное явление, основанное на игровой деконструкции языкового знака и нарушении конвенций его гомогенной семиотической репрезентации.

Ключевые слова: деривация, семантическая деривация, словообразование, семантическое словообразование, графодеривация.

Цитирование. Шкапенко Т.М., Ваулина С.С. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 204–215. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.16>

Введение

«На рубеже XX–XXI вв. русский язык, отвечая на знаковые цивилизационные вызовы современной эпохи, демонстрирует значительный потенциал динамического развития, что проявляется прежде всего в деривационных процессах» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова, 2020, с. 5]. Активизация данных процессов осуществляется на различных языковых уровнях, в первую очередь на морфологическом (возникновение значительного количества новых словообразовательных единиц) и на семантическом (образование новых значений лексических единиц). Теоретическое описание двух вышеуказанных уровней деривации осложняется противоречиями, существующими в области их терминологизации. Цель данной статьи – внести необходимые коррективы в категориально-понятийный аппарат формирующейся науки «дериватология» и разработать типологию деривационных уровней с учетом специфики когнитивных механизмов, лежащих в основе трансформации языковых знаков, и характера образуемых дериватов.

Материал и методы исследования

Теоретико-методологической базой исследования послужили фундаментальные труды в области лингвосемиотики и семантики [Апресян, 1974; Карцевский, 1965; Колесов, 2002; и др.], дериватологии, семантической

деривации и словообразования [Голев, 1998; Зализняк, 2001; Кубрякова, 1990; Марков 1981; и др.]. При анализе противоречий в области категориально-понятийного аппарата дериватологии в качестве логико-философской основы использовались восходящие к Аристотелю положения о классическом способе определения понятий через род и видовое отличие (*definitio per genus proximum et differentiam specificam*). В процессе типологического описания различных уровней деривации применялись семантико-когнитивный анализ и принципы формализации его результатов в виде семантических записей.

Материалом исследования послужили научные монографии и статьи российских авторов, посвященные изучению проблем языковой деривации.

Результаты и обсуждение

Деривация / семантическая деривация / деривация (словообразование)

Вопрос о формах и способах преобразования языковых знаков необходимо предварить анализом понятия *деривация* в том его виде, который оно получило в лингвистических науках. Начнем с того, что в употреблении данного термина в лингвистике имеет место отчетливо выраженная асимметрия, обнаруживающаяся во взаимоотношении понятий *деривация / семантическая деривация / деривация (словообразование)*.

С одной стороны, термин *деривация* в трудах по языкознанию используется в качестве гиперонима, обозначающего процесс развития или преобразования языковых единиц любого уровня. В наиболее обобщенном виде дефиниция рассматриваемого термина была предложена Н.Д. Голевым, характеризующим деривацию как «важнейшую форму оязыковления детерминационного содержания, фундаментальный и универсальный способ представления нового на базе исходных суппозиций» [Голев, 1998, с. 65]. Инвариантная формула деривационных процессов описывается ученым как «данное плюс новое», а структура моделей, в которых они определяются, формализуется следующим образом: « $H = S + h$ », где H – содержание высшего; S – содержание, заимствованное высшим из низшего; h – прирост сложности, специфическое содержание, модификационный ингредиент [Голев, 1998, с. 65].

Изложение онтологических и гносеологических основ языковой деривации находим в известной работе С.О. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака. Языковой знак характеризуется в ней как семиологическая данность, детерминирующая направление собственной эволюции. «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [Карцевский, 1965, с. 85].

Следует заметить, что предложенное С.О. Карцевским описание механизмов эволюции знака относится к изменениям плана содержания языкового знака при сохранении неизменным плана его выражения. С.О. Карцевский пишет: «В каждый данный момент мы имеем только два звена, относящихся друг к другу как знак транспонированный,

знак в переносном смысле, к знаку “адекватному” и сохраняющихся в контакте в силу принципа *tertium comparationis*» [Карцевский 1965, с. 85]. Указание на использование знака в переносном смысле, а также включение в описание принципа *tertium comparationis* ограничивают релевантность предложенного ученым истолкования только до процессов приобретения знаком переносного значения, то есть до семантической деривации.

Несмотря на то что изучение семантических преобразований слова имеет многолетнюю традицию, термин *семантическая деривация* был введен в лингвистический обиход со значительным опозданием. Его спорадическое использование отмечается в работах с 80-х гг. XX столетия [Шмелев, 1973, с. 191; Апресян, 1974, с. 175, 187], где он употребляется в основном для характеристики отношений производности между значениями слова, именуемыми Д.Н. Шмелевым «эпидигматическими». Регулярное использование сочетания *семантическая деривация* в работах отечественных лингвистов начинается с 90-х гг. [Кустова, Падучева, 1994; Кустова, 1998; Никитин 1996; и др.]. М.В. Никитин определяет содержание данного понятия как образование производных значений от исходных без изменения формы знаков, которое совершается по моделям семантической деривации – метафорической, метонимической, гипонимической [Никитин, 1996, с. 375].

Анна А. Зализняк объясняет все большее распространение термина свойственным его семантике комбинированием процессуальности и результативности: «Данный термин является, по-видимому, наиболее удачным – в частности потому, что ценой довольно незначительного насилия он может быть применен не только к процессу, но и к результату, т. е. к конкретным фактам семантических переходов, каждый из которых может быть назван “семантической деривацией”. Этот термин удобен еще и потому, что он указывает на производность, не уточняя ее природы, тем самым он в равной мере применим как к синхронии, так и к диахронии» [Зализняк, 2001, с. 13].

Релевантность термина для именованного какого-либо процесса или явления определяется его соотношением с первичным значе-

нием в языке-доноре. Этимологический анализ слова *деривация* свидетельствует о частичной его предрасположенности к обозначению процессов развития, изменения, преобразования или эволюции. Изначально слово *деривация* (от лат. *derivatio*) имело значение «отведение, отклонение» (ССИС, с. 190), что послужило основой для возникновения узкоспециализированных значений в точных науках: «отвод воды из реки, водохранилища или другого водоема для целей судоходства, орошения, транспортировки воды к гидроэлектростанции или насосной станции» в гидротехнике (ССИС, с. 190), «метод движения одной функции от другой на основе постоянных коэффициентов» в математике (ССИС, с. 190), «боковое отклонение вращающегося при полете снаряда, пули от плоскости бросания» (ЭС, с. 323). Как видим, во всех терминопотреблениях реализуется общая сема «движение в сторону», и только в лингвистическом дискурсе профессиональный ученый-номинатор деактуализирует ее, осуществляя операцию по расширению значения, то есть подвергая само слово *деривация* семантической деривации.

Несмотря на отмеченную Анной А. Зализняк удачность терминосочетания *семантическая деривация*, оно долгое время оставалось и продолжает оставаться в тени термина *деривация*, используемого для обозначения процессов словообразования. Е.С. Кубрякова отмечает, что «образование новых слов (с помощью формальных средств) нередко именуется также деривацией, производные же и сложные слова как результаты процесса деривации обозначаются тогда общим термином “дериваты”. В зарубежной лингвистике существует тенденция приравнивать словообразование к деривационной морфологии как учению о формальных свойствах дериватов и реализующих их морфологических структурах» [Кубрякова, 1990, с. 468]. По мнению Е.С. Кубряковой, данное «уравнивание» типично только для зарубежной лингвистики. Однако следует признать, что оно не в меньшей степени характерно и для русского языковедческого дискурса. Практически все толковые словари русского языка приводят в качестве одного из значений слова *деривация* «словообразование», причем многие

лексикографы именно его ставят на первое место. Например:

Деривация, ж. Образование новых слов аффиксальным или безаффиксным способом; словообразование (в лингвистике) (НСРЯ, с. 276).

В качестве синонимичных термины *словообразование* и *деривация* используются и в многочисленных работах отечественных лингвистов. Данная «узурпация» словообразованием общего термина *деривация* сама по себе содержит категориальную ошибку. Если термин претендует на роль родового понятия (*genus proximum*), относящегося к процессу преобразования языковых единиц всех уровней, то в наименованиях его подвидов должна присутствовать атрибутивная характеристика, определяющая специфику каждого из них (*differentia specifica*). Данное видовое различие имеет место в терминосочетании *семантическая деривация*, однако отсутствует в терминологическом обозначении морфологических способов деривации.

Вышеуказанная логическая ошибка, или номинативный промах, отчасти может быть объяснена хронологией опережающего присвоения словообразованию родового термина *деривация*. Уже в 1936 г., выступая на Копенгагенском лингвистическом конгрессе, Е. Курилович не только вводит понятия лексической и синтаксической деривации, но и отмечает равенство терминов *деривация* и *лексическая деривация*: «Теперь нетрудно понять, чем отличается синтаксическая деривация от того, что называют лексической деривацией, или короче – деривацией» [Курилович, 1962, с. 62].

До возникновения потребности в обозначении с помощью данного термина процесса семантического развития языкового знака, а также появления осознания процесса деривации как многоуровневого языкового явления, «приватизация» словообразованием общего родового термина не вызвала особых проблем и противоречий. В новых условиях все настойчивее обнаруживают себя вопросы о правомочности употребления родового наименования *деривация* по отношению только к одной ее языковой разновидности, о необходимости терминологической коррекции или по крайней мере осознания логической дисфунк-

циональности, которая возникает при отнесении общей, родовой терминологии только к одному уровню развития языка. Отметим, что даже в тех работах, авторы которых эксплицитным образом указывают на наличие гиперонимического понимания деривации, ощущается сила инерции, в соответствии с которой «законное право» на использование термина принадлежит именно словообразованию. Так, представитель Казанской лингвистической школы (далее – КЛШ) Г.А. Николаев указывает, что деривационная система языка представляет собой межуровневое явление, что «деривационный аспект может быть применен к явлениям любого языкового яруса, однако основной сферой его применения является сфера двусторонних языковых единиц: слов, словоформ, словосоединений (словосочетаний, предложений). Таким образом, устанавливается деривационная система лексики (словообразование), морфологии (формообразование), синтаксиса (образование вторичных синтаксических единиц)» [Николаев, 2007, с. 11].

Как следует из высказывания, область семантической деривации к числу основных сфер динамических изменений отнесена не была¹. Из этого и других многочисленных примеров можно сделать вывод, что давно свершившийся акт канонизации словообразования в качестве эквивалента *деривации* препятствует пониманию термина в более широком значении, рождая тем самым проблемы в выстраивании отношений внутри категориально-понятийного аппарата общей дериватологии как важнейшей области диахронно-синхронного языкознания.

**Словообразование
и семантическая деривация:
степень релевантности терминов**

Как было показано выше, в процессе семантической деривации анализируемый нами лингвистический термин лишился смыслов «движение в сторону», или «отклонение», и стал использоваться для обозначения общего процесса развития языковых элементов. Толковые словари фиксируют у слова *развитие* следующее значение: «процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния

в другое, новое; постепенный переход от старого состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему» (ТСРЯ, с. 791). В философском словаре развитие определяется как «поступательное движение, эволюция, переход от одного состояния к др. Р. противопоставляется “творению”, “взрыву”, появлению из ничего» (ФС, с. 836). В.В. Колесов характеризует развитие как «развертывание в определенном направлении заданных системой импульсов, экспликацию качеств, которые определены началом и обеспечивают поступательный ход изменений» [Колесов, 2002, с. 97].

Прилагая данные толкования «развития» к двум зафиксированным практикой лингвистического дискурса референтным областям – словообразованию (деривации) и семантической деривации, обнаруживаем, что именно последнее в наибольшей степени вписывается в алгоритм поступательного движения. Независимо от способа формирования полисемии, смысл нового лексико-семантического варианта проистекает из исходного, или уже развившегося на его основе значения. В то же время процесс словообразования, носящий имя деривации, в сущности, лишен элементов поступательного, эволюционного развития.

Как известно, под словообразованием понимается «образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ (баз) данного языка в разных комбинациях по определенным моделям, включающим правила чередования звуков, определяющим тот или иной характер соединения и т.п.» (СЛТ, с. 424). Е.С. Кубрякова характеризует словообразование как «образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств» [Кубрякова, 1990, с. 467]. При любом истолковании речь идет об *образовании* производных слов, но не о процессе поступательного развития языковых знаков. С когнитивной точки зрения акт словообразования интенционален и одномоментен и представляет собой чаще всего операцию по комбинаторике смыслов, содержащихся в морфологических компонентах. В процес-

се словостроительства отсутствует базовое для деривационных процессов свойство континуальности. Здесь нет единого объекта развития, в котором на старое содержание накладывается новое, здесь имеет место процесс парадигматического сложения морфосемантических компонентов с целью создания новой языковой единицы.

Объекты словопроизводства разделяются формально и семантически, ни один из них не претерпевает качественного изменения, лишь в совокупности своей они порождают новый знак, производный от их общей семантики по определенным, присущим конкретному языку моделям. Порождаемые при этом дериваты вряд ли можно описать как результат эволюции входящих в их состав компонентов. Элемент насильственности описания комбинаторной техники словообразования в терминах деривации можно обнаружить и в грамматических формах, используемых при характеристике процесса: ученые-дериватологи пишут не о *деривации морфем*, а *деривации от морфемы*. Как указывает И.М. Некипелова, «ученые... выделяют следующие типы деривации: первичная деривация – деривация от корня, вторичная деривация – деривация от производной основы, прогрессивная деривация – аффиксация, регрессивная деривация – дезаффиксация» [Некипелова, 2011, с. 35].

Основанием для отнесения области словообразования к деривации является не механизм поступательного развития знака, а «образование новых слов (дериватов) от уже имеющих в языке (Крысин, с. 218). В то же время семантическая деривация опирается на механизм эволюционирования, при котором языковой знак проходит путь от окказиональных «инновационных» употреблений до постепенной узуализации новых смыслов и их фиксации словарями в качестве новых лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ). Заметим, что именно эволюционный характер неосемантизации знака становится онтологическим основанием для появления концепции КЛШ [Марков, 1981; 2001; Николаев, 2007; и др.], постулирующей необходимость разграничения семантической деривации как процесса и семантического словообразования как стадии его завершения и перехода на системный языковой уровень.

Семантическая деривация и семантическое словообразование

Проблемы интерпретационного характера возникают и в случае с терминоточечанием *семантическое словообразование*. Если следовать логике научной терминологизации, то атрибутивный признак должен именовать некую разновидность словообразования и дифференцировать семантическое словообразование от иных, несемантических его ипостасей. Поскольку процесс рождения слова без возникновения смысла невозможен по определению (если не принимать во внимание экспериментальных лингвопоэтических практик), то данная терминологизация порождает эффект тавтологической номинации.

Легитимизацию термина оправдывает его авторское использование представителями КЛШ во главе с профессором В.М. Марковым, доказывающими необходимость разграничения процессов деривации как актов речевого производства от его результатов как фактов перехода результатов семантического развития на уровень языковой системы [Марков, 1981; 2001]. В сущности, речь идет о том, можно ли интерпретировать уже зафиксированные словарями акты полисемии как элементы эпидигматики единой лексической единицы или же необходимо каждый раз констатировать акт возникновения нового слова.

Г.А. Николаев настаивает на единственности верной интерпретации конечных результатов семантической деривации как «семантического словопроизводства». По его мнению, «признание семантического словообразования (по формуле: сколько значений – столько слов) упраздняет феномен полисемии в принятом смысле. И с этим никак не могут согласиться традиционно мыслящие языковеды. Полисемия является в науке само собой разумеющейся истиной, не требующей доказательств. К сожалению, языковедение сильно страдает от обилия таких истин» [Николаев, 2007, с. 15]. Признание собственной беспомощности в преодолении силы научной инерции вместе с убежденностью в правоте концепции КЛШ выражается в проведении автором параллели между наивными формами категоризации мира и нежеланием признать факт образования слова каждый раз, как имеет место завершение

акта деривации. «Ссылка на само собой разумеющуюся истину при разговоре о полисемии и семантическом словообразовании напоминает профанное отнесение арбуза, огурца, дыни и т. п. к овощам, в то время как с научной точки зрения это ягоды (по типу плода)» [Николаев 2007, с. 15].

Признавая обоснованность утверждений о необязательной узуализации результатов семантических изменений языкового знака, отметим все же, что введение наряду с термином *семантическая деривация* дополнительного термина *семантическое словообразование* способно еще более усложнить проблемы терминологической дифференциации. Даже если мы отвлечемся от основной категоризационной ошибки – присвоения родового термина отдельному виду деривации, то и в этом случае возникает вопрос, насколько правомочна интерпретация нового ЛСВ как нового слова при каждой смене денотата. По мнению Г.А. Николаева, «смена денотата свидетельствует, что произошла деривация. Образованное таким путем слово становится в иной лексико-семантический ряд (ср.: нос, ухо, рот, губа и т. д. и нос, корма, бак, камбуз, каюта)» [Николаев, 2007, с. 15]. На наш взгляд, сохранение неизменным плана выражения, а также выводимость смысла семантического производного дают все основания для его характеристики в рамках полисемии или эпидигматики, а в случае распада генетических связей – для его квалификации как омонима, что и применяется в лексикографической практике.

Графодеривация как новый тип деривации языкового знака

Изменения в современной языковой ситуации, развитие частной ономаσιологической инициативы в рамках так называемого «коммерческого нейминга» привели к играм номинаторов с графическим обликом слова. В рамках теоретического описания плодов лингвокреативного бума появилось еще одно обозначение типа деривации – графодеривация. Т.В. Попова описывает сущность данного явления как «способ образования новых слов с использованием приемов графической языковой игры» [Попова, 2007, с. 230]. Согласно

Н.В. Перцову, графодеривация представляет собой широко распространенный в настоящее время «окказиональный способ словообразования, в основе которого лежит принцип нарушения и обыгрывания графо-орфографической формы слова» [Перцов, 2001, с. 216].

Наиболее полная классификация нового вида деривации была предложена Т.В. Поповой, избирающей в качестве критериев типологизации элементы, используемые с целью образования графодериватов. В соответствии с этим выделяются: монографикация (создание новообразований графическими средствами одного языка), полиграфикация (создание лексем при использовании графических средств разных языков), кодографикация (создание новообразований при помощи сегментных средств разных кодовых систем, одна из которых не является естественно-лингвистической), типографикация (создание новообразований посредством супraseгментных средств графического оформления текста) [Попова, 2013].

Несмотря на разнообразие представленных выше операций по преобразованию графической формы знака, в их основе лежит единый когнитивный механизм. Лингвокреативный номинатор выделяет в составе графического изображения слова компонент, который может быть репрезентирован средствами другого языкового или внеязыкового кода. Результатами реграфизации становится эффект эквивокации, реализуемый, однако, на материале не целостного слова, а специально выделенной в нем части. Данный механизм может быть описан как дистриктивно-компаративный, поскольку операция выделения сегмента, содержащего в себе потенциал графической деривации, связана с его одновременным сопоставлением с альтернативными семиотическими средствами репрезентации.

Примечательно, что и в случае графодериватов продолжает довлеть сила терминологической инерции, в соответствии с которой графодеривация рассматривается как синоним словообразования. В отдельных работах встречаем термин *графическое словообразование*, а один из исследователей так называемых графических дериватов предпринимает попытку анализа соотношения графодериватов и слов, словосочетаний, фразеоло-

гизмов или высказываний [Пучина, 2013]. Неожиданность графодеривата слову объясняется А.С. Пучиной на примере рекламного наименования магазина «НаСТОЯЩИЕ джинсы». По мнению исследователя, вмещающая в себя значение «имеющий ценность, заслуживающий внимания», графодериват является более емкой в структурном и в смысловом планах, нежели слово, единицей. Последовательное сравнение с указанными выше единицами приводит автора к релятивному выводу о том, что «графодериваты трудно отнести к какому-либо уровню речи, однако наиболее близки они словообразовательному уровню» [Пучина, 2013, с. 103].

Утверждения о смысловом «превосходстве» искусственного деривата над словом как единицей естественного языка, а также о близости графодеривации к словообразованию следует признать дискуссионными. Принимая во внимание холистичность слова как динамического единства двух его сторон, необходимо отметить, что процесс творческой графоинтерпретации представляет собой дефрагментацию слова в результате вычленения в нем отдельного элемента, подвергающегося графической ресемиотизации. В случае монографикации речь идет о процессе, обратном словосложению, об играх с «неморфологическими» компонентами слова. Эффект их креативного прочтения не результирует появлением более смыслоемкого знака, а, напротив, обращает внимание адресата на случайную, «незаконную» смысловую связь вычлененных в графическом облике слова компонентов. В рамках графодеривации имеет место интенциональная дефрагментация языкового знака, онтологически противостоящая словообразовательной комбинаторике морфем, направленной на создание системной языковой единицы.

В случае полиграфикации, использующей средства разных языков, или кодографикации, использующей средства различных семиотических систем, следует говорить о разрушении неписаных, основанных на естественной онтологии языкового знака правил фиксации звуковой оболочки слова с помощью графем, входящих в состав национального алфавита. Растущая популярность полиграфикатов в эргонимах российских городов

свидетельствует о влиянии английского языка, в то время как кодографикаты являют собой свидетельство гибридизации самого мышления современного человека, в котором иконическая составляющая занимает все большее место. В отличие от семантической и морфологической деривации, основывающихся на имманентных для языкового знака или отдельных морфем исходных суппозициях, в процессе графодеривации на первое место выходит индивидуальный языковой субъект, который реализуется в акте номинации как гибрид *homo ludens* и *homo videns*², стремясь привлечь внимание креативного потребителя.

Таким образом, будучи игровой, гетерогенной репрезентацией выделенных индивидуумом компонентов знака, графическая деривация представляет собой скорее процесс деконструкции слова, а присущая ей цель – нарушить существующие конвенции знакостроительства – по определению ставит данный процесс вне языковой системы. Эффекты графодеривационного творчества не следует относить к уровню речевой деятельности: являясь элементами коммерческого нейминга, они представляют собой особый тип «одноразовых» номинативных единиц, привлекающих своей неконвенциональностью внимание целевой аудитории.

Типология языковой деривации

Деривация есть общий, универсальный процесс образования вторичных языковых знаков, отдельные уровни которого отличаются лежащими в их основе когнитивными механизмами, целями номинативных актов, типом мотивирующих элементов и образуемых дериватов. На основе данных параметров выделяются три уровня деривации: семантическая, морфологическая и графическая. Принимая во внимание поступательный характер смысловых трансформаций, в качестве эталонного типа деривации (в соответствии с теорией лучших, или прототипических, образцов Э. Рош [Rosch, 1973]) следует признать семантическую деривацию, в рамках которой происходит постепенное изменение содержания знака при сохранении плана его выражения. В этом случае в предложенной Н.Д. Голевым общей формуле деривации ($S + h = H$) простот содержания или

модификационный ингредиент h не имеет объективированного языкового выражения. Его место занимает когнитивная операция по переводу смысла из начальной в новую форму его бытования путем переноса значения, расширения или сужения, появления дополнительных коннотаций, реаксиологизации или деаксиологизации. Получаемые на выходе структуры имеют характер неосемантов или неосемантизмов, а процесс их образования может быть формализован с помощью следующей семантической записи:

$A / b + h = A / c$, где A – план выражения; b – план содержания; h – когнитивная операция, вызывающая семантический сдвиг; c – план содержания образуемого семантического деривата.

Процесс семантической деривации детерминирован потребностью коллективного номинатора в адаптации содержания знака к изменяющимся познавательным или ценностным установкам общества.

Морфологическая деривация представляет собой процесс оперирования компонентами с целью создания новообразования из готового морфосемантического сырья. Получаемые на выходе структуры в соответствии с типом словообразовательного значения делятся на модификационные, мутационные и транспозиционные.

Формула модификационной деривации может быть описана как $A / b + C / d = AC / bd$, где A – план выражения корневой основы; b – план ее содержания; C – план выражения форманта; d – план его содержания. Получаемый результат AC / bd представляет собой линейную последовательность формальных значимостей AC , соответствующую сумме семантических значимостей bd . В случае мутационного типа словообразования формула деривации изменяется: $A / b + C / d = AC / f$, где f обозначает возникновение нового, не выводимого из суммы смыслов словообразовательных компонентов плана содержания, или значения. Формула транспозиционной деривации может быть представлена следующим образом: $A / b + C / h = AC / b(h)$, где A – план выражения корневой основы; b – план содержания; C – план выражения форманта; h – выполняемая им функция синтаксической перекатегоризации. Полученный результат

$AC / b(h)$ обозначает сохранение значения b при его переводе в другую частеречную категорию с помощью элемента h .

В основе когнитивного механизма графодеривации лежит выделение определенного компонента языкового знака, имеющего потенциал двойной интерпретации. В рамках дистинктивно-компаративных операций в качестве *tertium comparationis* могут выступать элементы других алфавитов (латиница или старокириллическое написание) либо элементы других семиотических систем. Внесистемный характер графической деривации проявляется и на уровне его семантической записи, в которой слово A в единстве его выражения и содержания подвергается произвольному разделению на компоненты b и c , один из которых получает ресемантизированное, особое представление в виде h , что может быть выражено формулой $A = bh(c)$.

Выводы

Развитие дериватологии как самостоятельной области языкознания требует внесения корректив в уже сложившийся категориально-понятийный аппарат. В соответствии с логикой терминообразования использование термина *деривация* представляется целесообразным только для обозначения родового понятия как межуровневого явления. Внутренняя классификация деривации строится на выделении разновидностей, терминологическое обозначение которых должно включать признаковые характеристики: *морфологическая деривация* (словообразование), *семантическая деривация* и *графическая деривация*. Особенности когнитивных процессов, составляющих базу для различных типов деривации, вместе с различиями в структуре соответствующих вторичных знаков свидетельствуют об онтологической и гносеологической неравноценности трех деривационных уровней. Семантическая и морфологическая деривация представляют собой системные языковые процессы, лежащие в основе перманентного поступательного развития языковой материи. Активизирующаяся в современных условиях графическая деривация должна быть охарактеризована как внесистемный феномен, основанный на механизме игровой деконструкции языкового знака.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Справедливости ради заметим, что данное игнорирование может быть объяснено характерной для КЛШ концепцией, согласно которой следует различать семантическую деривацию как процесс, не обязательно завершающийся образованием нового значения, и семантическое словообразование как уже свершившийся факт узуализации нового значения языкового знака.

² Термин введен итальянским политологом Дж. Сартори для обозначения нового типа мышления с преобладанием визуальных форм восприятия и когнитивной обработки [Sartori, 2000].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1974. Лексическая семантика. М.: Наука. 251 с.
- Голев Н. Д., 1998. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 65–84.
- Зализняк Анна А., 2001. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. № 2. С. 13–25.
- Карцевский С. О., 1965. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение. С. 85–90.
- Колесов В. В., 2002. Философия русского слова. СПб.: ЮНА. 444 с.
- Кубрякова Е. С., 1990. Словообразование // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. С. 467–469.
- Курилович Е., 1962. Очерки по лингвистике: сб. ст. М.: Изд-во иностр. лит. 446 с.
- Кустова Г. И., 1998. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. № 36. М.: Шк. «Яз. рус. культура»; Рус. слов. С. 19–40.
- Кустова Г. И., Падучева Е. В., 1994. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. № 4. С. 96–106.
- Марков В. М., 1981. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та. 29 с.
- Марков В. М., 2001. Избранные работы по русскому языку. Казань: Изд-во ДАС. 274 с.
- Некипелова И. М., 2011. К вопросу о разграничении понятий *семантическая деривация* и *семантическое словообразование* в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 2 (14). С. 33–46.
- Никитин М. В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога. 756 с.
- Николаев Г. А., 2007. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / под ред. Е. Н. Шабровой. СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ. С. 7–29.
- Николина Н. А., Рацибурская Л. В., Фатхутдинова В. Г., 2020. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 2. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>.
- Перцов Н. В., 2001. Инварианты в русском словоизменении. М.: Яз. рус. культуры. 280 с.
- Попова Т. В., 2007. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы. М.: МГУ. С. 230–231.
- Попова Т. В., 2013. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива-1 / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та. С. 147–175.
- Пучина А. С., 2013. Дериваты как особые единицы речи // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (307). Филология. Искусствоведение. С. 102–104.
- Шмелев Д. Н., 1973. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука. 280 с.
- Rosch E., 1973. Natural categories // Cognitive Psychology. Vol. 7. P. 328–350.
- Sartori C., 2000. Homo videns: Televisione e post-pensiero. Rome: Laterza. 121 p.

СЛОВАРИ

- Крысин* – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2001. 856 с.
- НСРЯ* – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2000. 1232 с.
- СЛТ* – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. 608 с.

- ССИС – Современный словарь иностранных слов / под ред. Н. М. Ланда. М. : Рус. яз., 1993. 740 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.
- ФС – Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарика, 2004. 1072 с.
- ЭС – Энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1 / гл. ред.: Б. А. Введенский (гл. ред.) [и др.]. М. : Сов. энцикл., 1963. 656 с.

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1974. *Leksicheskaya semantika* [Lexical Semantics]. Moscow, Nauka Publ. 251 p.
- Golev N.D., 1998. Derivaciya i motivaciya kak formy oyazykovlennoy determinacii: invarianty i varianty [Derivation and motivation as forms of linguistic determination: invariants and variants]. *Ocherki po lingvisticheskoy determinologii i derivatologii russkogo yazyka* [Essays on linguistic determinology and derivatology of the Russian language]. N.D. Golev (ed.). Barnaul, Izdatelstvo Altayskogo universiteta, pp. 65-84.
- Zaliznyak Anna A., 2001. Semanticheskaya derivaciya v sinhnorii i diakhnorii: proekt “Kataloga semanticheskikh perehodov” [Semantic derivation in synchrony and diachrony: a project “The Catalog of semantic shifts”]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 2, pp. 13-25.
- Karcevskiy S.O., 1965. Ob asimmetricheskom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the asymmetric dualism of a linguistic sign]. Zvegincev B.A. *Istoriya yazykoznanija XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh v 2 chastyakh* [History of linguistics of the 19th-20th centuries in essays and extracts. In 2 parts]. Moscow, Prosveschenie Publ., part 2, pp. 85-90.
- Kolesov V.V., 2002. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian word]. Saint Petersburg, YuNA. 444 p.
- Kubryakova E.S., 1990. Slovoobrazovanie [Word Formation]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar*. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, pp. 467-469.
- Kurilovich E., 1962. *Ocherki po lingvistike: sbornik statey* [Essays on linguistics: a collection of articles]. Moscow, Izdatelstvo inostrannojoy literatury. 446 p.
- Kustova G.I., 1998. Proizvodnye znacheniya s eksperiencialnoy sostavlyayushchey [Derived meanings with an experiential component]. *Semiotika i informatika*. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury”, “Russkie slovari”, no. 36, pp. 19-40.
- Kustova G.I., Paducheva E.V., 1994. Slovar kak leksicheskaya baza dannyyh [Dictionary as a lexical database]. *Voprosy yazykoznanija*, no. 4, pp. 96-106.
- Markov V.M., 1981. *O semanticheskom sposobe slovoobrazovaniya v russkom yazyke* [About the semantic method of word formation in the Russian language]. Izhevsk, Izdatelstvo Udmurtskogo universiteta. 29 p.
- Markov V.M., 1981. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works in the field of Russian language]. Kazan, DAS Publ. 274 p.
- Nekipelova I.M., 2011. K voprosu o razgranichenii ponyatij semanticheskaya derivaciya i semanticheskoe slovoobrazovanie v diahnricheskom aspekte [On demarcation and differentiation of terms “semantic derivation” and “semantic word formation” in the diachrony]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk state university journal of philology], no. 2 (14), pp. 33-46.
- Nikitin M.V., 1996. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of linguistic semantics]. Saint Petersburg, Nauchnyy centr problem dialoga. 756 p.
- Nikolaev G.A., 2007. Teoreticheskie problemy russkogo slovoobrazovaniya. Kazanskaya nauchnaya shkola [Theoretical problems of Russian word formation. Kazan scientific school]. *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya: Monografiya* [Dialect word formation, morphemics and morphonology]. E.N. Shabra (ed.). Saint Petersburg, Nauka Publ., Vologda, VGPU, pp. 7-29.
- Nikolina N.A., Raciburskaya L.V., Fatkhutdinova V.G., 2020. Novye yavleniya v sfere derivacionnykh formantov kak otrazhenie dinamiki slovoobrazovatelnoy sistemy russkogo yazyka [New Phenomena in the Sphere of Derivation Formants as Reflection of the Dynamics of the Russian Language Word-Formation System]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 5-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>.
- Percov N.V., 2001. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in Russian words inflection]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 280 p.
- Popova T.V. Grafoderivaciya v russkom slovoobrazovanii konca XX – nachala XXI v. [Graphoderivation in Russian word formation of

the end of 20th - beginning of 21st century]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost. III Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka. Trudy i materialy*. Moscow, MGU, pp. 230-231.

- Popova T.V., 2013. Kreolizovannye derivaty kak element russkoj pis'mennoj kommunikacii rubezha XX-XXI vv. [Creolized derivatives as an element of Russian written communication at the turn of the 20th -21st century]. *Lingvistika kreativa-1* [Linguistics of creativity]. T.A. Gridina (ed.), 2 ed. Ekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. P. 147-175.
- Puchina A.S., 2013. Derivaty kak osobyje edinicy rechi [Graphical derivatives as unique units of speech]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university], no. 16 (307). Filologiya. Iskusstvovedenie, pp. 102-104.
- Shmelev D.N., 1973. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow, Nauka Publ. 280 p.
- Rosch E., 1973. Natural categories. *Cognitive Psychology*. Elsevier. Vol. 7, pp. 328-350.
- Sartori C., 2000. *Homo videns: Televisione e post-pensiero* [Homo videns: television and post-thought], Rome, Laterza. 121 p.

DICTIONARIES

- Krysin L.P. *Tolkovyy slovar inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001. 856 p.
- Efremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* [New dictionary of the Russian language. Interpretative and word-forming. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1232 p.
- Ahmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1969. 608 p.
- Sovremennyy slovar inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1993. 740 p.
- Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow., Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.
- Filosofiya: Enciklopedicheskiy slovar* [Philosophy. Encyclopaedic dictionary]. A.A. Ivin (ed.). Moscow, Gardariki Publ., 2004. 1072 p.
- Enciklopedicheskiy slovar: v 2 t.* [Encyclopaedic dictionary: in 2 vol]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1963. T. 1. 656 p.

Information About the Authors

Tatiana M. Shkapenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Aleksandra Nevskogo St, 14, 236041 Kaliningrad, Russia, tshkapenko@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6892-4205>

Svetlana S. Vaulina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Aleksandra Nevskogo St, 14, 236041 Kaliningrad, Russia, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Информация об авторах

Татьяна Михайловна Шкапенко, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. Александра Невского, 14, 236041 г. Калининград, Россия, tshkapenko@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6892-4205>

Светлана Сергеевна Ваулина, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. Александра Невского, 14, 236041 г. Калининград, Россия, svaulina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7109-2836>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2021 года 1920 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2021 is 1920.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

